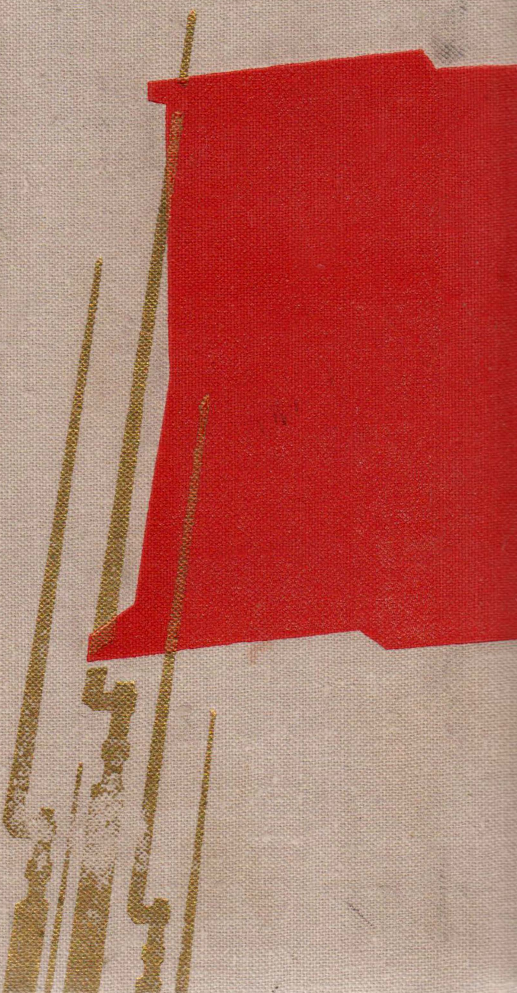
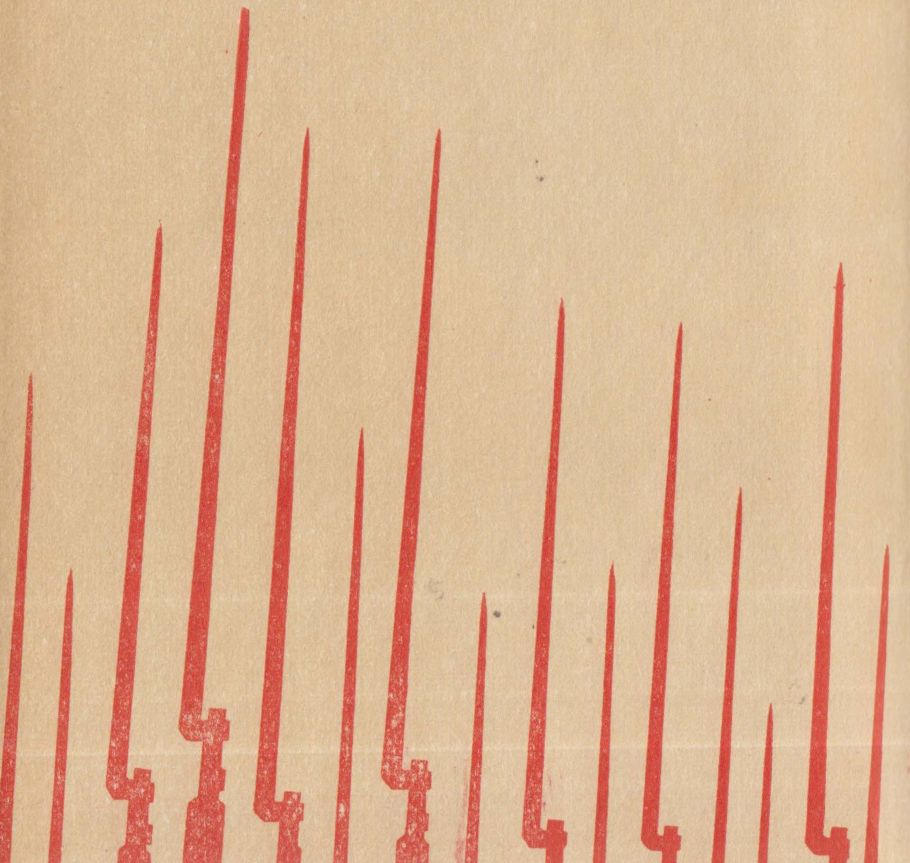
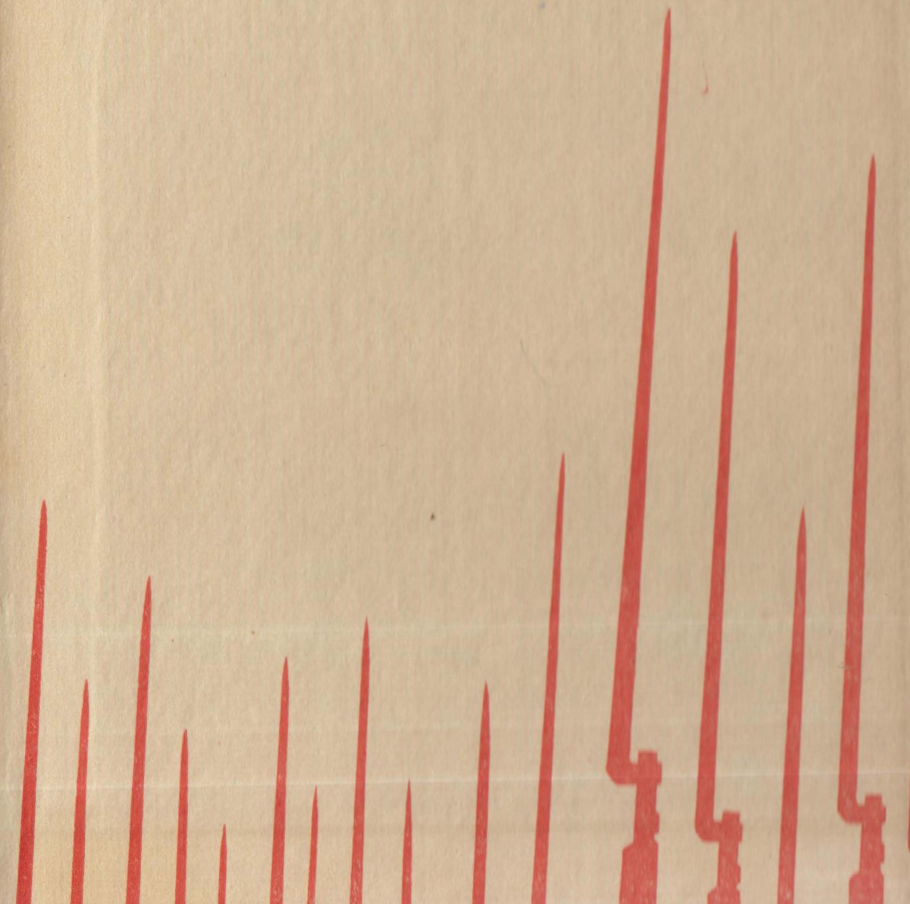
ОТ ЗИМНЕГО ДО ПЕРЕКОПА







ОТ ЗИМНЕГО ДО ПЕРЕКОПА

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1978

9(С)22
0-80

Составители:
К. М. Белоцкий, В. Т. Сухоруков

О $\frac{11202\text{-}041}{068(02)\text{-}78}$ 60-78

© Воениздат, 1978.

А. Ф. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ

НА ПОМОЩЬ ВОССТАВШЕЙ МОСКВЕ

Когда утром 21 октября 1917 года связная принесла мне, тогда комиссару гвардии гренадерского полка, мандат Военно-революционного комитета Петроградского Совета, я понял, что недалек день вооруженного восстания.

В то время Петроградский Совет через партийные большевистские организации в частях гарнизона проводил огромную работу среди солдат, стремясь обеспечить их активное участие в вооруженном восстании на своей стороне.

Через два дня стало ясно, что войска Петроградского гарнизона пошли за большевиками. Защищать Временное правительство в Зимний дворец явились лишь подразделения юнкеров, прапорщиков да небольшой отряд казаков. Собрав сведения, поступившие ко мне от разведчиков, я подсчитал количество защитников Зимнего дворца. Цифры эти взяты из записной книжки, сохранившейся с того времени. Вот они: 1) два отделения Михайловского артиллерийского училища — 68 человек; 2) около 700 юнкеров 2-й и 3-й Петергофских школ прапорщиков; 3) 55 юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков; 4) три роты (около 500 человек) Гатчинской школы прапорщиков Северного фронта; 5) 200 человек женского ударного батальона; 6) 200 казаков. Всего, по моим расчетам, выходило около двух тысяч человек. Превосходство в силах и средствах было на нашей стороне, и Петроградский Совет приступил к активным действиям.

Я все время держал тесную связь с Военно-революционным комитетом и следил за ходом штурма Зимнего дворца...

Помню, уже начинало темнеть, когда раздался первый пушечный выстрел. Это холостым зарядом ударило кормовое орудие «Авроры», вошедшей в устье Невы и бросившей якорь напротив Зимнего дворца. Вслед за пушечным выстрелом раздались треск пулеметов, винтовочные хлопки. По-видимому, начался штурм Зимнего.

Я тотчас же поспешил в полковой комитет и отправил связного к штабс-капитану Дзевалтовскому, который был одним из руководителей штурма Зимнего дворца. Дзевалтовский, недавно прибывший с фронта, служил ранее в нашем полку и потому поддерживал связь с полковым комитетом.

Связному я приказал узнать у Дзевалтовского, как идет штурм и не нужна ли ему помощь. Одновременно я распорядился держать полк в полной боевой готовности.

Связной вскоре возвратился и сообщил, что все обстоит благополучно, что защитники Зимнего дворца постепенно сдаются и что он направляет к нам первую группу пленных — женщин.

Вскоре колонна пленных, окруженная конвоем, вступила в расположение гренадерского полка. Я впервые видел женщин-ударниц и потому с особенным интересом приглядывался к ним. В общем, они производили довольно-таки жалкое впечатление. По стриженым головам и обветренным лицам их можно было принять за молодых низкорослых солдат. Правда, сразу же бросались в глаза маленькие ручки и так нелепо выглядевшие в обмотках полные ноги. Трем девицам, в том числе и их командиру, тотчас же сделалось плохо. Мы кое-как довели их до помещения полкового комитета, усадили на стулья и дали воды. Постепенно они пришли в себя.

— Эх, вам ли воевать! — невольно вырвалось у кого-то из наших солдат.

— Да разве мы знали, — горячо заговорила командир отряда, — нас обманом завлекли на Дворцовую площадь. Мы получили предписание явиться туда для парада, а вместо этого оказались втянутыми в какую-то войну...

В то время как в Петрограде после подавления контрреволюционных мятежей юнкеров и Керенского — Краснова прочно утвердилась Советская власть, в Мо-

скве еще продолжались бои между белогвардейскими войсками, верными Временному правительству, и отрядами Красной гвардии. Нужно было помочь нашим московским товарищам. С этой целью Петроградский Совет сформировал сводный боевой отряд, ядром которого стал 428-й Лодейнопольский полк, преданный делу революции. Этот полк стоял в Выборге и во время вооруженного восстания по указанию Петроградского Совета немедленно прибыл в столицу во главе со своим командиром полковником Потаповым. Это был едва ли не единственный командир полка, который перешел на сторону Петроградского Совета еще тогда, когда вопрос о его победе был далеко не решен. Потапов стал командиром сводного отряда. Комиссарами отряда назначили известных большевиков К. С. Еремеева, И. С. Вегера-отца. Кроме этого полка в отряд входили две артиллерийские бронированные площадки Путиловского завода с обслуживающей их командой, один или два броневых автомобиля, отряд питерской Красной гвардии и матросский отряд, который следовал в головном эшелоне. Сформирован этот отряд был матросом-большевиком Н. А. Ховриным. По указанию Военно-революционного комитета Петроградского Совета я стал начальником штаба этого отряда, сдав свою должность комиссара гвардии гренадерского полка левому эсеру прапорщику Гану. Очень не хотелось мне передавать свою должность левому эсеру. Но что было делать? В полку не было большевиков — кандидатов на эту должность, а я во что бы то ни стало должен был ехать с моряками. В отряде, кроме меня, не было ни одного боевого офицера-большевика.

Заехав перед отъездом в Смольный, я получил руководящие инструкции от Н. И. Подвойского и В. А. Антонова-Овсеенко. Последнего трудно было узнать. Ввалившиеся щеки, заострившийся нос и огромные круги под глазами свидетельствовали об огромной усталости его в эти напряженные дни.

Из Смольного я отправился на Николаевский вокзал. Там грузился в эшелоны наш отряд. Погрузка проходила очень медленно и с большими трудностями. Дело в том, что Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников — Викжель, в котором было очень много всякого рода железнодорожных чиновников

и очень мало рабочих, заявил, что в начавшейся гражданской войне он будет придерживаться нейтралитета и не допустит военных переброс ни с той, ни с другой стороны. При помощи железнодорожных рабочих мы с большим трудом собрали поездной состав, но паровоза найти не смогли. В ответ на наши категорические требования железнодорожные власти заявляли, что все паровозы в разгоне и ни одного свободного нет.

Возмущенные до последней степени, отправились мы с Н. А. Ховриным и А. Г. Железняковым к какому-то важному железнодорожному чиновнику, кажется начальнику движения. Рослые фигуры матросов, увешанные оружием, по-видимому, произвели на него сильное впечатление. Он заметно струхнул, но все же весьма мягко и пространно объяснил, что паровоза в его распоряжении не имеется.

— Довольно, наконец, дурака валять! — заревел Ховрин. — Дадите вы нам, черт возьми, паровоз или нет?

Он с такой силой ударил винтовкой об пол, что доски затрещали. У начальника движения затряслись коленки.

— Мы останемся в вашем кабинете до тех пор, пока не дадите паровоз, — заявили матросы. — А вы будете сидеть заложником.

Начальник движения заволновался, заторопился, начал звонить по телефону, вызывать каких-то подчиненных, и в результате не более чем через полчаса паровоз у нас появился. 2 ноября мы тронулись в Москву.

Боевой порядок отряда был построен следующим образом. Впереди поставили бронированные площадки Путиловского завода, потом головной ударный отряд моряков, наконец, в хвосте двигались вагоны с нашими главными силами: красногвардейцами и бойцами 428-го Лодейнопольского полка. Я разместился вместе со штабом матросского отряда. По существу, никакого правильно организованного штаба пока еще не было. Просто вокруг большевиков отряда сгруппировались наиболее передовые и активные матросы, разместившиеся вместе в одном из вагонов третьего класса, и это ядро и называло себя штабом. В состав штаба кроме меня входили организатор отряда матрос Н. А. Ховрин, ставший теперь комиссаром, известный

впоследствии народный герой матрос Анатолий Железняков, матросы Берг, Баранов, Колбин и другие товарищи, фамилии которых не сохранила, к сожалению, моя память. Настроение в нашем вагоне, да и во всем отряде, было веселым и бодрым. Помню, Баранов почти всю дорогу пел и плясал. Остальные весьма охотно и дружно поддерживали его.

Веселое настроение нисколько, однако, не помешало нам серьезно и по-деловому организовать движение эшелона. Мы с самого начала взяли под контроль работу телеграфа: на каждой станции просматривались все телеграммы, которые передавались по линии. Таким образом, мы не позволяли сообщать о нашем движении к Москве и одновременно узнавали о положении вражеских войск впереди.

Просмотром телеграмм обычно занимались наши комиссары К. С. Еремеев и И. С. Вегер. Как сейчас, представляю себе следующую картину. Поезд только что остановился. Еще пусто на платформе, никто из матросов и солдат не успел выскочить с чайником за кипятком, а по платформе уже несется Вегер в светлой офицерской шинели (он был, если не ошибаюсь, военным врачом). Его борода и огромная шевелюра седых волос развевались по ветру. За ним едва поспевал невысокий, плотный, с неизменной трубкой в зубах К. С. Еремеев. Выяснив обстановку на линии, мы долго на станции не задерживались и через пару минут двигались дальше.

Такой контроль телеграфной линии позволил нам обнаружить неизвестный бронепоезд, поспешно уходящий в сторону Москвы.

Вскоре выяснилось, что это тот самый белогвардейский бронепоезд, который участвовал в боях под Петроградом в составе войск Краснова. Предполагали, что на нем удирал бежавший из Гатчины Керенский.

Мы сейчас же дали телеграмму в Окуловку и Бологое с требованием перекрыть пути, а сами, не теряя времени, устремились за бронепоездом. Мы опасались, что он успеет прорваться в Москву и окажет помощь белогвардейцам.

Окуловка пропустила бронепоезд беспрепятственно. Он был великолепно вооружен артиллерией и пулеметами, и это произвело соответствующее впечатление.

С большим волнением подъезжали мы к Бологому. Здесь белым пришлось прорываться. Это им удалось, и бронепоезд ушел на Полоцкую ветку.

Мы двинулись вслед за ним по Полоцкой ветке. Учитывая, что можно неожиданно попасть под огонь орудий и пулеметов бронепоезда, шли медленно, с потушенными огнями. Время тянулось нестерпимо долго. В темноте очертания предметов причудливо сливались, и местность, по которой мы проезжали, казалась зловещей и фантастической. Некоторые матросы, измученные тревожным ожиданием, прилегли отдохнуть, но большинство готовились к бою. На какой-то небольшой станции мы остановились. Здесь — радостное сообщение: бронепоезд белых попал в ловушку. Отходя от станции Бологое-II и зная о погоне, белогвардейцы взорвали за собой железнодорожное полотно. А рельсы впереди бронепоезда на расстоянии двух верст были разобраны революционным гарнизоном станции Куженкино.

Попытались выяснить обстановку по телеграфу. Но, удирая от нас, белые вывели его из строя. Мы устроили небольшое совещание. Было решено, что основные силы отряда во главе с Потаповым, Вегером и Еремеевым будут находиться в резерве, а матросы двинутся вперед, войдут в соприкосновение с юнкерами и предложат им сдаться.

Приняв такое решение, прицепили паровоз в хвост состава, а в голову выдвинули две открытые платформы с установленными на каждой двумя 75-миллиметровыми морскими орудиями.

Медленно двинулись вперед. Наконец куда-то приехали. Вылезаем из вагонов. Впереди стоят наши бронированные площадки, а дальше темно и ничего не видно. В чем дело? Выясняю, что бронепоезд стоит неподалеку. Наши пытаются начать с командиром бронепоезда переговоры, но, что из этого выйдет, сказать трудно. Можно каждую минуту ожидать нападения белых.

Мы с Ховриным решаем, что стоять и ждать у вагонов не стоит. Нужно рассыпать матросов в цепь и скрытно окружить бронепоезд. Может быть, придется даже захватить его неожиданным штурмом. Зарядив винтовки, наш отряд медленно двинулся вперед. Постепенно глаза привыкают к темноте. Я начинаю различать

местность. Полотно железной дороги проходит по небольшой поляне, окруженной со всех сторон густым лесом. Я оглядываюсь на наш отряд. Что за нелепый вид! Матросы не умеют действовать как пехотинцы, а сейчас они как будто вообще не понимают сложности боевой обстановки. Идут по самому полотну группами, курят, разговаривают.

Я обращаю на это внимание товарища Ховрина:

— Так дальше невозможно. Мы идем совсем на виду беляков. Стоит заработать пулеметам, будет уничтожен весь отряд.

Ховрин со мной соглашается:

— Знаете что, товарищ Женевский, вы — боевой офицер. Примите командование отрядом. Товарищи, — продолжает Ховрин, обращаясь к матросам, которые следуют за нами, — вами будет командовать товарищ Женевский. Он боевой офицер и знает, как воевать.

Матросы останавливаются и смотрят на меня, ожидая, что я скажу. Я немедленно приказываю:

— Слушай мою команду! Прекратить разговоры и курение! Вправо и влево от полотна по линии в цепь!

Матросы растерянно стоят на месте. Они не знают, как надо рассыпаться в цепь. Вот тебе и воюй с ними! Кое-как объясняю сущность рассыпного строя, и они нехотя сворачивают с полотна направо и налево, скрываясь в кустарнике. Вздыхаю свободно. Теперь, по крайней мере, отряд не представляет такой великолепной мишени. Так мы проходим еще шагов пятьдесят. И тут некоторые матросы опять сворачивают с поляны на полотно.

— Назад! — полушепотом приказываю я.

— Да там мокро, мы уж лучше здесь пойдем.

Я взрываюсь:

— Идите там, где приказано! Или мы воюем, или мы дурака валяем! Идти кучей под пулеметный огонь мы не можем.

Матросы, ворча, сворачивают опять в кусты. «Трудно воевать с ними, — думаю я, — парни они, конечно, хорошие и храбрые, но ни дисциплины, ни элементарного знания тактики пехоты у матросов нет».

Сзади себя слышу какой-то шум. Оборачиваюсь. Матросы бегут ко мне и, захлебываясь от радости, кричат:

— Сдался! Бронепоезд сдался!

Теперь уж никакая сила не может удержать моих военморов в кустах. С радостными криками несутся они со всех сторон на полотно и скоро веселой гурьбой возвращаются к нашим вагонам. О дисциплине окончательно забыто.

В штабе я узнаю все последние новости. Оказывается, белогвардейцы откуда-то взяли, что у нас 5000 матросов, и, считая всякое сопротивление бесполезным, сдались. Между тем у нас было едва ли более 700 моряков. Позднее, увидев прекрасное вооружение бронепоезда и его мощную броню, мы, признаться, порадовались, что дело обошлось без боя. При первом же боевом столкновении наши легкие броневые площадки с морскими орудиями, конечно, сразу же были бы разбиты мощной артиллерией бронепоезда.

Радуясь захвату бронепоезда, все находившиеся в штабе были в восторженно-приподнятом настроении, шумели, обнимались. Вдруг совершенно неожиданно раздался выстрел, и один из командиров упал. Все замерли. «Измена! Предательство!» — пронеслось у меня в голове. Случайно оглянувшись, я увидел, что у одного из матросов дымится в руках револьвер. Это же заметили и остальные.

— Ты чего стреляешь? — закричали кругом.

— Да я нечаянно, — растерянно твердил матрос, ошеломленный случившимся.

— Дурак! «Нечаянно»! Ты товарища убил!

Мы бросились к командиру, но он, улыбаясь, сам поднялся нам навстречу. Оказывается, он упал нарочно, думая, что в него стреляют из окна. Пуля, к счастью, никого не задела.

В броневике оказались большие запасы оружия и боеприпасов. Матросы на радостях стали усиленно вооружаться. У каждого помимо винтовки оказалось по револьверу, на поясах появились японские штыки, многие набили карманы ручными гранатами. Это было чрезвычайно опасно, так как обращаться с трофейным оружием не все умели.

Наконец к нам в штаб привели первых пленных. Среди них было всего лишь два офицера. Остальные офицеры, в том числе и командир бронепоезда, сорвав с себя погоны, удрали в лес. Пленные с готовностью от-

вечали на все наши вопросы. Они признались, что участвовали в боях под Петроградом. Керенский обманул команду бронепоезда, убедив солдат и офицеров в том, что в столице чернь взбунтовалась и грабит город. Под Петроградом бронепоезд вначале действительно столкнулся с красногвардейцами, одетыми в штатское, но, когда показались солдатские цепи, команде все стало ясно. Она отказалась стрелять по восставшим и потребовала возвращения на фронт. Керенского, по словам пленных, в бронепоезде не было...

В Вышнем Волочке и Клину мы узнали последние московские новости. Выяснилось, что после жестоких боев войска белогвардейских мятежников капитулировали и власть перешла в руки Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. Командующим войсками Московского военного округа назначен солдат Н. И. Муралов.

...Вот наконец и долгожданная Москва. Вдали виднеются купола московских церквей. Мы прислушиваемся. Нет, никакой стрельбы не слышно. По-видимому, полученные нами сведения правильны, и в Москве бои прекратились. После недолгих переговоров с железнодорожниками наш эшелон ставят на запасные пути неподалеку от Николаевского вокзала. Еремеев и Вегер отправляются в Московский Военно-революционный комитет, а мы с Ховриным остаемся с отрядом.

Довольно быстро наши товарищи вернулись. Они побывали у Г. И. Ломова и Н. И. Муралова и получили ордер на занятие отрядом любого подходящего помещения вблизи Николаевского вокзала. Потапов со своим полком решил остаться в вагонах, следовательно, помещение нужно было найти только для матросов и красногвардейцев. Взяв с собой нескольких матросов, мы отправились на поиски. Сперва мы облюбовали какую-то школу, но оказалось, что там нашему отряду будет слишком тесно. Забрели в какой-то роскошный барский особняк, но там было много дорогих коллекций, которые надо было сохранить для народа. Наконец, усталые и измученные, набрели на вполне подходящий дом. Это был занимавший огромное трехэтажное здание у Красных ворот Институт благородных девиц. Воспитанниц в институте осталось немного, и мы решили переселить их наверх, а два нижних этажа за-

нять. Конечно, начальница института, старая дама, была страшно возмущена нашим вторжением, но мы остались непреклонны.

Вскоре подошла стройная матросская колонна. Острое словцо не запретишь, и соленых шуток по поводу нашей причастности к благородным девицам было немало. Но должен сказать, что за все время почти двухнедельного постоя у благородных девиц матросы вели себя безукоризненно...

Штаб отряда разместился в отдельной комнате, где, кроме рядами стоящих кроватей и ночных столиков возле них, никакой мебели не было.

Вечером этого же дня в помещении Московского Совета состоялось заседание Военно-революционного комитета, на котором присутствовали и делегаты от нашего отряда. Было решено задержать отряд на неопределенное время и использовать его для очистки Москвы от контрреволюционеров и анархистов. ВЧК в то время еще не было, и Совет наводил порядок своими силами.

На другой день мы получили первое задание. Нужно было произвести облаву на Хитровом рынке и повальные обыски в Большом Чернышевском переулке, где, по сведениям Военно-революционного комитета, формировалась контрреволюционная дружина. Берг с группой матросов отправился в Большой Чернышевский переулок, а я с другой группой, захватив еще и броневик, — на Хитров рынок. Вместе с моей группой пошел присланный от Муралова прапорщик Чиколлини, большевик и ответственный работник московского штаба. От Чиколлини мне стало известно, что на Хитровом рынке продается много оружия, похищенного из воинских частей во время восстания. Нужно это оружие конфисковать.

Для того чтобы успешнее провести операцию, матросы окружили Хитров рынок. Я и Чиколлини с небольшой группой матросов и броневиком двинулись к центру оцепления. Боже, какой переполох мы произвели! Разнокалиберные торговцы, оборванцы, растрепанные женщины бросились врассыпную. Некоторые в страхе носились с одного конца площади на другой, надеясь хоть где-нибудь найти лазейку, но везде натыкались на матросскую цепь. Экспансивный Чиколлини наконец не

выдержал и стал гоняться с револьвером за особенно подозрительными субъектами. Это, конечно, вызвало еще большую панику. Я кое-как успокоил Чиколлини, и мы разработали план дальнейших действий. Я остаюсь с броневиком и матросским резервом на площади — буду принимать арестованных и конфискованные вещи. Он с большей частью отряда обойдет дом за домом и произведет обыски. Так мы провели весь день.

Вначале я держал своих людей наготове, ожидая каждую минуту, что в каком-либо из домов будет оказано вооруженное сопротивление. Но время шло, Чиколлини переходил из дома в дом, а все было тихо. Наконец мне надоело стоять около броневика без дела. Я оставил старшего и вместе с матросами Чиколлини вошел в очередной дом. Мы увидели маленькие, бедные, но довольно опрятные комнатки. По углам висели неизменные образа с теплящимися перед ними лампадками. На окнах цвела герань. Вдоль стен стояли кровати с пуховичками и подушками, тесно прижимаясь к каким-то незатейливым пузатым комодикам. Мы выдвигали ящики этого комодика, и матрос, производивший обыск, осторожно, чтобы не помять лежавшее там белье, прощупывал его содержимое. Это довольно неприятное дело, и я был рад видеть, что матросы держатся так корректно и так аккуратно производят обыск...

Никакого оружия, если не считать двух поломанных шашек да пары револьверов, мы не нашли. Или в штабе округа сведения были неправильными, или оружие было хорошо запрятано. Мы задержали лишь оборванцев без документов.

Продрогшие и усталые, вернулись мы обратно к себе в Институт благородных девиц. Там я узнал, что поход отряда также окончился неудачно: никаких следов белогвардейской организации в Большом Чернышевском переулке найти не удалось.

Вечером мы решили пойти посмотреть Москву. Несмотря на поздний час, улицы были полны нарядной публики. «Как быстро жизнь вошла в нормальную колею, — думалось мне, — давно ли здесь шли кровопролитные бои, и вот снова все настроены на мирный лад, будто ничего и не было». Особенно оживлена была Тверская: магазины ярко освещены, то и дело проносились извозчики и автомобили.

Мы зашли выпить по чашке кофе в кафе «Бом». На эстраде скрипач с чувством играл серенаду Брага, а за столиками сидели лощеные мужчины с дамами в модных платьях. «Сидите, наслаждайтесь напоследок, — невольно подумал я, — скоро пролетариат навсегда выбросит вас на свалку истории».

Очень скоро весть о прибытии в Москву революционного отряда матросов, наводящих в городе порядок, широко распространилась вокруг, и к нам потянулись всякого рода просители. То хозяин дома притесняет бедняков, то лавочник припрятал большие запасы продовольствия и не желает его продавать, то в доме богачей происходят какие-то подозрительные собрания. Часто такой проситель обращался к первому встречному матросу. Наши товарищи всегда внимательно выслушивали этих людей, помогали советами, а иногда просили разрешения у командиров сходить и на месте разобраться в том или другом происшествии. Штаб почти всегда давал согласие на такого рода проверку фактов. Конечно, этим мы вмешивались в функции Московского Совета. Но Советская власть в городе только еще укреплялась, и всякая помощь петроградского отряда принималась московскими товарищами с благодарностью.

Вскоре к нам стали обращаться за помощью даже из подмосковных уездов. То кулак притесняет крестьян, то мужики не знают, как поделить помещичью землю. Такие просьбы о помощи всегда находили живой отклик у матросов.

— Товарищ Женевский, — бывало, обращается ко мне наш товарищ, — разрешите на два дня в волость съездить и помочь крестьянам.

Рядом с ним мнется бородатый мужичок.

— Дозвольте, ваша милость, — просит он, — кулак вздохнуть мужику не дает. Не признает Советскую власть.

И мы направляли группу матросов вместе с волостным ходатаем.

Много тогда сделали для укрепления Советской власти в Москве и уездах наши люди. Благодаря неплохой по тому времени подготовке и высокой революционной

сознательности, они на местах отлично агитировали за новую жизнь.

В то же время наши матросы прекрасно понимали, что враги Советской власти еще не побеждены, что контрреволюционеры разгуливают по улицам, а в тайниках готовят против нас оружие, надеясь при первом удобном случае нанести внезапный удар революции. Ненависть матросов к буржуазии была велика. Особенно ненавидел врагов Советской власти уже известный читателю матрос Берг. Коренастый, с могучими руками и сильным низким голосом, за который его прозвали Иерихонская Труба, он томился в бездействии. И вот Бергу пришла идея устроить грандиозный матросский митинг в центре буржуазного квартала, на Театральной площади. Эта идея захватила его.

— Пусть буржуи посмотрят на матросов, какие они есть, — раскатисто смеясь, басил он, расправляя свои могучие плечи.

— Что же ты скажешь им там? — спрашивали его любопытствующие.

— Я им прямо скажу, что буду их расстреливать, если они пойдут против Советской власти, — не задумываясь, отвечал Берг.

Однако не следует думать, что Берг был жестоким человеком. Несмотря на свою грозную наружность и крепкие выражения, он был простым и добрым парнем. Кроме того, иногда в своих выступлениях он становился подлинным поэтом. Вот и на митинге Берг говорил о значении Великого Октября, о прекрасной жизни, которую он несет рабочим и крестьянам. Правда, досталось от него крепко саботажникам из интеллигенции.

Вскоре после митинга на Театральной, который получил название «митинга моряков», в Московском Военно-революционном комитете решался вопрос о дальнейшей судьбе нашего отряда. Председательствовал Муралов. От морского отряда были Вегер, Еремеев, Раскольников и я. Из работников штаба присутствовали Аросев, Мандельштам, Чиколлини и ряд других товарищей. Наш отряд было решено отправить на юг для борьбы с белоказаками Каледина. Но решающее слово оставалось за Петроградом, и для получения конкретных указаний в столицу поехали комиссары Вегер и Еремеев.

Вслед за комиссарами в Питер вскоре отбыл и отряд полковника Потапова.

Наконец мы получили по прямому проводу первые распоряжения из Петрограда от В. А. Антонова-Овсеенко. С более подробными инструкциями через несколько дней прибыл член Петроградского Военно-революционного комитета прапорщик Павлуновский. Наш отряд должен был отправиться в Донецкий угольный бассейн, а затем и дальше — на Дон. Одновременно отряду поручалось организовать на местах Советы рабочих и солдатских депутатов. Прапорщик Павлуновский был прикомандирован к нам с мандатом комиссара от Военно-революционного комитета. Получив эти распоряжения, мы стали собираться в дорогу.

Прежде всего нужно было позаботиться об увеличении численности отряда. Начались переговоры с Н. И. Мураловым, в результате которых мы были усилены артиллерийской батареей, прожекторной командой, отрядом Красной гвардии и Московской школой прапорщиков. Товарищ Муралов, заметив наше удивление при упоминании о последней, объяснил, что эта школа комплектовалась исключительно георгиевскими кавалерами, независимо от их образования. Во время московских боев она не выступала против Военно-революционного комитета и одной из первых признала власть Московского Совета. Муралов хотел теперь на деле испытать лояльность личного состава школы.

Настало время провести полные перевыборы всего командного состава. Матросы и солдаты собрались в большом актовом зале. Настроение у присутствующих было великолепное. Все радовались предстоящему выступлению. После информации Павлуновского о предстоящем походе отряд приступил к выбору командиров. В то время их выбирали открытым голосованием. Мы даже не задавались вопросом, правильно это или нет.

Тон на собрании задавали матросы. Они были политически сознательнее и более сплочены. Поэтому начальником отряда был единогласно избран матрос Ховрин. Остальные командные должности распределились так: начальником штаба отряда был избран я, адъютантом штаба — матрос Анатолий Железняков, командиром стрелков — начальник школы прапорщиков

капитан Скавронский, начальником артиллерии — московский поручик Хрусцевич, начальником бронепоезда — моряк, если не ошибаюсь, кондуктор флота Годлевский, начальником снабжения — солдат Толкачев.

О вновь избранных командирах хочу сказать несколько слов. Беспартийного капитана Скавронского, симпатичного пожилого офицера, нам рекомендовали московские товарищи. Поручик Хрусцевич, называвший себя большевиком, был командиром батареи, которая влилась в наш отряд, и мы своим избранием только утвердили его в должности, которую он фактически занимал. Хороший артиллерист Годлевский командовал бронепоездом со дня его захвата. Но вот почему начальником снабжения избрали солдата Толкачева, я сказать не могу. Как будто он сам выдвинул свою кандидатуру. Он был большевиком, с большой горячностью выступал на митингах, и, вероятно, общее собрание, не имея никакой другой кандидатуры, согласилось с этим предложением и назначило его начальником снабжения. Прапорщика Павлуновского утвердили в должности комиссара отряда, хотя никто не отдавал себе ясного отчета в том, что будет делать комиссар при начальнике отряда, который сам был большевиком. Впрочем, такая неопределенность обязанностей нисколько не помешала нашей дальнейшей работе. Мы быстро подружились и прекрасно справлялись со всеми делами отряда. Много значило, что начальником отряда стал такой умный и славный товарищ, как матрос Ховрин. Он не признавал окрика и любил сам, прежде чем принять решение, обсудить его с товарищами. Со всеми матросами, солдатами и красногвардейцами отряда он был неизменно прост и внимателен.

Мы стали спешно готовиться к отправке на юг. Начальник снабжения оказался очень энергичным и хозяйственным человеком. Он набрал такое количество консервов и всякого другого продовольствия, что его с избытком хватило бы на несколько месяцев. За бельем и обмундированием я сам отправился на Ходынские склады и привез все на наших огромных грузовиках. Некоторые сложности возникли при получении денег. Муралов написал мне записку в казначейство на получение двадцати тысяч рублей. Банковские чиновники

отказались выдать мне эту сумму. Пришлось пригрозить им, что к казначейству подойдет весь отряд. Я тотчас получил деньги и смог выдать из них небольшое жалованье нашим людям.

Что еще нам было необходимо, так это легковые автомобили. В штабе у Н. И. Муралова таких автомашин нам не дали, но выписали разрешение на реквизицию нескольких частных машин. В то время реквизиции производились очень просто. Группа вооруженных матросов выходила на оживленный перекресток и там поджидала какой-нибудь автомобиль. Когда машина подъезжала, матросы окружали ее со всех сторон и приказывали остановиться. Если автомобиль оказывался государственным, то его пропускали, а с частными владельцами разговор был короток. Пассажирам вежливо предлагалось продолжать свою дорогу пешком, а сам автомобиль, по большей части вместе с шофером, который не желал покидать машину, реквизировался. Матросам очень понравилась эта «игра», и они нареквизировали такое количество машин, что по крайней мере две трети пришлось отправить обратно владельцам. Воображаю их радость! Выбор у нас оказался большой, и мы подобрали действительно великолепные машины. Во время реквизиции автомобилей произошел инцидент, из-за которого отправка эшелонов задержалась на несколько часов. Когда мы уже погрузились, в штабной вагон влетел сияющий Берг и, волнуясь, сообщил, что ему удалось реквизировать такой роскошный автомобиль, который превосходит все, имеющиеся в нашем распоряжении. Даже из окна вагона было видно, что все, сказанное Бергом, — сущая правда. Действительно, автомобиль, реквизированный им, являл собой последнее слово техники. Мы немедленно начали грузить его в товарный вагон. Однако торжество Берга было непродолжительным. Вскоре позвонили от Н. И. Муралова и сообщили, что эта великолепная машина принадлежит бельгийскому консулу. Конечно, автомобиль пришлось немедленно возвратить.

Сборы в дорогу мы провели основательно. Для поддержания постоянной связи во всех эшелонах установили телефонную аппаратуру, и теперь, сидя в штабном вагоне, штаб мог контролировать действия всего отряда. Один телефонный аппарат был установлен на паро-

возе, и мы быстро выясняли причины любой неожиданной остановки.

Чтобы избежать всяческих препятствий со стороны Викжеля, мы добились от Главного дорожного комитета Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной казенных железных дорог специального удостоверения о том, что викжелевцам известно об отправке сводного отряда на юг.

Наконец 10 ноября 1917 года сборы были окончены и мы двинулись в путь.

С. Я. БОБИНСКИЙ

НА БАРРИКАДАХ МОСКОВСКОГО ОКТЯБРЯ

Вечером 27 октября контрреволюция в Москве перешла в наступление. На следующий день белогвардейцы захватили Кремль, центр города, кроме отрезка Тверской улицы, где на бывшей Скобелевской (ныне Советской) площади в доме генерал-губернатора разместился Московский Совет.

Таким образом, Военно-революционный комитет вместе со своими немногочисленными защитниками был окружен юнкерами и отрезан от рабочих районов.

Должен заметить, что сложившаяся ситуация для нашего командования не была неожиданной. Боевой партийный центр и ВРК, предвидя такую возможность, образовали запасной штаб, начальником которого назначили меня. Было приказано, отправившись в один из районов, сделать все возможное, чтобы связь ВРК с ними не была прервана.

Оформить это решение открыто по соображениям секретности было невозможно, и мне выдали мандат следующего содержания: «Тов. Бобинский С. Я. является начальником штаба Военно-революционного комитета г. Москва. Приказания его исполнять, как мои. Командующий Аросев».

Я отправился с несколькими товарищами выполнять приказ. Решили обосноваться в Городском районе, у Сухаревской башни. К счастью, наш штаб так и остался запасным, ибо ВРК сумел удержать в своих руках Садовую и Тверскую, вплоть до Моссовета, и таким образом связь с рабочими районами была обеспечена.

Однако запасной штаб отнюдь не оставался без дела. Я был введен в ВРК Городского района и принял активное участие в боевых действиях.

Одним из важнейших стратегических пунктов врага в Городском районе была телефонная станция в Милютинском переулке.

Многоэтажная, из камня и железа, настоящая крепость, она господствовала над окрестностями. В этом здании засели юнкера, вооруженные винтовками и пулеметами. Гарнизон периодически менялся; ему непрерывно подвозили оружие, боеприпасы и продовольствие. Юнкера укрепили все подступы к телефонной станции. Пока этот узел сопротивления оставался в руках врага, ни о каком продвижении вперед, к Лубянской площади и Кремлю, не могло быть и речи.

С боем брали красногвардейцы каждый дом и наконец окружили телефонную станцию и отрезали ее от Кремля. Но взять здание можно было лишь лобовой атакой со стороны Милютинского переулка, однако подступы здесь простреливались плотным перекрестным огнем.

Почти три дня, как говорится, ломали мы себе зубы об эту бетонную башню.

Красногвардейцы требовали артиллерийской поддержки, но ВРК не разрешал, мотивируя это тем, что это самая большая в России телефонная станция с европейским оборудованием...

Тогда я поехал в штаб на Скобелевской. Два часа уговаривал и умолял А. Я. Аросева дать мне две пушки для обстрела станции.

— Нет у нас лишних пушек.

— Я сам раздобуду у Демидова, возьму даже тяжелую.

— Нельзя.

— Дайте только разрешение. Будем деликатно обстреливать.

— Нет и нет.

Возвращаться без пушек я не мог и продолжал уговаривать Аросева. Было уже четыре часа утра. Аросев присел на диван и задремал. Тогда я написал приказ о выдаче пушек и разрешение о применении артиллерийского огня при штурме телефонной станции. Полусонный Аросев подписал.

Я помчался в Городской район. Автомобиль полз, как черепаха. Позабыл даже пригнуться на Страстной площади — этот участок обстреливался юнкерами...

Захватив с собой несколько человек в районе, я поехал в Лефортово к Демидову. Только бы поспеть к рассвету...

Прочитав приказ, Демидов развел руками:

— Пушки, милый, нет ни одной.

— Как нет? Поищи получше.

— Ладно, одну тяжелую найду. Но лошадей нет.

— Готовь пушку.

«Лошадей не достанем, — думал я, — потащим на себе. Двадцать, тридцать человек будут тащить, а дотащим».

Помчался обратно к Сухаревке. Уже начало светать. Но где же все наши? В штабе пусто...

Но вот бежит по мостовой связной:

— Товарищ Бобинский, станция взята!

Оказалось, что здорово помогла моя поездка за пушкой. Пока я упрашивал Аросева, ездил к Демидову, возвращался за подмогой, наши красногвардейцы снова подошли к станции. А так как пушка вот-вот должна была прибыть, то они начали наступление и атаковали так яростно и стремительно, что к утру юнкера не выдержали и вывесили белый флаг.

Приказ Аросева об артиллерийской поддержке так и остался у меня в кармане...

Юнкера боялись расправы над ними и потребовали при сдаче присутствия представителя Совета.

К десяти часам утра приехал на Сухаревку из ревкома всеми нами любимый Григорий Усиевич.

Отправились на машине к станции.

На Мясницкой — мертвая тишина. Дома и особенно церковь напротив Кривоколенного переулка испещрены пулями. Стекла в магазинах выбиты, осколки засыпали тротуары. Поперек улицы — окоп. Дальше нужно идти пешком.

Подходим к огромной баррикаде у самых ворот телефонной станции. Напротив нас — парламентеры. Увидев Усиевича, бросаются к нему, начинают настаивать на своих условиях.

Усиевич громким, твердым голосом отвечает:

— Оружие сдать! Гарантируем жизнь! Десять минут на раздумье...

Парламентеры согласились, и лишь один из них упрямо не хотел сдавать оружие.

Я напомнил парламентерам:

— Господа, одна минута уже прошла.

Ушли, но через несколько минут начали сдавать оружие. Наши красногвардейцы складывали его в грузовик.

Прозвучала команда: «В ряды стройся!» Наши конвойные окружили юнкеров кольцом и повели в Совет.

Отряды Красной гвардии и большевистски настроенные воинские части штурмовали Кремль.

Юнкера вынуждены были сдаться и послали парламентеров. Военно-революционный комитет согласился принять капитуляцию на выгодных для них условиях. Юнкерам была обещана полная амнистия, даны гарантии безопасности.

Красногвардейцы и революционные солдаты, знавшие о зверствах врага, не хотели и слышать о таком мире и громко высказывали свое недовольство.

Ревком решил созвать представителей частей, объяснить им обстановку и с их помощью успокоить красногвардейцев и солдат.

Вскоре представители собрались. Надо было кому-то открывать собрание. Ревком приказал выступать мне и Н. И. Муралову.

Я заявил, что являюсь противником «добреньких» условий мира, что выпущенные юнкера через неделю опять возьмут в руки оружие и что поэтому выполнить возложенную на меня миссию не смогу.

Мне еще раз повторили приказ выступать на собрании.

Что поделаешь? Пошел. Приказ Советской власти надо было выполнять.

Около тридцати представителей частей уже собрались в угловой зале на втором этаже дворца генерал-губернатора.

Поздоровались. Сели. Н. И. Муралов, который только что стал командующим Московским военным округом, первым оратором упорно выставлял меня.

Пришлось выступать. Не зная, с чего начать выступление, я неожиданно для себя принялся разносить ненавистный мир, а заодно с ним и ревком, который его заключил. Это произвело впечатление. Представители

частей слушали с энтузиазмом и поверили мне безусловно.

Однако, исчерпав критику, я должен был выполнять порученное мне дело и откровенно сказал представителям, что ревком послал меня убеждать их вопреки моим собственным взглядам. Начал было подбирать аргументы, но они получались слабоватыми... И тогда я начал говорить, какой вред будет нанесен, если мы не исполним приказ нашей родной власти, за которую проливали кровь...

Муралов потом признался, что я здорово облегчил его задачу.

Командующий округом ответил всего на несколько вопросов. Представители армии подчинились приказу. Мне рассказывали, что многие из них действовали в частях моим же методом.

Вот так мы начали укреплять революционную дисциплину.

ОКТЯБРЬ В ХАРЬКОВЕ

1 сентября 1917 года я окончил Владимирское военное училище и был произведен в офицеры. По указанию ЦК РСДРП(б) выбрал местом службы Харьков, где стоял 30-й запасной стрелковый полк, в котором имелась большевистская партийная организация. В качестве своеобразного мандата мне было выдано удостоверение на бланке ЦК РСДРП(б) за подписью секретаря ЦК Елены Дмитриевны Стасовой в том, что я являюсь членом партии.

6 или 7 сентября я выехал к новому месту службы.

В Харькове я сразу же попал в деловую товарищескую обстановку. В полку имелась сильная большевистская организация, во главе которой стояли Михалев, Руднев, Глаголев, Верховых, Синявский, Гусаков и ряд других товарищей, пользовавшихся огромным авторитетом у солдат. Полковой комитет, председателем которого был Михалев, а заместителем его Глаголев, крепко держал полк в своих руках.

В Харьковской городской партийной организации я познакомился с ее руководителем товарищем Артемом (Ф. А. Сергеев) и другими товарищами, игравшими значительную роль в общественной жизни города. Наиболее запомнились мне Буздалин, Алексей Иванов, Рухимович, Киркиж, Кин, Лугановский, Тиняков, Покко, Сербиченко, братья Межлауки, Сурик, Судик, Магидов, Абрамов, Ульмишек, Эрде (Райхштейн), Алексей Зиновьев, Чепурнов, Данилевский, Пастер.

Никогда не забуду я и товарища Семена (Семен Шварц), обаятельнейшего человека, очень скромного, принципиального и волевого. Немногословный, внешне всегда спокойный, с постоянной хитринкой в лучистых

прищуренных глазах, Шварц при первой же встрече производил сильное впечатление своими четкими замечаниями, меткими репликами. В Харькове я неожиданно встретил знакомого мне еще по Петербургу Николая Николаевича Лебедева, работавшего тогда в «Известиях» ЦИК Украины. Бывший петербургский студент, большевик, сотрудник дореволюционной «Правды», он и на Украине делал большое дело.

В Харьков в это же время приезжали Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Г. К. Орджоникидзе, Е. Б. Бош, Н. А. Скрыпник, В. А. Антонов-Овсеенко, Ю. М. Коцюбинский, В. Х. Ауссем и ряд других товарищей.

Хорошо запомнил я и Феликса Кона, являвшегося тогда членом ППС («Левица»), но всегда выступавшего вместе с большевиками.

Харьковский гарнизон насчитывал более 30 тысяч человек. Командир 4-й запасной пехотной бригады генерал Курилко являлся начальником гарнизона. В городе были размещены 28-й (впоследствии 2-й Украинский), 29, 30, 232-й запасные пехотные полки, 1-й саперный запасной полк, 4-й артиллерийский запасной дивизион, 118-я и 124-я команды выздоравливающих, из которых 118-я насчитывала свыше 10 тысяч человек, 754-я и 755-я пешие дружины, 3-я авторота.

В первых числах октября в Харьков прибыло 29-е автоброневое отделение, а в конце ноября Центральная рада перебазировала украинизированные Чигиринский и Переяславский полки. Кроме того, в Балаклее стоял 5-й запасной кавалерийский полк, переименованный в 1-й конноказачий Украинский полк.

Настроение в гарнизоне было революционное, хотя националистическая и эсеровская пропаганда еще находила отклик в сердцах многих солдат.

3 октября состоялось общегарнизонное собрание солдат и офицеров — членов нашей партии, на котором был избран Харьковский комитет военной организации большевиков. Из его состава я запомнил Рухимовича, Руднева, Глаголева, Верховых, Устинова. На первом заседании комитета я был избран его председателем, моим заместителем стал Синявский, а секретарем Пенхальский, вольноопределяющийся 4-го артдивизиона.

Очень большое политическое и организационное значение имел подготовленный и организованный комитетом съезд представителей воинских частей Харьковского гарнизона, проходивший с 17 по 20 октября.

Съезд прошел под влиянием большевиков, что с первого же момента показали выборы президиума, предложенного нами.

Съезд принял резолюцию о передаче власти Советам, о введении рабочего контроля над производством, о передаче помещичьей земли крестьянам немедленно и без выкупа.

Заслушав доклад товарища Глаголева, съезд принял большевистскую резолюцию об оказании самой решительной поддержки созываемому в эти дни II Всероссийскому съезду Советов, который должен был решить вопрос о власти.

Начальник Харьковского гарнизона генерал Курилко в эти дни издал приказ, запрещающий воинским частям подчиняться указаниям и распоряжениям, исходящим от Советов. Приказ этот вызвал бурю негодования у солдат.

Мы приняли вызов представителя Временного правительства и ответили на него достойно.

24 октября газета «Известия Юга» писала: «По инициативе большевиков 30-го полка состоялся съезд представителей воинских частей Харьковского гарнизона. Докладчиком на съезде выступил большевик 30-го полка С. И. Петриковский. Последний приказ начальника гарнизона и другие его распоряжения, направленные на подрыв деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов, были решительно осуждены. В своем докладе С. И. Петриковский подчеркнул, что генерал Курилко последнее время предпринимал явно антиреволюционные меры. Генерал Курилко всюду, где это было возможно, ставил наиболее близких себе людей, пытался разоружить 30-й полк, вытребовал для усиления гарнизона части, находившиеся под влиянием реакционного командования. Когда же Исполнительный Комитет стал указывать на это, генерал Курилко издал приказ, воспрещающий гарнизону подчиняться своему выборному Совету. Положение таково, что необходимо выяснить, на чьей же мы стороне и кому мы подчиняемся — Курилко или Совету рабочих и солдатских депутатов».

Надо было видеть, какую обструкцию устроил съезд генералу Курилко, попытавшемуся оправдать свои действия перед делегатами. Генерал вынужден был убраться под улюлюканье и свист. Съезд потребовал отставки начальника гарнизона. Во все части поступило указание не исполнять приказов, не подтвержденных Советом.

Эти дни можно рассматривать как начало непосредственного столкновения революционных сил Харькова с представителями Временного правительства в борьбе за власть. Вспомним, как в ночь на 22 октября в Петрограде ВРК обратился с призывом к населению города и воинским частям гарнизона не исполнять приказов командования военного округа, не скрепленных подписью представителей Военно-революционного комитета. Весь ход развивавшихся революционных событий в Харькове заставил нас последовать примеру петроградских товарищей. Гарнизон был настроен настолько по-большевистски, что даже представитель 29-го автоброневого отделения, тайно вызванного в Харьков генералом Курилко для укрепления позиций правых сил, попросил на съезде слово для приветствия от имени личного состава отделения и заявил, что отделение вопреки слухам настроено революционно и против своих братьев солдат и рабочих не пойдет. А ведь в отделении было много офицеров и правых эсеров!

ВРК рекомендовал всем частям установить тесную связь с районными штабами Красной гвардии. Постоянно сотрудничали мы и с организованным в сентябре штабом Харьковской Красной гвардии, где мне пришлось работать с товарищами Пастером, Чепурновым, Озол, Покко, Шапиро, Мирошниченко, Михайленко, Барбиновым, Метик, Богдановым и другими.

Сообщение об октябрьских событиях пришло в город поздним вечером 25 октября.

Ночью меня вызвал председатель городского Совета большевиков Кин. Тогда в Совете, хотя мы не имели абсолютного большинства, председателем был избран большевик, а его заместителями — эсер и меньшевик. В эти часы товарищ Кин действовал решительно и твердо. Получив сведения о том, что в Петрограде началось вооруженное восстание, он собрал наш военный актив вместе с представителями штаба Харьковской Красной гвардии. На экстренном заседании Харьковский коми-

тет большевиков принял решение о передаче власти Советам. Бывшим в то время в Совете представителям то ли Городской думы, то ли Временного правительства товарищ Кин заявил, что народ берет власть в свои руки, а они могут убираться на все четыре стороны.

Ротой 30-го полка и несколькими красногвардейскими отрядами, поддержанными артиллерией, этой ночью были заняты Южный и Балашовский вокзалы, почта, телеграф, городская телефонная станция и выставлены усиленные посты у здания Совета. Революционно настроенные воинские части были приведены в состояние боевой готовности на случай вызова. Хозяевами города фактически стали большевики, так как подавляющее большинство частей гарнизона шло за ними. Кроме того, красногвардейские отряды районов насчитывали к октябрьским дням 2—3 тысячи человек.

Против Советской власти в городе могли выступить 29-е автоброневое отделение, находившееся под влиянием правых эсеров, контрреволюционно настроенное офицерство, стекавшееся в этот большой город с кафешантанами, публичными домами и богатыми харьковскими буржуа, которые принимали его с распростертыми объятиями.

Харьковская милиция серьезной угрозы не представляла, хотя и находилась на содержании у Временного правительства.

Украинские националистические формирования были еще немногочисленны; фактически существовал лишь 2-й Украинский полк. Командовал полком один из харьковских лидеров Центральной рады прапорщик Петренко, человек близкий к представителям Временного правительства. Однако личный состав полка сочувствовал большевикам.

Харьковские украинские буржуазные националисты в то время еще не выступали открыто против Советской власти. И мы их не рассматривали как врагов, которые выступят против нас с оружием в руках. Несколько забегая вперед, хочу напомнить, что 10 ноября, когда Харьковский Совет постановил приветствовать свержение Временного правительства и установить власть Совета Народных Комиссаров, эта резолюция была принята 120 голосами против 75, то есть боль-

шевиков, составлявших меньше половины Совета, поддержали не только левые эсеры, но и значительная часть украинских буржуазных националистов.

Итак, белогвардейцы, монархисты, крупная и мелкая буржуазия, церковники располагали в те дни в Харькове значительными силами. Кроме того, вокруг города находились опасные для революции белогвардейско-националистические центры: Чугуев, Сумы, Балаклея, Купянск, Белгород. Но все эти силы были разрознены и в какой-то мере морально подавлены единством рабочих и солдатских масс.

Весь день 26 октября революционные солдаты и красногвардейцы продолжали охранять стратегически важные пункты города. Но против нас никто не выступил.

Вечером того же дня меня и В. М. Верховых Совет направил в Петроград для установления связи с Совнаркомом, получения указаний и информации о положении дел в Харькове. Выехали мы немедленно.

Когда поезд проходил через Москву, мы услышали отзвуки боя. Красногвардейцы на вокзале рассказали нам, что юнкера выступили против Совета.

В Петроград мы приехали 29 октября, в день подавления мятежа юнкеров. Я видел последствия этой авантюры правых эсеров и меньшевиков. На улице, напротив Владимирского училища, лежали неубранные трупы детей, женщин, красногвардейцев и солдат, попавших под пулеметный огонь юнкеров. Из ворот училища выводили арестованных. Впереди, рыдая, шел начальник училища. Арестованных подводили к поданным грузовикам и отправляли в Петропавловскую крепость.

Затем мы побывали в Смольном. Издали видели В. И. Ленина. Докладывали Я. М. Свердлову, Н. В. Крыленко, В. А. Антонову-Овсеенко, Н. И. Подвойскому и ряду других товарищей о положении дел в Харькове, выступали по их просьбе в частях, а затем отправились под Гатчину громить белоказаков Краснова.

Должен сказать, что казаки Краснова — Керенского наступали довольно вяло, несмотря на поддержку ар-

тиллерии и бронепоезда. Получив отпор, они остановились, и тогда мы перешли в наступление и вскоре заняли Царское Село.

В Царском Селе я встретил своего близкого друга и товарища Бориса Занько, а также Семена Рошаля, который в то время был комиссаром при царскосельской группе войск, наступавших на Гатчину. Другая группа наших войск во главе с Павлом Дыбенко наступала на Гатчину через Красное Село. Общее командование осуществлял бывший подполковник Муравьев, впоследствии изменивший Советской власти и убитый во время ареста в Симбирске. Он в те дни считался левым эсером и сторонником Советской власти и, надо сказать, помог нам в эти первые трудные дни октябрьских боев. Офицерский состав, оставшийся в частях Петроградского гарнизона, в его присутствии как-то подтягивался и четко выполнял распоряжения, отдаваемые соответствующим командирским тоном. В штабе появились топографические карты, налаживались связь, взаимодействие между частями, без чего, конечно, успешно боевые действия вести было невозможно.

На всю жизнь я запомнил ночь, когда наша разведывательная группа, состоящая из бронемашины и грузовика с солдатами 2-го Царскосельского стрелкового полка, двигалась по узкой полоске шоссе из Царского села к Гатчине. Шел большими хлопьями мокрый снег. Окружающие поля покрылись снегом и холодно серели в мгле ненастной ночи. Было очень сыро, шоссе покрылось грязью. Двигались мы довольно медленно, так как не зажигали фары у машин. Впереди дорогу просматривали лежащие на крыльях солдаты. То и дело мы обгоняли маленькие группы вооруженных красногвардейцев, которые шли в сторону Гатчины. Когда я их останавливал и спрашивал: «Куда идете?», они отвечали: «В Гатчину, брать Керенского». Шли туда по собственной инициативе, без команды, так велик был их революционный энтузиазм! Я их останавливал и объяснял, что это безумие маленькими группами идти в темень, в неизвестность, что враг может подстерегать за каждым кустом, приказывал возвращаться в Царское Село. Большинство выполняли мое распоряжение, а некоторые отходили назад на сотню шагов и вновь поворачивали в сторону Гатчины.

Мятеж Краснова был подавлен, и мы с эшелоном балтийских моряков поспешили на помощь борющейся Москве. В Москву эшелон прибыл, когда там уже прогремели последние выстрелы. Не задерживаясь, вернулись мы в Харьков, где на собрании городской партийной организации 8 или 9 ноября доложили о результатах своей поездки. Наш отчет был опубликован в харьковской большевистской газете.

В свою очередь нам сообщили, что в последних числах октября выступили против Советской власти юнкера Чугуевского училища под руководством «вождей», бежавших из Харькова. Юнкера хотели отправиться в Москву на помощь белым. Они разгромили Чугуевский Совет, погрузились в захваченный эшелон, но так как железнодорожники не спешили с подачей паровоза, то эшелон застрял на вокзале. Среди юнкеров начались раздоры, и они вернулись в казармы.

Харьковский городской комитет партии и штаб Красной гвардии, узнав о выступлении юнкеров, немедленно приняли меры, чтобы встретить их достойным образом. В сторону Чугуева были отправлены войска занимать оборону. Совет, тогда в большинстве соглашательский, послал в Чугуев делегацию, чтобы избежать кровопролития. Делегатов юнкера не пропустили. Тогда была послана еще одна делегация с ультиматумом, а вслед за ней двинулся сводный отряд, состоящий из солдат 30-го полка и красногвардейцев, который возглавил член Военно-революционного комитета, депутат Совета товарищ Синявский.

Юнкера разбежались, узнав о подходе нашего отряда; главари мятежников были арестованы. Правда, вскоре по ходатайству всевозможных соглашательских организаций их выпустили, потребовав убраться из Харькова и губернии. Наш отряд из Чугуева вернулся скоро.

В связи с выступлением чугуевских юнкеров хотелось бы еще отметить вот что. Существует точка зрения, будто чугуевские юнкера выступили не в конце октября, а в конце декабря и ликвидировал их мятеж отряд питерских красногвардейцев и матросов под командованием товарища Н. А. Ховрина.

Выступление чугуевских юнкеров в конце октября было единственным. Рабочий класс Харькова и наша

партийная организация в эти дни оказались на высоте. Были продемонстрированы единство и готовность сражаться; юнкера не посмели следовать в Москву через Харьков, и мятеж провалился.

Матросско-красногвардейский отряд Н. А. Ховрина был сформирован в Петрограде в первых числах ноября и должен был отправиться на Дон на борьбу с Калединым. Отряд отважно сражался против врагов Советской власти во всех тех местах, где ему приходилось бывать. По дороге он задержался в Москве, затем в Курске, 24 ноября мы его встречали в Белгороде, и он вскоре вместе с харьковскими отрядами дрался против корниловских ударников под Готней и Тамаровкой. В первых числах декабря отряд Н. А. Ховрина прибыл в Харьков, где стоял на вокзале в эшелонах почти две недели. По приказу В. А. Антонова-Овсеенко, командовавшего отрядами, направленными ЦК РКП(б) и Советским правительством на борьбу с контрреволюцией на юге страны, ховринцы выехали в конце декабря из Харькова на Дон. По дороге остановились в Чугуеве. Здесь было получено сообщение, что чугуевские юнкера будто бы замышляют мятеж против Советской власти. Отряд задержался, как бы охраняя Советскую власть в Чугуеве.

По имеющимся у меня сведениям, в то время в училище оставались только несколько юнкеров и кое-кто из обслуживающего и преподавательского состава. Чугуевское юнкерское училище уже никакой организованной боевой единицы не представляло. Мне кажется, что местные власти очень обрадовались прибытию в Чугуев отряда товарища Ховрина, надежную гарантию ликвидации любого мятежа, и попросили его задержаться.

Между тем взявший власть в свои руки Харьковский Совет не разогнал Городской думы, не арестовал всех представителей Временного правительства, не разоружил бронедивизион, не закрыл буржуазные газеты. В связи с этим некоторые историки и мемуаристы обвиняют харьковских большевиков, во всяком случае их лидеров, в недостаточной революционности в те дни. Такое обвинение, на мой взгляд, неосновательно. Просто не было еще у харьковских большевиков опыта социалистической революции.

К тому же Городская дума в Харькове не играла той контрреволюционной роли, какую она играла в Москве и в Петрограде. Но ведь и в столицах думы сразу же не были разогнаны. Буржуазные газеты первое время продолжали выходить и в Петрограде, и в Москве.

Естественно, что надо было освоиться в новом качественном состоянии и определить своих союзников (левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов, «украинцев») и противников.

Мы действовали решительно, когда нас вынуждали, и внимательно следили за каждым шагом возможных противников. Конечно, мы не все предвидели и не приняли всех мер к скорейшему разоблачению и разгрому контрреволюции. Но политический опыт приобретается на практике.

Считаю необходимым внести ясность в вопросы о дате Октябрьской революции в Харькове и главных ее действующих силах, так как некоторые историки из среды украинских буржуазных националистов стремятся доказать, что Центральная рада осенью 1917 года являлась властью, признанной всем народом Украины. Кроме того, отдельные исследователи утверждают, что Советская власть устанавливалась отрядами, пришедшими с севера, из России, называя эту теорию «версия военных».

Давайте зададим этим авторам вопрос, в чьих руках в Харькове был гарнизон к октябрьским дням 1917 года.

Харьковский гарнизон — 30—40 тысяч человек. 90 процентов солдат шли за Советской властью, за большевиками. Авангардом революционных войск был боевой и дисциплинированный 30-й запасной пехотный полк. За большевиками шли 1-й саперный запасной полк, 117-я команда выздоравливающих, 232-й запасной пехотный полк, 4-й запасной артдивизион и ряд других частей.

Харьковская Красная гвардия, хорошо организованная и обученная, насчитывала до 3 тысяч человек. Она выходила даже на маневры. Возглавлял ее штаб Красной гвардии, который фактически подчинялся только нашей партии.

У украинских националистов в Харькове имелось всего несколько рот во 2-м Украинском полку, но они не были боеспособными, так как многие солдаты сочув-

ствовали большевикам и не хотели выступать против них. В полку была создана крепкая большевистская ячейка, которая информировала ВРК обо всем происходящем и в конце декабря помогла бескровно разоружить эту часть. Революционное ядро полка и легло в основу первого отряда Червонного казачества, сформированного в Харькове Юрием Коцюбинским и Виталием Примаковым.

Несколько ранее был разоружен и бронедивизион, так что у контрреволюции военной опоры в городе не осталось.

Кто же еще был реальной властью в Харькове, кроме большевиков, в ночь с 25 на 26 октября? Временное правительство и его комиссар? Городская дума? Центральная рада? Начальник гарнизона без гарнизона?

Харьковский Совет, Харьковский городской комитет большевиков, Харьковский Комитет военной организации большевиков, штаб Красной гвардии, партийные комитеты в частях, на заводах, у железнодорожников — вот кто был реальной властью. На нашей стороне было подавляющее большинство рабочих, солдат и крестьян, сочувствовавших нашим лозунгам.

Революция — не мертвая схема. Для взятия власти не обязательно вооруженное столкновение, подобное тому, что было в Петрограде, Киеве. В каждом отдельном случае события развертываются по-разному. И требовать точного повторения происходящего в центре ошибочно.

В ноябре Харьковский Комитет военной организации большевиков провел перевыборы комсостава в частях гарнизона. В моем, 30-м запасном пехотном полку командиром был избран Николай Александрович Руднев. Меня избрали командиром 2-го батальона 30-го полка. Приближалась полоса ожесточенных боев за Советскую власть на Украине, и харьковские большевики готовились отстаивать ее с оружием в руках.

СТРОИТЕЛИ КРАСНОЙ АРМИИ

Приехав в Лугу, я отправился в штаб 2-й бригады 6-й стрелковой дивизии представиться начальству. По дороге познакомился с командиром отдельного кавалерийского эскадрона Новиковым.

— Вы из Петрограда? — спросил Новиков.

— Нет, из Гатчины.

— А я решил, что из Питера. К нам оттуда подходят отряды, приезжают отдельные командиры. Видно, что-то подготавливается. Нашего комбрига сейчас в штабе нет: вызван в Петроград. Вам придется представиться комиссару товарищу Фабрициусу.

Когда мы поднимались на крыльцо дома, в котором расположился штаб, перед нами неожиданно, словно от налетевшего вихря, распахнулась дверь и из нее со словами «Наказать мародеров! Наказать подлецов!» вылетел богатырского сложения мужчина, в папахе, в бекеше из шинельного сукна, и куда-то помчался. Я сразу же узнал в нем Я. Ф. Фабрициуса, которого видел на съезде Советов солдатских депутатов 12-й армии в Вылке, и подумал: «Какой грозный человек, с ним, видно, нелегко будет работать».

— Что случилось с комиссаром? — спросил Новиков вышедшего на крыльцо работника штаба.

— Конники Балаховича, посланные в деревню за фуражом, угнали у крестьян корову и несколько овец. Я узнал об этом, но не сразу доложил комиссару, а сказал как бы между прочим часа через два. Комиссар вскипел и, как вы сами видели, бросился к Балаховичу. Достанется им теперь!

Видя мое смущение, Новиков ободряюще улыбнулся:

— Не бойтесь, он беспощаден к врагам и к недисциплинированности нашей, а в остальном душевный человек. Вы бы посмотрели, как он в Гдове на драгун моих страх божий нагнал...

Вы помните, когда германское командование 18 февраля 1918 года, нарушив перемирие, начало наступление по всему фронту, навстречу врагу выступили отряды Красной Армии, красногвардейцы, балтийские моряки, революционные части старой армии. С небольшим отрядом, состоявшим из сорока трех питерских красногвардейцев, 27 февраля в Гдов прибыл и Фабрициус.

Еще не успел остановиться состав, как на него набросились бегущие с фронта солдаты старой армии. Но тут их остановил грозный окрик: «Стой! Куда?» Это ехавший на площадке впереди паровоза Фабрициус уже соскочил на перрон и шел вдоль состава. Заиндевелый на морозе богатырь с пикообразными большими усами строго и громко спросил:

— Куда это вы собрались? Та́к вы думаете защищать Советскую власть, которая дала вам свободу и землю? Кто у вас тут будет за старшего?

Я вышел вперед и представился:

— Бывший корнет 2-го Прибалтийского драгунского полка Новиков.

— Ты что, тоже бежать собрался?

— Никак нет. Уговаривал драгун вместе со своим братом, бывшим вольноопределяющимся, влиться в Красную Армию и организовать оборону города, но они колеблются.

— Да он же гдовский, у него и хозяйство тут! — выкрикнул один драгун.

— А ты откуда? — повернулся Фабрициус в его сторону.

— Кто, я-то? Из Вологодской.

— Если вы все разбежитесь, то через неделю-две немцы и до твоей Вологодской губернии дойдут, — заметил Фабрициус. — Выводи, Новиков, своих драгун на привокзальную площадь, — приказал комиссар, — я сам с ними еще поговорю.

Обходя выстроившихся на площади драгун, Фабрициус увидел заседланных кавалерийских лошадей.

— Чьи это кони?

— Наши, товарищ комиссар, — ответил Новиков.

— Что же, вы и лошадей немцам хотите оставить?

— Вот и я им тоже говорю, что не след с конями расставаться, — выступил вперед один драгун. — Особенно мне своего Ганнибала жалко.

— А с Советской властью расставаться не жалко? — задал вопрос Фабрициус.

— Да тут ее нет. Вчера какой-то прапорщик со своей бандой переарестовал членов ревкома.

— Как?!

— Да так, арестовал и объявил себя какой-то властью.

— А как же вы это допустили? — жестко спросил Фабрициус. — Да еще по домам собираетесь!

— В Питере, говорят, уже и Советской власти нет,— раздались голоса из рядов.

— Кто это сказал? Бабы на базаре? А меня кто прислал к вам сюда порядок наводить и город защищать? Турецкий султан, что ли? — Фабрициус яростно оглядел прячущих глаза солдат и скомандовал: — Кто за Советскую власть? Два шага вперед!

Ряды качнулись и разделились на неравные части. На месте осталась небольшая кучка драгун.

— Не хотите с нами, марш отсюда, чтобы духу вашего здесь не было, — отрезал Фабрициус. — Новиков! По коням! Сейчас же окружить и арестовать эту контрреволюционную сволочь, посягнувшую на Советскую власть. Если нужно, в помощь возьми красногвардейцев.

— Не нужно. Справимся сами. По коням! — скомандовал Новиков.

Через несколько часов Гдов был очищен от контрреволюционеров.

Новиков рассказал, что в тот же день Фабрициус узнал, что небольшой партизанский отряд, прикрывавший Гдов с юга, отошел под давлением превосходящих сил противника.

Комиссар Фабрициус срочно формирует конный отряд из добровольцев 2-го Прибалтийского драгунского полка, конной разведки 4-го красноармейского полка, командиром которого назначает Новикова. 3 марта отряд Новикова, насчитывающий 200 сабель и усиленный тремя станковыми пулеметами, поставленными на под-

воды, прибыл в район села Самолва и соединился с партизанами. Внезапной стремительной атакой немецкий отряд, насчитывающий около 500 человек, был выбит из Самолвы и почти полностью уничтожен...

Когда Фабрициус принял меня, я убедился, что Новиков был прав: комиссар беспощаден к врагам, к друзьям-единомышленникам чуток и внимателен. Он очень тепло побеседовал со мной, рассказал, что командир 2-й бригады 6-й стрелковой дивизии Васильев переведен начальником 10-й стрелковой дивизии. На место Васильева назначен Травинский, а я буду его начальником штаба.

— Одновременно Александр Васильевич Травинский исполняет обязанности начальника Торошинского боевого участка и находится на станции Торошино. Туда из Питера подходят отряды. Готовится операция по захвату Пскова. Вам по февральским боям город знаком. Вам нужно быть там. Желаю успеха, — заключил комиссар.

В 22 года я начал командовать красноармейским полком, в 23 года стал начальником штаба бригады, а в середине 1919 года — комбригом. В то время большинству из нас, командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, было от 20 до 25 лет. Занимая не по годам высокие должности, мы старались не теряться в самых сложных ситуациях. Но годы свое брали: вне работы, в быту, во многих из нас нет-нет да и проскальзывало мальчишество. Фабрициус был значительно старше нас: ему шел уже сорок первый год. Иногда, вскипев из-за какой-нибудь допущенной нами по молодости оплошности или шалости, он ругал нас, называл мальчишками; мы воспринимали это как заслуженное и не обижались. В остальное же время, как я уже говорил, он относился к нам по-отечески: был очень отзывчив, внимателен и заботлив. В работе с командирами, при которых состоял комиссаром, был тверд, выдержан и корректен.

С нами, офицерами армии военного времени, представителям партии на фронте работать было легче. В большинстве своем это были выходцы из низших слоев общества и трудовой интеллигенции. Громадные потери в кадровом офицерском составе выдвинули их, выпускников краткосрочных военных школ и училищ,

на должности ротных, а частенько и батальонных командиров. Кастовые военные нас в свою среду не приняли. У них в ходу была оскорбительная поговорка: «Курица не птица, прапорщик не офицер. Жена его не барыня, ей ручку не целуют».

Еще легче влились в Красную Армию командиры из бывших унтер-офицеров. Подразделения и части, которые они возглавили, выделялись особенно твердой дисциплиной. Партизанские выходки разбивались о железную волю и решительность этих командиров из народа. Их никто не мог упрекнуть «благородием», «золотыми погонами», заподозрить в измене.

На стороне внутренней контрреволюции против Красной Армии воевало много тех же «прапоров» военного времени, запуганных россказнями о зверских расправах большевиков над офицерами. Были сфабрикованы слухи о якобы созданных красными специальных баржах с раскрывающимся днищем, в которые сгоняли бывших офицеров, вывозили в море и высыпали на дно, как мусор. Нам, ветеранам Красной Армии, великолепно известно, какие благоприятные условия для работы создавались честным генералам и кадровым офицерам бывшей царской армии, решившим передать свой военный опыт революционному народу. Правда, политкомиссарам, в том числе и Фабрициусу, работать с ними было много сложней.

Небезынтересно заметить, что в Красной Армии служили кадровые офицеры не только из простых дворян, случалось встречать и титулованных. Так, у нас в дивизии шестидюймовой крепостной батареей командовал бывший князь Любомирский. Я случайно оказался у Яна Фрицевича Фабрициуса в тот момент, когда комиссар батареи Иноземцев, давая похвальную аттестацию своему командиру, с некоторым смущением добавил:

— Одна слабость: несмотря на солидный возраст, донжуанит.

— Ну это не во вред народу, — засмеялся Ян Фрицевич.

При комплектовании первого курса Академии Генерального штаба РККА среди слушателей оказался бывший князь Голицын. Посчитали неудобным и отправили бывшего князя на фронт. Через полгода Голи-

цын вернулся в академию с орденом Красного Знамени на груди, был принят, закончил ее и успешно служил в войсках.

В первую мировую войну после ранения я лежал в госпитале, где старшим хирургом была княгиня Гедройц. Каково было мое удивление, когда в 1928 году я с ней встретился в Киеве! Гедройц, оказывается, осталась в Красной Армии, была тяжело ранена на фронте и теперь преподавала в медицинском институте, имея звание профессора.

Разнородность командного состава Красной Армии в начальный период гражданской войны была неизбежным злом. Но и этих командиров было мало. Заслуга строителей Красной Армии в том, что под огнем контрреволюции был создан красный офицерский корпус. Для ускоренной подготовки командиров из рабочих и крестьян Советское правительство открыло краткосрочные военные курсы и школы. Рабоче-крестьянские командиры, пусть и малоопытные на первых порах, послужили превосходным подспорьем военкомам, которые своей боевой и политической работой цементировали армию.

Вспоминаю краскомов в наших частях. Из первого выпуска артиллерийских курсов прибыл Н. Н. Воронов, будущий главный маршал артиллерии. В батарею упомянутого мною Любомирского был назначен С. И. Макеев, впоследствии генерал артиллерии. В 1919 году стали присылать на стажировку слушателей Академии Генерального штаба РККА. В моей 28-й бригаде начальником штаба стал Занелатский, а в 10-й стрелковой дивизии — Ольшанский, будущий крупный военачальник.

Надо сказать, что части, находящиеся в подчинении у Фабрициуса, были так же неоднородны, как и командный состав. 49-й стрелковый полк, сформированный самим Яном Фрицевичем на базе батальона 4-го красноармейского полка, был вполне надежен. Во главе этой части стоял преданный Советской власти командир из офицеров военного времени Н. К. Блинов. Комиссаром полка был будущий Генеральный секретарь ЦК комсомола Петр Смородин. Однако наспех сформированные батальоны, прибывающие из центра, не имели боевого опыта, и пускать их в бой было страшновато.

Незадолго до наступления на Псков изменил Советской власти командир отдельного кавалерийского полка бывший ротмистр Булак-Балахович. Он обманул своих конников и под предлогом рейда по тылам врага увел полк за демаркационную линию и сдал белым. Булак-Балахович, старавшийся казаться отчаянным рубакой и героем, на деле презирал своих конников, что не ускользнуло от внимания комиссара Фабрициуса. Не доверяя Балаховичу, он через партийных товарищей неоднократно докладывал о всех его самовольных действиях окружному комиссару Б. П. Позерну и секретарю ЦК Е. Д. Стасовой. Действия полка Булак-Балаховича подрывали престиж Советской власти. Так, например, при подавлении кулацкого мятежа в Лужском районе Булак-Балахович, прикрываясь данными ему чрезвычайными полномочиями, сжег несколько деревень и без суда расстрелял захваченных мятежников. И вот в начале ноября Я. Ф. Фабрициус получил телеграфное донесение о том, что, рассеяв боевое охранение, Булак-Балахович увел свой полк к Пскову. В штабе изменник оставил записку на имя военного комиссара Фабрициуса, в которой с глумливым злорадством писал, что все зверства при усмирении кулацких мятежей осуществлялись сознательно, «дабы довести ненависть к большевикам до озверения».

Во второй половине ноября наши части получили приказ взять Псков. На подступах к городу мы встретили ожесточенное сопротивление Северного корпуса белых; немецкая же «железная» дивизия оставила город.

Вскоре отряды Торошинского и Талабского участков начали штурм Пскова. Во второй половине дня 24 ноября станция Псков оказалась в наших руках. 25 ноября городская подпольная большевистская организация подняла восстание и захватила часть города.

Это облегчило положение наших малочисленных отрядов, выбивавшихся из сил. Но ворвавшийся в Псков Травинский со своим отрядом запросил подкрепления. И тогда, сообразуясь с обстановкой, Фабрициус решает нанести удар с неожиданной для белогвардейцев стороны — от Крестов. За пулемет головной грузовой машины, выполняющей роль броневика, сел сам Ян Фрицевич. Удар был внезапен, и белые бежали.

В полночь этого же дня Фабрициус телеграфировал В. И. Ленину о взятии красноармейскими частями Торошинского участка Пскова.

Наступление продолжалось. У линии железной дороги Псков—Рига замедлилось продвижение на участке 3-го латышского полка. Комбриг Травинский доложил Фабрициусу, что он высылает меня в полк с задачей поправить положение.

— Пусть подождет. Я тоже поеду, — ответил комиссар.

Штабы дивизии и бригады находились рядом, и мы тут же отправились в расположение полка. Дорога шла сосновым лесом. Фабрициус молодцевато сидел на сером, в яблоках, коне по кличке Барон, личной лошади изменника Булак-Балаховича, недавно захваченной в бою. Впереди послышались артиллерийские выстрелы, затем пулеметная и ружейная стрельба. Мы подъезжали к месту боя. Спешившись у штаба полка, пошли вперед на наблюдательный пункт. Полуоткрытая местность. Посвистывают пули. Идти во весь рост, как мы шли раньше, становилось опасно. Сопровождающий нас командир предложил продвигаться перебежками.

— Поясница болит, — засмеялся Фабрициус. — Да и до командира полка не так уж далеко. Дойдем.

Весть о приходе комиссара дивизии разнеслась по цепям. Все подтянулись, приободрились.

Оглядевшись, Фабрициус сказал командиру полка:

— Зачем зря жечь боеприпасы? Нужно поднимать людей в атаку. Вы пойдете, — повернулся ко мне комиссар, — вдоль дороги с бронемашиной «Гарф». Пушка на ней в исправности. А я двинусь вдоль опушки леса, ближе к левому флангу. Командир полка останется на месте и подбросит огонька. Начнем!

И Фабрициус решительно, во весь рост, не сгибаясь, пошел в цепь. Воодушевленные присутствием и примером комиссара, красноармейцы стремительно бросились вперед, погнали и сбили противника. Наступая в цепи вдоль дороги, я видел, как Фабрициус, забыв про боль в пояснице, с быстротой юноши гнался за пулеметным расчетом противника. Преследуя его, Фабрициус при коротких остановках вскидывал карабин и стрелял по расчету. Хотя он был отличным стрелком, выстрелы его с ходу не достигали цели. Тогда комиссар

стал на колено и первыми же выстрелами выбил двух солдат пулеметного расчета. Остальные разбежались. Через минуту Фабрициус уже был у брошенного пулемета и, повернув его вслед отступающим, открыл огонь.

За этот подвиг Фабрициус был награжден одним из четырех орденов Красного Знамени.

Последний раз я встретился с Яном Фрицевичем в 1928 году, когда отмечалось десятилетие Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. Мы не виделись восемь лет. Встретились по-братски. Любуясь его богатырской фигурой и с радостью отмечая, что жизнелюбия и энергии у нашего комиссара не убавилось, я и предположить не мог, что это наша последняя встреча. Герой Красной Армии Ян Фабрициус погиб во время авиационной катастрофы, спасая жизнь другим. До последнего мгновения жизни он был верен себе.

В начале 1919 года я командовал 1-м Псковским полком имени ВЧК. Полк входил в бригаду Матисона и вскоре был объединен с 1-м латышским Земгальским полком, получив название 13-го латышского стрелкового полка.

Ранней весной 1919 года 13-й латышский полк занимал оборону в районе местечка Опекальн между Мариенбургом (Алуксне) и Верро (Выру).

Как-то раз утром я вышел из ворот штаба и увидел подъезжающую простенькую кошевку, на козлах которой сидел красноармеец и правил впряженной в нее ничем не примечательной лошадкой. Поравнявшись со мной, кошевка остановилась, и из нее вышел среднего роста подтянутый человек. По интеллигентному виду, пенсне и офицерской шинели старой армии с какими-то незнакомыми мне петличками я решил, что передо мной бывший кадровый офицер из артиллерийских или инженерных войск. Подойдя ко мне, приехавший спросил, где он может найти командира полка. Я представился.

— Начальник штаба эстонской Красной Армии Корк Август Иванович, — назвал себя прибывший и крепко пожал мою руку.

Зайдя в штаб, Корк, не раздеваясь, снял папаху и присел за стол около окна. Теперь хорошо было видно

его сразу располагающее к себе лицо, аккуратно подстриженные под бобрик волосы, высокий лоб. Оглядевшись и убедившись, что мы одни, Август Иванович сказал:

— Пока только для вашего сведения и для сведения комиссара полка. Намечается наступательная операция на Верро с задачей овладеть этим городом и перехватить железную дорогу Рига—Псков. Нанесение главного удара предполагается из района Опекальн по большаку на Верро. Я приехал с целью осмотреть позицию на направлении главного удара. Прошу вас проехать со мною. Я оторву вас от работы не более чем на три часа.

Весь его облик, чересчур тщательно произносимые слова, до скрупулезности правильно построенные фразы, его имя показывали, что он не русский. Латышей я знал хорошо. Он — не латыш. Похож чем-то на немца. Но вряд ли. Я не утерпел и задал ему не очень уместный вопрос.

— Эстонец, — ответил Август Иванович, и мы отправились на передовую.

Все мы, офицеры военного времени, прошли горнило первой мировой войны и имели большой боевой опыт, но, как правило, без должной теоретической подготовки. Мы, образно выражаясь, были квалифицированными рабочими, а не инженерами, то есть не были подготовлены в вопросах оперативного искусства и строительства армии в широком смысле слова.

Вступившие добровольно или по мобилизации старшие кадровые офицеры старой армии, не говоря уже об офицерах Генерального штаба, стояли неизмеримо выше нас и по опыту, и по теоретической подготовке, и по знанию организации армии. Многие из них, честно борясь за Советскую власть, выросли в видных полководцев и военачальников. Август Иванович Корк принадлежал к этой прославленной плеяде.

...Уточняя ориентировку, Корк задавал мне вопросы, на которые я в силу своей слабой теоретической подготовки не смог четко ответить. Заметив затруднительность моего положения, Август Иванович деликатно перешел к другим вопросам. «Какую военную грамоту, — думал я с уважением, — дало ему нормальное военное образование». Видя на его шинели, как я уже говорил, незнакомые мне петлички, я не утерпел и

спросил по дороге, в каких войсках он служил. Корк пояснил, что он был офицером Генерального штаба. Я с особенным любопытством разглядывал представителя высшей военной касты. Мне, командиру роты старой армии, генштабистов приходилось видеть только издалека, и взирали мы на них с особым уважением, считая их своего рода жрецами военного искусства, владеющими особыми тайнами, недоступными для нас, простых смертных офицеров военного времени.

Спустившись с колокольни, откуда мы проводили рекогносцировку, начальник штаба пожелал побеседовать с красноармейцами неподалеку расположенной резервной роты. Отдавая приказание выстроить бойцов, я подал командиру роты понятный только ему одному знак. Как я уже говорил, стояла ранняя весна. Снег днем делался рыхлым, мокрым, на дорогах и около домов стояла талая вода, кое-где из-под снега уже пробивались ручьи. А мой полк был обут еще в валенки, так как летней обуви не прислали, да и не так-то легко в то время было ее заполучить.

Подходя к строю, я с удовольствием заметил, что командир роты понял мой знак — впереди стояли красноармейцы в разбитых валенках, из проношенных носков выглядывали пучки соломы. Зная, что стесняться красноармейцы высокого начальства не будут, я специально не подошел близко к строю, а остался стоять поодаль. Весь мой расчет сводился к тому, что красноармейцы немного пошумят, а начальник штаба, растерявшись, пообещает прислать партию сапог. Но я ошибся. Август Иванович строевым шагом подошел к строю роты и поздоровался. Рота дружно ответила на приветствие. Как только начальник штаба стал говорить, его сейчас же перебили голоса:

— Ты лучше нам расскажи сначала, когда валенки заменишь. Видишь, в чем мы ходим!

— И об этом скажу, — спокойно ответил Корк.

— Но ты прежде всего об обуви...

— Скажу. Но раньше я вам расскажу о Прибалтийских республиках и о Красной Армии, созданной там.

Продолжая говорить, Август Иванович сделал жест правой рукой, как бы дирижируя хором. Его сильные мускулы какое-то время, как мне показалось, даже вырисовывались сквозь шинельное сукно. Почуяв ко-

мандирскую волю, красноармейцы замолчали и внимательно выслушали краткое слово начальника штаба.

— Горести и радости мы должны переживать вместе, — сказал Август Иванович, — исторически нас связала судьба в одну семью. Показателен в этом отношении наш Западный фронт. Он состоит из 7-й русской, эстонской, латышской и белорусско-литовской армий. Национальные по своей организации, но социалистические, революционные по существу, они борются за одни интересы, за построение Советского Рабоче-Крестьянского государства. Никто из этих армий не имеет другой цели. Никто не спорит за места. Эстонской Красной Армией для пользы дела командует русский, товарищ Васильев. Он в скором времени подъедет в ваш полк, его начальник штаба — эстонец. Особенно в этом отношении характерен ваш полк. Он для боевой численности сведен из двух полков, русского и латышского, и получил название 13-го латышского. Командует полком русский, товарищ Черепанов, а его комиссар и помощник по строевой части — латыши, помощник по хозяйственной части и начальник связи полка — эстонцы. Что касается обуви, — закончил А. И. Корк, — знаем, что ее у вас нет. Но и в армии на складах пока нет, не поступала. Как только поступит обувь, незамедлительно вышлем. Но скоро не обещаю. Придется потерпеть.

Слушая Августа Ивановича, я краснел от стыда за устроенную мною неумную демонстрацию.

После команды «Разойдись!» красноармейцы окружили подошедшие санки, в которые усаживался начальник штаба армии, и, приветливо пожелав ему счастливого пути, попросили навещать почаще. Мы поехали. Я посмотрел на часы и с удивлением заметил, что прошло ровно три часа со времени ухода из штаба полка. Корк был на редкость точен, в чем мне пришлось убедиться позднее не раз. Эту черту его хорошо помнят все, знавшие Августа Ивановича.

Через несколько дней после приезда начальника штаба подошла и расположилась у нас в тылу 11-я Петроградская стрелковая дивизия — ударная сила в предстоящем наступлении.

Вскоре на рекогносцировку приехал командующий эстонской Красной Армией Васильев.

Бывшего полковника старой армии Васильева я узнал еще в конце 1918 года, когда он командовал 10-й стрелковой дивизией.

С той поры прошло сравнительно немного времени, но командующего было не узнать. Вместо крепкого, подтянутого офицера я увидел больного старика. Видимо по болезни, он был освобожден от командования армией, которое принял Корк. Уже в сопровождении нового командарма прибыл командующий Западным фронтом Д. Н. Надежный. В ожидании приезда фронтового начальства командный состав 11-й стрелковой дивизии и нашей бригады собрался у штаба вверенного мне полка.

Подъехал верхом командующий фронтом, осанистый, с сохранившейся генеральской выправкой, и вся кавалькада двинулась за ним и начальником штаба к Опекальну. Командиры полков, комиссары были в моих годах. Каждый из нас по молодости гордился личной лошадью. Чтобы продемонстрировать ее стать, кто шпорами, а кто нагайкой взбадривал коня. Соревнуясь в этом незаметно для себя, мы перешли на рысь, потом на галоп и, наконец, на сумасшедшую скачку, забыв про командующего фронтом и оставив его позади себя.

Корк нас догнал, с трудом остановил, навел порядок и сказал:

— Товарищи, у лошади комзапа не кованы задние ноги, и он не может так быстро, как вы, скакать по гололедице из опасения упасть вместе с лошадью. Кроме того, мы не должны такой кавалькадой близко подъезжать к фронту, чтобы не насторожить противника: всякая подготовка к наступлению должна вестись скрытно. Наконец, вы сами понимаете... — Он не докончил фразы, но мы поняли, что должны иметь уважение к старшим начальникам. — Прошу вас подождать командующего, — заговорил после небольшой паузы Корк, — пропустить его вперед, ехать за ним и спешиться в той рощице, передать лошадей коноводам и оттуда в Опекальн дойти пешком. Не всем сразу. Мы же с комзапом и начальником дивизии доедем верхом. На четырех всадников противник не обратит внимания. — Все это было сказано ровным, спокойным голосом, и порядок восстановился.

Операция полностью не удалась: Выру не была взята. В этих боях отличился мой полк. Действуя в составе бригады, полк, прорвав правым флангом оборону противника и наступая во фланг и тыл ему, в один день выполнил поставленную задачу; пройдя с боями до 25 километров. Части 11-й стрелковой дивизии за это время прошли не более километра. Отличные действия полка запомнил Корк.

Вновь я встретился с Августом Ивановичем при втором осеннем наступлении армии Юденича на Петроград в конце октября 1919 года. 51-я бригада 17-й дивизии, которой я в то время командовал, перебрасывалась по железной дороге в район Луги. Мы должны были развивать успешное действие войск 15-й армии, которая освободила 31 октября Лугу и глубоко охватывала с тыла армию Юденича, основные силы которой увязли в боях за Гатчину.

Поздно ночью меня разбудил неожиданно появившийся в расположении штаба бригады командующий 15-й армией А. И. Корк. Август Иванович зашел за тем, чтобы представить меня командующему фронтом. В салон-вагоне навстречу нам поднялся невысокого роста, с бритой головой человек в кожаной тужурке. Это был командующий В. М. Гиттис. Тут же находился начальник штаба 15-й армии Кук. Расспросив о состоянии бригады, Гиттис приказал на некоторое время перевести ее в Лугу в резерв армии.

Прошло несколько дней. И вот поздно ночью командующий армией снова застал меня спящим и разбудил. Мне даже стало как-то неловко: второй раз такая оказия. Хотя и бодрствовать по ночам не было причины — бригада в резерве, но все же неловко. Август Иванович без всяких вводных слов заговорил о цели своего приезда. Из этого ночного разговора я узнал, что Юденич зарвался в своем стремлении идти прямо на Петроград. Не учтя реальной силы нашей армии, он подставил под удар свой фланг и позволил главной группировке красных выйти в его глубокий тыл. Но за это время осложнилась обстановка под Псковом: наши немногочисленные части теснились войсками Булак-Балаховича, над городом нависла опасность. Моей бригаде предстояло срочно грузиться в эшелоны. Командующий уже распорядился подать составы.

— До подхода вашей бригады, — заключил Корк, — Балахович, я думаю, не успеет ворваться в город. Желаю удачи.

И все. Никаких дополнительных указаний. Никаких письменных распоряжений.

Бригада прибыла под Псков вовремя. Это был тот район, где в бою 23 февраля 1918 года был нанесен первый удар кайзеровским войскам, рвавшимся к Петрограду. В том бою я участвовал как командир 2-го красноармейского полка.

Операция прошла успешно. Войска Булак-Балаховича были разбиты и отброшены в глубь Юрьевского уезда. Я же получил назначение в Гдов на должность командира 28-й бригады 10-й стрелковой дивизии. С этой бригадой в тяжелейших условиях мне пришлось участвовать в заключительном этапе операции по разгрому Северо-Западной армии белых.

В ходе этой операции мы, командиры частей, видели командующего 15-й армией А. И. Корка очень часто, а его руководство ощущали постоянно.

После окончания гражданской войны мне неоднократно приходилось встречаться по службе с командармом А. И. Корком. Последняя наша встреча носила особый характер. Август Иванович в это время был начальником Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Случилось так, что во время лыжного пробега обморозились многие слушатели. Мне как начальнику группы контроля при Народном комиссаре обороны было поручено расследовать это чрезвычайное происшествие. Признаться, я с тяжелым сердцем приступил к рассмотрению дела, которое затрагивало любимого и почитаемого мною бывшего нашего командарма. Я попросил Корка дать письменное объяснение на имя наркома К. Е. Ворошилова.

— Все же хотел бы вам заявить, товарищ Черепанов, — с присущей ему пунктуальностью подчеркнул командарм Корк, — что моя вина в этом есть. Я был болен и допустил оплошность — не проверил лично температурные условия в день пробега.

Меня тогда не в первый раз поразила кристальная честность этого незаурядного человека, его предельная требовательность к себе. Помнится, я подумал, что вот здесь кроется подлинное мерило армейской ответствен-

ности за свои поступки. Когда я докладывал об этом инциденте, заместитель наркома Я. Б. Гамарник, как бы подведя итог моим размышлениям, сказал просто, но вкладывая в слова великое значение: «Август Иванович Корк — честнейший человек...»

В. В. СОРОКИН

ИЗ ПОЛЕВОЙ КНИЖКИ ПОЛИТРАБОТНИКА

В феврале 1918 года по предложению Марии Ильиничны Ульяновой я был введен в штат редакции «Петроградской правды» в качестве литературного сотрудника и выпускающего. Рабочие помещения редакции газеты размещались на Ивановской улице при типографии. В том же доме расположились контора газеты и экспедиция. Работу в газете мне пришлось совмещать со службой в 127-м Петроградском транспортном батальоне. Дело в том, что после Февральской революции 1917 года солдаты-транспортники избрали меня в первый состав Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. По решению батальонного комитета я начал редактировать солдатскую печатную газету «Искорки», а в декабре 1917 года на правах выборного командира батальона сменил своего предшественника полковника Тыртова.

Когда к обязанностям командира батальона прибавилось сотрудничество в «Петроградской правде», оставалось очень мало времени даже для сна. Но работа в газете увлекла меня. Она приносила огромное удовлетворение, воспитывала духовно, закаляла как партийца-профессионала.

После переезда Марии Ильиничны Ульяновой в марте 1918 года в Москву вся работа по «Петроградской правде» легла на В. С. Быстрянского-Ватина, П. Ф. Куделли, К. Н. Самойлову, Н. Н. Кузьмина и В. Н. Мулина. Продолжая сотрудничать под их руководством в «Петроградской правде», я оставался и редактором многотиражки «Искорки».

Бережно перелистывая много лет спустя пожелтевшие от времени страницы солдатской газеты, я думал,

что не зря шумели и волновались мы в те далекие, ставшие легендой дни в душных, прокуренных комнатах, до хрипоты спорили на заседаниях батальонного комитета, горячо обсуждали каждый номер своей газеты... Голос маленькой солдатской газетки «Искорки» созвучно вливался в многоголосый хор революционной прессы восставшего народа, помогал отстаивать завоевания Великого Октября.

В июле 1918 года вместе с группой питерских добровольцев я ушел на Восточный фронт. Перед отъездом в Нарвском райкоме партии мне был выдан членский билет за № 1003.

Один из редакторов «Петроградской правды» Николай Николаевич Кузьмин, заменивший Володарского на посту петроградского комиссара по делам печати, пропаганды и агитации (впоследствии он был членом Реввоенсовета Балтийского флота, 6-й и 3-й армий), поручил мне до отъезда написать «прощальную», как он выразился, статью. Мне хочется воспроизвести здесь отрывок из нее не потому, конечно, что она написана мною, рядовым правдистом-газетчиком, а лишь по той причине, что в статье чувствовался, как мне кажется, пульс времени, что словами ее как бы говорили непосредственно многочисленные добровольцы, по зову партии уезжавшие тогда на фронты гражданской войны.

К БОРЬБЕ И ПОБЕДЕ!

«Социалистическое отечество в опасности!» — этот тревожный, предостерегающий клич рождает одновременно и ответный призывный лозунг: «Все силы против обнаглевших империалистических банд!»

Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный бедняк крестьянин и тем более коммунист не может оставаться безучастным зрителем развернувшегося поединка между двумя противоположными классами.

Или, или — так поставлен вопрос.

Или железная диктатура пролетариата и дальнейшее развитие Октябрьской революции, или каратели

генерала Краснова и потеря всех революционных завоеваний.

Третьего не дано.

Компромиссное соглашательство изжило свой век и повториться не может.

Пусть сильна наша вера в неминуемую победу, пусть горят энтузиазмом наши сердца, священная тревога ни на минуту не должна усыплять нашу революционную бдительность.

Ежечасно, изо дня в день до полной и окончательной победы над черными хищниками мы должны неумолчно и всюду громко звать в боевые ряды.

Пусть ни один сознательный пролетарий и честный революционер не останется в стороне, пусть краска стыда заливает лица уклонившихся от участия в героической и славной борьбе.

Все к отпору обнаглевшим захватчикам, все на защиту свободной страны!

Не могущие взять винтовку временно исполнят наши обязанности.

Остальные же

Как один, под алые знамена,
Как один, клянитесь умирать,
Но свободы, муками рожденной,
В новый плен врагу не отдавать!»

Кузьмин прочитал написанную статью и дал указание напечатать ее немедленно в «Петроградской правде». Он тепло попрощался со мной, пожелал быстрее освоиться на армейской работе.

— Я тоже скоро приеду бить белых, — сказал напоследок Николай Николаевич.

— Приезжайте, — в тон ему ответил я, — подыщем типографию, национализируем бумагу, будем издавать фронтовую «Правду».

Кузьмин рассмеялся, крепко пожал мне руку и добавил, сразу став серьезным:

— Пишите с дороги, давайте для газеты фронт. Это нужно. Крайне необходимо. Вы едете в самое пекло. Идет борьба за Казань. А от нее рукой подать до Москвы.

— Не пустим. Споткнутся, — с горячностью молодости заверил я.

Помимо корреспондентского билета Прасковья Францевна Куделли вручила мне на всякий случай в день отъезда именное удостоверение на бланке редакции:

«Дано сие тов. В. В. Сорокину, отправляющемуся добровольцем на чехословацкий фронт, в том, что он состоит постоянным сотрудником газеты «Петроградская правда».

Член редакционной коллегии В. Быстрянский.
Секретарь редакции П. Куделли».

23 августа вместе с группой товарищей я сошел с поезда на станции Свияжск и отправился отыскивать вагон Реввоенсовета 5-й армии, в которой мне предстояло служить.

5-я армия начала формироваться 12 августа 1918 года под Казанью. Первым ее командующим был бывший полковник старой армии Славен, первым комиссаром — крупнейший военно-политический деятель Сергей Иванович Гусев. К моему приезду уже были созданы штаб Реввоенсовета и политотдел армии. Располагались они на правом берегу Волги, в городке Свияжск.

Свияжск — легендарное место в истории Красной Армии. Здесь была заложена основа армии, нанесшей первый контрудар по белым и освободившей Казань. Сюда же, под Свияжск, по призыву ЦК партии и Совнаркома безостановочно шли на помощь Восточному фронту эшелоны с добровольцами со всех концов России...

...После обстоятельной товарищеской беседы в Реввоенсовете армии я был прикомандирован к штабу правобережной группы. В мандате, подписанном командармом Славеном, значилось, что «на тов. Сорокина возлагается обязанность проверять на местах исполнение частями приказов командующего армией и командующего правобережной группой» [1].

С командующим группой товарищем Эглитом я познакомился на следующий день. Первое впечатление было весьма благоприятное: прост в обращении, умеет

[1] Из личного архива В. В. Сорокина.

выслушать и поддержать. Командующий без долгих раздумий сказал, что назначает меня комиссаром правого боевого участка, и тут же написал на мандате, выданном мне в штабе армии:

«Вышеозначенного товарища временно назначаю комиссаром правого боевого участка.

Всем комиссарам действовать с ним в контакте.

Командующий правобережной группой
24.8.18. Я. Эглит» [1].

Так молниеносно был решен вопрос моего назначения на должность комиссара в 5-ю армию. По совету командующего я остановился в деревне Моркваши, вблизи Свияжска, оставил в одной из изб свои пожитки и в тот же вечер отправился в полевой штаб боевого участка. Помню, первое впечатление было неблагоприятное. Да и чему тут было удивляться! Армия еще только-только начинала сколачиваться. Штаб армии и его немногочисленные отделы занимались в то время преимущественно уточнением дислокации разрозненных частей, а также распределением прибывающих пополнений.

О каком-либо строгом воинском единообразии частей, соответствии их обычным требованиям регулярной армии не приходилось, конечно, и думать. Все это было лишь в перспективе, для этого требовались время и большие организационные усилия.

В данный момент нужно было немедленно отбить у врага Казань и приостановить дальнейшее наступление белых. Исходя из реальной обстановки, командование армии полагалось в основном на сознательность и наступательный порыв лучших полков правобережной и левобережной групп. Словом, сначала Казань, а затем реформы — так подсказала сама жизнь. Отвлекаться от главной задачи дня было нельзя! И штаб армии на ходу устранял лишь наиболее очевидную бессистемность явочных формирований, укреплял командный состав, посылал в части комиссаров, стремился наиболее эффективно использовать наступательный порыв красноармейцев.

В моей полевой книжке сохранились копии трех первых сводок (оперативных донесений), в которых я

[1] Из личного архива В. В. Сорокина.

сообщал по договоренности с Эглитом о положении на боевом участке. Сводки адресовались на имя комиссара группы Милха. Они датированы 26, 27 и 28 августа 1918 года. В них нет чего-либо особенного, но за их будничным повествованием о событиях истекшего дня ярче выступают явления и отдельные факты, рисующие быт молодой Красной Армии.

Из сводки от 26 августа 1918 года

«Тов. Милх! За полным отсутствием вчера свободного времени не мог своевременно написать вам о вчерашнем продвижении и доношу об этом сегодня.

Согласно оперативному плану утром в 4 часа наши части вышли в заданном направлении и стали занимать намеченные позиции...

...На Нижний Услон были двинуты Казанский отряд и батальон 6-го Петроградского полка, которые должны были занять холм около бывшей мельницы. Укрепившийся на холме противник открыл по подходившим частям усиленную стрельбу, но они продолжали делать перебежки и через овраги приближаться к холму. Одновременно с этим батареи Латышского полка обстреливали холм шрапнелью и вскоре очистили его от противника, за исключением группок, засевших в снопах. В это время 5-я рота 6-го Петроградского полка, державшая связь с Казанским отрядом, вышла к холму, но, встреченная стрельбой из-за снопов, в беспорядке отступила, не делая попыток закрепиться.

Увидя это с наблюдательного поста, я направился с помощником командира 1-го Латышского полка тов. Штейнбергом к холму. По дороге мы задержали трех бежавших солдат 5-й роты 6-го Петроградского полка. По словам одного из задержанных красноармейцев, когда они подошли к холму, их стали обстреливать из-за снопов. Попав под выстрелы, рота, по словам того же красноармейца, стала колебаться. В это время один из взводных (бывший фельдфебель) закричал: «Командир приказал отступать, спасайся!» И вся рота, несмотря на уговоры другого взводного Трифонова, стала, по словам красноармейца, разбегаться.

Второй батальон Латышского полка, мужественно наступавший на Воробьевку, попал под перекрестный

огонь и, понеся большие потери, отошел. Старорусский полк, находившийся в отдалении, не смог помочь латышам. Противник значительными силами обошел нас с правого фланга. По согласованию с командующим группой части отошли к Морквашам, чтобы не дать отрезать себя.

Плохо налажена санитарная связь с частями. Многие раненые остаются невынесенными с поля боя и погибают.

Не налажен подвоз горячей пищи, что сильно отражается на людях.

Настроение в латышских частях удовлетворительное. В других полках, в частности в 6-м Петроградском полку, оно ниже. Однако не настолько, чтобы при умелых и энергичных руководителях нельзя было ввести революционную дисциплину и сделать большинство красноармейцев стойкими солдатами.

Нет, к сожалению, литературы и свежих газет».

Из сводки от 28 августа 1918 года

«Тов. Милх! Доношу, что наш правый фланг кончается на крутом завороте Симбирского тракта, где вместо вчерашней конной заставы расположилась пешая застава 6-го латышского полка. Две роты указанного полка стоят полукругом впереди деревни Русское Бурнашево, выделив от себя разведку в сторону деревни Макулово.

Сменив Казанский отряд, 6-й Петроградский полк принял от него заставу и расположился вдоль тракта, имея верстах в трех левее себя Московский партизанский отряд. Отдано распоряжение Петроградскому полку связаться с Московским отрядом, а последнему — со Старорусским полком. Между этими частями имеются значительные разрывы.

Прошу выяснить виновников обстрела нашей тяжелой батареей заставы Казанского отряда. Три тяжелых снаряда около 9 часов вечера 27 августа разорвались в двух саженях от солдат отряда, чему свидетелями были я и помощник командира 6-го латышского полка. Случайный обстрел частей своими батареями может иметь пагубные последствия и удручающе подействовать на людей.

В ночь на сегодня телефонные провода полевой связи были пятикратно разрезаны неизвестными лицами, причем в каждом случае недоставало большого куска провода, что еще более затрудняло восстановление линии.

Прошу наладить присылку свежих газет для распределения по частям» [1].

Характерно, что сводки неизменно кончались просьбой о присылке литературы и свежих газет. Регулярное снабжение частей газетами было еще не налажено, и красноармейцы справедливо выражали недовольство. Из сводки в сводку переходят вопросы о плохом обеспечении горячей пищей и кипятком и неудовлетворительной организации санитарной службы.

В ходе боев особенно бросалась в глаза чрезвычайная пестрота наших формирований: малочисленные полки, партизанские отряды, боевые участки.

Налицо были все характерные признаки первого периода гражданской войны, когда переход к регулярной Красной Армии еще не завершился.

Кстати, говоря о газетах, хочу сказать, что с 27 августа 1918 года стала выходить газета 5-й армии «Гражданская война». В подзаголовке первого номера сообщалось: «Ежедневная общественно-политическая и литературная газета, издаваемая для 5-й армии советских войск Восточного фронта». В редакционной шапке крупным шрифтом было напечатано:

«Беспощадная борьба с белогвардейским мятежом! Казань должна быть взята во что бы то ни стало! Мы не дадим буржуазии уморить голодом рабочую Россию!»

В числе активных сотрудников «Гражданской войны» были С. Гусев, В. Машкевич, Ф. Раскольников, Л. Рейснер, И. Смирнов, Чиколлини, Б. Михайлов, П. Смидович, Г. Благонравов и другие.

10 сентября 1918 года Казань была освобождена. Более умело и уверенно стали действовать наши части. Инициатива после взятия Казани перешла в руки Красной Армии.

В те дни обе группы — правобережная и левобережная — состояли из трех номерных отрядов каждая.

[1] Из личного архива В. В. Сорокина.

Укрепился командный и политический состав частей и подразделений, усилилось их вооружение.

Решением Реввоенсовета армии я был назначен комиссаром правобережной группы. Вторым комиссаром был Витовт Казимирович Путна. До прибытия на фронт он работал в Витебске губвоенкомом. Вместе с ним приехал на должность командира правобережной группы бывший начальник формировавшейся в Витебске дивизии кадровый офицер старой армии Михаил Степанович Матиясевич. Мне довелось первому проинформировать прибывших о составе группы и о ее основном командном составе. Вопросы, которыми интересовались в ходе беседы Матиясевич и Путна, указывали на их эрудированность и большой опыт в военном деле. Это не могло не радовать.

Говоря о В. К. Путне, с которым мне посчастливилось плечом к плечу пройти в рядах 26-й дивизии от Казани до Уфы, хочу подчеркнуть, что человек он был незаурядный. Вспоминаю его одухотворенное, с небольшими бакенбардами лицо, словно сошедшее с гравюры пушкинской эпохи. На фронте сразу же проявились его блестящие командирские качества, он быстро вырос в крупного военного специалиста, много давшего Красной Армии. Впоследствии он был трижды награжден орденом Красного Знамени.

Вспоминаю также колоритную фигуру кадрового рабочего-металлиста Ильи Митрофановича Гордиенко. Его характерное украинское лицо с крупными задумчивыми глазами напоминало чем-то Тараса Шевченко... Член партии с 1905 года, он приехал в 5-ю армию вскоре после освобождения Казани с личным мандатом, подписанным Владимиром Ильичем Лениным, и за короткое время сумел сплотить дружный коллектив политических работников правобережной группы.

Вся наша руководящая тройка политработников (я имею в виду Гордиенко, Путну и себя) работала в правобережной группе на редкость дружно и слаженно. Мы как бы дополняли друг друга, сердечно дружили — словом, жили по-братски, душа в душу, как единая фронтовая семья...

Вот почему впоследствии, говоря о политической работе, которую комиссары и политотдел группы проводили в то время в условиях безостановочного наступ-

ления частей, Путна с полным основанием мог отметить: «В группе политическое руководство и работа возглавлялась нами тремя — Сорокиным, Гордиенко и мной. Кто из нас был больше комиссаром, кто являлся начподивом, трудно было разобрать, да и мы сами мало этим интересовались» [1].

Да, это действительно так. Субординация нас не интересовала вовсе. Не потому ли и многие трудности в работе легче преодолевались?..

Но возвращусь назад, к первым дням освобождения Казани. Получив новое назначение в правобережную группу (будущая 26-я дивизия), я первым делом подумал: а нельзя ли будет организовать свою походную газету? Вспомнились газета 127-го Петроградского батальона «Искорки», работа в редакции «Петроградской правды»... Я твердо решил обзавестись в Казани типографским оборудованием, пригласить трех-четырех опытных полиграфистов, наладить выпуск печатной газеты.

В Реввоенсовете армии одобрили мое намерение, и я энергично начал действовать. В местном профсоюзе полиграфистов удалось договориться с тремя наборщиками и печатником, они и составили кадры походной типографии. С их помощью была найдена печатная машина, отобраны шрифт и другое типографское оборудование. Оформив комплектование типографии ордером Реввоенсовета, я в приподнятом настроении вернулся в штаб группы и торжественно объявил, что мы будем издавать собственную газету. Гордиенко несколько недоверчиво отнесся к моему начинанию, но тут же включил приехавших со мной рабочих в штатное расписание, помог разместить оборудование. Путна одобрил идею выпуска газеты и обещал сотрудничать в ней. Газету решили назвать «Окопная правда»... Первый номер ее вышел 26 сентября 1918 года вблизи Симбирска, где находился тогда штаб группы, на борту волжского парохода.

Штатных сотрудников «Окопная правда» не имела. Ответственным редактором ее являлся по совместительству комиссар дивизии. Он же выполнял первое время всю текущую редакционную работу: писал пере-

[1] Путна В. К. Восточный фронт. М., 1959, стр. 15—16.

довицы, правил материал, корректировал и выпускал номер. Моим деятельным помощником был Василий Мисаилов, неутомимый политработник, весельчак и балагур. Своим литературным сотрудничеством активно помогали «Окопной правде» В. К. Путна, И. М. Гордиенко, С. С. Гончарская, Б. М. Гурович. Но главный упор мы делали на массового корреспондента — красноармейца. Экспедирование газеты велось аппаратом дивизионного политотдела.

Бойцы и командиры привыкли к своей походной газете, нетерпеливо ждали очередных ее номеров, вслух читали наиболее интересные места, делились впечатлениями, активно писали в редакцию, оказывали ей моральную и материальную поддержку. Вот, к примеру, письмо, напечатанное в «Окопной правде» в декабре 1918 года:

«Тов. редактор! При сем препровождаю шейную цепочку и три образка, пожертвованные начальником 2-й бригады тов. Спижарным в пользу дивизионной газеты «Окопная правда». Указанную цепочку и образки употребите согласно пожеланию тов. Спижарного. Политком 26-й стр. дивизии В. Сорокин» [1].

Отмечу, что Спижарный происходил из профессорской семьи, служил в царской армии гвардейским офицером. В 26-й дивизии он показал себя очень инициативным и смелым командиром, искренне преданным Советской власти. За открытый и немного бесшабашный характер его знали и любили в полках...

Первую годовщину Октября — 7 ноября 1918 года — части 26-й дивизии встретили в отбитом у белых уездном городе Бугульма. Первый назначенный командованием рубеж был достигнут. Впереди лежала заснеженная Уфа, в которой мы намеревались встречать Новый год.

В местной бугульминской типографии готовим к выпуску праздничный номер «Окопной правды». Он должен выйти на 4 полосах большого формата.

Об этом просили и сами красноармейцы. Так, из 1-й Тверской батареи пришла резолюция: «Послать в газету «Окопная правда» добровольный сбор в сумме 403 рублей 50 копеек. Просить «Окопную правду» вый-

[1] Из личного архива В. В. Сорокина.

ти в увеличенном размере. Шлем свой привет в уважаемую «Окопную правду» и поздравляем ее с днем годовщины Октябрьской революции» [1].

Столь же душевно писали из 2-й и 3-й бригад дивизии, посылая 2450 рублей на нужды газеты. Желание красноармейцев было в точности выполнено: праздничный номер «Окопной правды» вышел на 4 полосах большего формата, к тому же на белой бумаге. Лозунги на ее первой полосе звучали красноармейской клятвой:

«В день исполнившейся годовщины Октябрьской революции мы склоняем наши испытанные боевые знамена над могилами павших товарищей и как один даем нерушимую клятву:

«Клянемся, что не выпустим из рук винтовки, пока не задушим окончательно белогвардейскую гадину!

Клянемся, что как один встанем грудью на защиту Советской республики от любого непрошеного иноземного вмешательства.

Клянемся, что, не задумываясь, отдадим свои головы, когда этого потребуют интересы пролетариата и революции.

Пусть знают наши враги: Красная Армия оправдает возложенные на нее пролетариатом надежды — она победит!» [2]

И в этом никто из нас не сомневался. Мы знали и верили: Красное знамя труда будет победоносно водружено над землей!

И «Окопная правда» в меру своих сил поднимала политическое сознание бойцов дивизии, каждодневно говорила им о величии конечной цели, за достижение которой боролся каждый красноармеец.

Приказом по войскам 5-й армии от 7 ноября 1918 года № 158 правобережная и левобережная группы были переформированы соответственно в 26-ю и 27-ю стрелковые дивизии. Красная Армия становилась регулярной.

В номере от 1 декабря 1918 года в передовой статье, озаглавленной «Переименование», газета «Окопная правда» писала:

---

[1] Из личного архива В. В. Сорокина.

[2] Там же.

«Правая группа получила новое наименование.

Отныне она будет называться 26-й стрелковой дивизией.

Старое наименование остается достоянием истории, и много славных и светлых страниц будет вписано в ее беспристрастную книгу.

Беспримерная по своему упорству борьба под Казанью, ликвидация обходов противника на Свияжск и Тюрлему, взятие самой Казани, быстрый переход до Симбирска и не менее быстрый переход до Бугульмы с подавлением всех попыток белогвардейцев задержать наше движение — таков боевой путь непобедимой доселе правой группы, переименованной в 26-ю стрелковую дивизию» [1].

Словно фронтовая летопись, «Окопная правда» отражала на своих страницах наиболее значительные события из жизни дивизии. Не все они были равноценны по своему значению. Но, перелистывая сейчас страницы дивизионной газеты, невольно воссоздаешь в памяти далекое прошлое, знакомые лица друзей и соратников. Немало утекло воды с тех суровых зимних переходов на уфимском направлении, но как будто это было только вчера. И это «вчера» как бы воочию встает с пожухлых страниц газет, позволяет рельефнее восстановить в памяти дорогие черты однополчан. Спасибо тебе, «Окопная правда», за предоставленную возможность встретиться со своей молодостью, со своими соратниками и друзьями...

Рассказ свой мне хочется завершить словами В. К. Путны:

«Наш орган в память популярной солдатской (большевистской) газеты Северного фронта мы назвали «Окопной правдой». Первый номер «Окопной правды» вышел на пароходе, во время переправы через Волгу, размером в лист писчей бумаги. Через месяц газетка разрослась до нормальных размеров современной окружной газеты, стала популярной в красноармейской среде и сослужила большую службу в деле политического и воинского воспитания двух старых и заслуженных перед революцией дивизий — 26-й Златоустовской и 27-й Омской...

---

[1] Из личного архива В. В. Сорокина.

...Так с азов и кустарничания начались развитие и сложная работа политорганов Красной Армии» [1].

В ноябре 1918 года 26-я дивизия отбила отчаянные попытки белых оттеснить ее из района Бугульмы и решительно нацелилась на Уфу.

Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, дивизия сквозь колючую пургу и обжигающие морозы упорно продвигалась вперед. Левее нас наступала 27-я дивизия. Наши 26-ю и 27-ю дивизии нередко называли в шутку побратимами.

31 декабря 1918 года передовые части 26-й дивизии во взаимодействии с правофланговыми частями 27-й дивизии с боем ворвались в Уфу. На следующий день в городе состоялся массовый митинг. Улицы были украшены алыми знаменами. Выпала на редкость солнечная погода. Многие рабочие и их жены пришли на митинг вместе с детьми. Они дружески приглашали к себе красноармейцев встречать Новый год...

Почти у всех, кто пришел на митинг, можно было увидеть свежий номер «Окопной правды», выпущенный в Уфе 1 января. На первой полосе газеты ярко выделялось праздничное приветствие:

«С Новым годом, уфимский рабочий! Освобожденная Уфа — наш новогодний подарок!»

Лучшего подарка трудно было и ожидать! 1919 год обещал быть урожайным по части побед...

После освобождения от белых Уфы Реввоенсовет армии решил издавать большую ежедневную газету «Наш путь». Она должна была заменить ранее издававшуюся «Гражданскую войну».

Редактирование «Нашего пути» Реввоенсовет поручил мне. Тогда же меня ввели в состав Уфимского ревкома в качестве комиссара печати.

26-я дивизия стала мне родной, и я с большой неохотой покидал ее. Обязанности комиссара дивизии передал старому члену партии — бывшему председателю Царскосельского Совета Николаю Ивановичу Татаринцеву. Это был сердечный, отзывчивый человек, боевой комиссар и умелый командир. В последующем он ра-

[1] Путна В. К. Восточный фронт, стр. 16—17.

ботал в военной прокуратуре. Вторым комиссаром 26-й дивизии оставался Путна. Редактирование «Окопной правды» было передано Мисаилову.

Проводы были по-товарищески сердечными. Ведь каждый из нас любил друг друга, крепко породнился с коллективом, мечтал до конца быть вместе и только в рядах 26-й. Улыбаясь, Путна протянул мне свою фотокарточку, на которой было написано: «На память о том, как брали Уфу». Этот дорогой для меня подарок цел и сейчас...

Ф. А. МАСЛЕННИКОВ

НА ПОДСТУПАХ К КРАСНОЙ ТЮМЕНИ

О бойцах первых советских отрядов Западной Сибири, позднее вошедших в состав 3-й армии, о Роберте Петровиче Эйдемане, нашем командующем, о Григории Александровиче Усиевиче, ленинском посланце, военном комиссаре Западной Сибири, и о многих других дорогих моему сердцу товарищах я хочу рассказать в этих воспоминаниях.

Город Ялуторовск основан в 1659 году на месте татарского поселка Ялутур, что в переводе на русский означает «утренний отдых». Это была крепость с небольшим гарнизоном, и предназначалась она для защиты границ от набегов нагайских ханов. К началу XVIII века Ялуторовский острог оказался во второй линии, за цепью новых крепостей — Омской, Ямышской, Семипалатинской. Тогда-то Ялуторовск и был объявлен городом, население которого не превышало 400—500 человек.

Вскоре он стал городом ссыльных. С 1829 года по 1848 в нем побывали декабристы В. Г. Тизенгаузен, А. В. Ектальцев, А. И. Черкасов, В. И. Враницкий, М. И. Муравьев-Апостол, И. Д. Якушкин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский и Н. В. Басаргин. Позднее в Ялуторовске отбывали ссылку многие народовольцы, а в начале XX века — социал-демократы.

К моменту моего приезда Ялуторовск представлял собой небольшой захолустный городок Западной Сибири с населением до пяти тысяч человек. В нем не было ни одной мощеной улицы. Летом — пыль, а весной и осенью — непролазная грязь, и только деревянные

тротуары, проложенные вдоль главной улицы — Царской, несколько облегчали передвижение.

Неотъемлемым атрибутом почти каждого сибирского города являлась пересыльная тюрьма. И в Ялуторовске больше сотни лет стояла трехэтажная, выбеленная снаружи и грязная внутри, обнесенная толстой кирпичной стеной с крепкими железными воротами тюрьма.

Промышленности в городе не было, за исключением Гусевской мельницы, небольших кустарных ремонтно-механических мастерских да нескольких кустарных предприятий — пимокатных, шпагатных, маслодельных. Рабочих в городе было немного, а в уезде еще меньше. Уезд же громадный: по территории примерно равен Бельгии. Черноземный и самый кулацкий во всей Тобольской губернии.

Ялуторовской администрацией заправлял бравый казачий хорунжий, за пьянку сосланный в Ялуторовск на должность исправника. В городке был небольшой гарнизон и многочисленный штат судейских, казначейских, акцизных, почтово-телеграфных и прочих чиновников, крайне реакционно настроенных. Не уступали им в махровом черносотенстве и именитые купцы Колмыковы и Гусевы, имевшие свои магазины и склады, своих управляющих, доверенных, конторщиков, приказчиков. К ним же по своим политическим настроениям тесно примыкали ялуторовские охотнорядцы — мелкие торговцы и хозяйчики.

...Приехав в Ялуторовск, я поселился в доме моей сестры, земской учительницы Елизаветы Александровны Федосеевой. С ее мужем, участником революционного движения с 1905 года, я был очень дружен еще со студенческой поры. Михаил Иванович Федосеев сыграл видную роль в становлении Ялуторовской партийной организации. Несколько лет спустя, будучи уездным комиссаром финансов и народного образования, он трагически погиб во время кулацкого восстания.

Я очень любил эту на редкость дружную, слаженную и очень приветливую семью. При всей своей мягкости и отзывчивости Михаил Иванович был непримирим к политическим путаникам, а тем более к противникам Советской власти.

В первый же день за обедом Федосеевы обрисовали сложность местного политического положения.

В Сибири не сразу во всех районах была установлена Советская власть. Только в некоторых городах (Омск, Красноярск, Иркутск), где политическое положение контролировали рабочие, переворот не заставил себя долго ждать. Получалась, например, такая картина, что в Омске и Тюмени существовали Советы, а в Ялуторовске, расположенном между ними, сидел эмиссар Временного правительства.

Со слов Федосеевых я узнал, что большинство местной интеллигенции тяготеет к партии правых эсеров, ярых врагов Советской власти. И только рабочие, учащаяся молодежь и небольшая часть передовой интеллигенции поддерживали большевиков. Но они еще не были организованы и не проявляли нужной активности.

Правда, ко времени моего приезда в Ялуторовск там уже нелегально действовала группа революционно настроенных товарищей. Возглавлял ее эсер-максималист С. П. Гроховский, сосланный в Ялуторовск еще в царское время по подозрению в покушении на губернатора. Он был противником Временного правительства и сторонником Советской власти. Впоследствии, когда Ялуторовск захватили белочехи, Гроховский погиб в колчаковских застенках. В те же дни с группой Гроховского блокировались и большевики, которыми руководил М. И. Федосеев.

На последнем совещании, которое проходило на квартире у Гроховского, было решено просить Омский Совет прислать на помощь небольшой отряд красногвардейцев. К приходу отряда мы рассчитывали выявить и активизировать всех сочувствующих Советской власти. Тогда же был выработан план захвата наиболее важных пунктов в городе и намечен состав ревкома.

В последних числах февраля небольшой отряд красногвардейцев под командованием товарища Коймова ночью вошел в Ялуторовск. К утру были заняты казармы, земство и железнодорожная станция. Когда ялуторовский обыватель проснулся, в городе уже была установлена Советская власть. В расклеенных по стенам листовках объявлялся состав временного ревкома: председатель — Гроховский, заместитель председате-

ля — Масленников, комиссар финансов и народного образования — Федосеев, комиссар почты и телеграфа — Туранский, комиссар железнодорожной станции — Малых, секретарь — Комольцев.

На другой день организовали всеобщую демонстрацию и митинг. Трудно поверить, но, для того чтобы привлечь как можно больше жителей, особенно крестьян, перед демонстрацией отслужили молебен. Сделано это было по инициативе Гроховского, Туранского и еще некоторых членов временного ревкома. Категорически возражали большевики Федосеев, Комольцев и я.

Омские красногвардейцы могли оставаться в Ялуторовске только несколько дней. За это время нужно было провести выборы в городской Совет, наладить работу государственных учреждений, сформировать свой красногвардейский отряд.

Формирование отряда ревком поручил Гроховскому. Набор красногвардейцев проходил медленно. Это в первую очередь объяснялось тем, что огромный Ялуторовский уезд не был еще под контролем только что возникшего ревкома. Уездный же город из-за своего социального состава мог дать лишь небольшое число красногвардейцев-добровольцев. Решили формировать отряд с привлечением военнопленных чехов. Их в Ялуторовске скопилось до 800 человек. Такое решение ревкома требовало тщательной проверки каждого военнопленного-добровольца, вступающего в отряд. Позднее красногвардейские силы Ялуторовска были укреплены бывшими фронтовиками из волостей.

...Прошло несколько месяцев, целиком наполненных борьбой за упрочение Советской власти. Вести о событиях в столице доходили до нас случайно и с большим запозданием. Если крупные сибирские города и имели какую-то связь с Москвой и Петроградом, то уезды плохо сообщались даже с губернскими центрами. Мы были предоставлены самим себе и жили своей внутренней жизнью.

Начиная с первой половины мая в Ялуторовск начали просачиваться всевозможные слухи о передвижении чехов, о каких-то переговорах с ними советских органов... А во второй половине мая была впервые получена из Омска секретная телеграфная сводка. Уезд-

ные Советы подробно информировались о передвижении белочехов на Дальний Восток. Указывалось на неопределенность их позиции и предписывались бдительность и готовность ко всем случайностям. Особое внимание Омск обращал на доукомплектование красногвардейских отрядов и усиление их боеготовности.

Тревога, вызванная появлением чешских эшелонов, усиливалась сознанием того, что за спиной у Советов существует сильное и организованное белое подполье. Огромные пространства Сибири послужили плацдармом для контрреволюции, объединившей все антисоветские силы от эсеров до монархистов. В Западной Сибири Национальный центр к появлению белочехов успел сколотить подпольные боевые группы во главе с бывшими офицерами царской армии.

...Постепенно информационные сводки из Омска стали поступать регулярно. Сообщалось о занятии чехами и белыми Самары, Челябинска, о наплыве в Сибирь бывших царских офицеров и юнкеров.

Стала налаживаться связь с Тюменью. Оттуда поступило распоряжение организовать Чрезвычайный военно-оперативный революционный штаб. Этому органу передавалась вся полнота власти и вменялась в обязанность перестройка мирной жизни уезда на военный лад. Председателем Чрезвычайного военно-оперативного революционного штаба назначили меня. Его членами стали председатель уисполкома Григорьев и председатель ЧК С. А. Комольцев. Штаб разместился на Соборной площади, в доме купца Колмыкова, и сразу же приступил к работе. Прежде всего были сформированы комендатура и военный комиссариат, затем назначены волостные военные комиссары, которые должны были решить главную для нас задачу — создать красногвардейские отряды по всему Ялуторовскому уезду.

К этому времени в городе наряду с отрядом Гроховского, который состоял в основном из военнопленных, был сформирован второй красногвардейский отряд. В него вошли фронтовики из волостей. Это обстоятельство значительно укрепило наше военное положение и подняло авторитет Советской власти в уезде.

Через несколько дней была получена еще более тревожная телеграмма. В ней сообщалось, что белочехами взят Курган. Неопределенность в поведении

чешских легионеров исчезла. Они разгоняли Советы, арестовывали большевиков, продвигаясь по всей линии сибирской магистрали. В Ново-Николаевске, опираясь на белочешские штыки, формировалось Временное сибирское правительство из эсеров и меньшевиков; вокруг Гришина-Алмазова, Анненкова и Пепеляева группировались офицерские силы. Омск призывал к чрезвычайной бдительности, требовал полной боевой готовности и просил срочно прислать на помощь красногвардейский отряд.

Положение в Ялуторовске также становилось крайне напряженным. Ялуторовский уезд граничил с Курганским. С разгромом Советов в Кургане к власти там пришли контрреволюционные силы. Несомненно, они поднимут головы и в близлежащих уездах. В довершение всего нам было неясно, как поведут себя многочисленные военнопленные, скопившиеся в нашем городке. Правда, не было никаких оснований подозревать в измене чехов и мадьяр, вступивших в красногвардейский отряд. Они хорошо помогли нам управиться с местной контрреволюцией. Но будут ли чехи драться против своих соотечественников-легионеров? В этом у нас, говоря по совести, уверенности не было.

Большое число пленных в Ялуторовске грозило самому существованию Советской власти в уезде. Необходимо было изолировать их, не останавливаясь перед самыми крайними средствами. Однако эта проблема решилась легче, чем мы ожидали.

Основная часть военнопленных — солдаты и унтер-офицеры — проживала в городской тюрьме, опустевшей после февраля. Чехи и мадьяры были переселены в нее из лагеря, жили в ней свободно, без охраны. Военнопленные офицеры снимали в городе частные квартиры.

Операцию по взятию под охрану тюрьмы и аресту офицеров успешно провел 2-й Ялуторовский отряд. К утру разоруженные офицеры были присоединены к рядовым и унтерам в здании тюрьмы. Военно-оперативный штаб назначил начальника тюрьмы и выделил специальную команду для надзора за военнопленными.

Оставалось решить, как поступить с 1-м Ялуторовским отрядом. Некоторые товарищи горячились и требовали разоружить красногвардейцев-военнопленных силой. Но это могло привести к вооруженному столк-

новению. Военно-оперативный штаб, учитывая сложившуюся обстановку, запретил применение силы. После очень трудного разговора с глазу на глаз с командиром 1-го отряда мне удалось убедить его в необходимости сдать оружие. Товарищу-интернационалисту было очень тяжело, его оскорбляло недоверие, и только глубокая преданность Советской власти помогла ему понять правоту наших опасений и удержать людей своего отряда от сопротивления. К общему удовлетворению, часть разоруженных бойцов-интернационалистов была влита во 2-й Ялуторовский отряд.

В тот же день началось формирование отряда добровольцев, которые отправлялись на помощь Омску. Это были венгры во главе с бывшим командиром 1-го отряда. В Ялуторовск никто из них не вернулся. В неравном бою на подступах к Омску красные венгры сражались геройски. В живых остался лишь один боец.

Мы знали, что положение под Омском тяжелое. Две недели не прекращались бои. Перед самым выступлением белочехов закончила работу I Западно-Сибирская конференция РКП(б). Делегаты разъехались, ничего не зная о мятеже, а на следующий день Исполнительный комитет Советов Западной Сибири получил ультиматум от белочешского командования. Омские руководители понимали, что требование пропустить чехов на Владивосток служит ширмой. Действительная цель главарей легионеров — занять Омск без боя и разгромить центр Советов в Западной Сибири. Начались переговоры. Но тут стало известно о вероломстве белочехов, которые захватили Челябинск, Курган, Петропавловск. Переговоры теперь не могли привести ни к чему.

Судьба Советской власти в Омске во многом зависела от исхода боя на станции Марьяновка, в сорока километрах от города. В распоряжении белочехов были хорошо обученные и превосходящие нас по численности части; у нас — 1000 красногвардейцев и 500 железнодорожников, а кроме того, ненадежный тыл.

Как красногвардейцы, так и чехи знали, что от этого боя зависит и судьба Советской власти в Сибири, и успех чехословацкой авантюры. Наши делегаты пытались затянуть переговоры и выиграть время, но безуспешно. Начавшийся бой сразу же принял ожесточенный характер. В течение двадцати часов красногвар-

дейцы отражали яростные атаки легионеров. Белочехи, наступавшие колоннами, были пьяны. Красногвардейцы, рассыпавшиеся в цепь, не смогли сдержать идущие на прорыв колонны. Нужен был резерв, чтобы сменить падающих от усталости людей и прикрыть фланги. Но подкрепления подойти не могли. Тыл на запад и восток по сибирской магистрали оказался в руках мятежников. Прорвавшись у Марьяновки, они повели наступление на Омск одновременно с двух направлений: от Челябинска — с запада и от Ново-Николаевска — с востока.

Исход боя за Омск предрешило обходное движение белочешских колонн. Отразить врага здесь было нечем. Командующий Западным фронтом Звездов отдал приказ отступать.

Весть о поражении красных под Марьяновкой явилась сигналом к выступлению эсеров и белогвардейцев. Под ружейно-пулеметным огнем контрреволюционеров советские и партийные работники пробились к пароходам. Эвакуировать удалось только ценности банка. 7 июня Советская власть в Омске перестала существовать на полтора года.

Линия фронта приближалась к Ялуторовску.

Правда, впереди был еще Ишим, но связь с ним отсутствовала. О том, каково было положение в первые дни после падения Омска, видно из донесения члена коллегии наркомвоена В. А. Трифонова:

«Донесение по прямому проводу члена коллегии наркомвоена В. А. Трифонова

В. И. ЛЕНИНУ

г. Тюмень

10 июня 1918 г.
1 час 30 мин.

Я говорю из Тюмени. Здесь полное отсутствие организованности.

Ночью были получены известия, что Омск и Ишим пали.

Десант эшелонов чехословаков движется на Тюмень.

Я на деле видел работу местного комиссариата.

Уральский областной комиссариат совершенно не обращал внимания на тюменское направление...

Связи между Тюменью и Екатеринбургом нет никакой, хотя между ними всего 8 часов езды. Халатность, по-моему, преступная. Придется здесь произвести кое-какие переформирования в верхах.

Последнее известие с тюменского направления следующее: Омск взят после горячего боя, отступили, в каком именно направлении, пока не установлено... Большие расстрелы.

Ишим эвакуируется, хотя неприятеля вблизи, по-видимому, нет. Неприятельская разведка замечена в 80 верстах от Ишима.

Бегство объясняется отсутствием организации.

Я организую теперь оборону у Ялуторовска...»[1]

...Связь с Ишимом удалось восстановить после долгих попыток и только по телеграфу. В ожидании возможной провокации задаю проверочный вопрос:

— Ишим? Кто у аппарата?

— Говорит уполномоченный Временного сибирского правительства. С кем имею честь?

Разобравшись в моем ответе, ишимский уполномоченный предъявил ультиматум, потребовав от имени Временного сибирского правительства в трехдневный срок сдать город. В противном случае он обещал объявить нас вне закона.

На этом разговор закончился. Стало ясно, что Ишим потерян и фронт приближается непосредственно к Ялуторовску.

Оставалось выяснить, где же сейчас находятся эшелоны белочехов. Самое проверенное средство — связаться с промежуточной станцией между Ишимом и Ялуторовском. Вызываем к аппарату начальника станции Вагай. Железнодорожник решил уклониться от ответа. Сегодня придут чехи, завтра — красногвардейцы, а на станции остается он. Да и семья рядом. Одним словом, Вагай ответил, что прошли десять эшелонов на Ялуторовск. А чьи эшелоны, сообщить отказался. Видно, рядом сидели вооруженные люди и диктовали ответы. Завершая разговор, я сообщил, что безнаказанно продвигаться эшелонам к Ялуторовску мы не дадим.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, л. 106 (копия).

Путь минирован и во многих местах разобран. Если вздумают выгрузиться и идти в обход, встретим пулеметным огнем.

Сразу же после разговора с Вагаем я срочно выслал бригаду железнодорожников с заданием разобрать в двух перегонах от города несколько участков пути. Затем связался с Тюменью и доложил обстановку под Ялуторовском. Губернский центр обещал срочно прислать помощь. Но до Тюмени семьдесят верст. На скорую руку прикинули, сколько времени может выдержать ялуторовская оборона удары врага. Если через Вагай прошли десять эшелонов, то у врага не менее 10 000 штыков. Допустим, что нас усиленно запугивали, и скостим число эшелонов до одного. Но и тысяча хорошо вооруженных и обученных солдат — большая сила. Против этой предполагаемой тысячи легионеров и белых Ялуторовский отряд может выставить двести бойцов.

Прошло несколько часов. Никаких эшелонов со стороны Вагая не было. А тем временем пришла первая помощь из Тюмени. Это была большая платформа-американка, обложенная мешками с песком. Паровоз к ней прицеплен сзади и тоже обложен мешками с песком. На платформе стояло трехдюймовое орудие, а впереди и по бокам — десять пулеметов. Эту самоделку на колесах мы называли не бронепоездом, а броневиком. На броневике приехал военный инспектор фронта Павлов, высокий, по-офицерски подтянутый, с рыжей бородкой, подстриженной клином. Из тюменских работников с ним был губвоенком Пермяков.

Тут же на станции устроили совещание. С помощью броневика мы можем остановить эшелоны и не дать белочехам ворваться в город через станцию. Но если они оставят линию железной дороги и двинутся в обход, то защищаться нам нечем. Дополнительная помощь из Тюмени не успеет, а вызванным мною из уезда отрядам тоже не подойти в такой срок.

Оставалось единственное средство — начать с врагом переговоры и попытаться, идя на ложные уступки, затянуть их и выиграть время. Снова соединяемся с Вагаем. Но на этот раз разговор принимает неожиданный характер. Узнав, что у аппарата члены штаба омского направления, ведущий переговоры стал зада-

вать нам вопрос за вопросом. Не вызывало сомнений, что он проверяет, действительно ли мы члены красного штаба. Зачем это нужно знать в Вагае? И каким образом тот, кто назвался штабс-капитаном, знает в лицо Павлова, Пермякова, меня?

История с десятью эшелонами разрешилась просто. С нами говорили ишимцы, покинувшие свой уезд без боя. Ишимский красногвардейский отряд вывез часть городского имущества, семьи советских и партийных работников, небольшие запасы вооружения. Боязнь встретить в Ялуторовске белых вызвала разговор о десяти эшелонах, наделавший такой переполох в Ялуторовске и Тюмени.

Как только мнимая угроза рассеялась, я приказал восстановить путь. Один из членов штаба отправился на станцию Вагай, чтобы навести там порядок. К вечеру стали подходить ишимские эшелоны. Имущество и семьи мы отправляли в Тюмень. Ишимский отряд в 200—250 красногвардейцев под командой Карякина остался в Ялуторовске и принял участие в боях.

Все эти дни я безвыходно провел на станции и в здании штаба на Соборной площади не показывался. Наблюдать поведение обывателя мы не могли, но знали, что слухи о «бегстве» красных из Омска до уезда дошли. Когда я шел по улицам в штаб, меня охватило чувство, что городишко по-недоброму притих и выжидает. Председатель ЧК сразу же поделился опасениями, что белое ялуторовское подполье наготове. Ему было известно, что в городе открыто ждут белочехов и уже распущены слухи о «бегстве» большевиков и председателя штаба, то есть меня.

Военно-оперативный штаб понимал, что Ялуторовск — рубеж на основном направлении, занятом врагом, между Омском и борющейся Тюменью. Возьми белочехи Ялуторовск, до губернского центра им останется несколько десятков верст без единого уездного города на пути. Падение Тюмени, которого так ждала сибирская контрреволюция, открывало дорогу с востока на Екатеринбург (Свердловск).

К счастью, тюменский Военно-оперативный штаб возглавляли крупные партийные работники-ленинцы. Им, и прежде всего незабвенному Григорию Александровичу Усиевичу, мы обязаны тем, что Тюмень не была

сдана, подобно Омску, а героически оборонялась целых полтора месяца.

Григорий Александрович Усиевич, герой московского Октября, был направлен в Сибирь весной 1918 года. Чешский мятеж застал его и наркома А. Г. Шлихтера в Петропавловске. Отступая вместе с омскими работниками на Тобольск, Усиевич отказался эвакуироваться в Екатеринбург и остался организовывать оборону Тюмени. С небольшим отрядом он поднялся вверх по Тоболу на двух пароходах, вошел в Туру и 12 июня высадился в Тюмени.

Так в середине июня на маленьком клочке сибирской земли, еще остававшемся в руках революции, образовалось два направления: ишимское направление — по железной дороге из Омска и тобольское — по рекам Тура, Тобол и Тавда. К ним вскоре добавилось южное, кургано-шадринское направление.

Сразу же по прибытии Усиевича с отрядом омичей был организован Военно-революционный штаб Западной Сибири. Его председателем на авторитетном собрании был избран Г. А. Усиевич. Никогда Тюмень не переживала таких лихорадочных, пламенных дней. Делалось все, чтобы поднять на борьбу с врагом тюменских рабочих. В городе их насчитывалось около 8000 человек. Чуть ли не ежедневно проводились митинги и рабочие собрания. Звучали зажигавшие сердца речи губернского военного комиссара Пермякова, пылкие и страстные призывы Усиевича, Окулова, Эйдемана.

Тюменские рабочие дружно записывались в красногвардейские отряды. Только на ишимское и тобольское направления пролетарская Тюмень направила свыше 1500 бойцов. И в этом важнейшем деле большая заслуга товарища Усиевича. Он в те дни не знал ни отдыха, ни покоя, буквально заражая всех своей энергией и верой в конечную победу революции.

Надо особо отметить, что сражающаяся Тюмень притягивала к себе со всех сторон наши отряды, оказавшиеся на территории, занятой врагом. Группами по лесам пробились венгры-интернационалисты Кароля Лигети, успешно оборонявшие Омск со стороны Ново-Николаевска (Новосибирск). Всего их дошло около 500 человек. Один отряд в 250 бойцов прорвался из Татарска через занятую белыми Тару. Из Томска, отходя

на пароходах, пробились через Тобольск венгры и чехи — добровольцы Ференца Мюнниха.

Прибыла первая помощь с Урала, из Екатеринбурга. Ее прислал штаб северо-урало-сибирского фронта, руководивший борьбой на Урале и в Западной Сибири. Командовал фронтом крупный организатор Красной Армии Р. И. Берзин.

Вместе с уральцами в Тюмень вернулась группа омских работников. Среди них были старый большевик А. И. Окулов и будущий прославленный военачальник Красной Армии Р. П. Эйдеман. Оба они сыграли выдающуюся роль в обороне Тюмени. Несколько позднее приехали соратники Усиевича по омскому штабу Косарев и Звездов.

Руководство обороной Тюмени усилилось, это мы почувствовали и в Ялуторовске. Теперь уже не нужно было лихорадочно ждать подхода броневика. Тюменские отряды занимали прочную оборону. Общее руководство тобольским и ишимским направлениями находилось в руках Алексея Ивановича Окулова, старого партийного работника. Алексей Иванович был превосходным организатором, человеком с ясным и практическим умом. Роберт Петрович Эйдеман, назначенный командующим ишимским направлением, тогда еще только начинал свой путь военачальника. По возрасту совсем юноша, богатырского роста, красивый и редкостного обаяния человек, он поражал своими выдающимися командирскими качествами. Роберта Петровича мне приходилось наблюдать и в боях гражданской войны, и в мирные тридцатые годы. В бою я не припомню человека более невозмутимого, чем Эйдеман. Решительность в действиях и личная храбрость, превосходное оперативное мышление выделяли его среди других командиров. Я не могу вспомнить, чтобы Роберт Петрович повысил голос или оборвал подчиненного, не приходилось ничего подобного слышать и от других.

Командующим тобольским направлением был назначен В. Кангелари. Его отряд последним ушел из Омска, пробивался через Тобольск на Екатеринбург, и вот теперь Кангелари отбивал атаки тобольских белогвардейцев, которые двинулись на Тюмень.

Флотилией на Туре и Тоболе командовал известный балтийский матрос Павел Хохряков. Молодой, отчаян-

ной смелости, страстный оратор, он всегда шел на самые опасные задания, увлекая своим примером подчиненных. Красногвардейцы и матросы считали его героем. Павел Хохряков впоследствии геройски погиб в бою под станцией Егоршино. Пуля попала ему в грудь, и он только успел сказать: «Я умираю за революцию».

Надо отметить, что отношение к обороне Тюмени сложилось различное. Вдали от места боев некоторые руководители считали, что имеющихся у нас сил вполне достаточно не только для обороны города, но и для взятия Омска и наступления на Челябинск. В противоположность этим нереальным планам приехавшие из Екатеринбурга военспецы предлагали всю тюменскую группу без боя отвести на запад, к Камышлову. Военные работники считали, что только таким путем мы сохраним силы и организуем их для действительного отпора врагу.

Предложение об отходе было категорически отвергнуто председателем Военно-революционного штаба Г. А. Усиевичем и группой партийцев, разделявших его мнение. Григорий Александрович по октябрьским боям в Москве знал, что́ такое добровольно оставить стратегический центр, вокруг которого ведется борьба. Подобные действия влекли за собой не только военное, но и моральное поражение. В Москве таким ключевым пунктом был дворец генерал-губернатора на Скобелевской площади. Из дворца тоже предлагали уйти, но члены ВРК остались по настоянию Усиевича, дрались, окруженные юнкерами, и победили, способствуя общему успеху восстания. В Сибири, по мысли Усиевича и его единомышленников, центр вооруженной борьбы сосредоточился вокруг Тюмени. Усиевич доказывал, что за спиной сражающихся сибирских отрядов формируются основные силы Красной Армии. Долг тюменских отрядов драться за каждый разъезд, а если придется уходить, то только отдав все силы борьбе. Это даст Красной Армии время подготовиться для решительной схватки.

9 июня части ишимского направления заняли оборону у станции Голышманово. Начались ожесточенные бои. Белые рвались к Тюмени, уверенные в быстром успехе. Мы преградили им путь и впервые с начала мятежа не дали продвинуться вперед.

На первых порах под Голышманово оборонялись малочисленные, слабо вооруженные отряды. Хотя инспектор Павлов назначил нового командующего, бывшего офицера генерального штаба Егорова, по-прежнему не использовались местные ресурсы, не учитывались местные условия. Помню, Алексей Иванович Окулов в этой связи настоятельно советовал: «Поменьше ждите от Центра. Россия велика. А все головы на Москву поворачивают. Лучше копни на местах — и вооружение, и отряды появятся». Под Голышманово, пока не вернулось прежнее командование, руководство было занято только военными вопросами. Но как ни переставляй отряды, число бойцов не увеличится.

Красногвардейцы были вооружены винтовками и гранатами. В каждом отряде — один-два пулемета. Артиллерии не было. По линии железной дороги двигался бронепоезд, почти двойник броневика, который я описывал: две платформы вместо одной, на каждой — пушка старого образца и пулеметы типа «максим» с круговым обстрелом.

В первом же бою под Голышманово погиб ялуторовский красногвардеец. Это была не просто смерть одного человека, а первая жертва гражданской войны в Ялуторовске. Военно-оперативный штаб решил похоронить его в городе с воинскими почестями. Родственники же потребовали, чтобы похороны были устроены по христианскому обычаю. В отпевании приняло участие все городское духовенство. Стройно пел сводный хор всех церквей. На похороны пришли горожане и мужики из соседних сел. Гроб с покойным на руках пронесли через весь город до кладбища. А у могилы убитого была проведена гражданская панихида. Сюда сошлись бойцы с красными знаменами. Прозвучал воинский салют. Таких торжественных похорон Ялуторовск не видел никогда.

Политическое воздействие красных похорон было большое. И, когда началась вербовка добровольцев по волостям, мы это почувствовали. В красногвардейские отряды записывались не только солдаты-фронтовики, но и молодежь из крестьян, военнопленные.

Тогда же Военно-оперативный штаб решил укрепить направление второй линией обороны. Готовилась она западнее Голышманово, в районе станций Омутин-

ская и Вагай. Саперы у нас были грамотные, но инженерного имущества почти не было. Пришлось отрыть окопы полного профиля с бруствером, пулеметными гнездами и ходами сообщения. Проволочные заграждения отсутствовали — не было ни мотка колючей проволоки. Снять красногвардейцев с фронта на рытье окопов мы не могли. Работали мобилизованные с оплатой двадцать рублей за день. Последняя мера была немаловажной, так как сибирский мужик видел, что Советская власть чувствует себя крепко и поступает по-хозяйски.

Наткнувшись на нашу оборону у Голышманово, белочехи полезли вперед, не дожидаясь подкрепления. Поспешные их атаки ни к чему не привели. После этого наступила короткая пауза. Враг подтянул свежие силы. Начались упорные бои, не стихавшие две недели.

25 июня, в разгар боев за Голышманово, отряд легионеров и казаков обошел нашу оборону и внезапно напал на станцию Вагай. Станцию защищали несколько десятков бойцов. Красногвардейцы дрались до последнего, но силы были не равны. Белочехи, ворвавшись на станцию, полностью уничтожили отряд. Многие железнодорожники были расстреляны. Раненых красногвардейцев изрубили, а 20 человек сожгли.

Первое донесение о бое за Вагай было передано в Ялуторовск. Мы собрали всех, кто мог держать оружие. В городе осталось семь—десять красногвардейцев для охраны штаба.

Через несколько часов ялуторовские красногвардейцы подошли к Вагаю. Все знали о зверском уничтожении отряда и сожженных раненых. Никто не думал о том, сколько на станции белых. Отряд развернулся и пошел в штыковую атаку. Хочется сказать, что так называемые психические атаки и с белой, и с нашей стороны применялись гораздо раньше боя, показанного в кинофильме «Чапаев». Атака под Вагаем стихийно была психической. Ее никто не организовывал. Бойцы были в страшной ярости. Они шли в полный рост, без картинного строя и барабанной дроби, но белым от этого было не легче. В нашей цепи наступало десятка два матросов с ручными пулеметами. Отряд белочехов и казаков был наполовину рассеян и поспешно отступил к своим основным силам.

После боев на станции Вагай белые, подтянув резервы и артиллерию, вновь обрушились на Голышманово. Особенно жестокий бой разыгрался 28 июня. По нашим позициям било более 15 орудий, в том числе несколько тяжелых.

К этому времени в боях на ишимском направлении участвовали красногвардейские отряды Тюмени, Ялуторовска и Ишима, рабочие дружины Омска и Екатеринбурга, добровольцы из волостей, отряды латышей, венгров, чехов. Героически сражался Петроградский продовольственный отряд.

Но преимущество белочехов и белогвардейцев в силах было слишком велико. 28 июня в штаб фронта отправляется телеграмма: «Противник наседает. Мы отступили на Омутинскую... Усиевич, Окулов»[1].

Красногвардейские части оставили станцию Голышманово и отошли на запад, за реки Малый Каш и Вагай.

Здесь мы получили пополнение. В помощь штабу был прислан военный специалист Павел Владимирович Клоков. Бывший прапорщик военного времени, член партии с 1917 года, Павел Владимирович стал ветераном Восточного фронта и впоследствии командовал бригадой в 29-й стрелковой дивизии.

Рано утром 1 июля начался тяжелый бой за станцию Омутинская и примыкающие к ней деревни. Атаки белочехов не прекращались шестнадцать часов. Красногвардейцы стояли насмерть. С беззаветным героизмом сражался Петроградский продовольственный отряд. Остается сожалеть, что суровое время не сохранило для потомков имена всех его героев.

Петроградцам не уступали в отваге и упорстве венгры интернационалисты, занимавшие важные позиции у деревни Каш.

В конце дня белочехам удалось ворваться на станцию Омутинская, но они были встречены дружным огнем, ошеломившим даже кадровых офицеров. В перехваченной нами белогвардейской сводке отмечалось, что их роты и батальоны поливались огнем «из каждой избы и из-за каждой изгороди» и что красные в Омутинской показали «умение, упорство и стойкость», которых от них не ожидали. Не выдержав нашего огня и

[1] «Тюменская правда», 1967, 25 марта.

контратак, белые очистили Омутинскую и отошли на свои прежние позиции.

Но передышка была недолгой. Срочно подтянув из Омска пехоту и артиллерию, белые атаковали Омутинскую, не дожидаясь наступления утра. Завязался ожесточенный ночной бой.

Отряды в нашей обороне сражались прежние. Против сильного и опытного врага их вели все те же молодые, с небольшим боевым опытом командиры. Но революционный дух красногвардейцев возмещал многие просчеты и неполадки организации. Рядовые бойцы брали всю ответственность на себя, они понимали значение каждого рубежа перед Тюменью, и об эту решимость разбивалось превосходство белочехов.

Мы, командиры, в дни обороны Омутинской находились в сложном и затруднительном положении. Я знал от военрука Егорова, что существуют две точки зрения. Одну из них проводили военные. Их точку зрения неоднократно развивал передо мной Егоров. Он не видел никакого смысла в том, чтобы держаться за позиции в Голышманово и Омутинской. Егоров производил чисто военные выкладки и с досадой толковал о распылении сил. Разумность обороны Ялуторовска и Тюмени не укладывалась в его узкопрофессиональное сознание.

Усиевич, Пермяков, Окулов, Андрей Звездов, Залман Лобков, то есть все военные комиссары в тюменском штабе, не только оспаривали, но и решительно отвергали предложения военных по отводу тюменских отрядов. Я знал от Андрея Звездова, что столкновение мнений перешло в резкий конфликт. Был момент, когда инспектор Павлов своим приказом распустил Военно-оперативный штаб. Разумеется, тюменский штаб продолжал руководить обороной, а Павлову пришлось отменить свой приказ. Но двойственность в руководстве осталась. Под грохот канонады в Омутинской Егоров, ссылаясь на инструкции из Екатеринбурга, потребовал отвода войск за Ялуторовск. Военные комиссары, зная непримиримый дух в отрядах, настаивали на продолжении обороны. Начались переговоры с Екатеринбургом. Но в этот момент белые прервали связь, и военспецы, воспользовавшись сложной ситуацией, отдали приказ об отводе войск из Омутинской.

В начале июля фронт отодвинулся к станции Вагай. Возникла прямая угроза Ялуторовску, а следовательно, и Тюмени. Когда восстановилась связь с Екатеринбургом, командующий фронтом Р. И. Берзин снял военрука Егорова с командования за приказ о сдаче Омутинской. Оборона Тюмени целиком сосредоточилась в руках Усиевича и Революционно-оперативного штаба. В Ялуторовск стало поступать вооружение, и мы получили возможность сформировать несколько новых отрядов. Ядро их составили фронтовики из волостей, крепкие в бою, с фронтовой закалкой. Всего под Вагаем была создана крупная по тому времени группировка, в которую вошло более полутора десятков отдельных отрядов. Среди них были отряды, присланные из Вятки, с Урала, из Петрограда, а также остатки омской Красной гвардии, объединенные под командованием товарища Пастернака.

Бои за Вагай отличались особым упорством и ожесточенностью. Поднимаясь в атаку по нескольку раз в день, белые стремились прорваться к станции Вагай, а затем к Ялуторовску и Тюмени. На рассвете 4 июля начался бой за пристанционные деревни, который сразу приобрел тяжелый, затяжной характер. Обе стороны подтянули бронированные поезда и бронемашины.

К концу дня белочехи и казаки прорвались на станцию и окружили оборонявший ее небольшой отряд. Все красногвардейцы погибли. Командир броневика Павлов и восемь бойцов его команды вели бой до последнего патрона. Когда кончились боеприпасы, девять героев подожгли броневик и приняли смерть с пением «Интернационала».

Станция Вагай была очищена от врага подошедшими на помощь красными венграми Дежи Хроматко. Интернационалисты его отряда доставили останки погибших в Тюмень, где они с почестями были захоронены в братской могиле на Городской площади.

После короткого ночного затишья 5 июля бои за Вагай возобновились. На рассвете открыли огонь броневики. Белая конница несколько раз прорывалась на флангах. Белочехи на протяжении всего дня вводили резервы и упорно лезли вперед, правда не напролом, как обычно. По всему можно было определить, что Ва-

гай плотно обложен врагом. Спасти положение можно было только вводом в бой солидных резервов. А таковых у нас не оставалось. Поздно вечером 5 июля, понеся большие потери, белочехи заняли Вагай.

Ялуторовские части вместе с остальными отрядами с трудом оторвались от наседавших белых и укрепились на берегу реки Тобол, у станции Заводоуховская. Оборонительный рубеж по Тоболу был тактически очень выгодным, и мы рассчитывали продержаться здесь долго.

Но фронт подошел слишком близко к Ялуторовску, и белое подполье зашевелилось. В волостях и селах кулаки стали разгонять Советы и выбирать своих старост. Сам город оказался под угрозой мятежа. Местная контрреволюция использовала для этой цели уездный съезд Советов и совещание фронтовиков, открывшиеся в один день. На совещание фронтовиков из Тюмени приехали Андрей Звездов и Залман Лобков.

Съезд должен был заседать в Народном доме. Товарищи из уисполкома, хорошо знавшие уезд, видели, что среди делегатов много богатеев. Они же прошли в президиум. На совещании фронтовиков оказались новые, незнакомые люди, которых раньше никто не видел ни в самом городе, ни в уезде. Вокруг них сколачивались активные группки, ведшие агитацию. Когда совещание открылось, неожиданно раздался взрыв большой силы. Кто-то крикнул:

— Ложись! Бомба!

В другом конце подхватили:

— Расстреливают!

Множество голосов орало, перекрывая шум:

— Зажечь хотят! Пожар!

Собравшиеся, давя друг друга, бросились к выходу, проклиная большевиков.

Озверевшая толпа двинулась к Военно-оперативному штабу с криками «Бей большевиков!». Весть о случившемся быстро дошла до съезда Советов. Провокаторы, поддержанные кулачьем, подняли крик: «Убивают фронтовиков! Постоим за защитников России!» И на съезде поднялась паника. Делегаты выбежали на площадь и толпой, искусно подстрекаемые и управляемые, бросились с другого конца города к зданию Военно-оперативного штаба. Чувствовалась какая-то единая

линия в действиях, какая-то единая рука, направлявшая их.

На принятие контрмер оставались минуты. Я взял конного вестового и поскакал в расположение Ялуторовского отряда. Работники штаба вместе со Звездовым и Лобковым поспешно забаррикадировали двери и приготовились обороняться. Толпа, обступившая здание со всех сторон, не тратила времени на переговоры и принялась ломать двери, ворота, выламывать окна.

Мы наблюдали всю эту страшную сцену. Наконец прибыл Ялуторовский отряд. Ударила в воздух пулеметная очередь, за ней — вторая, третья... Мятежники бросились врассыпную, но часть их удалось задержать. Среди арестованных оказалось большое число офицеров, с Ялуторовском никак не связанных.

Но вернемся к нашим делам на фронте. Чтобы лучше понять особенности военных действий тех дней, необходимо помнить, что шел эшелонный период гражданской войны. И у нас, и у противника сплошного фронта не было. Бои велись вдоль линий железных дорог, вблизи своих эшелонов. Так было спокойнее. Случалось, что неопытный командир, поддавшись панике, откатывался со своим отрядом далеко назад. В последних числах июня белочехи изменили тактику. Подтянув крупные силы к Шадринску и Кургану, они повели наступление с юга во фланг, стремясь отрезать Тюмень от Екатеринбурга и Ялуторовск от Тюмени.

За короткое время связь с Екатеринбургом была прервана дважды: у станций Тугулым и Кармак. Тюменский штаб не имел сил для охраны всей линии железной дороги. Высылались маленькие рейдовые группы, которые пытались парировать набеги белых. Часто эти рейды оканчивались трагически. 3 июля в Тугулыме полностью погиб отряд из 17 красногвардейцев, были разрушены железнодорожные пути, выведен из строя телеграф.

Вскоре со стороны Кургана белогвардейцы вторглись на территорию Ялуторовского уезда, отбросив и почти полностью уничтожив отряд Пичугина, который состоял из партизан-курганцев. Перебросив на курганское направление сильный отряд Семенова, мы остановили наступление белых, но положение оставалось

предельно напряженным: Ялуторовск оказался под прямой угрозой быть отрезанным от Тюмени.

Как впоследствии выяснилось, на Ялуторовск в это время наступали белогвардейские части со стороны Ишима численностью 2000 штыков и 500 сабель, а от Кургана — 800 штыков с артиллерией и пулеметами. Регулярные войска были усилены крупными кулацкими бандами, оперировавшими на обоих направлениях. С нашей стороны действовало около двух десятков отдельных отрядов общим числом 800—1000 бойцов. Основное вооружение, как и в начале боев, составляли винтовки и гранаты, небольшое количество пулеметов с ограниченным запасом патронов. По линии курсировал бронепоезд, но полевой артиллерии не было.

Силы были слишком не равны, надо было отходить на Тюмень. Большого труда стоило нам убедить в этом красногвардейцев. Они оставляли родной уезд, бросали семьи на расправу белогвардейцам. 8 июля тюменский штаб приказал оставить Ялуторовск и отступить к селу Богандинское на реке Пышма. Там была создана новая линия обороны, и тюменцы считали ее самой сильной за все время боев.

Темной, пасмурной ночью 9 июля мы подтянули железнодорожные составы к линии фронта, погрузили отряды и перебросили на станцию Ялуторовск. На рассвете мне сообщили по телефону, что пришел последний эшелон с Ялуторовским отрядом, который должен был прикрывать отступление. Полчаса спустя прискакал ординарец и доложил, что путь перед железнодорожным мостом и на мосту разобран и шпалы облиты керосином. Керосин пустили в ход потому, что взрывчатки не было.

В это время в штабе уже никого не оставалось, кроме меня и двух ординарцев. Я приказал поджечь мост, затем мы сожгли оставшиеся бумаги, сняли телефонный аппарат, сели на коней и легкой рысцой двинулись к станции. Было тихое прохладное утро. Вставала заря. Город крепко спал, не зная, что происходит.

Не торопясь мы подъехали к станции, погрузили лошадей в вагоны, разместились сами. Внезапно полил дождь, и уже сквозь его пелену стало видно зарево на мосту. Эшелон тронулся. Разговоров не было слышно.

Мы отстаивали Ялуторовск тридцать один день. Теперь же прощально мелькали крыши последних домов...

Наша линия обороны шла по левому берегу реки Пышма, от села Богандинское до села Головино. На этом фронтé расположилось более тридцати различных отрядов. Всеми наличными силами командовал тюменский штаб во главе с Усиевичем, Эйдеманом, Окуловым, Чудиновым. «В Богандинске, — писал позднее Р П. Эйдеман, — начинается одна из героических и красивейших страниц нашей борьбы» [1].

Сводный Ялуторовский отряд считался сильным и надежным. В нем собралось более 300 бойцов, добровольцев и фронтовиков, побывавших в боях и опытных в солдатском деле. В отряде имелась единственная на этом направлении саперная команда.

Отступая, мы оторвались от противника и получили возможность осмотреться и прикинуть, как лучше построить оборону. Раздумывать и выбирать долго не пришлось — само село Богандинское было расположено исключительно удобно для обороняющихся. Огибая полукольцом берег Пышмы, оно господствовало над луговой полосой, которая уходила на 200—300 метров в сторону противника. Все подступы к селу простреливались.

Настроение у бойцов было боевое. Рассчитывали накопить силы и наступать. Ведь Ялуторовск был совсем рядом. В тот день мы поклялись друг другу стоять на Пышме насмерть. А если кто струсит и побежит, то каждый должен пристрелить дезертира, будь он даже командиром.

На следующий день белочехи, сосредоточив силы у луговой полосы, стали наступать на Богандинское. Мы подпустили их без выстрела почти к самому селу, а потом бросились в штыки, кося врага с флангов из пулеметов и забрасывая наступающих гранатами. Вся луговая сторона покрылась телами убитых и раненых. Больше чем на сутки наступил перерыв в боях.

Белочехи поняли значение Богандинского. Они подтягивали резервы и упорно лезли вперед, не считаясь с потерями. Отбив одну атаку, мы ждали следующей. Белая артиллерия била по селу шрапнелью, потом пе-

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 124, л. 3.

решла на фугасные и зажигательные снаряды. У нас не хватало людей. Бойцы не спали по нескольку суток, буквально падали с ног от усталости. Я сам не спал уже пятые сутки...

Наконец нас сменил отряд матроса Заславского. Я отвел своих красногвардейцев на отдых, а сам поехал с докладом в штаб. В штабе, который расположился в железнодорожных вагонах, застал Эйдемана и Усиевича. Не помню, удалось ли мне связно доложить обстановку на участке. Заметив мое крайнее утомление, Усиевич взял меня под руку и отвел в купе. По дороге он несколько раз повторял:

— Вам нужно отоспаться, товарищ Масленников.

Проспал я часов двенадцать, мне кажется, ни разу не повернувшись. Проснувшись, вышел из вагона и сразу же столкнулся с Усиевичем. Мне было довольно неловко, но Григорий Александрович с большой мягкостью, просто, по-товарищески сказал:

— Это я запретил вас будить. А теперь пойдемте в штаб. Будете начинать важную операцию.

Речь шла о сложной и по нашим возможностям рискованной затее. Ялуторовцы должны были завязать бой и отвлечь внимание на себя. Под прикрытием наших действий отряд Заславского скрытно проходил в тыл белочехов с правого фланга. Навстречу матросам, в обход левого фланга белых, выдвигался второй отряд.

План вызывал большие опасения. Правда, моряки Заславского были известны своей отчаянной смелостью и отличились во многих боях. Отряд имел большой запас вооружения — около десяти пулеметов и много гранат. Сам Заславский пользовался славой бесстрашного, твердого командира. Моряки шли за ним в любое пекло. Но в таком рейде нужны были не только дерзость, но и осмотрительность, слаженность действий, а матросы иногда грешили беспечностью.

Вначале все шло по плану. Отряд Заславского углубился в тыл белых. Около суток он двигался беспрепятственно. А потом моряков подвела беспечность. Отдав приказ о дневке в лесу, Заславский не позаботился о разведке и сторожевом охранении. Вероятно, казаки и чехи скрытно шли по их пятам, поэтому и напали врасплох на спящих. В бою погибли командир и почти все матросы. Спаслось не более 20—30 человек.

После этой неудачи белочехи усилили атаки на Богандинское. Начали обстрел из тяжелых орудий. Село горело. Уцелело не более половины домов. Мы удерживали Богандинское десять дней: отбивали атаки и спасали крестьянские дома.

Соединив силы курганской и омской групп, белые достигли трехкратного перевеса в живой силе. Несмотря на это, наши отряды не только отбивались, но и громили колонны врага, гнали их по нескольку верст. Случилось так, что белочехи атаковали одновременно с двух-трех сторон. Требовалось сверхчеловеческое упорство, чтобы выстоять, но наши герои-красногвардейцы выстояли в боях под Богандинским и Головином.

Тюмень могла бы держаться и дальше, но 18 июля стало ясно, что Екатеринбурга уральцы не удержат. Это обстоятельство делало отход неизбежным. На следующий день началась эвакуация гражданского населения. Она прошла спокойно и планомерно. 20 июля уходили воинские части. Ночью я вывел Ялуторовский отряд из Богандинского, сжег деревянный мост через Пышму, а утром наши эшелоны тронулись на Камышлов.

Оборона Тюмени продолжалась полтора месяца. В первые недели гражданской войны, которые В. И. Ленин назвал самыми трудными, главным было продержаться, сорвать планы белых, воспитать красных бойцов и из сотен отрядов создать регулярные части Красной Армии.

Мы отступили. Но не сломленные и разбитые, а полные сил, для того чтобы влиться в полки и дивизии, которые ликвидируют контрреволюцию и освободят Сибирь. Так и случилось. Прошел год с небольшим. Тюмень была освобождена. Решением губкома я был отозван из 3-й армии и назначен членом Ялуторовского ревкома.

М. В. МОРОЗОВ

В БОРЬБЕ ЗА УРАЛ

Весна 1918 года на Урале сильно затянулась. Весь апрель стояли холода, и до конца мая в горных расщелинах еще лежали посеревшие ледяные глыбы. Потом внезапно наступила жара. С утра солнце нещадно палило, а во второй половине дня сильно парило, на небе собирались черные, со свинцовым отливом тучи. Неожиданно налетавший ветер рвал тучи на куски и вместе со столбами пыли гнал далеко за Уральские горы. Становилось темно, хоть глаз выколи.

Эти картины разбушевавшихся сил природы как-то связались в моей памяти с началом гражданской войны на Урале. Политические события тех далеких дней развивались так же бурно и стремительно.

Сведения о напряженном положении в Челябинске были получены нашим Златоустовским Совнаркомом (так именовался Совет депутатов) за несколько дней до выступления белочехов, а 27 мая наши отряды вступили с ними в первый бой. Спустя четыре дня мы узнали подробности мятежа непосредственно от челябинцев.

Случилось это следующим образом. На время заработала связь, отключенная мятежниками, удалось переговорить с Челябинском и получить кое-какую информацию. На следующий день в Тургояк, где находился штаб златоуст-челябинского фронта, явилась делегация из пяти человек — четверо беспартийных и один левый эсер. Делегаты рассказали, что общее собрание челябинского железнодорожного узла послало три группы — в Тургояк, Екатеринбург и Омск, чтобы известить о случившемся. Как сообщили железнодорожники, все члены Челябинского Совета арестованы мятежниками. Власть захватили казаки, опираясь на военную силу

легионеров. Белое подполье вышло на улицы. Силы контрреволюции готовились исподволь и всесторонне. Предполагали, что в середине мая состоялось подпольное совещание всех белых организаций Сибири. Реакционное чешское офицерство распускало слухи среди своих солдат, что большевики хотят выдать их на расправу немцам. К сожалению, им удалось путем обмана поднять немало подчиненных против Советской власти.

14 мая на переселенческом пункте был убит пленный австриец Франц Мюльнад. На попытку Челябинского Совета расследовать обстоятельства гибели военнопленного белочехи ответили вооруженным налетом. 17 мая легионеры ворвались в железнодорожный комиссариат, разоружили охрану, арестовали товарищей Андржейковича, Мельченкова, Емелина. В городе появились чешские патрули, все советские учреждения были оцеплены. В ответ на провокацию большевики Челябинска объявили военное положение и создали Военно-революционный комитет в составе Садлуцкого, Морозова, Балейко, Крылова и Кобелянко. Белочехам пришлось временно отступить и выполнить требование Совета возвратить захваченное оружие и снять патрули. Рассчитывая выиграть время, белочешское командование выступило с успокоительными заверениями. «Чешские войска, — лживо утверждали подготовители мятежа, — были и будут друзьями русского народа. Мы никогда не пойдем против Советской власти».

Поздней ночью 27 мая легионеры, поддержанные белым подпольем, переправились вброд через Миасс и окружили казармы Челябинского гарнизона. 500 красногвардейцев и около 10 тысяч солдат старой армии были пленены без единого выстрела. Мятежники захватили 20 орудий, 5 пулеметов и около 7 тысяч винтовок. Одновременно белочехи заняли телеграф и телефон, оцепили советские учреждения, заводы и железнодорожную станцию.

Челябинский Совет к тому времени отменил военное положение. Контрреволюционное выступление белочехов было воспринято как местный конфликт, а не вооруженный мятеж. Эта тяжелая ошибка привела к попыткам урегулировать отношения. Бесплодные переговоры растянулись на несколько дней. А между тем находящееся в Челябинске высшее чешское командова-

ние во главе с подполковником Войцеховским фактически являлось штабом восстания. И в то время как обманутые челябинские товарищи надеялись на мирный исход конфликта, белочехи снабжали захваченным оружием офицерское и эсеровское подполье.

Утром 27 мая рабочие депо и железнодорожных мастерских по собственному почину обсудили положение и приняли резолюцию. «Общее собрание мастеровых, рабочих и служащих ст. Челябинск, — говорилось в этом документе, — обсудив вопрос в связи с выступлением чехословацких войск и занятием ими города и станции, находит, что всякие выступления контрреволюции лягут пятном на чехословацкие войска. И поэтому собрание заявляет, что при всяких выступлениях буржуазии и темных сил, направленных против Советской власти, рабочие и служащие ст. Челябинск не постоят ни перед чем для их подавления». Это воззвание железнодорожников передает решимость челябинского пролетариата постоять за Советскую власть. Близкие по содержанию резолюции вынесли все заводы и фабрики города.

Чрезвычайное положение требовало полной мобилизации всех революционных сил. Вместо этого Челябинский Совет продолжал уговаривать мятежников. Развязка приближалась. В городе накапливались отряды дутовских казаков. Белогвардейцы занимали ключевые позиции. А в ночь на 31 мая начались массовые аресты. Челябинские делегаты сообщили нам, что белая контрразведка среди многих партийных и советских работников арестовала Е. Л. Васенко, Д. В. Калющенко, М. А. Болейко, П. Н. Тряскина, Ш. А. Гозносского, В. И. Могильникова.

Захват Челябинска был чреват далеко идущими последствиями. Группа Войцеховского выполняла сразу несколько задач, все они имели первостепенное значение.

Первая из них — прикрыть районы Сибири со стороны Советской республики, закупорив уральские проходы. Попыткой сорвать эти планы были действия златоуст-челябинского фронта.

Вторым оперативным направлением белочехов Войцеховского было омское. Ударный кулак легионеров (около 2500 штыков и сабель) довольно легко выполнил эту задачу, установил связь с белогвардейскими частя-

ми генерала Гришина-Алмазова и ушел обратно на запад, в сторону Челябинска. В Омске белые захватили 10 миллионов патронов, 1 миллион гранат, орудия с большим количеством снарядов, несколько самолетов, много автомобилей. Эвакуацию боевой техники и боеприпасов сорвали предатели из верхушки железнодорожников.

Третьим оперативным направлением для челябинской группы белочехов был наш северо-уральский фронт. Здесь удар наносился по столице рабочего Урала — Екатеринбургу.

Последнюю задачу белочехи Войцеховского решали во взаимодействии с атаманом Дутовым, давним и лютым врагом революции. Область Оренбургского казачьего войска начиналась южнее Челябинска. В войсках Дутова насчитывалось 4500 штыков и сабель, 9 пулеметов и 4 орудия. Его отряды действовали совместно с группой Войцеховского, составляя вместе с ней 9-10 тысяч штыков и сабель.

День захвата Челябинска стал началом борьбы с белочехами и для революционных сил Златоуста. Я в это время был начальником Особого отдела Златоустовского гарнизона и знал, что в городе активизировались правые силы. Зашевелился эсеровский Союз городов. От этой реакционной организации, где заправляли бывшие офицеры, не отставал Союз фронтовиков. Златоустовское белое подполье перестало маскировать свое истинное лицо. По городу разбрасывались листовки от имени уральских корниловцев. Объединение российской контрреволюции под знаменем Корнилова объяснялось не только популярностью этого вождя и «героя» белого дела. Весной 1918 года в Сибирь тайно приезжал эмиссар Корнилова генерал Флуг. По своим целям корниловский заговор охватывал не только юг России, но и Сибирь и Дальний Восток. Златоуст был тем коридором, через который сибирские белочехи стремились соединиться с поволжской группой Чечека. Выполнение этой задачи позволило бы объединить все силы белых от Архангельска до Кубани. И как торжественный финал планов контрреволюции — объединенный крестовый поход на Москву.

Для нас, златоустовских большевиков, конфликт с чешскими легионерами начался неожиданно. 23 мая

мы получили телеграфное распоряжение наркомвоена разоружать и расформировывать чешские эшелоны, которые будут проходить через Златоуст. Приказ, подписанный начальником оперативного отдела С. И. Араловым, вызывал недоумение, так как подоплеки событий мы еще не знали. Правда, к тому времени до нас уже дошли слухи о конфликтах в Челябинске, но проверить их достоверность мы не могли.

Примерно в два часа ночи 26 мая была получена телеграмма, отправленная со станции Полетаево. В ней сообщалось, что в сторону Златоуста только что без остановки прошел эшелон с вооруженными легионерами.

Той ночью в Военном комиссариате оказались временно замещающий военкома С. Л. Шварцман, я и мой адъютант В. И. Савицкий. Телеграмма со станции Полетаево, которая находилась в тридцати километрах от Челябинска, вызвала большую тревогу за судьбу Советской власти в Златоусте. Немедленно были приведены в боевую готовность все имеющиеся в нашем распоряжении силы.

С восьми часов утра промежуточные станции начали сообщать о движении эшелона на Златоуст. Последней во второй половине дня это сделала Уржумка. Вскоре мы уже невооруженным глазом наблюдали, как воинский состав с солдатами на тормозных площадках подходит к златоустовской платформе. Паровоз замедлил ход и остановился. Чехи никаких агрессивных действий не предпринимали и оставались в вагонах или мирно прогуливались по перрону. Через некоторое время группа офицеров попросила разрешения переговорить с городскими властями. Один из них, который назвался начальником эшелона капитаном Гордличкой, сообщил коменданту вокзала Синякову, что приход эшелона в Златоуст связан только с планом передвижения корпуса по Транссибирской магистрали. Стоянка будет непродолжительной — до подхода последних частей из Пензы.

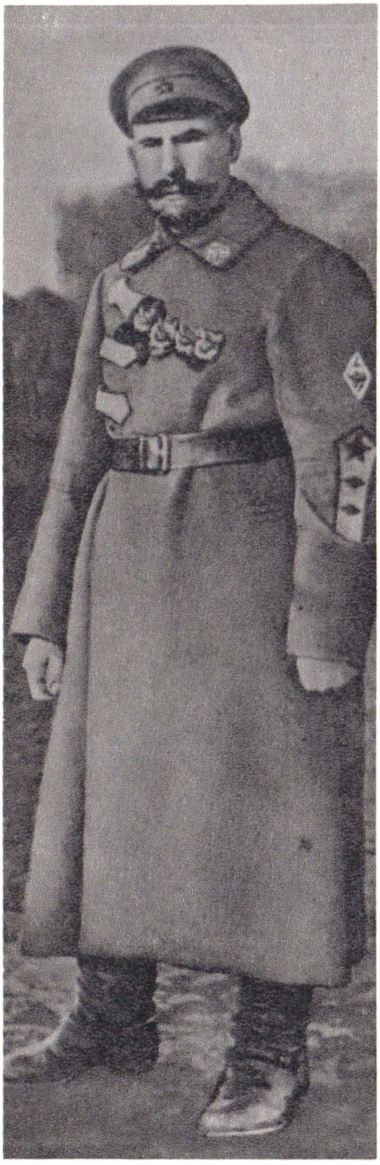
После первой беседы переговоры были продолжены с председателем комитета железнодорожников М. Ф. Карьковым. Гордличка, демонстрируя дружеское расположение к властям, предложил прислать солдатский оркестр в железнодорожный клуб и просил разрешения для прохода офицеров и солдат в город.

Александр Федорович
ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ

Станислав Янович
БОБИНСКИЙ

Сергей Иванович
ПЕТРИКОВСКИЙ (ПЕТРЕНКО)

Александр Иванович
ЧЕРЕПАНОВ



Ян Фрицевич
ФАБРИЦИУС

Григорий Александрович
УСИЕВИЧ

Иван Федорович
ФЕДЬКО

Василий Васильевич
СОРОКИН

Федор Александрович
МАСЛЕННИКОВ

Михаил Васильевич
МОРОЗОВ

Михаил Александрович
МУХИН

Михаил Романович
РУБЛЕВ

Митрофан Григорьевич
АНИСИМОВ

Инженерный батальон Сводной Уральской дивизии направляется на митинг. 1918 г.

Петр Кириллович
СЛУЧЕВСКИЙ

Минзакир Абсалямович
АБСАЛЯМОВ

Отряд И. С. Кожевникова готовится к высадке в Набережных Челнах.
Октябрь 1918 г.

Александр Григорьевич
ТОПУНОВ

Александр Степанович
КОРОЛЕВ

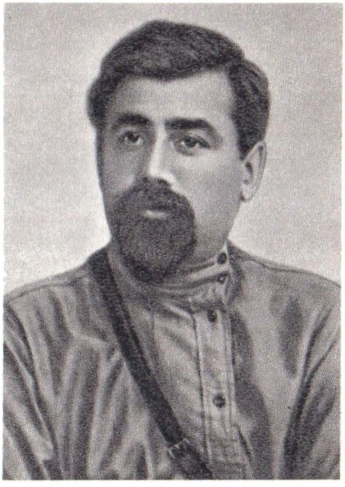
Петр Антонович
ДРУГАНОВ

Иван Наумович
ШЕВЧЕНКО

Василий Тимофеевич
СУХОРУКОВ

Тимофей Николаевич
СТАСЮК

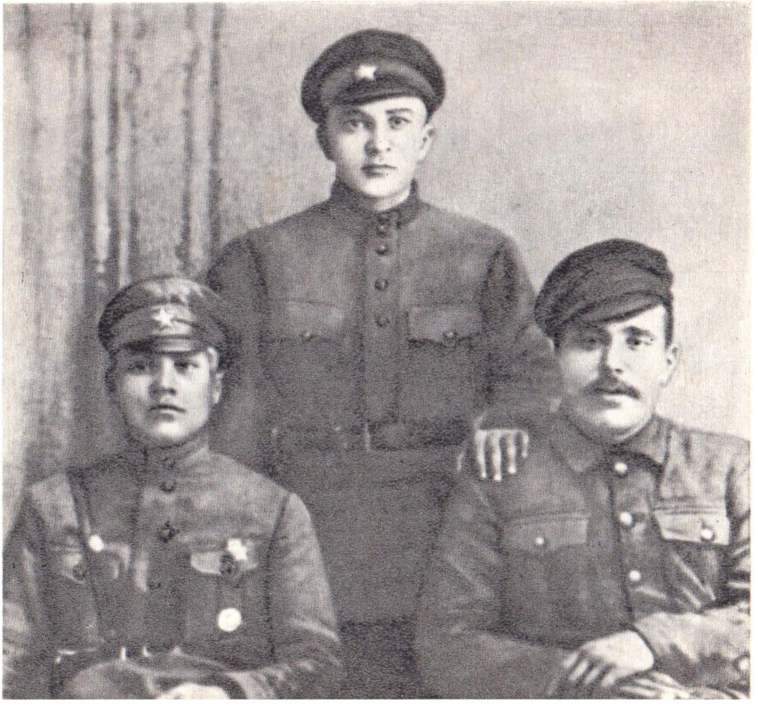
Григорий Сергеевич
ОКУНЕВ



Давид Борисович
ГИССЕН

Алексей Васильевич
БЛАГОДАТОВ

Кузьма Васильевич АЛЕКСЕЕВ (в центре) с пулеметчиками 455-го стрелкового полка 51-й Перекопской стрелковой дивизии Ф. ГОРБУНОВЫМ (слева) и П. ПОКИДОВЫМ (справа). Июль 1920 г.



Неожиданно заработала связь с Челябинском. К телефону попросили капитана Гордличку. Разговор шел долго и на чешском языке. Когда же взявший трубку Карьков попросил к телефону коменданта станции Челябинск, линия сразу прекратила работу. Часовой у телеграфа сообщил мне, что начальник эшелона несколько раз пытался войти в аппаратную, но наш караул его не пустил. Я попросил телеграфиста С. Коломейца попытаться еще раз связаться с Челябинском. На вызов долго не отвечали. Когда мы уже не рассчитывали на удачу, отозвался Миасс: «В Челябинске мятеж... Белочехи обезоружили Красную гвардию... Идут арес...» Сообщение оборвалось на полуслове, и связь восстановить не удалось. Но дальнейшей расшифровки и не требовалось — мы поняли задачу, которую выполнял эшелон капитана Гордлички.

Было срочно созвано объединенное совещание командиров красногвардейских отрядов, руководящих партийцев и работников Совета. Совещание постановило на основании распоряжения наркомвоена от 23 мая 1918 года разоружить чешский эшелон не позднее двенадцати часов 27 мая.

А в железнодорожном клубе в это время уже начался спектакль. Как и было договорено, на нем присутствовало несколько десятков чешских солдат и офицеров с оркестром. Улучив минутку, к нашему дежурному подошел солдат-чех и попросил срочно провести его к советскому комиссару. Оказавшись в отдельной комнате с Карьковым, солдат без обиняков заявил, что он рабочий, социалист, что фамилия его Прохазка и он пришел к советскому комиссару от имени своих товарищей — социалистов. Благодаря мужеству чешского товарища мы узнали, что Челябинск захвачен мятежниками, а эшелон капитана Гордлички, которому дан в помощь русский офицер, послан, чтобы завтра поднять восстание в Златоусте. Эсеровское подполье уже прислало своего представителя. Это прапорщик Байкац, который находится в штабном вагоне у капитана Гордлички. Задача легионеров — разоружить Красную гвардию и освободить из тюрьмы белых активистов. В эшелоне есть большой запас оружия, предназначенного для златоустовских мятежников. От имени своих товарищей Прохазка заявил, что чехи социалисты, которые

находятся с ним в клубе, готовы перейти на сторону русских товарищей.

Карьков, понимая, что терять время нельзя, посоветовал Прохазке незаметно вызвать из клуба чехов интернационалистов и быстро повел всю группу в штаб.

Когда в штабе выслушали Прохазку, стало ясно, что план разоружения эшелона нужно немедленно отменять целиком. Дело в том, что прапорщик Байкац был секретарем штаба Красной гвардии железнодорожников. Безусловно, этот агент белого подполья раскрыл капитану Гордличке все наши приготовления.

Решили попытаться разоружить эшелон мирным путем. Чешские социалисты обещали выступить перед легионерами с призывом сдать оружие. Они рассказали, что офицеры, не жалея времени и водки, ловко разыгрывали из себя заботливых командиров, склоняя своих подчиненных к мятежу. Много красивых слов было сказано о любимой родине, пробиться к которой мешают большевики, сделавшие революцию на немецкие деньги. Легионерам внушали, что нет ничего общего между теми русскими, от которых ждала братской помощи угнетенная Чехия, и большевиками, которые хотят выдать чехов немцам. Чтобы вырваться на родину, говорили офицеры, надо помочь представителям истинно русской власти — офицерству и казачьим старшинам, а также всем борцам за Учредительное собрание в их праведной борьбе против Советской власти. Ударить вместе с ними по большевикам — только этим путем можно попасть на родину.

Лживая пропаганда правого офицерства не смогла ввести в заблуждение солдат, прошедших австрийскую казарму, сырые окопы в Галиции, испытания плена. Пока офицеры забивали солдатам головы ложью, чехи социалисты и просто честные легионеры думали о том, как помочь русским товарищам. И они решили собрать всех, кому можно доверять, и попытаться, насколько хватит сил, сорвать планы контрреволюции.

Предупреждение Прохазки было сделано как нельзя вовремя. Солдаты капитана Гордлички вскоре перешли к действиям. Прежде всего силой была захвачена аппаратная на станции. На этот раз вместе с Гордличкой туда явился офицер с холеными усиками, тщательно маскировавшийся под чеха. Он не принимал участия

в переговорах и, заметив, что мы с Карьковым его рассматриваем, поспешно отвернулся. Надо было сорвать эту маскировку и разоблачить белого эмиссара. Я выступил вперед и сказал:

— Этот господин — капитан Пирожков Василий Яковлевич, бежавший из 128-го полка.

Разоблаченный Пирожков заявил, что он добровольно стал легионером, и показал предписание, удостоверяющее, что он является начальником эшелона.

Наше столкновение с чешскими офицерами у дверей аппаратной позволило телеграфисту Коломейцу ознакомиться с содержанием телеграммы, только что переданной из Челябинска. Это было распоряжение на имя Гордлички и Пирожкова, подписанное подполковником Войцеховским. Командующий челябинской группой белочехов приказывал утром 27 мая занять Златоуст и сообщал, что на помощь высланы эшелоны с легионерами. Содержание телеграммы, которая не дошла до капитана Гордлички, мы срочно передали в Москву, Уфу, Екатеринбург и на близлежащие заводы. Дополнительно мы просили помощи для Челябинска и Златоуста.

Рассудив, что затягивание переговоров играет на руку мятежникам, Карьков предъявил Гордличке следующий ультиматум:

— Как представитель местной власти я предлагаю с наступлением рассвета двадцать седьмого мая всем офицерам и солдатам оставить имеющееся оружие в вагонах. Вагоны опломбировать, а самим с личными вещами, без оружия, походным порядком направиться в казармы военного городка и ждать дальнейших указаний. В случае несогласия мы вынуждены будем применить силу, чего, однако, Златоустовский Совнарком не желает.

После совещания в штабном вагоне, занявшего несколько минут, Гордличка и Пирожков передали через переводчика:

— Разоружения не будет, просим подать паровоз, мы возвращаемся в Челябинск.

— Хорошо, — ответил Карьков. — На рассвете паровоз будет подан.

Ранним утром 27 мая машинист Щипицын подвел паровоз к хвостовому вагону эшелона. Накануне мы вы-

звали всю паровозную бригаду — это были надежные товарищи: два партийца и три члена Союза социалистической рабочей молодежи. Штаб им доверял и полностью посвятил в наш план действий. Для задуманной операции нужен был только один человек. Выслушав нас, Щипицын, на которого пал выбор, убежденно сказал:

— В Челябинск беляки не доедут. Если заставят вести эшелон под наганом, пущу их под откос на Хребтовой петле.

Машинист не ошибся в своих предположениях. Как только он прицепил к паровозу воинский состав и для проверки тронул его с места, в будку поднялся вооруженный чешский офицер. Щипицын резко заявил, что если господа офицеры не доверяют русскому машинисту, хотя его и направил профсоюз, то он работать не будет и эшелон не поведет.

Ссылка на профсоюз подействовала. Было известно, что железнодорожные заправилы саботируют меры Советской власти и что это дорого обошлось ей в дни мятежа. Да и где взять другого машиниста?

Щипицына оставили в паровозной будке одного и обещали ему в Челябинске щедрое вознаграждение. Простившись с помощником, он на глазах у офицеров плотно закрыл обе двери. Часовые заняли место на тормозных площадках. Эшелон тронулся.

По нашему плану златоустовские отряды успели занять за ночь позиции вдоль выемки у полотна железной дороги недалеко от поселка Закаменка. Бойцы залегли в окопах, вырытых еще тогда, когда разоружались идущие с фронта казачьи эшелоны. На флангах позиции были оборудованы специальные пулеметные гнезда.

Перед самой Закаменкой Щипицын замедлил ход и дал условный гудок. Протянув часть состава со штабными вагонами за выемку, он специально остановил солдатские теплушки точно против наших окопов.

В эшелоне было около 800 хорошо вооруженных солдат и офицеров. Прежде всего мы решили отделить сознательных врагов Советской власти от обманутых ими легионеров. Наши парламентеры Карьков и Синяков, пренебрегая смертельной опасностью, пошли по открытому полю к офицерским вагонам. Одновременно на

гребень выемки вышли чехи социалисты. Их появление страшно взбудоражило эшелон. Призыв сдать оружие и выбраться из кровавой каши, которую заварили господа офицеры, частью солдат был принят одобрительно. Группки безоружных чехов потянулись в нашу сторону, но сразу же послышались зычные окрики офицеров и прогремели первые выстрелы. Упали убитые и раненые, начался безжалостный расстрел безоружных. Белочешский пулемет ударил по нашим позициям. Мы открыли ответный огонь.

Красногвардейцы-гранатометчики подорвали несколько задних вагонов. В этот момент Щипицын рванул состав и стал набирать скорость. Сильный уклон помог это сделать на первых десятках метров. Легионеры заметались. Одни, боясь отстать, на ходу прыгали в вагоны. Другие, опасаясь действий русского машиниста, выскакивали из теплушек.

Разогнав состав до предельной скорости, Щипицын выключил регулятор и на ходу спрыгнул с паровоза. Эшелон еще долго шел на виду у отставших белочехов, усиливая их растерянность и, главное, увозя пулемет, который только что бил по нашим окопам.

Солдаты капитана Гордлички численно значительно превосходили нас. Обнаружив свое преимущество, они пытались навязать штыковой бой, но каждый раз откатывались к выемке, встреченные дружным пулеметным и ружейным огнем. Бой затягивался. Число раненых и убитых возрастало.

Бой у выемки закончился тем, что белочехам удалось соединиться. Эсер Байкац и белогвардейские офицеры, угрожая оружием, заставили железнодорожников подать эшелон, спешно погрузили в него своих солдат и двинулись в западном направлении.

В тот памятный день 27 мая 1918 года златоустовские большевики выполнили свой пролетарский долг и первыми на Урале вступили в бой с мятежниками. Своим большевистским словом и беззаветной преданностью революции они открывали глаза рабочим и крестьянам на предательство меньшевиков и эсеров. Златоустовские коммунисты и члены Союза социалистической рабочей молодежи были там, где Советской власти грозила опасность. Многие из них отдали свою жизнь за дело Великого Октября.

Их подвиг сохранен в памяти благодарного потомства. У выемки, где разгорелся первый бой с белочехами, высится монумент. Он прост и выразителен: красногвардеец с винтовкой и красным флагом на штыке. По неписаной традиции каждый машинист, проводя мимо состав, дает гудок в честь павших борцов...

Отступление первого отряда белочехов не устраняло главной опасности. Из Челябинска в любой момент могли подойти новые вражеские силы. Требовалось принять чрезвычайные меры, и Златоустовский Совнарком их принял. Красногвардейские отряды заняли оборону в сторону Миасса и Тундуша.

Златоустовское направление в те дни приобретало особое значение для обеих сторон. Необходимо было до подхода подкреплений из Екатеринбурга и Уфы собрать в кулак красногвардейские отряды окрестных городов и заводских поселков. Телефонную и телеграфную связь с ними вывели из строя мятежники. Пришлось послать нарочных в окрестные красногвардейские штабы.

Красногвардейцам Володину и Казанцеву поручили пробраться лесными тропами через Липовую гору в Кусинскую, Леузинскую, Месягутовскую и Айлинскую волости. Мы должны были известить штабы красногвардейских отрядов этих волостей и объединить их действия против белочехов, отступивших на Тундуш. Утром 30 мая отряды собрались на станции Сулея. Туда же подошло подкрепление с южноуральских заводов, и все вместе мы двинулись к станции Бердяуш.

Прибыв на станцию, мы узнали, что Уральский областной комитет, получив сообщение о мятеже в Челябинске и боях под Златоустом, принял экстренные меры для ликвидации белочешской авантюры. Военным округом объявлена мобилизация, и красногвардейские отряды занимают наиболее важные стратегические пункты. Руководить боевыми операциями на златоуст-челябинском направлении поручено члену Уральского областного комитета РКП(б) Ивану Михайловичу Малышеву, который 29 мая с несколькими отрядами красногвардейцев прибыл на станцию Бердяуш. От Ивана Михайловича, хорошо знакомого мне еще по дутовскому фронту, я узнал, что в Уфе с группой военных специа-

листов работает член коллегии наркомвоена Николай Ильич Подвойский. Он должен возглавить все действия против белочехов. Заканчивая наш первый краткий разговор в Бердяуше, Иван Михайлович сообщил, что распоряжением окружного военкома Анучина я откомандирован в его распоряжение.

К этому времени в Бердяуше собралось двенадцать рабочих отрядов общей численностью 1445 штыков, 55 сабель при 16 пулеметах и одном трехдюймовом орудии. Пермский отряд во главе с комиссаром Палушиным в составе 500 бойцов с двумя пулеметами был оставлен для охраны Южноуральской железной дороги и района Кусы. Усть-Катавский отряд под командованием И. С. Зиновьева и комиссара Г. И. Юрина численностью 150 штыков при двух пулеметах контролировал линию Бердяуш — Жукатау. Основные же наши силы погрузились в эшелон и под общим командованием И. М. Малышева двинулись в сторону Тундуша. Впереди паровоза был прицеплен металлический полувагон вроде контрольной платформы при бронепоездах. Разница заключалась в том, что обложенный мешками с песком и вооруженный пушкой и четырьмя пулеметами этот полувагон превратился в сильную огневую точку.

Тундуш был занят без боя. Как только наше орудие внезапно открыло стрельбу, белочехи, вероятно перепуганные появлением красной артиллерии, в панике отступили в сторону Кувашей. В офицерских вагонах остались бутылки с недопитым вином, кипы неразрезанных керенок, консервы, шоколад с иностранными ярлыками. Около Айского моста мы обнаружили изуродованные трупы красногвардейцев. Дальше в сторону Златоуста рельсы были разобраны, телефонные и телеграфные провода перерезаны.

Задержавшись на несколько часов для восстановления пути, эшелон двинулся на восток и к концу дня прибыл в Златоуст.

В Златоусте на имя Малышева поступила телеграмма — приказ № 115: «Чехословацкие эшелоны, направленные Советской властью во Владивосток, по дороге Златоуст — Челябинск дерзко подняли мятеж против Российской Советской Республики. Жел.-дор. и телеграфное сообщение прервано. Тем самым они поставили себя в ряды великих врагов республики, которым не

будет пощады, если они не опомнятся. Облеченный правительством властью в военных делах, приказываю чехословацким эшелонам... немедленно сдать оружие ближайшему представителю Советской власти, оставить эшелоны и разместиться в казармах по указанию местных воинских частей впредь до распоряжения, каковое последует после окончания работы смешанной комиссии представителей, о каковой телеграфно известил чехословацкие эшелоны представитель чехословаков профессор Макс. Телеграмма при сем прилагается. Народный комиссар по военным делам, член Высшей военной инспекции Подвойский».

К приказу прилагалась телеграмма профессора Прокопа Макса следующего содержания: «Братья! Все, что случилось в последние дни, есть последствие печального недоразумения и прямо преступного непонимания со стороны некоторых лиц нашего настоящего положения и действительных наших целей. Прекратите немедленно всякого рода выступления и соблюдайте полное спокойствие на местах своего нахождения. Несмываемым позором будет покрыто наше имя, если мы прольем хоть каплю братской русской крови и будем мешать русскому народу устраивать свои дела по своему желанию. В тяжелое время самой напряженной революционной борьбы у нас на родине эти выступления мешают исполнению нашего революционного долга. Наши товарищи совершили ошибку, выступив в Челябинске. Мы, как честные люди, должны принять на себя последствия этой ошибки. Еще раз от имени профессора Масарика приказываю прекратить немедленно все выступления и соблюдать полное спокойствие».

Обе телеграммы были доведены до сведения военного совета. Не откладывая, главком Малышев вызвал командира Усть-Катавского отряда Е. Ф. Гнусарева и поручил ему задание особой важности. Согласно приказу главкома наши парламентеры должны были вручить пакет с документами непосредственно командованию чешских эшелонов на станции Миасс и получить письменный ответ.

Поздно вечером отряд Гнусарева погрузился в вагоны, и эшелон тронулся. Промелькнул разъезд Таганай, без остановки прошли станцию Уржумка и разъезд Хребет. На станции Тургояк командиру отряда доложили,

что два чешских эшелона стоят в Миассе, никаких действий пока не предпринимают, но их посты за рекой Миасс обстреляли нашу разведку.

Гнусарев приказал выгрузиться из вагонов и вдоль полотна железной дороги двигаться к мосту через Миасс. Впереди шла разведка, а по бокам дозоры. Красногвардейцы спешили, зная, что надо успеть до рассвета. Вот и болотистая, покрытая кустарником Миасская низменность. Отряд расположился на опушке леса и быстро окопался. Справа и слева два пулеметных расчета взяли под прицел железнодорожный мост.

Подошла ручная дрезина. Платформа для сидения защищена барьером прикрытия из мешков с песком. На древке укреплен белый флаг.

Гнусарев передал пакет нашему парламентеру — добровольцу Ивану Скрябинскому. Не могу не сообщить читателям, что член Союза социалистической рабочей молодежи (ССРМ) Ваня Скрябинский — это ныне здравствующий председатель Челябинского областного совета ветеранов Иван Алексеевич Искра. Вместе со Скрябинским пошел и член ССРМ Николай Воронов.

Оглядывая последний раз наших ребят, Евдоким Фомич Гнусарев предупредил:

— Никаких разговоров с офицерьем не вести. Не отвечайте ни на один вопрос. Коля вообще должен молчать, как немой. А ты, Ваня, передавая пакет, скажешь, что этот пакет я передаю от имени Российской Советской Республики и что требуется письменный ответ или встреча полномочных парламентеров.

После всех необходимых наставлений Гнусарев обнял Ивана и Колю и глухо добавил:

— Ну, сами понимаете, допытываться будут или издеваться над вами, держитесь! Держитесь и молчите!..

...Дрезину при въезде в Миасс остановил чешский патруль. Парламентеров тщательно обыскали и повели к офицерскому вагону. Сопровождавших наших ребят железнодорожников солдаты оставили у дрезины.

Из вагона вышел одетый в английское обмундирование русский офицер. Из-под опухших от похмелья век он тяжело посмотрел на Скрябинского и Воронова, разразился площадной бранью и ушел докладывать чешскому начальству. Столпившиеся вокруг казаки-бородачи, молодые люди в штатском, но с военной выправ-

кой и белые добровольцы из Союза земств и городов буквально сатанели от ненависти, требовали расправы над красногвардейцами. Но чешская охрана оттеснила рассвирепевшую толпу.

Через некоторое время из вагона вышел чехословацкий офицер. Он назвался полковником Гонзиком Пусткой и спросил, с недоверием осматривая юношеские лица наших парламентеров, что надо посланным.

Скрябинский, протянув полковнику пакет, повторил то, что ему было поручено сказать. Пустка вскрыл пакет, разобрался с помощью переводчика в его содержимом и, немного помедлив, сказал, что сейчас же выезжает в Челябинск и передаст телеграммы исполкому чехословацких эшелонов.

Затем полковник Пустка заявил, что он не допустит расправы над парламентерами, хотя Миасская земская управа и требует их выдачи. Он разрешил парламентерам беспрепятственно вернуться обратно.

К моменту возвращения наших ребят все воинские эшелоны из Златоуста подтянулись к линии фронта. Вместе с отрядами прибыл и главком Малышев. Эти силы и образовали златоуст-челябинский фронт.

Конечно, наш фронт и по численности войск, и по своей протяженности не соответствовал современному пониманию этого военного термина. Для начального периода гражданской войны, когда еще не было единой стройной формы организации частей и соединений Красной Армии, характерно появление большого количества фронтов, главкомов, даже наркомов. Почти каждое ответственное направление именовалось тогда фронтом, командующий группой отрядов — главкомом. Члены коллегии Народного комиссариата по военным делам часто для краткости подписывали приказы: наркомвоен такой-то. Во всем этом не было ни превышения своих полномочий, ни тем более нарушения субординации. Наоборот, местные народные комиссары и главкомы были, как правило, старыми партийцами и руководствовались величайшим чувством ответственности перед революцией. А их высокие звания отражали не личные претензии, а героический пафос времени. Исходя из этих соображений я и сохраняю без изменений подлинный словарь тех дней.

Если вернуться к нашему златоуст-челябинскому фронту, то всего к 1 июня 1918 года в Тургояке собралось 26 отрядов общей численностью 3237 штыков и 78 сабель при 46 пулеметах и 3 орудиях. Телефонная и телеграфная связь между Тургояком и Златоустом работала бесперебойно.

31 мая в Златоуст прибыл наркомвоен Н. И. Подвойский и члены Высшей военной инспекции Р. И. Берзин, С. М. Белицкий, Стогов. Из Златоуста по всей линии была дана телеграмма следующего содержания:

> «Срочная военная, по линии Уфа, Златоуст, Челябинск, Омск, Иркутск, Екатеринбург, Челябинск.

На днях прибыл на Уральский фронт военный комиссар Подвойский со штабом лучших военных знатоков для непосредственного руководства всеми операциями по очищению Урала и Сибири вплоть до Омска от взбунтовавшихся элементов.

Передают, что Подвойский имеет неограниченные полномочия от центральной власти. Далее подтверждается, что глава новой советской армии руководит силами..., которые беспрерывно прибывают из центра России...

...Если на предъявленные условия разоружения чехословаки не пойдут, будет открыта самая жестокая и беспощадная борьба с ними, ибо ими не пропускаются хлебные грузы из Сибири для голодающих рабочих и крестьян России. Приезд Подвойского вызвал необычайный подъем в рабочих и крестьянских массах, которые, увидев организованные силы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, почувствовали мощь и силу Советского правительства... В советских кругах считают чехословацкую авантюру безумием».

Из Златоуста Н. И. Подвойский в сопровождении членов Высшей военной инспекции выехал на передовые позиции. Специальный поезд наркомвоена остановился на разъезде Сыростан, куда был приглашен главком И. М. Малышев с полевым штабом. Н. И. Подвойский распорядился, чтобы из Миасса были вызваны полномочные представители восставших белочехов. Начались предварительные переговоры. К телефону подо-

шел все тот же командир 2-го чехословацкого полка Гонзик Пустка. Он вызвался сам приехать на дрезине для переговоров, но не в Сыростан, а в Тургояк. Полковник Пустка выполнил свое обещание и в тот же день прибыл из Миасса в сопровождении трех солдат. Однако поведение белочешского офицера напоминало скорее попытку выиграть время, чем серьезное ведение переговоров. Выяснилось, что никакими полномочиями он не наделен. Все вопросы, касающиеся продвижения эшелонов и их взаимоотношений с советскими властями, решает Челябинск. Сам полковник может только информировать свое командование и прекратить военные действия до полуночи. На этом переговоры закончились.

К концу дня поезд Подвойского, охраняемый матросами, переместился ближе к линии фронта, на разъезд Тургояк.

На совещании в Тургояке Иван Михайлович Малышев в присутствии наркомвоена и членов Высшей военной инспекции уточнил для командиров отрядов состав полевого штаба златоуст-челябинского фронта. С этой целью им была зачитана следующая телеграмма: «Наркомвоен Подвойский приказал. Для руководства частями, действующими против чехословаков на златоуст-челябинском направлении, создать полевой штаб в составе: Малышев Иван Михайлович (главнокомандующий) — комиссар фронта; Карьков Максим Федорович (пред. обжелкома) обеспечивает продвижение, снабжение фронта всем необходимым; Морозов Михаил Васильевич (нач. особотдела гарнизона) руководит разведкой оперинформ. фронта; Ковшов Виталий Дмитриевич (председатель Златоустовского Совдепа); военным руководителем до приезда тов. Пахомова является военный приемщик полковник Алексеев. Штабу принять все меры к задержанию и разоружению чехословацких эшелонов, неподдающихся карать по законам военного времени. Член Высшей военной инспекции комиссар Берзин».

На совещании были оглашены новые сведения о действиях белочехов. В Челябинске арестован весь Совет. Разведка доставила много контрреволюционных прокламаций и текст белогвардейской депеши «Ко всем гражданам Сибири — о свержении власти большевиков».

В Миассе эсеро-меньшевистская управа с помощью казачьих старшин творит неслыханные зверства. На 1 июня в честь белогвардейской победы намечался крестный ход и парад войск. В Миасс съехалась вся казацкая знать из Кундравов, Чебаркуля, Травников и других станиц. День и ночь в домах торговцев Бакина и Стахеева шел пьяный разгул. Все дворы и стойла были забиты лошадьми в парадных седлах. Правда, торжество белых не состоялось. Пока шел ночной дебош, хвосты почти у всех казачьих лошадей оказались отрезанными по репицу — это смело действовала миасская группа подпольщиков, так и оставшаяся неизвестной. В тот же день из Челябинска в Миасс прибыл еще один чешский эшелон с трехдюймовой пушкой. С ним была доставлена большая партия белогвардейских листовок и газет.

Непосредственно перед совещанием истекал срок нашего ультиматума, а ответ от чешского командования получен не был. В силу сложившихся обстоятельств военный комиссар Берзин сделал следующее телеграфное предупреждение: «Поезд с представителями правительства направляется к Челябинску, чтобы принять от чехословацких эшелонов оружие и перевести их в казармы. Объявите всем вашим эшелонам, дабы солдаты по незнанию не дерзнули обстрелять правительственный поезд».

На эту телеграмму командир чешского отряда полковник Пустка ответил: «Без распоряжения нашего Исполнительного комитета мы оружие сдавать и разместиться по казармам некомпетентны. Ввиду этого ваш поезд для принятия оружия пока пропустить не можем».

Стало очевидным, что все пути к мирному разрешению конфликта отрезаны. Следовало немедленно переходить к организации подавления мятежа. Эту цель и преследовало совещание, созванное наркомвоеном Н. И. Подвойским в Тургояке. Кроме членов штаба златоуст-челябинского фронта в вагоне собрались представители отрядов, входящих в группу: Миньярского, Месягутовского, Дуванского, Айлинского, Усть-Катавского, Леузинского, Саткинского, Бакальского, Рудничного, Бердяушского, Тавстубинского, Пермского, Юрюзанского, Нязепетровского, Златоустовского, Симского.

Выступая на совещании в Тургояке, Н. И. Подвойский говорил:

— Над нашей молодой республикой нависла смертельная опасность. Если контрреволюции при помощи чехословацкого мятежа удастся отрезать Урал, Сибирь и Поволжье, Советская республика будет лишена продовольствия. Нас ждет голод. Уже лишившаяся южного угля и железа, Советская республика может потерять единственные оставшиеся ресурсы угля и металла на Урале. Население будет лишено хлеба, фабрики — топлива и сырья. Этого нельзя допустить. Наша задача — любыми средствами преградить путь мятежникам, сорвать их коварный замысел.

На совещании был выработан план, суть которого сводилась к тому, чтобы в ночь на 2 июня внезапным ударом захватить Миасс и тем самым плотнее закупорить пути прорыва челябинской группы белочехов. Успешное выполнение этой задачи было бы весьма болезненным для мятежников. В этой связи следовало учитывать особенности расположения чешских эшелонов. В момент восстания командование корпуса находилось в Челябинске. Здесь же скопились и значительные силы во главе с русским подполковником Войцеховским. Движение на запад имело для мятежников стратегическое значение, но на пути у него оказался наш златоуст-челябинский фронт.

Таким образом, общая обстановка для двух западных групп белочехов на первых порах сложилась неблагоприятно. Особые затруднения испытывала самаро-пензенская группа полковника Чечека. Только бросив часть эшелонов, двигаясь пешим порядком и неся большие потери, Чечек смог в районе Пенза, Самара стянуть свои войска в кулак. Но и при этом группа оказалась со всех сторон окруженной нашими отрядами и изолированной. Легионеры Войцеховского — ближайшая группировка белочехов — оставались блокированными далеко за Уралом. Наркомвоен Подвойский руководствовался интересами всего Восточного фронта и поэтому придавал большое значение действиям под Миассом.

Взвесив все обстоятельства и серьезность обстановки, Н. И. Подвойский временно принял на себя командование златоуст-челябинским фронтом.

Согласно приказу наркомвоена из мелких красногвардейских отрядов и боевых дружин спешно формировались батальоны трехротного состава. Большую помощь в организации войск оказали военные специалисты Высшей военной инспекции. Роль С. М. Белицкого все мы, ветераны боев за Златоуст, считаем исключительной. О его мужестве, организаторском таланте и высокой принципиальности я рассчитываю рассказать подробнее.

План боевых действий был разработан Рейнгольдом Иосифовичем Берзиным, в дальнейшем командармом 3, и Семеном Марковичем Белицким. Этот план предусматривал первый удар нанести по левому флангу белочехов, обойдя завод и поселок Миасс, а второй удар обрушить с фронта на станцию Миасс вдоль полотна железной дороги.

Для выполнения поставленных задач было приказано:

1. Пермскому батальону численностью 400 человек при четырех пулеметах под командованием прапорщика Гилина совместно с Миасским отрядом численностью 20 человек под командованием Якубайтиса с приданными конными разведчиками вечером 1 июня выступить с разъезда Тургояк, выйти на почтовый тракт и следовать в направлении Черная речка, завод Миасс до полотна железной дороги с задачей занять исходные позиции для атаки к трем часам 2 июня.

2. Сводному отряду Тарасова численностью 530 человек при восьми пулеметах и трехдюймовом орудии с командой конных разведчиков выступить с разъезда Тургояк вдоль линии железной дороги в направлении станции Миасс.

Сигнал общей атаки — залп орудий бронепоезда «Грозный», который ровно в три часа 2 июня должен открыть артиллерийский огонь шрапнелью по станции Миасс. Исходная позиция бронепоезда — выемка перед мостом через реку Миасс.

По сигналу орудий бронепоезда отряду Тарасова атаковать станцию Миасс и, захватив ее, наступать дальше по линии железной дороги.

3. Резерв главкома численностью 500 человек при 5 пулеметах под командой Нагорского сосредоточить при штабе фронта на разъезде Тургояк.

Как уже упоминалось, на нашу долю выпала труднейшая задача — свести в ходе боев многочисленные отряды в штатные части. Все наши отряды и боевые дружины претендовали на самостоятельность, не хотели менять командиров и своих названий. И первое время вместо положенных войсковых номеров приходилось сохранять прежние наименования — миньярцы, сатинцы, месягутовцы. Такое отклонение от армейских правил объяснялось еще и тем, что зачастую заводские и волостные штабы продолжали присылать подкрепления непосредственно в свои отряды. Справедливости ради следует сказать, что земляки (а иногда в Красную Армию уходили и целые семьи) дрались исключительно отважно.

В те горячие дни реорганизации фронта и подготовки частей к трудным боям огромную работу проделал наш главком И. М. Малышев. Все, кто был рядом с ним, удивлялись его выносливости. С утра до поздней ночи, а иногда и сутки напролет скакал он вместе с адъютантом Саввой Белых от отряда к отряду, лишь на короткие минуты появляясь в штабе.

До сих пор помню, как вечером 1 июня пришел паровоз серии ОВ, доставивший первый горячий обед — в наспех склепанном котле клокотала какая-то похлебка, а в солдатских кухнях на платформе доваривалась ячменная каша, именуемая тогда шрапнелью. Нам с Саввой Белых налили похлебки, досталось и «шрапнели». Мы сидели на насыпи и доедали кашу из добытого где-то котелка. А Савва поминутно оборачивался и жаловался, что Иван Михайлович опять ускакал голодный, ответив на предложение поесть, что ему некогда.

...Ночь перед боем была на редкость темной. Нависшие над лесом густые облака спускались все ниже, а навстречу им поднимался с земли туман. В назначенное время колонны одна за другой снимались с места и уходили на исходные позиции.

Группу охвата встретили наши разведчики. Они сообщили, что основная масса легионеров разместилась в казармах. Западнее Миасса, у складов, выставлена только застава. Гилин, его комиссар Палушин и Якубайтис решили сократить маршрут и привели колонну раньше срока. Без двадцати минут три от Гилина уже прискакал в штаб с донесением конный разведчик.

На вершину Моховой горы по приказу наркомвоена Подвойского была дополнительно послана рота, поддержанная конной разведкой. Ей было приказано в ходе боя внезапно ударить на Миасс с запада. Когда, рассыпавшись в цепь, рота по редколесью поднималась вверх, стал хорошо виден утоптанный кандальниками Екатеринбургский тракт.

Неожиданно с опушки леса на поляну выскочил всадник на взмыленной лошади и помчался вдоль нашей цепи. Кто-то из бойцов не выдержал и выстрелил. И вот уже по всей цепи затрещала беспорядочная стрельба, а всадник так и ускакал целым и невредимым.

Внезапность атаки была утрачена. Белочехи успели занять заранее подготовленные позиции и встретили наши цепи прицельным огнем с господствующих высот. Легионеры стреляли разрывными пулями дум-дум, которые наносили рваные раны. Ближний бой разгорелся в сосновом лесу.

Наши красногвардейцы упорно шли на сближение с врагом. Ружейно-пулеметный огонь с каждой минутой усиливался. Послышались разрывы гранат.

Ровно в три часа раздался залп артиллерии с «Грозного». Находившийся в цепи главком Малышев подал команду к атаке и, поднявшись во весь рост, с винтовкой наперевес бросился вперед. За ним в едином порыве рванулись наши бойцы. Громкое «ура» раскатилось по лесу.

Усиленная застава белочехов была сбита. Оставив убитых и раненых, легионеры откатились к Миассу. Но перешедшие на нашу сторону чехословацкие солдаты сообщили, что в Миассе собралось около двух полков пехоты мятежников и несколько эскадронов белоказаков, которые усиленно готовятся к бою. Туда же подошли из Тундуша белочехи, уцелевшие после боя на станции Златоуст.

Сведения эти вскоре подтвердились. Цепи противника густели, плотность огня увеличивалась. Наши же бойцы косились на тощие патронташи и пустые пулеметные ленты. Бой за Миасс еще только начинался, а боеприпасы, рассчитанные на быструю победу, кончались. Белочехи быстро поняли причину ослабления огня и упорно пошли вперед. Со стороны Кундравов изготовилась к атаке сотня старослужащих казаков. С каждой

минутой наше положение ухудшалось. Патроны кончались, и надежды на быстрый их подвоз не было. Командование приказало начать постепенный отход.

В это время передали по цепи, что подошло подкрепление. Это был отряд нязепетровских рабочих под командой А. В. Бархатова. Но рабочие, совершенно неподготовленные в военном отношении, только внесли в цепи неразбериху.

Теснимые пехотой легионеров, под угрозой флангового маневра казачьей конницы, наши отряды отошли на исходный рубеж.

Судьба обходной колонны сложилась еще трагичнее. Миасский отряд Якубайтиса попал в окружение и почти целиком погиб. Произошло это по вине Пермского батальона, которым командовал прапорщик старой армии Гилин. Этот батальон, в основном укомплектованный солдатами Пермского гарнизона, вместо того чтобы прийти на выручку попавшим в окружение красногвардейцам Якубайтиса, поспешно отступил. Члену ВВИ Стогову и главкому Малышеву больших усилий стоило остановить батальон.

Первое наше наступление под Миассом потерпело неудачу. Вскоре наркомвоен Подвойский созвал митинг представителей всех частей. Николай Ильич, выступая перед бойцами, сделал краткий разбор неудачного для нас боя. Причину неуспеха он видел в том, что на фронте — множество отрядов и групп, но они малочисленны по составу и сводятся в штатные части слишком медленно. В большинстве своем красногвардейские отряды и группы не имеют никакой военной подготовки. Недостает опытных командиров.

Н. И. Подвойский говорил представителям частей и отрядов суровую правду. Но его задачей было не только указать на серьезные недостатки, но и поддержать боевой дух красноармейцев, красногвардейцев и дружинников, которые видели в нем представителя большевистского центра. Беспощадно правдивая оценка состояния наших сил дана была также Р. И. Берзиным и С. М. Белицким.

Р. И. Берзин позднее так вспоминал первый наш бой: «Под Миассом 2 июня пришлось буквально расставлять каждого солдата в цепи, разъяснять, как двигаться вперед, как держать себя во время наступления или

перестрелки... Еще хуже обстояло дело с Пермским отрядом, который, несмотря на ротную организацию, имел разношерстный состав. Этот отряд по количеству был самым крупным, однако в боевом отношении никакого значения не имел и разбежался при первых же выстрелах... Нам пришлось строить армию и в то же время воевать».

Во время митинга в Тургояке на имя Н. И. Подвойского поступила телеграмма чрезвычайной важности. В ней сообщалось об образовании нового фронта у Самары. Сразу же после митинга, дав указания командованию златоуст-челябинского фронта, большинство членов ВВИ экстренным поездом уехали в Самару. Для руководства военной работой на Урале, в Уфимской губернии и Западной Сибири был оставлен Р. И. Берзин с группой членов ВВИ.

После отъезда из Тургояка наркомвоена Подвойского наши части, закрепившись на оборонительных рубежах, активно вели разведку. Белочехи, захватив железнодорожный мост через Миасс, остановились и никакой активности не проявляли. Лишь иногда постреливала их трехдюймовка, пытаясь нащупать наш бронепоезд «Грозный».

В ночь на 5 июня со стороны Миасса линию фронта перешел тяжелораненый молодой латыш Карел Барон. Белочехи сочли его убитым и выбросили в отвал. Придя в сознание, Барон заполз во двор к рабочему, который не выдал его и помог ночью уйти к своим. От рабочего Барон узнал о расправах контрреволюционеров в Миассе: расстреляны председатель Совета, военный комиссар, председатель ревкома и многие другие товарищи. Рабочий сообщил, что на станцию Миасс прибыло около 4000 легионеров и не менее 1500 белоказаков. Не вызывало сомнений, что противник готовится к наступлению.

Как стало известно впоследствии, белые стянули основные силы в район села и озера Тургояк. Главный удар наносился в направлении Тургояк, Куштумга, Златоуст.

Воспользовавшись беспечностью красноармейцев, белочехи без единого выстрела сняли нашу передовую заставу. За ночь вся возвышенная часть Тургояка оказалась в их руках. На рассвете раздался звон колоколов, а с тургоякской колокольни дважды прострочил

пулемет. Это был условный сигнал к началу контрреволюционного мятежа.

Сплошной линии обороны на нашем фронте не было. Белочехи ночью переправились во многих местах через Миасс и утром 5 июня одновременно ударили по левому флангу и со стороны захваченной части Тургояка.

Отбив яростные атаки врага, красногвардейцы изба за избой начали выкуривать белых из села. Только к утру следующего дня стрельба прекратилась. Штаб фронта поспешно приводил в порядок части. Оперативная сводка, составленная мною на двадцать часов 6 июня 1918 года, выглядела так:

Наименование частей	Количество		
	штыков	пулеметов	орудий
1-й батальон (Шульца)	960	10	1
2-й батальон (Аникеева)	710	10	1
3-й батальон (Шмелева)	510	6	—
4-й батальон (Черепанова)	480	10	—
Резервная рота (Тарасова)	260	6	2
Ударная группа (Вагнера)	260	6	2
Итого	3180	54	6

Пало в бою 52 человека, из них два командира и один комиссар, ранено 120. Все легкораненые эвакуироваться отказались.

Короткое затишье могло означать только подготовку врага к новым атакам. Демонстрируя активность у моста, белые сконцентрировали основные силы для наступления на Тургояк. Разгадав замысел противника, мы перешли в контратаку. Бой, то нарастая, то ослабевая, шел весь день. Белочехи и казаки несли большие потери, особенно в кавалерии. Но к ночи Тургояк нам все же пришлось оставить.

Одна из главных причин наших неудач — неумение управлять войсками в бою. Главком И. М. Малышев не мог успеть всюду, а назначенный в Златоусте военрук Пахомов к месту службы не явился. Штаб Уральского военного округа на наши запросы не отвечал, и Иван Михайлович решил послать в Уральский областной комитет РКП(б) Савву Белых с личным письмом.

Всю ночь и весь день 7 июня с обеих сторон шла оживленная перестрелка. Белочехи производили перегруппировку своих войск. С Голой горы мы с Иваном Михайловичем Малышевым следили за передвижением противника. Видимость в этих местах отличается тем, что с наблюдательного пункта главкома можно было невооруженным глазом фиксировать все, что происходит в Миассе. А там трезвонили во все колокола, благословляя беляков на наступление.

После отъезда Саввы Белых я заметил, что Иван Михайлович как-то погрустнел. Ночью в блиндаже Иван Михайлович разоткровенничался со мной и с командиром Михаилом Аникеевым, которого уважал за ясный ум и отвагу. С нежностью говорил он о своей супруге Наталье Анатольевне и дочке Нине, с которыми так редко приходилось видеться.

Иван Михайлович Малышев имел огромное влияние на всех нас. Участник вооруженного восстания 1905 года в Перми, один из организаторов Красной гвардии на Урале, он стал первым уральским военным комиссаром и первым председателем Екатеринбургского комитета большевиков. Активный руководитель борьбы с дутовщиной, он в первые же дни белочешского мятежа был послан на самый ответственный участок фронта — в Златоуст.

Прошло почти шестьдесят лет, но и сейчас как будто вижу рядом широкие плечи нашего главкома, его голубые глаза. Вспоминаю, как душевно пел с нами Иван Михайлович старинные русские песни... Было это за несколько дней до его гибели...

...В день отъезда Саввы Белых в Екатеринбург была получена телеграмма об отправке по указанию В. И. Ленина из Петрограда к нам на фронт коммунистического батальона латышских стрелков. Эта весть воодушевила нас. Мы знали на примере Златоустовского отряда латышей товарища Вагнера, какая это грозная и надежная сила революции.

Перед рассветом 11 июня из Златоуста сообщили, что на станцию проследовал долгожданный, но не латышский, а эстонский коммунистический батальон. Как выяснилось потом, в полученной нами телеграмме от Петроградского военного комиссариата были неточности. На самом деле речь шла не о батальоне, а о Тукум-

ском полке латышских стрелков, который по указанию В. И. Ленина был направлен на помощь революционному Уралу одновременно с эстонским коммунистическим батальоном и другими воинскими частями.

Прибывший эстонский коммунистический батальон под командой Якуба Пальвадрэ насчитывал около 900 хорошо обученных красногвардейцев, бывших рабочих, в большинстве членов партии. Кроме трехлинейных винтовок на вооружении батальона было 37 пулеметов разных систем.

Приказом Уральского военного округа батальон был полностью передан в подчинение нашего полевого штаба, а Якуб Пальвадрэ был введен в его состав.

С 7 по 11 июня по всему фронту шли бои, как говорится, местного значения. С момента начала боевых действий прошло две недели, а легионеры Войцеховского продолжали топтаться у Миасса, хотя и на западе, и на востоке их с возрастающим нетерпением ждали мятежники. В ночь на 12 июня, договорившись с товарищем Пальвадрэ, я включил группу эстонцев в нашу разведку.

В фондах ЦГАСА сохранилась оперсводка о первом выходе в разведку эстонских товарищей: «Сводка к 18 часам 13 июня 1918 г. златоуст-челябинское направление. Разведка эстонцев была обстреляна от железнодорожного моста через р. Миасс тремя пулеметами. На ст. Миасс разведчиками было замечено два эшелона белочехов, а севернее станции — новые окопы, сплошь занятые противником. Село Тургояк полностью занято противником, который, по словам жителей, собирается наступать на разъезд Тургояк и на Златоуст. Жители подтвердили, что при занятии села Тургояк 6 июня белочехов и белоказаков только убитыми было около 400 человек, а еще больше было ранено. Среди убитых оказалось большое количество офицеров, один чехословацкий полковник и атаман Молчанов, которого с почестями увезли хоронить в Кундравы. Особинформ Морозов».

В те дни наш полевой штаб размещался в переоборудованном классном вагоне на разъезде Тургояк. Здесь же — резерв главкома и команда конных и пеших разведчиков, а также запасы продовольствия, боеприпасов, саперного имущества. Вновь прибывающие отряды до

их направления на фронт базировались тоже на разъезде и в соседнем селе Сыростан. Иногда белые просачивались в сторону Сыростана и нарушали снабжение частей продовольствием и боеприпасами. Так случилось 6 июня, когда в самый разгар боя за село Тургояк наша батарея осталась без снарядов. Через несколько дней мы потеряли обоз, который столкнулся в лесу с группой белочехов. Большие трудности возникали из-за бездорожья, управление частями затрудняло отсутствие телефонной связи.

К тому периоду моей работы в разведке относится любопытный эпизод. С поля боя доставили пленных. Двое из них, сотник Иванов и старший урядник Герасимов, оба из Кундравов, были тяжело ранены. Рядовые казаки Галий Закиров и Макар Ткаченко ранений не получили. Выяснилось, что они бывшие батраки владельца кундравинской мельницы Герасимова.

Несколько дней назад Герасимов, уходя воевать с «народовластием» (так старорежимные казаки называли Советскую власть), назначил обоих батраков своими телохранителями. После первого же боя раненых Герасимова и Иванова обнаружили в канаве, заросшей густым кустарником, вместе с целехонькими телохранителями. На допросе Макар Ткаченко признался, что Иванов — вымышленная фамилия сотника. Под ней скрывается кундравинский атаман Молчанов, член подпольного Войскового казачьего правительства, организатор белоказачьих отрядов. В Кундравах он собственноручно вместе с мельником Суднишниковым расстрелял станичный Совет. Рассказ батрака полностью подтвердился. Молчанов не отпирался и только выкрикивал в бессильной злобе, что он чистокровный кундравинский атаман, защитник царя и отечества, что он и мертвым будет мстить Советской власти. Так неожиданно уточнились сведения разведки о гибели и похоронах казачьего атамана.

Случай с пленением атамана Молчанова интересен для характеристики нравов реакционного казачества. Допрос же группы русских и чешских офицеров, захваченных несколько позднее, дал чрезвычайно богатые и ценные сведения.

Капитан Зубов показал, что чехословацкое и русское командование для наступления на Златоуст стяну-

ло в село Тургояк большие силы: чехов, казаков и ударные офицерские части Народной армии.

Утром 9 июня в Тургояк прибыл руководитель Челябинской группы легионеров Семен Войцеховский, представители Оренбургского казачьего войска и служители православной церкви. Отец Евлампий, член Союза Михаила Архангела, был облачен в парадную ризу. Войска поспешно построились на плацу. Казацкие полки состояли в основном из жителей станиц Миасской волости. Солдаты и офицеры Народной армии в большинстве своем — добровольцы. В общей сложности на златоустовское направление было стянуто до пяти тысяч солдат.

Член белочешского Национального совета Б. Завада после долгих препирательств показал: «В челябинском подполье с 14 по 20 мая мы провели съезд с представителями чехословацкого корпуса, английской и французской военных миссий, подпольного русского офицерского центра, возглавляемого подполковником Войцеховским, поручиком Рычаговым и прапорщиком Ерушиным. Совещание окончательно выработало план вооруженного выступления против Советской власти. Решено было сомкнуть челябинскую группу с сибирской в районе Кургана и с поволжской в районе Златоуста, а затем через Урал и Поволжье объединиться с белыми силами на юге и севере России».

После допроса пленных, в ночь на 12 июня, в разных направлениях вышли три группы разведчиков.

Всю эту ночь на заседании Реввоенсовета златоуст-челябинского фронта шло обсуждение дальнейшего плана военных действий. Неоценимую помощь оказал нам прибывший из Екатеринбурга член Уральского областного комитета РКП(б) Николай Гурьевич Толмачев. Совсем еще молодой человек, Николай Гурьевич был опытным политическим и военным работником. Большевик с 1913 года, активист петроградской организации, он еще до возвращения В. И. Ленина в Россию правильно ориентировался в сложной политической ситуации тех дней. Будучи участником Апрельской конференции и ряда крупнейших партийных совещаний, Толмачев перенес ленинские принципы партийного руководства на военно-политическую работу. Особенно ярко его талант организатора революционной армии раскрылся

несколько месяцев спустя, в тяжелые дни так называемой пермской катастрофы. Николай Гурьевич Толмачев был прежде всего непревзойденным оратором. За короткое время он побывал во всех отрядах, не миновав и самого небольшого. Слушали его с огромным вниманием. С Иваном Михайловичем Малышевым Толмачева связывала крепкая дружба. Они близко сошлись еще на дутовском фронте.

Н. Г. Толмачев приехал в Златоуст к тому времени, когда, по нашим расчетам, были собраны все имеющиеся силы для наступления на Челябинск. Мы закончили реорганизацию войск. Одна только ударная группа насчитывала до тысячи бойцов. У нас было два бронепоезда, а в годы гражданской войны бронепоезда представляли грозную силу. Кроме двух пушек и восьми пулеметов на «Грозном» имелось два крупнокалиберных миномета — большая редкость для тех лет. Мины ФР-58 отливались на Злоказовских заводах. Одну из них можно видеть в зале № 2 Центрального музея Вооруженных Сил СССР. Второй наш бронепоезд — «Миньярский» — все время находился на разъезде Сыростан, прикрывая правый фланг фронта. Он был вооружен одной трехдюймовкой и четырьмя пулеметами.

Каждый боец, не говоря уж о командирах, понимал значение наступления на Челябинск и рвался вперед. Красная Армия, как я уже неоднократно отмечал, в этот период была еще слабо организована, плохо вооружена и экипирована. Ее возрастающую силу рождала революционная сознательность солдат Октября. Этим высоким наступательным порывом красноармейцев и командиров следовало дорожить. А мы откладывали с часу на час начало наступления.

Основная причина задержки исходила от соседей по челябинскому направлению. Готовя наступление, мы через Уральский военный комиссариат договорились с Кыштымским полевым штабом (комиссар С. В. Мрачковский, военрук Осипов) о совместных действиях по разгрому челябинской группы белочехов. Условились о взаимодействии с отрядом, действующим по тракту Екатеринбург — Челябинск (комиссар Жебенев, военрук Голубев). Но вот уже три дня Кыштым молчал. Посланные туда три группы конных разведчиков не вернулись. Но пришли случайно уцелевшие три разведчика

и доложили, что в треугольнике Кыштым, Уфалей, Аргаяш хозяйничают белогвардейцы и посланные нами группы ими уничтожены. Телеграфной и телефонной связи с Екатеринбургом в те дни не было ни у штаба фронта, ни в Златоусте.

Что же касается помощи соседей, то обстановка сложилась наихудшим образом. «На кыштымско-златоустовском направлении, — докладывалось 13 июня на заседании Уралобкома, — положение отчаянное. После оставления Кыштыма части совершенно разложились и никакой боевой силы не представляют... Комиссар Мрачковский 12 июня донес, что он снимает с себя и военного руководителя Осипова всякую ответственность за сохранность фронта, потому что они остались без всяких войск, которые разбежались» [1].

Положение настолько осложнилось, что штаб Уральского военного округа отдал приказ златоустовской группе отойти на новые позиции, занять Уральский хребет, сопки Александровскую и Уральскую» [2].

Приказ из Екатеринбурга на всех нас подействовал ошеломляюще. Причина отхода была не ясна. К тому же каждый боец знал, насколько новый рубеж непригоден для ведения боевых действий. Он проходит по Уральскому хребту и сопкам, покрытым сплошным лесом, исключающим обзор. И еще одно, крайне существенное обстоятельство — в Тургояке мы имели хорошую телефонную и телеграфную связь. На разъезде Хребет ее не было. А много ли может штаб сделать без связи?

В приказе не сообщалось о катастрофическом положении на кыштымском фронте и о проходящей в Екатеринбурге реорганизации штабов. Поэтому мы были вынуждены, выполняя предписание УРВО, заявить протест и делегировать в Екатеринбург Н. Г. Толмачева.

В тот же день был получен приказ № 1 от 14 июня 1918 года, из которого стало известно о сформировании северо-урало-сибирского фронта (главком Р. И. Берзин, заместитель главкома С. М. Белицкий, военрук А. Симонов). В параграфе втором говорилось, что всеми операциями будет руководить Военная коллегия в

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 102, л. 1—8.
[2] ЦГАСА, ф. 423, оп. 6, д. 1, л. 311.

составе членов Высшей военной инспекции Берзина, Анучина, Надежного.

Одновременно с этим приказом мы получили оперативную сводку следующего содержания: «На златоустовском направлении наши части отошли на разъезд Хребет, где устраиваются на новые позиции (очевидно, это был ответ на наш протест. — *М. М.).* Штаб войск расположился в Уржумке. Противник дальнейшего наступления не развивает. По Западно-Уральской дороге были замечены небольшие группы чехов, делавших съемку местности (это уже наш тыл. — *М. М.*)» [1].

Сводка, подписанная комиссаром Анучиным, внесла еще большую неразбериху. Согласно приказу УРВО № 16/87 части отошли на Уральский хребет, а не на разъезд. Противник, опровергая данные сводки, воспользовался нашим неоправданным отходом и перешел в наступление. Мы просили перевести штаб на разъезд Уржумка, где была связь, но только из сводки узнали, что находимся там.

Несколько позднее Н. Г. Толмачев сообщил, что в момент получения нашего протеста Р. И. Берзина в Екатеринбурге не оказалось — он выехал на фронт. С. М. Белицкий сразу стал на нашу сторону, его поддержал военрук Симонов, но засевшие в штабе военспецы Пахомов, Угрюмов, Осипов, Богословский и Андорский, спасая честь мундира, отказались отменить приказ № 16/87. Только при помощи Уральского комитета большевиков и наркомвоена В. А. Трифонова удалось урезонить военных чиновников. Но время было потеряно, и враг этим воспользовался.

Весь день 16 июня и в ночь на 17-е белогвардейцы, наступая по обе стороны железнодорожного полотна, продолжали теснить наши части. С каждым часом держаться становилось все труднее, особенно после того, как белочехи смогли перебросить сюда войска с омского направления.

Ночью 17 июня белые пытались блокировать Сыростан. По сигналу тревоги поднялись наши резервные части. Первыми на околицу выскочили обе команды вьючных пулеметов и полторы сотни конных разведчиков. Вместе с главкомом И. М. Малышевым и

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 225, л. 2.

Н. Г. Толмачевым я с группой связных выехал на передовые позиции. Проливной дождь, не утихавший с вечера, почти прекратился, но горные вершины продолжали дышать густой испариной. Рассветало. В районе Атлянского шоссе и слева, где проходил железнодорожный путь, была слышна ружейно-пулеметная стрельба, били наши минометы, рвались гранаты и тяжело ухали орудия белого бронепоезда.

Нас, видимо, заметили. Совсем близко разорвался фугасный снаряд, и Иван Михайлович упал с коня. Мы с Толмачевым отнесли главкома на опушку леса. Он был контужен и потерял сознание. Осколок снаряда попал ему в левую ногу. Но после медицинской помощи, оказанной в штабном вагоне, Иван Михайлович вернулся в штаб.

Мы выстояли в схватке с чешским мятежом, мы имели реальную возможность не только блокировать группу Войцеховского, но и наступать на Челябинск. Положение белочехов казалось критическим. И в этот момент нам в спину ударили эсеровские мятежи и кулацкие восстания. «Фронт, — доносил С. М. Белицкий главкому Муравьеву, — подвергается сильной опасности роста контрреволюционной заразы в тылу. Необходимы срочно несколько броневиков и хотя бы один бронепоезд. Держимся зубами за каждую пядь советской земли, но шесть направлений на внешнем фронте и четыре направления на внутреннем заставляют нас просить поддержки» [1].

Положение уезда обсуждалось на заседании полевого штаба в Уржумке 18 июня. Из Златоуста приехали руководители Совета и военком Н. И. Хлебников. Опасаясь за судьбу города и уезда, Хлебников требовал снять с фронта часть отрядов и вместе с бронепоездом направить на подавление мятежей в Кусе, Сатке, Айлино, Леузе, Месягутове и других волостях. Еще до совещания в Уржумке военком Хлебников снял с позиций у тактически важной для нас станции Бердяуш отряд комиссара Юрина и отправил его на подавление восстания.

Члены полевого штаба категорически возражали против ослабления фронта. Мы доказывали, что, если

[1] ЦГАСА, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 32.

вместо сильной обороны в сторону Миасса останется реденький заслон, белочехи сметут его и придут на помощь восставшему кулачью. К нашим доводам с пониманием отнесся председатель Златоустовского ревкома Виталий Дмитриевич Ковшов и профсоюзный работник М. Ф. Карьков. Разгорелся спор. Но военком Хлебников, пользуясь правами начальника гарнизона, не отступил от своих требований. Было решено запросить Екатеринбург и Уфимский оперативный штаб.

Утром 19 июня военком Хлебников приехал в Уржумку с оформленным приказом, который он подписал как номинальный командующий частями, находящимися на территории Златоустовского уезда. Помимо этого Хлебников привез телеграмму из Екатеринбурга, в которой сообщалось о диком разгуле кулацких банд, пытавшихся захватить Бердяуш и разгромивших Советы и красногвардейские штабы в соседних волостях.

Медлить было нельзя. И. М. Малышев распорядился подготовить отряды к выступлению, не дождавшись ответа на свой запрос.

Вечером 19 июня отряды поэшелонно двинулись в направлении Бердяуша.

Около полуночи в вагоне военкома Хлебникова состоялась еще одна встреча со златоустовскими товарищами. Здесь собрались Иван Павлович Маликов (впоследствии один из деятелей подпольного Сиббюро ЦК), Виталий Ковшов, Иван Галдин, Егор Сажин, Иван Ипатов-старший, Максим Карьков, Григорий Белоусов, братья Фофановы. Открывая совещание, Хлебников предупредил о его сугубо секретном характере. Слово было предоставлено неизвестному нам человеку в штатском — уполномоченному Уфимского ревкома. Председательствующий называл его Семеном Семеновичем.

— Мы должны быть готовы к худшему, — подчеркнул в своей сжатой информации Семен Семенович, — возможно, кое-кому придется работать в белом тылу. Уже сейчас следует подобрать людей, явки и прочее, используя опыт, кадры и организацию старого партийного подполья. Вся эта работа была проведена уже после ухода отрядов И. М. Малышева из Златоуста. Подпольная группа организовалась в момент эвакуации. Ее возглавили И. В. Теплоухов, Пудовкин и ряд других местных работников.

Наши же эшелоны в час ночи 20 июня прибыли на станцию Бердяуш. Головным шел бронепоезд «Миньярский». Мы с Малышевым ехали вместе в штабном вагоне. Помню, что по дороге пели любимые песни Ивана Михайловича. Голос у него был сильный и очень приятного тембра. В моей памяти образ Ивана Михайловича всегда сочетается со звуками его голоса, мужественного и мягкого одновременно. На станции Бердяуш главком Малышев в последний раз инструктировал отряды.

Большое беспокойство вызывал у нас мятеж в Кусе. О его подготовке мы узнали еще 13 июня от трех нарочных, пробравшихся через лес к расположению штаба. На помощь Кусинскому Совету были посланы Пермский отряд Палушина и Златоустовский во главе с членом уездного комитета Зиновием Аникеевым. Но ко времени подхода отрядов вокруг восставшей Кусы были отрыты окопы, и мятежники, вооруженные охотничьими ружьями, пиками и даже церковными пушками, озверело лезли в рукопашную схватку. Пользуясь своей многочисленностью, кусинское кулачье больше недели вело бой с окопавшимися красногвардейцами.

Иван Михайлович Малышев мог бы на ликвидацию кусинского мятежа направить кого-либо из опытных командиров, но он всегда и везде, где решалась судьба какой-либо операции, присутствовал сам.

Взяв роту эстонцев с пулеметами и пушкой, главком Малышев двинулся в сторону Кусы. Комиссар Коковихин со своей ротой и бронепоездом ушел на ликвидацию саткинского мятежа. Мы с Михаилом Ивановичем Аникеевым через станцию Сулея повели отряды к гнезду восстаний в Айлино, Леузе, Рухтино, Месягутово.

Эшелон Малышева от Бердяуша медленно двигался вслед за разведчиками. Дорога, станции и мосты были разрушены или полуразрушены. О том, что творили эсеро-кулацкие банды, дает представление сводка тех дней: «Оперативная. Екатеринбург. 19 июня 1918 года. С Бердяушского промежуточного штаба военком Шварцман сообщает: башкирские националисты, русские кулаки-эсеры деревень первой и второй Айлинских волостей громят Советы, творят неслыханные зверства над советскими работниками. Во многих местах разрушили железную дорогу, разгромили Советы, красно-

гвардейские штабы Петропавловского, Никольского заводов, зверски замучили красногвардейцев: Мельникова, отца и сына Черепановых, Гришанова и многих других. После пыток закапывают живых, жгут на кострах» [1].

Прибыв в район Кусы, главком Малышев всеми силами одновременно организовал наступление. Наступающим войскам было строго приказано избегать орудийной стрельбы по населенным пунктам. Во избежание кровопролития в расположение мятежников были посланы парламентеры. Их встретили выстрелами из окопов. Видя безуспешность мирных попыток, И. М. Малышев приказал дать несколько демонстративных выстрелов в сторону заводского пруда. Мятежники, распаляя фанатизм восставшего кулачья, подожгли больницу, в которой находилось несколько изуродованных красногвардейцев. По селу был пущен слух, что красные начинают жечь Кусу. Красногвардейцы штурмом взяли Кусинский завод — последний оплот мятежников на Западно-Уральской железной дороге. Мятежники, понеся большие потери, бежали в леса и горы.

Захватив с собой раненых, И. М. Малышев повел отряды к Бердяушу. Главкома беспокоило положение дел в Сатке, но связь с отрядом Коковихина отсутствовала.

Поезд главкома двигался к Уржумке. Паровоз набрал скорость, тишина штабного вагона только время от времени нарушалась стонами раненых. Иван Михайлович не спал. Около раненых были санитарка Трапезникова и ее сменщица Надя Колчина. Подходя к Тундушу, паровоз дал отрывистый гудок, быстро сбавил ход и остановился, затем под видом сцепки состава затащил вагоны в тупик, к лесной погрузочной площадке, и ушел в сторону вокзала. Ничего не подозревающие адъютант главкома Белых и санитарка Трапезникова взяли ведра и пошли за водой для раненых.

Темнота — хоть глаза выколи. Спотыкаясь на путях, они наугад пробирались к водокачке. Санитарка несколько поотстала. Кругом стояла глухая тишина. Вдруг от водокачки ударили выстрелы и послышался крик:

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 33, л. 234.

— Стой! Сдавайся, красная сволочь!

Санитарка разобрала голос Саввы Белых из темноты:

— Беги!.. К вагонам!..

Но с противоположной стороны тупика уже били залпами по штабным вагонам, гремели приклады, неслись крики «Сдавайтесь!». В ответ слышалась негустая стрельба, рвались гранаты.

Беспомощная, без оружия, санитарка Трапезникова, не зная, что ей делать, затаилась за блокгаузом и ждала исхода боя.

В вагоне с тяжелоранеными находился один Малышев и санитарка Надя Колчина с револьвером. Раненые были без оружия. Экономя патроны или оберегая раненых, Иван Михайлович некоторое время не вступал в схватку, и толпа нападающих облепила второй вагон, из дверей и окон которого шла стрельба и летели гранаты.

Когда мятежники скопились в одном месте, бойцы услышали голос главкома Малышева:

— Все из вагона! С гранатами за мной!..

Началась яростная рукопашная схватка.

О нападении на поезд Малышева мы узнали от санитарки Трапезниковой, которую подобрали красногвардейцы в поселке Глухой Остров. Исход боя ей был неизвестен. Подробности тундушской трагедии выяснились только после освобождения Златоуста. Еще до моего приезда органы уездного ЧК вели следствие. Непосредственные убийцы И. М. Малышева, кувашинские кулаки Крохин и Кондратьев, были обнаружены и арестованы. Из их показаний выяснилось, что И. М. Малышев и охрана поезда, пытаясь спасти раненых, бились до последнего патрона. Главком был тяжело ранен и потерял сознание. Очнувшись в темноте, он пытался ползти в сторону Тундуша. Когда рассвело, его заметили. После зверских пыток он был закопан у ключа Тундушки, примерно в полутора километрах от Тундуша. Это произошло 23 июня 1918 года.

Для перезахоронения останков И. М. Малышева была создана комиссия. Взяв из тюрьмы одного из убийц (Михаила Крохина), члены комиссии выехали в Тундуш. Там была вскрыта указанная Крохиным могила. Тело главкома Малышева оказалось настолько

изуродованным, что его опознали только по известным приметам.

18 апреля 1920 года комиссар И. М. Малышев был с почестями похоронен в златоустовской братской могиле.

Возвращаясь к оценке событий на златоуст-челябинском фронте, следует сказать, что переброска отрядов на подавление мятежей подорвала его боевую устойчивость, а гибель комиссара И. М. Малышева нанесла невосполнимый урон делу руководства фронтом. Дисциплина в войсках упала, и началась неразбериха отступления. В Центральном государственном архиве Советской Армии хранятся доклад, написанный рукой главкома златоуст-челябинского фронта Я. Пальвадрэ, воспоминания С. М. Белицкого, А. Симонова и многие другие документы. Однако эти свидетельства настолько разноречивы, что по ним трудно составить картину событий, которые впоследствии будут названы златоустовской катастрофой.

Связи с командованием фронта и Златоустом у нас в эти дни не было, и мы не знали, что там творится. На шоссе между Кичами и Леузой к нам вышла группа из семи красноармейцев, посланная на связь с отрядами. Наконец-то! Но вести они принесли нерадостные. Войска златоуст-челябинского фронта в ночь с 26 на 27 июня оставили Златоуст и вместе с советскими работниками отступили в сторону Кусинской железнодорожной платформы.

«Наши войска под натиском белочехов, взрывая мосты, дошли до Кусинской платформы, — записал С. М. Белицкий 28 июня. — Штаб войск сделал отчаянную глупость. Получив провокационные сведения о занятии белыми Бердяуша, не проверив и даже не послав разведку, он взорвал Айский мост 20 саженей между Златоустом и Бердяушем. Пустили в пучину бронепоезда, эшелоны со снарядами, обмундированием, вооружением, продовольствием.

Сразу сказалось отсутствие руководителя Малышева, иначе не было бы такой глупости...

...Возле сожженного моста в затылок друг другу на протяжении шести верст стояли отступающие эшелоны златоустовской группы. Возмущенные красноармейцы

арестовали штаб и всех златоустовских руководителей. Урегулировать конфликт мне удалось только митингом. Обещая принять меры, я приказал освободить из вагонов арестованных и ждать результатов моего совещания с командирами отрядов.

Совещанием было решено штаб распустить, вместо него управление западно-уральским фронтом возложить на военрука Пальвадрэ и военкомов Жилина и Бахтина» [1].

Ровно месяц выстоял златоуст-челябинский фронт. В ходе боев и трагедии отступления вскрылась неопытность многих командиров и разлетелись в прах некоторые скороспелые репутации. Когда гибнут люди и оставляются города, трудно найти разумное объяснение происходящему. Нас обвиняли бойцы, а мы винили военкома Хлебникова за оголение фронта. Но какими иными силами он мог подавить мятежи? Других сил не было.

Таков уж характер гражданской войны. Восставшие начинают ее без опытных руководителей. Исход борьбы определяется ходом истории и теми, кто этот ход предвидит. Штаб революции в Москве мыслил категориями страны и международного пролетарского братства. Теперь, когда прошли десятилетия, мы, участники событий, можем яснее представить себе роль тех бесчисленных боев, которые потрясли всю Россию. Я мысленно рассматриваю карту Урала и Поволжья. Знаю, что пройдет месяц — и центр борьбы сместится к Казани. Ведь это мы, бойцы златоуст-челябинского фронта, месяц не давали соединиться группам Войцеховского и Чечека. У нас была реальная возможность нанести поражение чешским легионерам и потушить огонь мятежа в самом начале. Этого не произошло, потому что нам ударили в спину. Эсеро-кулацкие мятежи сделали то, что оказалось не под силу регулярным белочешским войскам. Социал-предатели открыли контрреволюции дорогу к центру России. Но златоустовская катастрофа не стала катастрофой нижегородской, а затем московской. Штаб революции успел собрать силы, и борьба за Казань обернулась контрнаступлением Восточного фронта. А это уже были первые победы Красной Армии.

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 162, л. 14—26.

М. А. МУХИН

ОТРЯД КОМИССАРА ЖУРАВЛЕВА

Наш артиллерийский дивизион имени Петроградской трудовой коммуны прибыл в Вятку (ныне Киров) 18 августа 1918 года. Эшелоны до места назначения прошли около 1200 километров. Сформировали дивизион в очень короткий срок — пять дней. Я невольно припомнил, что лейб-гвардейская часть, в которой мне довелось служить в царское время солдатом, была готова к отправке на фронт через полтора месяца после получения приказа, но задерживалась из-за неполучения... шпор. Полковник Шарпантье, выстроив личный состав своего дивизиона, объяснял эту задержку так:

— Что же это за артиллерист без шпор? Это все равно что тигр без зубов: поцарапать может, а не съест.

Довод полковника Шарпантье оказался настолько убедительным, что часть с разрешения инспектора артиллерии (одного из великих князей) была задержана в столице еще на десять дней.

Петроградцы артиллеристы прибыли на Восточный фронт, пожалуй, в самое трудное для него время. К августу были потеряны вся Сибирь и Урал. Большая часть крупных городов Поволжья также оказалась в руках белочехов. Успехи мятежников достигли высшего предела. Они только что взяли Казань и стремились выйти на московское направление.

В районе боевых действий 2-й армии, куда был направлен наш дивизион, грозную опасность представляли белогвардейско-эсеровские мятежи в Ижевске и Воткинске и связанная с этим потеря крупнейших оружейных заводов.

Красноармейцев дивизиона очень волновал вопрос: как могло случиться, что против Советской власти вос-

стали рабочие оружейных заводов? Частично мы смогли ответить на этот вопрос сразу же, столкнувшись в боях с этими «рабочими». Для полного же объяснения нам потребовалось гораздо больше времени.

Исходной почвой для мятежа послужила социальная природа тех, кого мы по незнанию местных условий зачисляли в пролетарии. Отработав свою смену, «рабочие» из цехов и мастерских возвращались к собственному хозяйству, нередко довольно крупному, разводили скот, а иногда и торговали. За годы войны на оружейных заводах скопилось немало сынков лавочников и богатеев, спасавшихся от мобилизации.

Эти обстоятельства способствовали тому, что ижевско-воткинский район находился в руках белого подполья и эсеро-меньшевистской пропаганды, и было это в накаленной атмосфере лета восемнадцатого года. Из 1300 коммунистов оружейных заводов почти все ушли на фронт. Меньшевики и эсеры проникли в Советы и Союз металлистов. Политика Советской власти извращалась, ее распоряжения саботировались. Обескровленные партийные организации не имели сил для предотвращения мятежей, а затем борьбы с ними.

Поводом для восстания послужила мобилизация в Красную Армию, которая проводилась 5—6 августа. Эсеровское руководство Союза фронтовиков, выставив провокационное требование о выдаче оружия, устроило на следующий день демонстрацию с лозунгами: «Советы не доверяют фронтовикам!», «Большевики продают Россию!». Вслед за тем вооруженные эсеровские отряды начали бой за Ижевск и вынудили слабые красногвардейские части, сформированные из коммунистов и преданных Советской власти рабочих, оставить город. Развивая успех, мятежники 17 августа после короткого боя взяли Воткинск. Власть в городе перешла в руки штаба так называемой Народной армии, возглавляемого капитаном царской службы Юрьевым.

Командование Народной армии всеми силами стремилось выполнить две важнейшие задачи — соединиться на всех направлениях с белочехами и на севере с англичанами и белогвардейцами. Захват Воткинска, Сарапула и важной железнодорожной станции Агрыз был первым шагом в реализации этого плана. Отряды Народной армии в ижевско-воткинском районе

формировались за счет местных ресурсов. К началу сентября белогвардейцам удалось вооружить и обучить формирования общей численностью до 12 тысяч рабочих.

Падение Советской власти в Ижевске и Воткинске и приближение белочехов к южным уездам Вятской губернии развязало руки кулачеству. Вдохновителями мятежа и здесь выступили меньшевики и эсеры, которые рыскали по деревням и раздували гнусную агитацию за разгон Советов и установление демократии. Началась зверская расправа с комитетами бедноты и советскими работниками. В Сарапуле, на Ижевском и Воткинском прудах оборудовались специальные «баржи смерти» для содержания арестованных.

Мятеж в ижевско-воткинском районе имел тяжелые последствия для всего Восточного фронта. Между частями 2-й и 3-й армий был вбит глубокий клин. Образовался разрыв в десятки километров. Над тылами этих армий нависла опасность, которая будоражила части и штабы и вызывала панические отходы. Стоило только мятежникам выйти на магистраль Вятка — Пермь, как коммуникации 3-й армии оказывались бы обрубленными. Район, охваченный мятежом, представлял собой злокачественную опухоль, которая грозила гибелью всей северной группе наших армий. Но у Восточного фронта в дни падения Казани не было сил, чтобы ликвидировать ижевско-воткинскую опасность. Положение усугублялось еще одним обстоятельством чрезвычайной важности: оружейные заводы за месяцы мятежа произвели огромное количество оружия для Народной армии и белочешских отрядов. За август — ноябрь 1918 года было выпущено около 60 тысяч винтовок.

В этой связи главнокомандующий Красной Армией И. И. Вацетис отмечал в докладе о стратегическом положении страны: ...из всех очередных задач Восточного фронта наиболее важна задача 2-й армии по подавлению мятежа в ижевско-воткинском районе, где сосредоточены значительные вражеские силы. По ликвидации этого мятежа вся 2-я армия может быть брошена в направлении Екатеринбург — Челябинск, что несомненно закрепит наше положение на Урале и в Западной Сибири» [1].

[1] ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 39, л. 43—50.

При катастрофической нехватке сил, особенно кадровых, наш дивизион, прибывший на станцию Вятка, являл собой значительное подкрепление. Тем более что в нем были петроградцы, надежнейшие из надежных. Немедленно дивизиону была поставлена задача разгрузить одну батарею на станции Вятка, оставив ее в качестве резерва командующего войсками Вятского района. Управлению дивизиона с двумя батареями было приказано железнодорожным эшелоном следовать до станции Чепца, где после разгрузки сосредоточиться в селе Дебессы, поступив в распоряжение прибывающего туда губвоенкома С. И. Малыгина. Под его руководством мы должны были принять участие в подавлении мятежа в районе Воткинска.

Разгружались под проливным дождем. Дороги, особенно в низинах, превратились в непроходимую топь. В глубокой грязи застревали не только орудия и повозки, но и обессилевшие лошади. Кем-то были сказаны слова, которые мы потом часто повторяли: «На голодном коне сытый боец — не боец, а на сытом коне и голодный боец — боец».

Рано утром 23 августа дивизион достиг села Дебессы, и мы оказались на линии фронта. Группа войск Вятского района состояла из нескольких отрядов, различных по численности и боевым качествам. Действовали они разрозненно. Не разделять дивизион при такой группировке сил не было возможности. Оставалось только разбить его на группы усиления, которые придать затем отдельным отрядам. Однако наш комиссар Иван Родионович Журавлев, распределив орудия дивизиона по отрядам, не позволил нам отсиживаться в штабе. Вникнув с присущими ему ясностью мысли и, я бы сказал, тактическим дарованием в обстановку, он сразу же определил, откуда нам угрожает основная опасность: между нашим левым флангом (у села Дебессы) и отрядом 3-й армии под командованием Аплока образовался разрыв. Этот разрыв достигал 80—100 километров и нами почти не контролировался. Оханский, Мотовилихинский и Носовский партизанские отряды, действовавшие в этом районе, были малочисленны и оказать серьезное сопротивление мятежникам не могли.

Комиссар приказал конной разведке дивизиона выяснить, что происходит в селах, лежащих между флан-

гами армий. Разведчики под командованием Л. П. Кушнера эту задачу выполнили быстро и успешно. Оказалось, что в волостях идет повальная мобилизация в Народную армию. Проводит ее офицер царской армии Дробинин — сын торговца из села Петропавловское. Одновременно с этим происходит заготовка продовольствия и фуража для Воткинска. Белогвардейцы рассказывают неслыханные небылицы о Советской власти и запугивают вятских мужиков расстрелами и конфискациями, которые якобы проводятся повсюду большевиками.

Комиссар дивизиона И. Р. Журавлев и его командир Л. В. Нечаев (ныне генерал-майор артиллерии в отставке) понимали, чего добиваются мятежники. Распространяясь на север, части Народной армии стремились оседлать железнодорожную магистраль Вятка — Пермь. И легче всего эту задачу можно было решить в упомянутом выше разрыве между нашими частями.

Надо было действовать, и И. Р. Журавлев обратился к комиссару вятской группы И. С. Малыгину. Командование вятской группы, в том числе и И. С. Малыгин, по различным причинам медлило. Тогда Иван Родионович по своей инициативе организовал партизанский отряд для боевых действий в полосе разрыва и сам его возглавил.

Чтобы понять, насколько мужествен, решителен и предан революции был И. Р. Журавлев, нужно хоть кратко рассказать о его жизни. Полный георгиевский кавалер, подпрапорщик старой армии, Иван Родионович Журавлев из-за ранней седины и бородки клинышком на красивом, с правильными чертами лице выглядел старше своих тридцати с небольшим лет. Человек ясного ума, он был храбр в бою, но никогда не грешил крайностями, которым были подвержены многие командиры молодой Красной Армии.

За несколько месяцев до революции подпрапорщик Журавлев за агитацию против июльского наступления на германском фронте и по подозрению в большевизме был предан военно-полевому суду. Освободили его восставшие против Временного правительства солдаты. Возвратившись в свою часть — артдивизион 22-го Финляндского корпуса,— Иван Родионович сыграл видную роль в срыве похода корпуса на революционный Пет-

роград. Он непосредственно вошел в делегацию, которая вела переговоры с В. А. Антоновым-Овсеенко.

Демобилизовавшись 27 декабря 1917 года из старой армии, Журавлев уже 2 января 1918 года явился в штаб 1-го Городского района Петрограда и попросил зачислить его в Красную гвардию. Решение членов штаба оказалось для И. Р. Журавлева настолько неожиданным, что он в растерянности спросил:

— Вы не ошиблись, назначая меня комиссаром артиллерийской бригады? Ведь я же беспартийный.

— Нет. Не ошиблись, — ответил комиссар штаба Арсений Петрович Якубович, член партии с 1907 года. — Это мое предложение. Мы вам доверяем. И если вы сегодня беспартийный, то наверняка скоро будете в партии.

Историю с назначением беспартийного артиллериста И. Р. Журавлева на комиссарскую должность мне рассказала Софья Ильинична Шульга, большевичка с подпольным стажем, в то время член штаба. Софья Ильинична подчеркнула, что работники штаба приняли это решение без колебаний. Особенно верил в Журавлева военком Якубович, а он славился своим исключительным знанием людей.

Иван Родионович успешно формирует и отправляет артиллерийские части на фронт. Вскоре он становится не только командиром и комиссаром своей бригады, но и комиссаром всех артиллерийских частей района. В июле 1918 года Журавлев командует артиллерией при подавлении лево-эсеровского мятежа.

В те дни основная часть мятежников засела в здании Пажеского корпуса, выходящего фасадом к Гостиному двору. Сюда были стянуты эсеровские боевые дружины с орудиями. Часть из них была установлена в палисаднике, три — в окнах второго этажа, остальные — во дворе за зданием корпуса. На каждом этаже через два-три окна торчали дула пулеметов. При наличии достаточного количества боеприпасов это была большая сила.

Артиллеристы Журавлева действовали бесстрашно и умело. Они на руках вкатили пушки во внешний коридор Гостиного двора и установили их в проемах, прямо против Пажеского корпуса. Журавлев сам стал у орудия и приказал открыть огонь. Первые выстрелы

разогнали орудийную прислугу в палисаднике. А когда пушки ударили по зданию корпуса, мятежники выкинули белые флаги.

Давая оценку действиям И. Р. Журавлева, штаб Военного комиссариата 1-го Городского района отмечал, что операцию он провел блестяще.

И вот теперь, месяц спустя, Журавлев действовал столь же решительно.

Комиссар взялся, казалось бы, за невыполнимое: с горсткой отборных бойцов он хотел превратить стокилометровый разрыв между армиями из базы формирования и снабжения белых отрядов в крепкую советскую территорию.

Отбирая добровольцев, Иван Родионович делал все, чтобы в отряд вошли самые твердые, самые решительные, самые спокойные красноармейцы, знавшие, что смерть будет грозить из-за любого плетня и что помощи ждать неоткуда. Добровольцев набралось намного больше, чем было нужно. Но комиссар решил, что отряд будет состоять из тридцати пяти человек.

Перед выступлением Журавлев напомнил, что наша задача не в том, чтобы мстить труженикам, которые обмануты хитрыми речами эсеров или насильно мобилизованы в учредиловскую армию, а в том, чтобы правдивым словом большевика завоевать их сердца. Он предупредил, что нам придется не только агитировать за Советскую власть, но и драться за нее. За малейшую трусость или мародерство отряд будет сам судить виновного, и единственным судьей будет революционная совесть.

После этого комиссар тщательно проверил оружие, амуницию и лошадь каждого бойца, отделил часть отряда, а остальным приказал оставаться на месте до особого распоряжения. Я был в числе тех, кто шел в первый рейд, и хочу назвать фамилии моих товарищей: Н. У Анисько, С. У Анисько, Александрович, Г. Белочкин, Н. Ф. Виноградов, Ф. А. Гаркуль, А. М. Гончаров-Матвеев, В. Иванов, Лисичкин, М. А. Мухин, Романов, П. П. Силковский, Щипицын.

Вместе с нами в рейд пошла медицинская сестра Н. В. Габольдт.

Конный отряд Журавлева был вооружен револьверами типа наган, карабинами, ручными гранатами и

двумя пулеметами. Когда мы выезжали из села Дебессы, кто-то из ребят пошутил:

— Товарищ комиссар, а ведь нас чертова дюжина

И. Р. Журавлев, чуть улыбнувшись, пустил коня рысью и бросил на ходу:

— Ну, чертова дюжина, в добрый путь!

Так это прозвище и осталось за нами на все время существования отряда. Остальные были взводом, командой, конной разведкой, а мы — «чертовой дюжиной».

Я помню имена, знаю характеры и биографии моих дорогих товарищей — журавлевцев. Но вряд ли стоит пересказывать их биографии. Мы все были молоды и за редким исключением прошли очень схожий жизненный путь. Он неизменно начинался с голодного детства в деревне или фабричном бараке, затем следовали раннее ученичество и тяжелый труд, солдатчина и революция. Человеком, который объединил всех нас и сделал сознательными борцами революции, был комиссар Иван Родионович Журавлев. Это не означает, что мои товарищи по дивизиону не имели революционного опыта. Опыт участия в боях с контрреволюцией был. Но при становлении коммуниста очень необходим старший товарищ по партии, который способен уловить каждый его неверный шаг или поспешное решение. Комиссар Иван Родионович Журавлев был для нас примером настоящего большевика и нашей партийной совестью.

Первой базой отряда стало большое село Петропавловское. Оно занимало командное положение в центре разрыва между нашими армиями. Сюда же сходились дороги, ведущие к ветке Пермь — Вятка. Помимо целей оперативных Журавлев ставил, как я уже говорил, задачи политические, достижение которых могло внести перелом в ход военных действий: оградить запуганных крестьян от белой мобилизации и спасти их хозяйства от реквизиций в пользу Народной армии.

Революция в Сарапульский уезд, в который входила и Петропавловская волость, проникала сложно и долго. После Октября местная буржуазия создавала вооруженные отряды, захватывала власть и сохраняла все царские учреждения, вплоть до управления воинского начальника. В волостях управляли волостные старшины, а в деревнях — сельские старосты. Революция пришла в эти края вместе с потоком демобилизованных солдат.

Началась смертельная борьба за власть и землю. Кулачье пустило в ход запугивание, подкуп и убийства. Под лозунгом «Вся власть на местах» организовывались самосуды над бедняками и батраками. Советы крестьянских депутатов и комбеды победили только к февралю 1918 года. А через три месяца вспыхнул белочешский мятеж.

Ко времени прихода отряда Журавлева в Петропавловское крестьянство уезда находилось на распутье. Богатеи примкнули к мятежу и пытались загнать односельчан в Народную армию, обвиняя большевиков в грабежах, разрушении церквей и прочих зверствах. Необходимо было всеми средствами отделить тружеников от мироедов и укрепить в их сознании пошатнувшуюся веру в большевистскую правду.

Что это означало на деле, мы поняли в первой же деревне на пути к Петропавловскому. До сих пор помню, что называлась она Ольховка. Едем между домов — никаких признаков жизни, тишина до звона в ушах. Оказалось, что жители, напуганные рассказами о «зверствах» большевиков, забились по чердакам, погребам и дальним сараюшкам. Пытаемся извлечь их из укрытий и завести разговор. Качают головами и, страшно коверкая русский язык, объясняют, что они — вотяки, по-русски не понимают. Только с помощью их односельчанина Тропинина, добровольно взявшего на себя роль переводчика, удалось завязать беседу. А потом смысл слов комиссара Журавлева стал понятен вотякам и без перевода. Так была пробита первая брешь в стене недоверия, которую сумели выстроить кулаки и белогвардейцы между трудовой деревней и Советской властью.

Встреча с жителями Ольховки убедила нас в том, что антисоветская агитация в уезде не пустила глубоких корней. Какое значение имело лишь одно появление красного отряда, мы поняли в Барановке, которую журавлевцы проходили вслед за Ольховкой. Здесь имелась небольшая фабрика на 200—300 рабочих. После митинга была восстановлена Советская власть и председателем Совета стал сельский староста. К сожалению, память не сохранила фамилии этого товарища, оказавшего отряду большую помощь, но невозможно забыть его слова:

— Товарищ Журавлев! Если впереди с вами что-либо случится, знайте, что Барановка — это ваш твердый тыл. Фураж, продовольствие — все будет вам доставлено!

После такого напутствия у бойцов появилась твердая уверенность, что отряд в этих местах не одинок, что его поддерживают, что он может рассчитывать на помощь и пополнение.

О том, что происходит в Петропавловском, ходили самые различные слухи. Журавлев решил занять село ночным налетом. И в тот же вечер, когда в окнах Барановки уже зажглись огоньки, мы незаметно ушли в сторону Петропавловского.

Час езды хорошей рысью — и отряд спешился на дальней окраине села. Стоя у мельницы, всматриваемся в близкие огни, угадываем направление улиц, вслушиваемся в деревенские звуки, такие близкие, что явственно слышны смех и повизгивание девчат. Это были, пожалуй, самые напряженные минуты. Комиссар принял решение самому идти на разведку.

Невозможно описать, что мы пережили, дожидаясь возвращения Ивана Родионовича. Пропало ощущение времени; никто из нас не смог бы сказать, час прошел или два. Каждый мучился сознанием опасности, которой подвергал себя Иван Родионович. Наконец послышались легкий топот копыт, тихий отзыв «Свои!», и наконец комиссар был опять с нами. Все бросились к нему, каждый внутренне повторял: «Ну теперь все позади, все в порядке!»

В действительности бой был впереди. Журавлев ознакомил нас со своим планом. Надо было, ворвавшись в село «главными» силами (10 всадников), открыть «ураганный» огонь, чередуя залпы из карабинов с пулеметными очередями и взрывами гранат. Цель — создать видимость присутствия в селе крупных сил и деморализовать отряд белых, возглавляемый офицером Дробининым.

Взмывает в небо ракета — и мы под аккомпанемент ружейно-пулеметного огня и взрывы гранат карьером несемся по селу. Заметались какие-то тени — не то дробининцы, не то перепуганные жители. Вот и первые пленные: Журавлев с двумя бойцами выволакивает из дома народоармейцев в нижнем белье. Но сам Дроби-

нин и часть его отряда, воспользовавшись темнотой, сумели бежать.

Село занято. Но надо, что гораздо труднее, удержать его. Наш маленький отряд и чудом уцелевший волостной военком Рубцов организовали в ту же ночь дружину самообороны. Дружинников набралось около шестидесяти человек. Вооруженные охотничьими ружьями, вилами, топорами, они заняли въезды в село и выезды из него.

С 27 августа по 2 сентября отряд оставался в Петропавловском. Журавлев провел митинг, беседовал со стариками, зная, как их почитают в селе. Мы, как могли, помогали комиссару. Огромное впечатление на местных жителей произвел сам Иван Родионович. Для безграмотного вотяка новая власть была такой, каким был комиссар, красный начальник. Скромный и деликатный, Журавлев не прощал любого проявления несправедливости и зла. Покривить душой даже в пустяковом деле он считал величайшим преступлением.

Вскоре крестьяне Петропавловского, узнав об отзывчивости комиссара, стали обращаться к нему по самым разным вопросам, вплоть до семейных.

Постепенно, деревня за деревней, Петропавловская волость стала базой журавлевцев. Получая помощь и не опасаясь за свой тыл, отряд смог перейти к активным действиям против мятежников.

На первых порах это были ночные набеги на мелкие отряды белых. Характерен по тактике первый бой в деревне Жарены. Журавлевцы, воспользовавшись особенно темной ночью, ворвались в расположение народоармейцев и, забросав гранатами обоз из 30—40 подвод и призывной пункт, исчезли так же стремительно, как и появились. Число подобных партизанских ударов росло. Уверенность бойцов в своих силах окрепла. Белые, пытаясь объяснить причину своих неудач, пустили слух, что против них действуют казаки. Подобное сравнение понравилось нашим молодым конникам, и они подобрали себе некое подобие казачьей формы, в которой наводили ужас на мелкие отряды белых.

Успехи наших многочисленных рейдов были второй ступенью — после кропотливой политической работы — в завоевании доверия трудового крестьянства. Петропавловцы гордились отрядом Журавлева, записывали

его победы и на свой счет и тем самым укрепляли в волости уверенность в том, что пришли красные, на защиту которых можно положиться. На одном из волостных собраний по воле самих участников была принята резолюция исключительно важного содержания. Собрание постановило «считать журавлевский партизанский отряд своим родным, кровным отрядом». Его содержание во время нахождения на территории волости целиком и полностью крестьяне брали на себя. Конечно, главное значение волостной резолюции заключалось не в обещании бесперебойного снабжения, а в том, что журавлевцы становились вооруженными силами волости. Теперь уже весь крестьянский мир не только снабжал их продовольствием и фуражом, но и нес какую-то долю ответственности за успех их боевых действий.

Кровная связь бойцов отряда с трудящимися, которых они защищали, была закреплена 14 сентября. В этот день к комиссару пришла делегация крестьян и попросила его непременно присутствовать на волостном собрании. Выяснилось, что губвоенком С. И. Малыгин приказал доставить под конвоем в село Дебессы пятьдесят жителей Петропавловской волости. Крестьяне опасались, что с их односельчанами обойдутся по законам военного времени как с заложниками. Общее собрание волости просило взять занесенных в списки под защиту. Иван Родионович оказался в очень трудном положении. Но наш комиссар не дрогнул. Он проявил огромное гражданское мужество: под поручительство всей волости И. Р. Журавлев распорядился освободить от явки в село Дебессы всех указанных в списках. Этот из ряда вон выходящий случай запомнился надолго. Без малого двадцать лет спустя бывшие красные партизаны следующим образом оценили события тех дней: «Журавлев своей правильной линией и тактикой оберегал нас не только от белобандидов воткинско-ижевской своры, но и от наших местных нетактичных руководителей, от недостойных поступков и расправ бывшего командира Особой вятской группы Малыгина» [1].

К середине сентября обстановка на фронте осложнилась. Ликвидация мятежа приняла затяжной характер. Основной причиной этого было отсутствие единого руко-

[1] ЦГАСА, ф. 188, оп. 3, д. 36, л. 63.

водства. Наши части и отряды действовали разрозненно и нерешительно, а потому и малоуспешно. Особое давление белых испытывал отряд Аплока. Командующий 3-й армией Берзин в этой связи телеграфировал 12 сентября: «Товарищ Аплок, не унывайте, держите себя хладнокровно. Вполне понимаю Ваше положение и одобряю Ваши действия... Хотел бы Вам послать еще войска, но так как они местные и не подготовлены, то Вам от этого пользы будет мало. Попробуйте установить связь с Дебесским отрядом Малыгина. В составе отряда Малыгина более двух тысяч штыков. Добивайтесь, чтобы он двинулся к Вам на помощь. Надеюсь на Ваше мужество и распорядительность» [1].

Я не знаю, обращался ли Аплок за помощью к Малыгину. Да и вряд ли она могла быть оказана. Соотношение сил на фронте вятской группы складывалось не в нашу пользу: 1286 штыков против 5500 у противника.

Выделяя основной недостаток в ведении боевых действий, главком И. И. Вацетис 18 сентября приказывал: «Разрозненные действия против ижевско-воткинского мятежа ни к чему не приведут. Поэтому РВС республики вторично предлагает РВС 2-й армии немедленно взять на себя общее руководство подавлением этого мятежа и объединить действия всех отрядов этого района, к каким бы частям и составу они ни принадлежали. Мятеж должен быть быстро подавлен. После этого части и отряды возвратятся в свои армии» [2].

Во исполнение приказа главкома РВС 2-й армии для руководства частями и отрядами, действующими севернее Воткинска, направил Г. Я. Сокольникова. Член РВС Сокольников оставался с нами до последнего дня подавления мятежа.

Однако немедленной активизации борьбы с врагом на ижевско-воткинском участке не произошло. Основные силы 2-й армии были заняты очищением нижнего течения Вятки и ликвидацией отрядов белочехов, отступающих от Казани. Нам же пришлось удерживать занятые районы и, не имея возможности двинуться вперед, использовать затишье для подготовки к предстоящим боям.

[1] ЦГАСА, ф. 188, оп. 3, д. 37, л. 22.
[2] Там же.

Отряд И. Р. Журавлева тем временем значительно увеличился. Слава о журавлевцах перешла границы Петропавловской волости. К нам присоединились Оханский, Лещевский, Носовский, Солодовский, Мотовилихинский отряды. Добровольцы приходили в одиночку и мелкими группами, зачастую со своими лошадьми и сбруей, а иногда и с оружием. Случались курьезы. Так, командир Оханского отряда по недоразумению организовал налет на Петропавловское и был опознан как красногвардеец по красному кумачу вокруг папахи. В ходе переговоров выяснилось, что он Титов, командир партизанского отряда. Чтобы удостоверить свою личность, Титову пришлось извлекать из сапога документы, скрепленные печатью волостного старшины.

К концу сентября объединенный отряд Журавлева имел около трехсот бойцов. Назначая новых командиров, Иван Родионович никогда не делал этого за счет питерской «чертовой дюжины». На это у него были свои твердые соображения. Парируя доводы несогласных, комиссар неизменно говорил: «Я не могу отдать свою правую руку». Действительно, молодые питерцы были его правой рукой. Боевые действия усложнялись, отряд увеличивался, управлять им становилось все труднее. И для Журавлева первыми помощниками стали мы, бойцы «чертовой дюжины». Можно спорить с такой системой управления, но в конкретных условиях отряда она действовала надежно.

И. Р. Журавлев с присущей ему скромностью считал, что успехи отряда — заслуга не его, а всего питерского ядра ветеранов. Он дважды отказывался от награждения орденом Красного Знамени в пользу своего питерского отряда.

В конце сентября — начале октября, освободив Чистополь, Елабугу и Сарапул, 2-я армия стала готовиться к решительному штурму Ижевска и Воткинска. В эти дни и отряды Особой вятской группы, развивая успешное наступление, подошли на расстояние в несколько переходов от центра мятежа. Однако в результате панического отступления Ижевского полка наступление нашей группы приостановилось, и члену РВС Сокольникову пришлось провести большую реорганизацию в войсках, чтобы подготовить их к успешной борьбе за Воткинск. Что касается Ижевского полка, который был

известен своей слабостью не только нашему командованию, но и белым, то я хочу сказать о нем следующее. Это необходимо, так как прошло много времени и далеко не все раскрывающие суть дела материалы можно обнаружить в архивах. Начну с названия. Как оно появилось, да еще с добавлением слова «Коммунистический», установить не удалось. Сформирован Ижевский полк был из мобилизованных Казанской губернии, а назван коммунистическим, вероятно, с агитационными целями. Ижевских рабочих, а тем более ижевских коммунистов в нем не было. Поведение личного состава полка на поле боя неоднократно разбиралось членом РВС Г. Я. Сокольниковым, в конце концов приказом № 62 от 11 ноября 1918 года по Вятской дивизии этот полк был расформирован.

Длительное время находясь в боевых порядках войск, Григорий Яковлевич Сокольников большое внимание уделял отряду Журавлева и бойцам «чертовой дюжины». Член РВС долго и доверительно беседовал с нами. Я в то время был очень молод, и с тех пор прошло более полувека, но сказанное товарищем Сокольниковым не стерлось в моей памяти. Член РВС считал, что мы сделали очень много. Он видел в нашем отряде ядро, которое оздоровит части и соберет вокруг себя ударную группу. В заключение Г. Я. Сокольников сказал, что вопрос о создании ударной группы уже решен и что командиром ее будет И. Р. Журавлев.

После недельной паузы началось наступление на воткинском направлении. Вятская группа была реорганизована в Особую Вятскую дивизию. Ее начальником был назначен А. А. Медведев, которого Журавлев хорошо знал и высоко ценил. Его радовало не только снятие Малыгина, но и появление на посту начдива профессионально грамотного и политически зрелого коммуниста.

Действия ударной группы И. Р. Журавлева на начальном этапе боев за Воткинск были оценены очень высоко. Привожу весьма показательную в этом отношении записку начальника штаба Вятской дивизии:

«Командиру ударной группы т. Журавлеву. 1918 г., 28 октября.

Дорогой товарищ!

Сводки Ваши получил и заявляю Вам — Вы наша гордость. Ваши действия нас особенно радуют. За из-

лишнюю самостоятельность хотелось бы Вас пожурить. Но что делать — победителей не судят. Вы оказались правы. Дерзайте, действуйте и впредь так же, с такой же отвагой и удальством. Пусть белогвардейцы охотятся за вашими головами, но мы уверены, что свои головы вы сохраните для пользы пролетарской революции.

Не забывайте, что вы все время в окружении. Не давайте себя обмануть.

С приветом. Лунц» [1].

По случаю освобождения Ижевска, которое в специальной телеграмме приветствовал В. И. Ленин, Реввоенсовет Восточного фронта выразил надежду, «что таким же смелым ударом будет быстро покончено с другим очагом белогвардейского восстания — Воткинским заводом» [2]. Но если части Азинской (2-й сводной) дивизии сравнительно легко взяли Ижевск, то бои на подступах к Воткинску носили исключительно тяжелый характер.

Анализ Воткинской операции представляет большой интерес. Член Реввоенсовета 2-й армии С. И. Гусев в своем докладе писал, что действия вятской группы, подошедшей на подступы к Воткинску, белые приняли за главный удар всей 2-й армии. По этой причине ижевское направление было оголено, и части дивизии Азина, наступая после взятия Ижевска, вплоть до 12 ноября, то есть около пяти суток, встречали лишь ничтожное сопротивление.

Но отчаянное сопротивление белых под Воткинском объясняется и еще одной, не менее важной причиной. Потеряв надежды на соединение с северной группой, командование Народной армии могло рассчитывать только на помощь прикамских частей белых. А для этого нужно было удержать переправы на левый берег Камы. Дороги же к ним идут только через Воткинск.

Когда же и какими силами был взят Воткинск?

На этот счет высказывается много неточных или прямо ошибочных суждений. Мы не будем спорить о том, какие части взяли город и какая из них первой

[1] Подлинник хранится в Кировском областном краеведческом музее.

[2] ЦГАСА, ф. 169, оп. 1, д. 387, л. 78.

овладела той или иной окраиной. Сошлемся только на два источника, взаимно подтверждающих друг друга. Первый из них — телеграмма РОСТА. По характеру своему он исключает элемент дивизионного самовосхваления.

Вот этот текст: «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФРОНТ. Штаб Н-ской армии, 13. XI. Наши части, наступая от деревни Светлой, при содействии войск, наступающих из Ижевска, овладели Воткинским заводом» [1].

То, что не расшифровано в телеграмме РОСТА, дополнено и уточнено в армейской газете «Известия 2-й армии»:

«Новая победа советских войск.

(Оперативная сводка 2-й армии к 15 часам 13 ноября.)

Части дивизии Медведева, наступая с запада, от деревни Светлая, при содействии войск, наступавших от Ижевска, овладели вечером 12 ноября Воткинским заводом.

Другие же части этой же дивизии, наступавшие севернее Воткинского, достигли линии деревень Неумоина (15 верст восточнее завода) и Б. Луговая (20 верст северо-восточнее завода).

Наши части преследуют опрокинутые войска противника, отступающие на д. Бабки (30 верст северо-восточнее Воткинска, на правом берегу Камы).

Наштарм Афанасьев,
Политком Соколов» [2].

Воткинск после долгой борьбы был наконец очищен от мятежников. Отступающие части Народной армии рвались к переправам. Группе И. Р. Журавлева было приказано занять деревню Бабки и не допустить бегущих белых на левый берег Камы. Уже на рассвете 13 ноября наша конница ушла в глубокий рейд и заняла указанный рубеж. Но мятежники успели ускользнуть и переправили остатки армии на противоположный берег. Из 25 тысяч белых солдат только 5—6 тысяч вы-

---

[1] ЦГАСА, ф. 169, оп. 1, д. 112, л. 12.
[2] «Известия 2-й армии», 14 ноября 1918 г.

рвались из окружения. Остальные погибли в боях или были взяты в плен.

Освобождением Воткинска и ликвидацией мятежа заканчивается история отряда И. Р. Журавлева. Согласно письменному свидетельству бывшего командующего 2-й армией В. И. Шорина и справке члена РВС этой армии Г. Я. Сокольникова личный состав отряда приказом по армии был влит в ее регулярные части.

М. Р. РУБЛЕВ

БРАТЬЯ ПО АРМЕЙСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

В пятидесятых годах бывшие бойцы 5-й армии образовали свою секцию при Военно-историческом обществе. Встретились командиры, комиссары и красноармейцы из разных полков и дивизий, от командарма и начальника политотдела фронта до бойца лыжного батальона. Общими силами, шаг за шагом, дополняя друг друга, восстанавливали мы события далекого прошлого.

Как-то после очередного заседания секции мы остались вдвоем с Г. Х. Эйхе. Зная, что Генрих Христофорович больше месяца воевал на территории Чувашии и мог оценивать события с позиций начальника группы, а затем начдива и командующего армией, я попросил своего бывшего командарма рассказать о том, что мне, тогда политработнику среднего звена, было неизвестно.

— Если я вас правильно понял, — начал Г. Х. Эйхе, — я должен рассказать о создании и боевых делах Шихранской группы войск, которой командовал, и высказать свое мнение о борьбе чувашей за свой край и о том вкладе, который внес ваш народ в боевую жизнь 5-й армии.

Свой рассказ Генрих Христофорович начал с падения Казани. Это случилось 6 августа и привело к дезорганизации войск на всем участке. Трудно было даже говорить о линии фронта, так как она перестала существовать. Уже на другой день после падения Казани белочехи овладели Свияжском. Все захваченные в городе красноармейцы и советские работники были расстреляны на площади перед зданием Совета. Бывший уездный исправник Кашинский объявил себя полицмейстером и стал наводить «порядок». А архиерей, проживавший в мужском монастыре, как только появился белый

кавалерийский отряд, собрал священников и предложил им отслужить в своих церквах молебен о «даровании победы христолюбивому белому воинству». Но попы, видно, лучше архиерея знали настроения прихожан и решили выждать. И не зря. Уже 11 августа прибывший на станцию Свияжск 6-й латышский полк повел наступление на Нижний Услон, где и закрепился. Сильные бои разгорелись 12 августа на левом берегу Волги, где наши части также перешли в контрнаступление. Действовавший дерзко и смело бронепоезд «Свободная Россия» под командованием латыша Думса прорвался сквозь заслоны белых и не дошел лишь два километра до пассажирского вокзала Казани.

Встречая отпор, белые изменили тактику и начали предпринимать обходные маневры. Офицерскому отряду под командованием Каппеля удалось скрытно переправиться через Волгу и выйти к Свияжскому железнодорожному мосту и станции Свияжск, где размещался штаб 5-й армии, а рядом стоял на разъезде поезд тогдашнего наркома по военным делам Троцкого. У белых была цель овладеть Свияжским мостом через Волгу и отрезать таким образом советские части Казанского участка фронта. Но беляки атаковали и станцию, и поезд. Караул, охранявший поезд, насчитывал всего 70—80 красноармейцев. Выскочившие на полотно стрелки рассыпались в цепь по обе стороны штабных вагонов. На помощь им бросились штабные командиры, поездная обслуга, связисты, работники походной типографии — все, кто был в поезде, вплоть до члена Реввоенсовета И. Н. Смирнова. Наскок офицерского отряда удалось отбить с помощью подоспевших моряков и отряда ВЦИК.

Эта вылазка белых заставила наше командование подумать о надежной охране тыла 5-й армии. Одной из первых мер в этом направлении явилось создание Шихранской группы войск. В ее состав вошли Алатырский и Ибресинский отряды, составленные главным образом из местных жителей — чувашей. В начале сентября группа была усилена Шихранским отрядом.

В борьбе за Казань и в обороне территории Чувашии участвовала вся революционная Россия. Петроград и Москва, Новгород и Нижний Новгород, Казань и Уфа, Брянск и Ярославль, Орел и Владимир, Тула и Гжатск,

Могилев и Малая Вишера, Орша и Иваново — таков неполный перечень городов, пославших сюда свои лучшие боевые отряды. Здесь действовали 4, 5 и 6-й латышские стрелковые полки, 1-й латышский кавалерийский полк, 4-я латышская легкая батарея. Бок о бок с русскими, латышами и чувашами дрались финский добровольческий отряд, батальон матросов Балтики, интернациональный отряд Василеостровского района Петрограда, эстонский добровольческий полк, польский кавалерийский Мазовецкий полк, татаро-башкирский батальон. На полях советской Чувашии они сражались плечом к плечу с чувашскими добровольческими отрядами и совместно пролитой кровью навечно скрепили свой братский союз.

Больше месяца базировались части 5-й армии на территории Чувашии, отражая попытки белочехов и белогвардейцев продвинуться на запад, к Москве. Взаимоотношения между армией и населением установились самые доверительные и дружественные. Это сказалось и на решении такого сложного вопроса, как снабжение бойцов продовольствием.

Армия в то время существовала только за счет местных ресурсов. Центральные губернии — тыл действующей Красной Армии — сами голодали и с нетерпением ждали хлеба из Поволжья. Трудовое крестьянство Чувашии не только снабжало воинские части, но и посылало в голодающие районы центра страны много тысяч пудов хлеба.

Любопытен такой случай. Своих хлебопекарен армия тогда еще не имела. Как же снабдить печеным хлебом красноармейцев? Помогли чебоксарцы. Домохозяйки получали муку, а сдавали отличный печеный хлеб. Ежедневно в Свияжск доставлялось до 500 пудов хлеба.

После кровопролитных боев августа—сентября 1918 года 5-я армия прошла героический путь от Волги до Байкала. На ее долю выпала великая честь оказать помощь многим угнетенным народам и народностям в их освободительной борьбе. Но никогда не забывали ветераны армии чувашских поселков и городов Тюрлема, Шихраны, Ибреси, Алатырь, Бурнары.

Ведь именно в этих местах создавалась армия, здесь больше месяца дрались ее полки с ненавистным врагом. Теплые чувства и светлые воспоминания о замеча-

тельном чувашском народе остались навсегда в памяти ветеранов и потому, что тысячи его лучших сынов отважно сражались вместе с нами в рядах 5-й армии.

...Я был одним из тех чувашей, угнетенных и бесправных, которых революция подняла к новой жизни. Летом 1918 года в Казани вместе со своим другом Евгением Васильевичем Мефодьевым я добровольно вступил в Красную Армию. Меня зачислили на Казанские военно-технические курсы по подготовке саперов. С ухудшением обстановки на фронте слушатели курсов, в том числе и я, стали настойчиво проситься в действующую армию. Во второй половине июля после подачи нескольких рапортов я был откомандирован в политотдел Восточного фронта. Это было в самый разгар наступления белочехов.

Начальником политотдела фронта в то время был член ВЦИК Василий Гервасьевич Машкевич, направленный в армию по рекомендации Я. М. Свердлова. Как только я оказался у него в кабинете, Василий Гервасьевич без обиняков сказал:

— Нам срочно требуется десять—пятнадцать человек агитаторов — чувашей и татар. Не знаешь ли кого из чувашей большевиков?

Я назвал своего друга Евгения Васильевича Мефодьева и посоветовал связаться с чувашским отделом Казанского губисполкома. Как я понял из состоявшегося телефонного разговора, чувашский отдел обещал содействие, но чувашей большевиков на учете у него не было.

— Ну что ж, будем рассчитывать на чувашский комиссариат, — заключил начальник политотдела. — А пока Рублев и Мефодьев будут первыми агитаторами из чувашей.

Позднее я узнал, что В. Г. Машкевич уделял много внимания созданию специальных секций для работы среди национальных меньшинств. Губернские и уездные военные комиссариаты выделили для этой цели наиболее грамотных товарищей. Решено было создать двухмесячные курсы. С помощью Ларисы Михайловны Рейснер, находившейся в то время в Казани, разработали программу, наметили лекторов, определили порядок занятий. Но падение Казани вынудило политотдел отка-

заться от этих планов. Ограничились тем, что беседовали с будущими агитаторами, разъясняли, как они должны помогать уездным властям в проведении мобилизации, в сборе продовольствия и подвод для фронта, снабжали газетами и направляли в деревни. За считанные недели политотдел послал в уезды сотни агитаторов.

Предложение В. Г. Машкевича меня очень взволновало. Я кое-что повидал на свете помимо своей чувашской деревни, работал на железной дороге, испытал солдатчину, но теперь мне предстояло совсем иное и очень трудное дело. Я был смущен и сомневался, справлюсь ли с ним.

Начальник политотдела рассеял мои сомнения очень быстро. Он коротко объяснил, что я должен делать:

— Будете распространять газеты и другую литературу. Побольше, разумеется, читайте — грамотных-то в этих местах сыскать трудно. Собрания, митинги, беседы — наша первая и самая надежная агитация. Если сумеете, переводите все нужное с русского на чувашский.

Я заполнил анкету и стал агитатором-организатором политотдела Восточного фронта. В тот же день агитаторов-чувашей разослали по уездам: меня — в Цивильский уезд, Мефодьева — в Тетюшский, третьего товарища из чувашей, Сергея Иванова, — в Козмодемьянский.

Через несколько дней в газете «Знамя революции» появилось объявление Чувашского комиссариата: «Ввиду необходимости создания чувашского социалистического отряда агитаторов Комиссариат по чувашским делам просит желающих занять эту должность подать об этом заявление с указанием партийной принадлежности и знания чувашского языка».

В течение двух недель это объявление ежедневно печаталось в газете. Коммунистов, могущих стать агитаторами, среди чувашской интеллигенции тогда было мало. Часть интеллигентов из народа занимала нейтральную позицию, а выходцы из богатых семей в большинстве своем выступали против Советской власти.

Я получил удостоверение — мандат. Мне выдали также несколько пачек политической литературы. Сидя в вагоне, я то и дело перечитывал текст мандата и впадал то в уныние, то в радостное возбуждение.

В первые дни я работал довольно неуверенно. Но постепенно стал все четче и четче выполнять поручения политотдела. За несколько дней до оставления Казани я побывал в Цивильском и Чебоксарском уездах. По моему сообщению, политотдел фронта одобрил работу уездных военкоматов. Кроме мобилизованных в армию пришла ее ударная сила — добровольческие роты. В моей докладной записке назывались две из них, составленные из моих земляков, — Чебоксарская и Цивильская.

Утром 9 августа, возвращаясь из командировки в Цивильский уезд, я добрался до Свияжска. На станции Свияжск нам объявили, что поезд дальше не пойдет, так как Казань занята белочехами. Штаб фронта и часть Казанского губисполкома находились на станции Свияжск. Повсюду были видны следы боев — выбитые стекла вокзала, изрешеченные пулями и осколками снарядов двери, поврежденная водокачка, разбитый вокзальный буфет. Я навел справки и узнал, что политотдел расположился тут же, у самой станции, в деревянном доме железнодорожников. При входе была прибита дощечка с надписью: «Политический отдел Востфронта». Соседний дом занимали Казанский губком и губисполком.

В политотделе я встретился с Мартыном Яновичем Лацисом, который был в тот момент чем-то очень взволнован и озабочен. Он справлялся, не знает ли кто из политработников, где находятся командующий фронтом Вацетис, а также члены Реввоенсовета и комиссары Шейнкман, Милх, Машкевич. Москва крайне встревожена судьбой этих товарищей.

Минут через двадцать после ухода Лациса появился начальник политотдела Машкевич, переодетый в крестьянскую одежду. Он узнал меня и тут же стал расспрашивать о настроении крестьян и о ходе мобилизации в уездах. На ходу я отчитался о своей первой командировке.

Отступление из Казани не обошлось без тяжелых жертв. Некоторые политработники были арестованы и расстреляны белочехами. Так случилось с Портновым и Гуревичем. Около деревни Поповка они попали в руки белых. Обоих повели на расстрел. Гуревич погиб. Но с Портновым произошло невероятное: его не задела ни

одна пуля. Упав и притворившись мертвым, он пролежал до вечера, а потом бежал, добрался до Свияжска и явился в политотдел. Лариса Михайловна Рейснер вернулась в Казань, чтобы разыскать своего мужа, члена Реввоенсовета фронта. Она была выдана контрразведке белых, видела гибель захваченных в плен моряков флотилии, которые узнали ее, попала на допрос к начальнику контрразведки и спаслась благодаря своему удивительному мужеству. На третий день со стороны Тюрлемы пришли в Свияжск еще несколько крупных партийцев: Милх, Данилевская, Вегер. Так постепенно собрались многие работники политотдела и штаба фронта. А вскоре казанская группа войск, Реввоенсовет и политотдел были усилены замечательными большевиками, в основном москвичами и питерцами. Всех их трудно перечислить, хотя каждый из них заслуживает доброго слова и вечной памяти. Я позволю себе рассказать о двух старых большевиках, мандаты которых были подписаны В. И. Лениным.

Огромную роль в моей жизни сыграл Иван Дмитриевич Чугурин. Своей убежденностью, силой мысли, личным примером он вселял в красноармейцев неистребимую веру в победу большевиков. Его поведение, как и слова, были просты, но действовали неотразимо. Помню, 30 августа, когда стало известно о ранении Владимира Ильича, Чугурин прискакал из Свияжска в передовые части. Он шел вдоль линии фронта и, переходя от одного окопа к другому, повторял одни и те же слова:

— На Владимира Ильича совершено покушение. Товарищ Ленин тяжело ранен. В Петрограде убит товарищ Урицкий. Товарищи бойцы Красной Армии, соберите свои силы!

Иван Дмитриевич Чугурин стал руководителем политотдела 5-й армии в августе 1918 года. В то время мы знали только, что Иван Дмитриевич — старый партиец, прислан из центра. С годами я узнал о Чугурине больше и из личных бесед с ним на фронте, и позднее, в тридцатые годы...

Мне рассказывали, что в Сормове, неподалеку от главной улицы, лет десять назад еще стоял почерневший от времени двухэтажный дом. В нем и жил Чугурин. Из этого дома в дни декабрьского восстания

1905 года была брошена бомба в казаков и полицию. Ивану Чугурину в то время было двадцать два года, но за плечами у него уже было несколько лет подпольной революционной работы.

Юношей Чугурин участвовал в стихийном заводском выступлении. А с 1902 года он состоял в той социал-демократической организации, члены которой послужили прототипами героев романа Горького «Мать».

Во время сормовского восстания Иван Дмитриевич входил в пятерку, руководившую восстанием, участвовал в баррикадных боях, бомбардируя казаков самодельными бомбами. После поражения восстания он был вынужден, как и другие революционеры, покинуть Сормово и пробираться в Пермь. Но по пути его арестовали и вместе с Я. М. Свердловым и К. Т. Новгородцевой присудили к заключению в крепости.

Особое значение для Чугурина имело четырехмесячное обучение в ленинской партийной школе в Лонжюмо. Каждое утро в десять часов начинались занятия. Проводились они в сарае, снятом у крестьянина. Владимир Ильич прочитал слушателям школы тридцать лекций.

При возвращении в Россию Чугурина арестовали на границе и препроводили в нижегородскую тюрьму. Охранка возбудила дело «о горячем участии в противоправительственной деятельности», вооруженном восстании в Сормово, убийстве шпика. Особое совещание при министерстве внутренних дел выслало Чугурина в Нарымский край сроком на пять лет.

В глухом Нарыме Иван Дмитриевич отбывает ссылку вместе с В. Куйбышевым, Б. Краевским, Н. Кучменко. Он участвует в организации побегов Я. М. Свердлова, которые предпринимались один за другим. Иван Дмитриевич то дежурит на берегу бушующей Оби, поджидая в условленном месте лодку с Яковом Михайловичем и его спутниками, то проводит Свердлова незаметно на пароход «Сухотин», отбывающий в Томск (среди команды парохода у Чугурина были знакомые), то добывает надежного ямщика, который должен доставить Свердлова в нужное место. Последний, пятый по счету, побег окончился удачей: в декабре 1912 года Свердлов уже был в Петербурге.

Лишь в 1916 году возвратился Чугурин в Петроград, чтобы сразу же включиться в подпольную работу. Товарищ Петр (партийная кличка Ивана Дмитриевича) теперь тесно связан с Выборгским районом. Он член Петроградского комитета, а в феврале — секретарь Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В исторический вечер 3 апреля 1917 года Иван Дмитриевич встречал возвращающегося в революционную Россию В. И. Ленина. Как представитель большевиков он вручил Владимиру Ильичу партийный билет за № 600.

И вот к власти пришел народ. Но предстояла борьба с врагами революции, а также с голодом. По поручению В. И. Ленина, с которым Чугурин неоднократно встречался после Октября, Иван Дмитриевич отправляется в Казань во главе первого выборгского продотряда.

Через два с лишним месяца после создания Восточного фронта, в тяжелейшие для республики дни, Иван Дмитриевич становится начальником политотдела 5-й армии, которая решала главную стратегическую задачу.

Сразу же после принятия дел Чугурин собрал агитаторов, которые должны были разъехаться по частям, и сказал им напутственное слово. Он умел вдохновлять и убеждать, как немногие. Когда брали пленных, наш начальник политотдела часто беседовал с ними, а утром мы почти всегда читали коллективное письмо солдат, обманутых белыми. Они писали, что большевики вовсе не звери, пленных не расстреливают, а воюют против богатых, за народ. На станции Часовая под Симбирском к нам добровольно перешли восемнадцать солдат-чувашей и четыре татарина. Когда я пришел к чувашам и заговорил на их родном языке, они спросили:

— Когда нас поведут на расстрел?

Я рассмеялся и ответил:

— Никогда!

Когда я рассказал об этом Ивану Дмитриевичу, он заметил:

— Люди были убеждены, что мы их расстреляем, и все же пришли к нам. Поверим им, выдайте им оружие и направьте в часть.

Особое внимание уделял политотдел работе с представителями национальных меньшинств в армии. Од-

нажды Иван Дмитриевич пригласил меня к себе, показал массу чувашской и татарской литературы и попросил пересказать содержание нескольких воззваний, что я тут же сделал.

— Неплохо было бы перевести на чувашский язык «Интернационал» и другие революционные песни, а также наиболее важную политическую литературу, — сказал Чугурин. — Деньги на это дело у нас имеются. Товарищ Ленин дал установку не жалеть средств на подобные нужды.

Не помню точно, сколько прошло времени после этого разговора. Нас, четырех чувашских коммунистов, вызвал к себе управляющий делами политотдела Эдуард Михельсон. Среди приглашенных были Алексей Прокопьев (Милли), Иван Ундрицов, Анисим Андреев и я. Михельсон приветливо поздоровался с нами и провел в кабинет Григория Алексеевича Абрамова, заместителя начальника политотдела. Товарищ Абрамов предложил нам сесть и поздравил Алексея Прокопьева с творческим успехом — с изданием на чувашском языке сборника революционных песен «Иреклех юррисем» («Песни свободы»). Прокопьев рассказал, что в этот первый сборник вошли «Коммунистическая марсельеза», «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка» и другие, менее известные революционные песни.

Затем Абрамов стал нас расспрашивать о чувашских композиторах и в конце беседы сказал, что по поручению Ивана Дмитриевича Чугурина он хотел бы прослушать на чувашском языке «Интернационал» и «Марсельезу». Мы от неожиданности растерялись и, как нам казалось, совершенно лишились способности не то что петь, но и говорить. Но товарищ Абрамов нас дружески ободрил и каждому вложил в руки свежеотпечатанный текст перевода. Тут подошли еще несколько работников политотдела. Мы четверо встали у окна. Анисим Андреев, самый смелый и голосистый из нас, запел «Интернационал». Мы подхватили и, видимо, спели неплохо — слушатели аплодировали.

Это было одно из первых исполнений «Интернационала» на чувашском языке. Звучание гимна Абрамову очень понравилось. Он приказал разослать сборник и листовку с «Интернационалом» по воинским частям,

в которых воевали красноармейцы-чуваши, а также по клубам и библиотекам чувашских сел.

Как-то, уже в начале тридцатых годов, я встретил у Ильинских ворот Алексея Прокопьева. Он рассказал мне, что наш бывший начальник политотдела недавно вернулся из Парижа и теперь живет на Сущевском валу. Очень хотелось повидать Ивана Дмитриевича. Поколебавшись, мы все же решились и пошли.

Чугурин и его жена Герда Эрнестовна встретили нас прямо-таки по-родственному. Иван Дмитриевич много и живо рассказывал о Париже и французах. Все это было для нас совершенно новым, а в изложении Чугурина казалось особенно интересным. Постепенно перешли к разговору о необходимости изучения истории гражданской войны. Иван Дмитриевич вспоминал неизвестные нам эпизоды из встреч с В. И. Лениным, а потом неожиданно спросил:

— А известно ли вам, что слушатели школы в Лонжюмо ездили по поручению Владимира Ильича в Женеву к Плеханову?

Признаться, мы поначалу изумились. Зачем было посылать рабочих-большевиков к Плеханову? Но тут же почувствовали, что перед нами может раскрыться интереснейшая страничка истории партии. Да еще из первых рук.

— Владимиру Ильичу хотелось, — рассказал Чугурин, — помочь Плеханову пересмотреть взгляды на ликвидаторов и тем самым вновь сблизиться с большевиками. Перед отъездом Владимир Ильич во время прогулки просил меня, чтобы я подробно рассказал Плеханову о том, что́ сейчас происходит в России, как ведут себя ликвидаторы и меньшевики в практической работе. Это для Плеханова очень ценно, так как он пользовался сведениями, исходящими от людей, к рабочим не причастным, а переписку вел всего с двумя-тремя лицами. Хорошо было бы, сказал Владимир Ильич, если бы он занял у нас в партии такое же место, какое занимает Каутский в германской социал-демократии. Ему, марксисту-философу с мировым именем, следовало бы сосредоточиться на разработке теории.

По приезде в Женеву Чугурин и его товарищи по Лонжюмо информировали Георгия Валентиновича о состоянии партийной работы в России, возмущаясь тем,

что ликвидаторы сосредоточили свои усилия на разных комбинациях с полицией, например, всяческими путями добивались разрешения на публичные лекции. С их трибуны можно было услышать любой либеральный вздор, но не слово революционного демократа. Рабочие-большевики, приехавшие к Плеханову, доказывали ему, что пролетариат идет с Лениным. Даже рабочие-меньшевики, преданные делу, начинают сотрудничать с большевиками, теряя веру в своих вождей.

Плеханов сначала несколько заволновался. Затем заявил, что он настаивает на том, чтобы партия была нелегальной, соглашаясь в этом вопросе с Лениным. На замечание собеседников, что меньшевики против нелегальной партии, Георгий Валентинович возразил: «Я с меньшевиками расхожусь». В конечном счете Плеханов согласился читать курс для слушателей Лонжюмо и прочитал пять лекций по теории познания и материалистическому пониманию истории.

Вместе с Чугуриным вспоминается его близкий друг, тоже рабочий-подпольщик, Илья Митрофанович Гордиенко. Его мандат, как и мандат И. Д. Чугурина, был подписан В. И. Лениным.

Один из первых продотрядников, Илья Митрофанович, избежав смертельной опасности, вернулся в Москву и был вызван на доклад к Я. М. Свердлову. Завершив дела, Яков Михайлович улыбнулся и, многозначительно поглядев на собеседника, сказал:

— Чугурин Иван здесь.

— Где?

— Только что вышел.

Илья Митрофанович бросился к дверям: почти месяц он не видел друга и никак уж не надеялся встретить его живым и здоровым.

От Ивана Дмитриевича Гордиенко узнал, что их товарищи продотрядники живы, находятся в Нижнем Новгороде и вместе с Чугуриным едут на фронт, в 5-ю армию. Поезд отходит на другой день вечером.

— Я бы тоже хотел вместе с тобой, — сказал Гордиенко.

— Едем. Проси разрешения...

В Свияжске, где находился тогда штаб фронта, И. М. Гордиенко получил назначение на должность ко-

миссара правобережной группы войск. После реорганизации группы в 26-ю дивизию, будущую Краснознаменную Златоустовскую, Илья Митрофанович стал начальником ее политотдела.

В том же Свияжске я впервые встретил знаменитого мичмана Павлова. Случилось это так. По дороге в политотдел я обратил внимание на живописную группу матросов. Они расположились бивуаком у одного из станционных зданий. Из разговора выяснилось, что они балтийцы и что возглавляет их командир, прибывший в распоряжение штаба 5-й армии.

— Да вот он и сам идет, — сказал один из матросов, привстав с рундучка.

Вслед за ним и остальные матросы поднялись и повернулись в сторону штабного эшелона. Оттуда быстрым шагом приближался стройный юноша в морской форме. Не доходя десяти—пятнадцати шагов до нас, моряк приказал:

— Свистать всех сюда! — Подойдя поближе, он объяснил: — Едем на левый берег. Там сформирована войсковая группа. Надо собираться, не теряя времени.

Двое матросов тут же отправились скликать отлучившихся, а один из оставшихся спросил:

— На какую же должность вас назначили, товарищ мичман?

— Должностью, друг, меня не обидели, — просто ответил Павлов. — Надо оправдать доверие.

Мне захотелось узнать поподробнее об этом человеке, и, придя в штаб, я спросил о нем.

— Так это же мичман Павлов, — услышал я в ответ, — он только что получил назначение на должность начальника штаба левобережной группы. А почему мичман и почему такое небольшое звание, а должность высокая — долго рассказывать.

— Нельзя ли хотя бы кратенько? — попросил я своего собеседника.

— Ну изволь, — согласился тот, — в нескольких словах расскажу. Воевать он начал в старой армии, куда пошел добровольцем. В партии с дореволюционных времен. Командовал большим отрядом матросов. С этими моряками был на красновском фронте, ликвидировал

ставку Духонина, под Троицком и Оренбургом громил дутовцев. Принимал участие в боях под Нарвой. Что же касается других подробностей, поговори с его матросами — они от своего «батька» ни на шаг, любят его и уважают.

За несколько дней до штурма Казани я оказался на левом берегу Волги и повстречался с Павловым. На этот раз на мое приветствие он ответил по-чувашски:

— Салам, херле салтак [1].

Я немного опешил, но в свою очередь ответил:

— Салам, салам.

«Неужто начштаба — чуваш? — подумал я. — А здоровается со мной по-чувашски впервые».

Надо сказать, что мичман Павлов ни внешностью, ни речью нисколько не походил на чуваша. Он настолько правильно говорил по-русски, что даже самый изощренный слух не уловил бы в его произношении и малейшего акцента. Рассеять недоумение мне удалось только после освобождения Казани.

Однажды, когда я занимался сортировкой привезенной на фронт литературы, ко мне подошел мичман Павлов. Он был ранен под Казанью и все еще прихрамывал, опираясь на палку. Поздоровавшись как со старым знакомым, Павлов принялся ворошить кипы газет и листовок. Обнаружив издания на непонятном ему языке и узнав от меня, что это написано по-чувашски, Сергей Дмитриевич сказал:

— Да, незадача. А ведь я тоже чувашин. — И добавил, заметив мое удивление: — Язык своего народа я, как видите, не знаю. Я коренной петроградец. Там родился, безвыездно прожил до военной службы. Я чувашин только по отцу. Мать же моя русская. К слову сказать, ее родители из крепостных крестьян. Некогда принадлежали помещику Чичерину, деду нашего наркома иностранных дел товарища Чичерина. Чувашской речи я никогда не слышал. Отцу-то разговаривать по-чувашски было не с кем.

— Как-то нескладно получается, товарищ командир. Сами вы чуваш, вокруг вас сотни бойцов-чувашей. Вы не понимаете их разговора...

---

[1] Привет, красный воин.

— Отрицать не стану. Учиться надо многому, не только чувашскому языку. Ведь в двадцать один год эвон какую должность исполняю.

В те годы в Красной Армии было много молодых большевистских «генералов». Командиру 1-й бригады 26-й дивизии Я. П. Гайлиту было двадцать пять лет, а его комиссару К. И. Лазареву двадцать три. Командир 2-й бригады той же дивизии К. И. Спижарный имел от роду двадцать один год, а его комиссар Строганов, ивановский рабочий, — девятнадцать. Когда 26-я дивизия совершала свой легендарный марш без дорог по берегам реки Юрюзань, штурмуя уральские перевалы, ею командовал двадцатипятилетний Г. Х. Эйхе. Комиссару дивизии Витовту Казимировичу Путне, одному из создателей 5-й армии и в дальнейшем легендарному герою гражданской войны, было неполных двадцать пять лет.

Сергей Дмитриевич Павлов был одарен многими замечательными качествами, и прежде всего талантами организатора, военачальника и трибуна. Послужной список Сергея Дмитриевича свидетельствует без лишних объяснений — перед нами настоящий генерал революции. Вот этот краткий перечень с августа 1918 года: начальник штаба левобережной группы; комиссар 27-й стрелковой дивизии, которую он создал из войсковой группы; заведующий отделом формирования 5-й армии в дни, когда Центр по ряду причин не мог давать пополнение в нужном количестве; начальник стрелковой дивизии имени III Интернационала; начальник 2-й Иркутской дивизии на Дальнем Востоке; инспектор пехоты вооруженных сил Дальневосточной республики; командующий войсками 2-й Амурской армии.

Октябрьская революция подняла к жизни миллионы простых, темных людей. Особенно это относится к малым народам, которые при царизме не только терпели насилие и гнет, но и были задавлены политикой национального унижения и презрения.

Когда победила революция, а вслед за этим началась гражданская война, фронт на востоке прошел через области с многонациональным, в том числе и чувашским, населением. На всех фронтах гражданской войны сражалось около 75 тысяч чувашей. Как правило, они не были объединены в отдельные подразделения. Но в нашей 5-й армии действовало и несколько чувашских

рот: Чебоксарская, Ядринская и Цивильская добровольческие роты.

В разных частях, расквартированных в Казани, служило еще до 15 тысяч красноармейцев из чувашей. Немало их было в Симбирске и других прифронтовых городах Поволжья. Недаром командование Восточного фронта создало Чувашский подотдел, подобрало кадры политработников из чувашей и издавало две газеты, «Херле салтак» («Красный воин») и «Чухансен сасси» («Голос бедноты»), на чувашском языке.

О существовании этого подотдела я впервые услышал от И. Д. Чугурина в сентябре 1918 года. По его рекомендации я тотчас же отправился на Вознесенскую улицу (дело было в освобожденной Казани) и без труда разыскал купеческий особняк, отданный для нужд нашей чувашской организации. В просторном зале второго этажа я застал заведующего подотделом Иоакима Степановича Максимова (Кошкинского) и его заместителя Василия Алексеевича Алексеева. На столах лежали стопки газет и воззваний на чувашском языке.

— Вот эти листовки и газеты будем отправлять для красноармейцев и крестьян прифронтовой полосы. Пойдут они и в белый тыл, — пояснил Максимов.

Иоакима Степановича я немного знал раньше как организатора чувашского национального театра. Видел его на сцене в пьесе «Безработные». Руководя работой подотдела, он не переставал заботиться о чувашской театральной сцене. Собрав вокруг себя актеров, он загружал их литературной работой для армии и одновременно ставил спектакли для красноармейцев-чувашей. Максимов в то время был очень популярен как общественный деятель.

Доброволец Красной Армии, он пользовался известностью и как политработник. Примечателен приказ, подписанный Максимовым, в котором клеймятся националисты и контрреволюционеры из чувашей: «Члены учредилки из чувашей Алюнов Гавриил Федорович (помощник особоуполномоченного в бытность белогвардейских банд в Казани), Васильев Иван Васильевич, Николаев Семен Николаевич, их приспешник Блинов Алексей Степанович и все добровольно перешедшие к чехобелогвардейцам, сочувствующие последним и агитирующие против Советской власти (попы, кулаки и

другие контрреволюционеры) объявляются врагами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и всего чувашского пролетариата.

Революционный долг каждого чувашина изловить их, представить в распоряжение Чувашского подотдела политического отдела штаба Восточного фронта для передачи в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте» [1].

Летом 1919 года на Проломной улице в Казани я встретился с сотрудниками газеты «Херле салтак» Львом Мироновичем Лукиным и Платоном Захаровичем Львовым. Они поделились со мной важной новостью: чувашский отдел при Наркомате национальностей (Наркомнац) организует месячные курсы для подготовки агитаторов-чувашей. Мне было предложено помочь в подборе слушателей. Курсант должен владеть русским и чувашским языками и твердо стоять на платформе Советской власти. Мой скромный вклад в дело создания курсов — пятнадцать слушателей. Как я узнал позднее, за два года чувашским отделом было подготовлено 252 агитатора.

Помимо нашей 5-й армии большую работу проводила чувашская секция политотдела 2-й армии. Она организовалась позднее, в апреле 1919 года. Руководил ею Сергей Андреевич Коричев, прибывший на фронт с должности заместителя заведующего отделом Наркомнаца.

Вслед за С. А. Коричевым на политработу во 2-ю армию был направлен и Даниил Семенович Эльмень, до этого заведовавший чувашским отделом Наркомнаца. Понимая свой долг перед революцией пламенно и бескомпромиссно, он добился зачисления в роту рядовым бойцом, заменил убитого командира в тяжелых боях под Агрызом, был ранен и, не дождавшись полного выздоровления, отправился на фронт в строевую часть для революционной работы, которую он не оставлял до последнего дня своей жизни. Чувашским отделом Даниил Семенович руководил вплоть до образования Чувашской автономной социалистической республики.

На Восточном фронте инструктором-политработником во 2-м Приволжском полку служил А. Ф. Федоров,

[1] «Знамя революции», 1918, 28 сент.

впоследствии один из наркомов Чувашии. Начальником подотдела Запасной армии республики был будущий Председатель Совнаркома Чувашии В. И. Токсин. Военкомом частей Восточного фронта прошел свой путь в гражданскую войну Сергей Порфирьевич Петров, в прошлом рабочий, а с 1926 по 1937 год секретарь Чувашского обкома ВКП(б).

Воздействие партийного слова, роль военного комиссара и агитатора в Красной Армии — это тот рычаг большевистской армейской организации, без которого не понять ни самого строительства вооруженных сил революции, ни нашей великой победы в гражданской войне.

Воздействие комиссара на красноармейскую массу носило всеобъемлющий характер. Военком и агитатор-массовик жили одной жизнью с бойцами своей части. Мелочей не существовало. Каждая мелочь — это частица, из которой складывается новое революционное сознание или в которой еще гнездится старый быт.

Подобное произошло в небольшой татарской деревне. Красноармеец увидел в мечети коврик и решил его взять.

— Хотел использовать под седло, — оправдывался он потом.

Жители возмутились, брожение пошло по всей деревне. Сбежались красноармейцы. Комиссар части Терехин решил разобрать происшествие в присутствии жителей и красноармейцев. Он объяснил тем, кто не знал мусульманских обычаев, что жестоко оскорблено религиозное чувство татар: неверующий зашел в мечеть в обуви и похитил коврик для богослужения. Совершено преступление. Красноармеец будет немедленно и строго наказан. Первым стал просить прощения виновный. Но вслед за тем выступил вперед староста деревни и сказал:

— Я вижу, комиссар хочет наказать бойца. Не надо, не делай этого. Мы убедились, что вы наши защитники и наши большие друзья. Пусть только солдат не ходит больше в мечеть.

Страстная агитация словом, убеждение делом и примером, высокие и непримиримые требования к себе — все это завоевало сердца тысяч и тысяч новых защитников Советской власти.

Курганские крестьяне, испытавшие власть колчаковцев, встречали Красную Армию колокольным звоном и крестным ходом. А когда в боях у Тобола наши дивизии временно отошли, вместе с красноармейцами стронулись со своих мест чуть ли не все способные держать в руках оружие мужчины, часто с семьями. За четыре недели отхода политработникам приходилось наблюдать характерные сцены. Подходит к штабу полка группа крестьян.

— Что вам, дядьки?

— Нам бы товарища Иванкова...

— Какого Иванкова? Никакого Иванкова у нас нет. Может, военкома?

— А нам все едино: хоть Иванков, хоть Военков. Не хотим под Колчаком оставаться. Давайте оружие, принимайте нас к себе.

...В конце 1919 года приехал в Омск со своим штабом командующий алтайскими партизанами Е. М. Мамонтов. Докладывая Военно-революционному совету 5-й армии о состоянии партизанских отрядов, он бережно стал доставать какую-то вещь, спрятанную на груди. Медленно развернув кусок полотна, он, как самую дорогую реликвию, показал круглую печать. Сохранился только резиновый кружок, деревянная ручка отсутствовала. Партизанский командарм рассказал, что, когда в отрядах получают приказы с этой советской печатью, им подчиняются беспрекословно. Тридцать тысяч партизан относятся к приказам так, потому что на них стоит печать Советской власти.

М. Г. АНИСИМОВ

КРАСНЫЕ ПОЧТОВИКИ

Славные красные почтовики. Так главнокомандующий советскими войсками Юга России В. А. Антонов-Овсеенко назвал революционных связистов, которые с оружием в руках защищали трудовую власть на Украине. Организатором и командиром отрядов красных почтовиков был Иннокентий Серафимович Кожевников, механик телеграфа до Октября и комиссар Харьковского почтового округа в первые месяцы революции.

В начале марта 1918 года, когда германская военщина вместе с остатками войск Центральной рады пыталась задушить Советскую власть на Украине, главком В. А. Антонов-Овсеенко приказал главному комиссару по формированию дружин И. С. Кожевникову:

«1. Приступить к организации партизанских отрядов и боевых дружин из рабочих и крестьян. На эти дружины возлагается задача всячески препятствовать продвижению врага, выводить из строя пути сообщения, взрывать мосты и железные дороги, разрушать телеграфную и телефонную связь, уничтожать продовольственные запасы, вести разведку и доставлять командованию сведения о численности неприятельских войск и их расположении. Вести агитацию среди немецких солдат за прекращение войны и распространять большевистскую литературу.

2. Организовывать боевые отряды для пополнения формирующихся советских войск» [1].

Во исполнение приказа главком И. С. Кожевников 12 марта обратился с воззванием к связистам. И тотчас

---

[1] ЦГАОР, ф. 1248, оп. 1, д. 1, л. 1.

же из многих губерний стали прибывать в Харьков, чтобы защищать революцию, добровольцы-почтовики.

Боевые дружины и отряды Кожевникова подавляли мятежи, вступали в бой с кайзеровскими частями, оставляли в тылу немцев преданных Советской власти людей для подпольной работы.

Уполномоченные Кожевникова создали без малого сто отрядов общей численностью 1545 человек, которые действовали в долинах рек Хорол, Псёл и Ворскла.

Малочисленные и плохо вооруженные отряды революционных связистов, конечно, не могли остановить вымуштрованные регулярные прусские дивизии, но их беззаветное мужество и самоотверженная борьба задерживали продвижение врага в глубь страны.

Красногвардейцев поддерживала вся трудовая Украина. Общий сход слободы Бережа Змиевского уезда постановил: «В этот тяжелый момент, когда нашествие немецко-гайдамацких банд охватывает Харьковскую губернию, просить вооружения граждан, хотя бы 500 человек в уезде, а при нашествии противника примкнуть к общему фронту, защищающему республику» [1].

В начале апреля немецкие оккупанты подошли к Харькову. Кожевников приказал спасать почтовое имущество.

Спешно произвели демонтаж. Его вели механики Кузьмин и Михайловский. Сняли коммутаторы, аппараты и остальную технику. Все ценное погрузили в вагоны и по распоряжению наркома Подбельского вывезли в Воронеж.

После подписания Брестского договора И. С. Кожевников назначается чрезвычайным комиссаром Наркомпочтеля по руководству делами связи на фронтах.

...Навсегда врезалось в мою память тяжелое лето 1918 года. Я работал тогда на телеграфе в захолустном купеческом Ельце. Непрестанно мы, морзисты, точками и тире передавали и принимали слова, полные гнева и решимости. Именно в эти дни И. С. Кожевников во второй раз обратился к связистам и призвал их создать «отряд из товарищей, готовых пожертвовать собой за социалистическую революцию». При этом он предупреж-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1248, оп. 1, д. 1, л. 176.

дал: «Постарайтесь, чтобы в отряд не попал ни один грус и ни один нечестный» [1].

В Ельце пятеро почтовиков, мой закадычный друг Вася Мешков, Николай и Петр Козловы, Миша Филатов и автор этих строк, твердо решили стать кожевниковцами. Нам мешали, запугивая нас офицерами и генералами, которые вот-вот будут в Москве. Вся эта глумливая болтовня исходила от наших же почтовых чиновников, притаившихся по своим норам и люто ненавидящих Советскую власть.

И вот около 500 ребят теперешнего комсомольского возраста собрались в Москве. Военной подготовки за малым исключением мы не имели. Начали подбирать командиров. Бывший прапорщик стал командиром отряда. Унтер-офицеры приняли роты, а ефрейторы — взводы. Автор этих воспоминаний стал командиром отделения, ибо в этом «чине» ходил, будучи еще школьником. Дело в том, что в детские годы в родном моем городе Ливны командир стоявшего у нас Могилевского пехотного полка надумал по примеру Петра I набрать потешную воинскую часть. Обучали нас, подростков-школьников, по-серьезному: мы проходили и марш, и оборону, и наступление, и разведку. Особое внимание уделялось знанию воинского устава. Вот так автор и дослужился до отделенного. Думал ли я в ту пору, что мой «чин» будет учтен на службе в Красной Армии?

Так из красных почтовиков была сформирована особая часть. Она состояла из двух пехотных рот, сильной пулем гной команды и команды связи. По указанию московского окружного военного комиссара Н. И. Муралова наш отряд был усилен трехдюймовой батареей под командой Германа Зиборова. Небезынтересно, что 1-я рота М. А. Козина шла под знаменем Курского отряда связистов, 2-я рота во главе с комиссаром В. Г. Кальницким — Астраханского. Эти уникальные знамена имели форму телеграфного бланка.

Отряд Кожевникова закончил боевую подготовку к тому времени, когда была одержана первая важная победа Красной Армии — отбита у белочехов Казань. Враги, рвущиеся к Москве, отступили.

На помощь Восточному фронту ВЦИК вместе с дру-

[1] ЦГАОР, ф. 1248, оп. 1, д. 1, л. 235.

гими частями решил направить и наш отряд, который получил особое наименование — Экспедиция уполномоченного ВЦИК Советов И. С. Кожевникова. Высший военный совет поставил перед Экспедицией задачу «высадиться на пристани Набережные Челны и, действуя по-партизански, по тылам врага, стремиться к тому, чтобы брошенный отряд смельчаков на месте, по ту сторону фронта, разрастаясь в отряды за счет местного населения и постепенно увеличиваясь, обратился бы в могучую революционную лавину» [1].

Забегая вперед, должен сказать, что наказ Реввоенсовета кожевниковцы выполнили. Экспедиция стала костяком целой партизанской армии.

За два часа до отправления эшелона к Экспедиции присоединился кинооператор Эдуард Казимирович Тиссэ. В походе он показал себя не только великолепным киносъемщиком, но и храбрым человеком. Он ходил в разведку, участвовал в боях наравне с красноармейцами. Эдуард Казимирович не расставался с кинокамерой, но и винтовка всегда была с ним. А так как Тиссэ в старой армии имел чин унтер-офицера, то при тогдашней нужде в командных кадрах его считали уже ценным военспецом. Так кинооператор Тиссэ стал начальником штаба пятитысячной партизанской армии. Но речь об этом позднее.

Экспедиция выехала из Москвы 1 октября 1918 года. В Нижнем Новгороде мы погрузились на пароходы, которые высадили отряд на пристани Набережные Челны. Путь от столицы до теперешней строительной площадки камского гиганта занял шесть суток. Так работал транспорт во время гражданской войны.

Вблизи пристани была отлично слышна орудийная и пулеметная стрельба. Несколько снарядов едва не накрыли наши пароходы. Оказалось, что белые, усиленные отступавшими из Казани частями, рвались теперь к пристани Набережные Челны. 1-й сводный революционный полк товарища Крымкина, измотанный непрерывными боями, не выдержал и начал поспешно отходить. Белые перекрыли Каму орудийным огнем и отрезали наш флот от базы. Возникла угроза потери Набережных Челнов.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1248, оп. 1, д. 2, л. 32.

Находившийся на пристани начальник 2-й сводной дивизии И. Ф. Максимов обратился к Кожевникову с просьбой о помощи. По приказу начальника Экспедиции почтовики в ночь на 10 октября проникли в тыл к белым и внезапно обрушились на них. Неожиданный удар с тыла вызвал у противника растерянность. Красноармейцы же регулярных частей, ободренные нашей помощью, яростно бросились в контратаку. Белые не выдержали и стали поспешно отступать к Мензелинску.

22 октября Кожевников сообщал Я. М. Свердлову: «Яков Михайлович! С восьмого октября действую с моим отрядом в тылу противника. Выбили белых из всего Мензелинского уезда. Народ весь на нашей стороне. Отряд идет по деревням под крики «ура!». Увеличивается за счет местного населения, радостно приветствующего приход Советской власти. На днях начинаю большую операцию» [1].

Командующий 5-й армией в своем приказе от 24 октября отметил, что Мензелинск пал и группа Кожевникова, действовавшая против этого города, с боями продвигается на Бирск. Далее он приказывал командиру отдельной Симбирской бригады Н. И. Вахрамееву развивать успех партизан в тесном взаимодействии с ними. Так была проведена Мензелинская операция.

Первым опорным пунктом белых на пути к Бирску было большое татарское село Байсарово. Предполагалось, что нас сменит бригада Вахрамеева. А партизанские отряды Кожевникова (их к тому времени стало уже девять), так же как в Мензелинске, ударят с тыла. Однако бригада Вахрамеева запаздывала. Нельзя было давать белым оправиться после мензелинского разгрома, и партизанский штаб (его начальником стал Э. К. Тиссэ) решил нанести удар своими силами и с фронта, и с тыла.

1-му отряду, который развернулся на базе 1-й роты, было приказано наступать на Байсарово. Вел его М. А. Козин. 2-й отряд И. И. Пазухина, совершив рейд по тылам белых, выходил к Байсарову с противоположной стороны.

Мое отделение входило в отряд Козина. Пехотные цепи тихо подошли к селу. Шагах в ста от крайних

[1] ЦГАОР, ф. 1248, оп. 1, д. 27, л. 32.

домов залегли, окопались. Ночь, помню, была непроглядной. Накрапывал дождик. Было зябко. В полуторадвух верстах от села Байсарово были скрытно установлены две пушки. Для артиллериста-наблюдателя П. Журавлева связисты тянули от батарей провод. Артиллерист передал на батарею, что можно начинать. Часы показывали ровно час пополуночи. Я лежал рядом с Журавлевым. Через телефонную трубку были слышны артиллерийские команды.

Над нашими головами прошелестели первые снаряды. За ними еще и еще. Огонь все усиливается. Белые, как и в мензелинских боях, были застигнуты врасплох. До нас доносились брань, истошные крики, скрип телег, ржание лошадей. Рвались наши снаряды. Журавлев, стоя во весь рост, корректировал огонь. На душе было радостно: бьем беляков, бьем! Наконец-то и моим ребятам довелось лежать в боевой цепи.

Только часа через три опять через наши головы, но в обратном направлении пошли снаряды белых. Чтобы сбить противника с толку, батарея прекратила огонь. Но почти вслед за этим грохнул сильный взрыв в селе. Оказалось, что артиллерия белых только прикрывала их отступление. Теперь же они взорвали мост через реку Сюнь, отрезая прямой путь преследователям. Успех был крупный. Как стало известно позже, в селе Байсарово стояло «четыре тысячи пехоты, два кавалерийских эскадрона и артиллерийское прикрытие в шесть пушек» [1].

Через несколько дней стало ясно, что белые серьезно хотят взять реванш за Мензелинск и Байсарово. Однако к нам уже подходила бригада Вахрамеева. Сменив партизанские отряды, в наступление двинулся регулярный Петроградский полк.

...Наступила первая годовщина революции. Радости, ликованию не было границ. Сколько раз враги назначали сроки падения власти большевиков: к рождеству семнадцатого года, к новому восемнадцатому, к крещению, масленице, пасхе... А теперь нашей власти исполнился год!

В селе Понсево по приказу № 192, подписанному уполномоченным ВЦИК Кожевниковым и начальником

[1] ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 83, л. 66—68.

штаба партизанской Красной Армии Тиссэ, был проведен совместный парад партизан и красноармейцев Петроградского полка. Первому отряду, названному головным, было торжественно вручено знамя партизанской Красной Армии.

А 8 ноября с трибуны VI Всероссийского съезда Советов делегат-партизан В. Г. Кальницкий сказал:

— Мы поклялись не возвращаться домой до тех пор, пока Советской власти не будет угроз ни с каких фронтов. Наши силы растут с каждым днем. Нам не страшны никакие лишения, даже смерть!

Победы на Восточном фронте не заслоняли положения в других районах республики. В то время продовольственный вопрос являлся главным вопросом всей внутренней жизни страны. Мы знали, что семьи трудящихся голодают. Экспедиция Кожевникова сумела отправить до конца навигации значительное количество хлеба. Первая партия — 45 тысяч пудов — пошла в подарок московским рабочим. 12 ноября 1918 года этот хлеб был доставлен и передан московскому продовольственному совету. А всего до конца навигации из Набережных Челнов было отправлено 213 335 пудов зерна.

Победы Красной Армии на востоке пока устранили опасность, которая угрожала центру революции с этого стратегического направления. Но тем временем с юга возникла, по словам Я. М. Свердлова, «еще большая угроза». Реввоенсовет Республики предписанием от 18 декабря 1918 года известил Кожевникова о том, что ему «поручается организация и ведение партизанской борьбы на Южном фронте, вследствие чего приказывается немедленно перебросить все партизанские отряды с Восточного фронта на Южный».

Помнится, зима в тот год началась рано. Снежная, вьюжная. К месту отправки двигались под ураганным ветром. Шесть отрядов Кожевникова были стянуты в районе Бугульмы и погружены в вагоны. Через неделю мы прибыли на станцию Волоконовка Юго-Восточной железной дороги. Штаб армии разместился в Пятницком монастыре, а отряды — в окрестностях Волоконовки.

Вначале кожевниковцы прибыли в распоряжение Антонова-Овсеенко. Владимир Александрович форми-

ровал группу войск курского направления. В ее задачу входило нанести удар в тыл Донской армии белых и выйти к Миллерово. Следуя распоряжению высшего командования, В. А. Антонов-Овсеенко в конце декабря передал группу И. С. Кожевникову.

С 1 января 1919 года в группу Кожевникова входили четыре дивизии, называвшиеся партизанскими. 1-я и 2-я были сформированы из переброшенных с Восточного фронта отрядов Экспедиции, которые стали именоваться полками. Начальником 1-й трехполкового состава дивизии был назначен А. М. Козин. 2-ю дивизию возглавил П. Я. Лябин, бывший командир 5-го партизанского отряда. Оба начальника дивизий были по профессии связистами.

3-я и 4-я дивизии формировались на базе частей Антонова-Овсеенко. В 3-ю вошли 1-й Тульский, 2-й Воронежский и 9-й Пограничный полки. Начдивом 3-й стал П. И. Сиротин, связист, бывший командир 4-го партизанского отряда. Комиссаром 3-й дивизии был назначен Л. А. Невертович, бывший председатель ЧК при Экспедиции Кожевникова. 4-ю дивизию составили 1-й Воронежский и 10-й Украинский полки, Валуйский и Волчанский гарнизоны, Северный продовольственный и 2-й Коммунистический отряды. Начдивом 4-й был назначен Федор Ефимович Дыбенко, брат легендарного балтийца Павла Дыбенко. В штабе Антонова-Овсеенко он заведовал инспекторским отделом.

К концу формирования войска группы насчитывали 12 844 штыка, 149 пулеметов, 24 пушки, сведенные в три дивизиона под командованием Германа Зиборова. Кавалерия группы Кожевникова состояла из 4-го полка Воропянского и 5-го полка Романского. Заместителем командующего был назначен выдающийся тактик Красной Армии, будущий командарм второго ранга А. И. Седякин, начальником штаба — А. А. Душкевич. В Реввоенсовет группы вошел член ВЦИК Перчихин.

В январе началась операция против казачьих войск Краснова. Главнейшая ее цель состояла в освобождении Донбасса — «всероссийской кочегарки», уголь которой был необходим не менее хлеба. На этом направлении успешно продвигались полки Дыбенко. Были освобождены Купянск и Старобельск. 21 января партизанские полки вошли в Луганск. 1 февраля Реввоенсовет теле-

графировал в Москву: «Председателю Совета Обороны Ленину. Из района Купянск, Попасная, освобожденного доблестными войсками группы Кожевникова, отправляется первый поезд с углем в составе 24 вагонов в Ваше распоряжение. Член Реввоенсовета, член ВЦИК Перчихин» [1].

В то время как 4-я партизанская дивизия вела наступление на Луганск, 3-я сводная дивизия предназначалась для операций на миллеровском направлении. При штабе дивизии постоянно находился помощник командующего А. И. Седякин. Поэтому-то части дивизии стали именоваться в приказах группой войск Седякина, а с 17 февраля — отрядом Седякина.

Зима, как я уже говорил, стояла лютая и снежная. Повозки с обгрызанными голодными лошадьми бортами, пушки, кухни застревали в сугробах. Людям, полуголодным, полураздетым, приходилось на руках вытаскивать армейское имущество. И все же красные бойцы, полные революционного энтузиазма и презрения к лишениям, рвались вперед.

Вот как оцениваются дивизии Кожевникова в секретном докладе политотдела Южного фронта: «Сведения о состоянии Особой группы Кожевникова на 20.2 1919 г. В середине декабря 1918 г. прибыла с Восточного фронта в район расположения 8-й армии. Основное ядро составилось из добровольцев партизанского отряда, к которому впоследствии присоединились крестьяне-добровольцы и мобилизованные. Настроение хорошее. Комсостав удовлетворительный. Почти все исключительно бывшие солдаты и унтер-офицеры. Большинство комсостава — коммунисты. Имелась библиотека, розданная крестьянам на Восточном фронте. Издается периодическая газета «Окопная правда партизана» на ротаторе. После переформирования армия приняла участие в боевых действиях. В боях части оказались на высоте положения» [2].

С 15 февраля войска Кожевникова стали называться группой донецкого направления, а с 5 марта — 13-й регулярной армией.

---

[1] ЦГАСА, ф. 198, оп. 3, д. 699, л. 139.
[2] ЦГАСА, ф. 100, оп. 2, д. 198, л. 51.

Под командованием И. С. Кожевникова 13-я армия в исключительно тяжелых условиях, даже не имея должной поддержки своего правого соседа, продолжала теснить красновско-деникинские части...

Таков в кратком изложении путь на фронтах республики небольшого отряда революционных почтовиков, который стал костяком двух армий — партизанской и 13-й общевойсковой.

П. К. СЛУЧЕВСКИЙ

ПЕРВЫЙ БОЙ С КОРНИЛОВЦАМИ

24 февраля 1918 года части Красной Армии освободили Ростов. Остатки белогвардейских отрядов двинулись на Кубань. Начался «ледовый поход» Корнилова, который закончился в апреле под стенами Екатеринодара (Краснодара) гибелью белого генерала и бегством остатков Добровольческой армии в Сальские степи.

Я хочу рассказать о событиях тех дней, когда корниловцы только что вступили в пределы области Войска Кубанского и вели первые бои на путях к Екатеринодару.

Из Ростова корниловцы уходили в февральскую распутицу. Всего набралось до четырех тысяч измотанных, но отборных по профессиональным качествам офицеров, которых подхлестывали безысходность положения и надежда поправить его на богатой Кубани. Кумир белых, бывший главнокомандующий русской армией Корнилов, вел на штурм Екатеринодара офицерский полк генерала Маркова (750—800 штыков), партизанский полк генерала Богаевского, ударный полк (около 1000 штыков), четыре кавалерийских отряда (800—1000 сабель и 10 легких пушек). Снарядов у него было немного, обоз сократили до минимума. Штатским главнокомандующий приказал покинуть армию.

Корниловская колонна переправилась через Дон, прошла станицу Ольгинская и достигла станицы Егорлыцкая на границе Донской области. Дальше шла Ставропольская губерния, настроенная просоветски и занятая частями поддерживающей большевиков 39-й дивизии, прибывшей с Кавказского фронта.

У села Лежанка разыгрался жестокий бой. Красные отряды, поддержанные артиллерией, упорно удержи-

вали село. Белые несли большие потери. Тогда Корнилов лично повел конную батарею и обошел оборону красных с тыла. Офицерские цепи ворвались в Лежанку. Началась кровавая расправа.

Но ввязываться в борьбу на Ставрополье для белых не имело смысла, и Корнилов приказал резко повернуть к Тихорецкой, на Екатеринодар.

Позади остались станицы Старо-Леушковская, Ирклиевская, Березанская. У Березанской корниловцев встретило несколько красногвардейских отрядов. Бой был коротким, но жестоким. Не выдержав удара отборных офицерских рот, местные большевики оставили позиции и рассыпались по окрестностям. Отряды из других мест отступили к Выселкам.

К этому времени Добровольческая армия прошла 250 верст тяжелейшего пути. Ее силы были на исходе. Боеприпасы кончались. Корнилов решил выйти к станции Кореновская и ударить красным отрядам в тыл. Этот маневр был его последней надеждой пополнить боеприпасы и открыть дорогу на Екатеринодар.

Путь корниловских колонн на Кореновскую шел через Выселки. К Выселкам для встречного боя подходил и наш красногвардейский отряд от станицы Великокняжеская...

Вопрос установления Советской власти в бывшем Сальском округе и в станице Великокняжеская в исторической литературе освещен довольно слабо. В тридцатые годы местный отдел истпарта пытался собрать исчерпывающий материал. Условия для этого были: множество заслуженных ветеранов гражданской войны, свежие воспоминания о событиях, возможность солидных и подробных свидетельств. Мешало только одно — отсутствие времени. Когда читаешь воспоминания тех лет, бросаются в глаза излишняя краткость и спартанская скромность мемуаристов. Повествуя о крупных боях, авторы воспоминаний умудряются ни разу не упомянуть о себе лично.

Мой отец Кирилл Евграфович Случевский, участник революционных событий 1905 года, был членом Великокняжеского ревкома. Я, старший сын в семье, в ту пору еще реалист, всегда старался находиться рядом с отцом. Я был свидетелем работы подпольного ревкома, затем вступил в красногвардейский отряд, где отец

был заместителем командира, дрался под Выселками. В дальнейшем прошел три фронта гражданской войны, был комиссаром полка и начальником политотдела дивизии в Первой Конной армии. Стал профессиональным военным. Все эти годы я поддерживал тесную связь с отцом и все больше по-сыновнему любил и уважал его. Но, несмотря на мои неоднократные просьбы, отец так и не написал о своей жизни рабочего-большевика. Сохранилось только несколько его писем, где он скромно, но достоверно дает канву событий гражданской войны на Кубани.

...Под Выселки наш отряд под командованием Луговцова двигался от Тихорецкой. Мы не знали численности войск, противостоящих нам, да и мало задумывались над этим. Мы шли воевать за народную власть! Предварительно отряд в Тихорецкой был разделен на две части. Одна из них под командованием кубанского областного комиссара М. Н. Алехина пошла вдоль железной дороги к станице Голубинская; другая, в которую вошли мы с отцом, двинулась наперерез Корнилову к Выселкам. Шли быстро, почти не отдыхая. У станицы Ирклиевская, помню, заночевали в промерзлых землянках. В станице Леушковская узнали, что Корнилов перешел железную дорогу и продвинулся на восемнадцать километров к станице Рождественская. По дороге к отряду присоединились казаки-фронтовики с горным орудием. В станице Березанская мы увидели виселицу с казненными большевиками. Отец приказал снять повешенных, захоронить их и отряд двинулся к Выселкам. Подошли мы к станице, когда уже стемнело. Разместились на постоялом дворе и в хатах. Мы ночевали в одном доме втроем: отец, я и наш боец Яшуткин.

Разбудила нас ружейно-пулеметная стрельба на окраине станицы. Она все усиливалась. Стало ясно, что наступают крупные силы белых.

От местных жителей мы знали, что накануне за Выселки дрался корниловский полк. Ворвавшись на станцию, он легко продвинулся на несколько верст вперед и занял хутор Малеванный. В самих Выселках корниловцев сменила кавалерия белых, которая тоже ушла незадолго до нашего появления. Где-то в непосредственной близости должны были остановиться на ночлег главные силы Добровольческой армии.

Начавшийся бой свидетельствовал о том, что штаб Корнилова, неожиданно обнаружив разрыв между своими частями и присутствие нашего отряда в Выселках, приказал атаковать станицу и расчистить дорогу.

Впоследствии мне удалось собрать подробные сведения об обстановке, сложившейся тогда под Выселками, и воссоздать правдивую картину боя, участником которого мне довелось быть.

Сведения о появлении свежих сил красных под Выселками Корнилов получил поздним вечером, когда мы только что заняли станцию. Его кавалерия — это был дивизион полковника Гершельмана — вопреки приказу переместилась к востоку. Разгневанный Корнилов отстранил от должности командира дивизиона и приказал генералу Богаевскому отбить Выселки ночной атакой.

Корнилов спешил в Екатеринодар. Его люди выбивались из сил, кончались патроны и снаряды. Каждая задержка, как это случилось под Выселками, грозила катастрофой. Вот почему Корнилов так спешил, приказав отбить станцию ночью.

Но мартовская ночь выдалась темной, было очень холодно. Продрогнув за день, голодные, без крыши над головой, люди Богаевского оказались не в силах начать ночной бой.

Однако, едва забрезжил рассвет, колонна потянулась к Выселкам и под огнем стала развертываться в цепь.

Наш отряд поднялся по тревоге. Командир Луговцов приказал отцу занять холмистую окраину Выселок, а сам повел отряд по лощине к зданию паровой мельницы. С нами осталось человек тридцать, и у нас было два станковых пулемета. С того места, где мы стояли, было хорошо видно, как белые начинали наступление. Их редкие цепи шли безостановочно, не сгибаясь под огнем и оголяя фланг в сторону паровой мельницы.

— Ну, хлопчики, резанем кадетов под корень, — сказал отец.

Мы подхватили пулеметы и бросились к окраинным хатам. Бежали в рост, не догадываясь пригнуться. Опасность осознает опытный боец, а мы были молодыми и необстрелянными.

— Ура! Ура! — донеслось до нас: началась вражеская атака.

И тут из окон мельницы ударили пулеметы. Белые цепи дрогнули. Засуетились командиры. Но сманеврировать было некуда, и беляки подались назад и залегли.

Было видно, как мимо группы конных командиров несли на носилках убитых и раненых. Их было много, не меньше ста. Таких потерь в боях в пределах Кубанской области у Корнилова еще не было.

Но мы переоценили заминку белых. Они спешно перегруппировались и вновь ударили по Выселкам. От хутора Малеванного подошел батальон корниловцев. Прямо на село двинулся офицерский полк генерала Маркова. Наш отряд не выдержал и спешно отступил. Мы с отцом замешкались и остались в Выселках. Я видел, как белые входили в село. Впереди крупной рысью ехал всадник в романовском полушубке. За ним везли развернутый трехцветный флаг. Я догадался, что это главнокомандующий Корнилов.

Все виденное тогда напоминает замедленную киносъемку. Надо было спрятаться до темноты. Мы с отцом незамеченными забежали в казачий баз и залезли в сено.

Сначала было тихо. Потом послышались крики, лай собак, выстрелы. Это офицеры с черными шевронами на рукавах ходили из двора во двор, вылавливали отставших красногвардейцев и тут же их расстреливали.

Дело дошло до нашего база. В калитку вошли два корниловца с винтовками наготове. Хозяин стоял на крыльце и молча кланялся.

— Есть краснопузые?

— Никак нет, ваши благородия, откуда им быть...

Офицеры оглядели двор, пригрозили хозяину веревкой на случай, если врет, и ушли.

Калитка захлопнулась. Мы сидели ни живы ни мертвы и не шевелились. И тут снизу раздался тонкий лай. Это щенок хозяина, учуяв нас, принялся лаять и бросился к лестнице-стремянке.

Хозяин подбежал к нашему сарайчику. Делать нечего, мы выглянули сверху.

— Вы как там оказались, хлопцы? — вскипел хозяин. — А ну слазь!

Отец молча показал наган, но стрелять не стал. Этого делать было никак нельзя: кругом патрули, убежать не

удастся. Да и хозяина жалко — сразу видно, бедняк-трудяга.

— Не выдавай нас, кум, — попросил отец. — Завтра кадеты уйдут, а тебе с нами оставаться...

Хозяин молча покрутил головой, свирепо махнул рукой и ушел в дом. Больше он оттуда не показывался. Щенка утащил с собой.

Через час-полтора снова пришли те же два офицера. Хозяин вышел на крыльцо и понуро молчал. Его опять спрашивали о «краснопузых». Хозяин прижимал руки к груди и отнекивался. Офицеры ушли.

В поздних сумерках мы слезли с чердака и задами стали выбираться из Выселков. Скоро мы оказались на поле, где утром шел бой. То и дело попадались тела убитых. Мы шли тихо, приглядываясь, нет ли живых.

Вдруг навстречу нам двинулись две темные фигуры. Я рванулся в сторону. Отец спокойно остановился:

— Смотри, Петро, здешние. Безоружные.

Это он по очертанию фигур и по теням заметил отсутствие винтовок.

Оказалось, что нам встретился местный священник. Вместе с матушкой он искал раненых, чтобы унести их в дом. Жена священника рассказала, что у них остановился сам генерал Корнилов. Увидев раненых красногвардейцев, которых семья священника уже успела занести в дом, он рассвирепел, схватил карабин, хотел всех перестрелять. Жена священника, добрая и простая женщина, бросилась в ноги генералу, целовала его сапоги и просила пощадить раненых. Корнилов гневно выдернул сапог из ее рук, но стрелять не стал...

С тех пор прошло более пятидесяти лет. Я много раз собирался навести справки и узнать имена этих благородных русских людей, достойных великой благодарности.

...Корнилов после боя у Выселков добился крупного успеха у станицы Кореновской. Но пойти сразу же на Екатеринодар ему не удалось. Красногвардейские отряды преградили путь кубанским корниловцам, и они не сумели соединиться с Добровольческой армией.

М. А. АБСАЛЯМОВ

ПОВСТАНЧЕСКИЙ ОТРЯД В КРЫМУ

Рано утром 9 апреля 1919 года по широкой улице от Литовских казарм в сторону симферопольской городской управы быстро шел отряд вооруженных солдат — человек пятьсот. Впереди несли развернутое красное полотнище со свежей, наскоро выведенной надписью: «Вся власть Советам!»

Это был повстанческий отряд, состоявший в основном из жителей Поволжья — татар и башкир. Отряд направлялся к городской управе, над которой по решению подпольного обкома РКП(б) сегодня должны были поднять красный флаг и объявить о восстановлении Советской власти в Крыму.

Мы знали, что к концу марта положение деникинцев на фронте значительно ухудшилось. Части Красной Армии заняли Мелитополь и двигались к Чонгарскому мосту и Перекопу. Прекратился ввоз в Крым хлеба, каменного угля и нефти. Крымские кадеты нагнетали нервозность, обвиняя Добровольческую армию и ее генералов в бездарности и трусости.

Командование Добровольческой армии держало правительство в неведении относительно положения дел на фронте, сообщая заведомо ложные сведения. 28 марта командующий Добровольческой армией в Крыму уверил правительство в том, что положение войск твердое и не внушает опасений. На следующий день начальник штаба армии сообщил, что нужно готовиться к эвакуации, так как Чонгарский полуостров уже занят большевиками, мост не укреплен и даже не подготовлен для взрыва.

Если неудачи на фронте давили на белое командование и кадетское правительство извне, то политическая

обстановка, сложившаяся в Крыму, подрывала стратегию Деникина изнутри.

13 апреля по инициативе большевиков собралась профсоюзная конференция в Севастополе. Было решено объявить всеобщую политическую забастовку и потребовать немедленного удаления интервентов и белогвардейцев, освобождения политзаключенных и восстановления Советской власти в Крыму.

15 марта стачечный комитет объявил забастовку. Городская жизнь в Севастополе была парализована. Вскоре забастовка охватила весь Крым: бастовали рабочие и служащие Симферополя, в Феодосии между белогвардейцами и бастующими рабочими начались вооруженные столкновения...

Весть о выступлении нашего отряда с молниеносной быстротой разнеслась по Симферополю. Со всех концов города к зданию управы спешили люди, и огромная толпа быстро запрудила все прилегающие к ней улицы.

На балконе здания городской управы развевалось красное полотнище с лозунгом: «Вся власть Советам!» Через некоторое время на балконе появились члены подпольного обкома, и один из них громко объявил о переходе с этой минуты всей полноты власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Переход власти в руки рабочих и крестьян в Симферополе прошел без особых эксцессов. Оставшиеся в городе отдельные деникинские отряды бежали. Лишь небольшие группы офицеров пытались оказать сопротивление и уходили, отстреливаясь, преследуемые солдатами повстанческого отряда.

Часам к десяти все узловые пункты города, а также главные въезды и выезды находились под охраной нашего отряда или вооруженных рабочих дружин. В тот же день из отряда были выделены две команды в качестве ядра для формирующихся рабочих дружин. Одна из этих дружин преследовала деникинцев, отходящих на Севастополь, а другая занялась сооружением «бронепоезда» (горные пушки и пулеметы, установленные на платформах и обложенные мешками с песком), чтобы выступить на станцию Джанкой для встречи с Красной Армией.

Оружие рабочим выдавалось со склада, находящегося под охраной повстанческого отряда.

Так была восстановлена Советская власть в Симферополе.

Событиям в Симферополе предшествовала большая работа большевистского подполья. Помимо общей революционной пропаганды велась конкретная подготовка рабочих дружин, отрядов вооруженных крестьян, шла борьба за разложение белой армии.

На последнем совещании подпольного горкома РКП(б) было заявлено, что в восстании примут участие около трех тысяч подготовленных рабочих, крестьян, солдат и матросов. Вооружить их планировалось в день восстания; оружие хранилось на складах, которые охранялись повстанческим отрядом.

Было решено, что выступление нашего отряда явится сигналом для общего восстания.

Надо отметить, что ранее, в спокойное для деникинцев время, городской банк, телеграф, телефон, вокзал и все военные склады охранялись солдатами Симферопольской и Севастопольской караульных команд. Накануне восстания караулы были усилены.

Таким образом, в руках повстанческого отряда оказались как бы ключи от Симферополя, врученные нам деникинским командованием. Выступление дисциплинированного, вооруженного отряда, внезапный захват всех ключевых объектов города, несомненно, явились показателем силы и организованности восстания.

Появление повстанческого отряда и его решительные действия вызвали в городе множество разнотолков. Откуда появился этот отряд? Кто им руководит? Не передовая ли это часть Красной Армии?

Думаю, что нелишне обратиться к истории нашего повстанческого отряда.

Еще в декабре 1917 года по ходатайству Комитета воинов-мусульман 11-й армии бывшего Юго-Западного фронта и с разрешения наркомвоенмора Н. В. Крыленко был сформирован в городе Староконстантинов отдельный Татарский батальон Красной гвардии. Он состоял из четырех стрелковых, одной пулеметной рот и хозяйственного взвода. Общая численность достигала восьмисот человек. Командный состав был укомплектован бывшими офицерами старой армии, вставшими на сторону Октябрьской революции. Командиром батальо-

на был назначен бывший поручик Газдиев (ингуш по национальности), комиссаром — председатель Комитета воинов-мусульман 11-й армии Ильясов Мухамед-Якуб Шакирович, адъютантом — секретарь Комитета воинов-мусульман 11-й армии бывший старший унтер-офицер М. Абсалямов.

Когда развернулась стихийная демобилизация бывшей царской армии, на наш батальон была возложена охрана и эвакуация наиболее ценного имущества 11-й армии.

С началом наступления австро-венгерских войск на Украину весной 1918 года батальон начал отходить с целью пробиться на территорию РСФСР. При отходе батальон неоднократно попадал в окружение, прорывался и в конце концов оказался в Крыму, где в то время существовало правительство генерала Сулькевича.

В Крыму батальон был расформирован, и к концу 1918 года большая часть солдат и младших офицеров оказалась в Симферопольской и Севастопольской (расквартированной тоже в Симферополе) караульных командах.

Среди личного состава караульных команд было значительное число бывших членов Комитета воинов-мусульман и большевистски настроенных солдат бывшего красногвардейского батальона. Одному из солдат с большевистскими взглядами, автору этих строк, удалось установить связь с симферопольским подпольем. По указанию подпольного комитета в обеих командах были созданы небольшие группы наших товарищей, взявших на себя задачу подготовить отряд к восстанию в нужный момент.

Такой момент наступил в начале апреля 1919 года. 4 апреля Красная Армия, прорвав оборону белых на Перекопе, начала наступление на Симферополь. Деникинские части Симферопольского гарнизона были направлены на фронт. Крымское правительство начало готовиться к эвакуации, точнее, к бегству.

6 или 7 апреля было получено распоряжение об эвакуации караульных команд в Севастополь. Выполняя приказ подпольного комитета, обе команды решительно отказались подчиниться. После этого начальники

команд и часть офицеров сбежали. С этого момента фактическое руководство командами перешло в руки большевиков. Мы были готовы выступить и ждали только сигнала. Такой сигнал — решение подпольного обкома РКП(б) — был получен в ночь на 9 апреля.

На рассвете 9 апреля обе команды были построены во дворе Литовских казарм, и я объявил им о приказе подпольного обкома. Тут же было решено слить обе команды в один повстанческий отряд. Командиром отряда был избран автор этих строк.

После выдачи боеприпасов и усиления караулов была отдана первая команда:

— Отряд, построиться! Вынести красное полотнище! За Советскую власть вперед шагом марш!

Так началось утро 9 апреля.

11 апреля в Симферополь вступил головной эскадрон красных. Знаменщик вез развернутый флаг, на котором красовалась надпись: «Мир хижинам, война дворцам!» Еще через день в город вошли крупные силы Красной Армии во главе с П. Е. Дыбенко.

На вокзальной площади состоялся парад войск. А на следующий день П. Е. Дыбенко прибыл в расположение повстанческого отряда. Приняв рапорт и выслушав доклад командира отряда о действиях 9 и 10 апреля, П. Е. Дыбенко объявил благодарность всему личному составу и приказал считать отряд частью доблестной Красной Армии.

До июня 1919 года основная часть отряда оставалась в Симферополе, охраняя государственные учреждения и обеспечивая революционный порядок в городе.

19 июня в связи с прорывом обороны Красной Армии на Керченском полуострове и высадкой деникинского десанта в районе Мелитополя отряду было приказано немедленно выступить на Керченский перешеек.

Выгрузившись из эшелона на станции Грамматиково, отряд поступил в распоряжение начальника участка и занял оборону по обе стороны железной дороги Феодосия — Джанкой. Мы должны были во что бы то ни стало задержать наступление белых до окончания эвакуации из Крыма государственных учреждений и ценностей.

Пять суток отряд отбивал непрерывные атаки деникинцев, наступавших при поддержке бронепоезда. Только на шестой день был получен приказ начать отход от рубежа к рубежу, как можно дольше задерживая наседавших белогвардейцев.

Рубеж обороны на подступах к станции Джанкой был оставлен по приказу начальника участка, когда последний поезд из Симферополя прошел на север. Дальше начался трудный отход на Каховку.

А. Г. ТОПУНОВ

ЗАФРОНТОВАЯ ПОЛОСА

В первых числах мая 1919 года Тимофей Иванович Ульянцев и я были вызваны к члену Реввоенсовета 11-й армии С. М. Кирову. Подпольщик-профессионал и знаток конспирации, Сергей Миронович сосредоточил в своих руках связи с зафронтовой полосой и готовил надежные кадры для подполья. Тимофея Ивановича Киров превосходно знал как одного из самых крупных большевиков-балтийцев по его отличной работе на посту ставропольского губвоенкома. Я же, второй губвоенком и бывший командир 2-го Ставропольского пехотного корпуса 11-й армии, был рекомендован члену Реввоенсовета Ульянцевым.

Еще накануне вызова мне стало известно, что речь пойдет о нелегальной поездке в Баку, первой после падения Бакинской коммуны. Сергей Миронович выделил время для нас, «бакинцев», как он с присущей ему манерой говорить живо и с товарищеской теплотой сразу же стал величать Ульянцева и меня.

Простота и доступность члена Реввоенсовета чувствовались в каждой мелочи. В маленькой приемной мы спросили секретаря, которого все знали и называли по имени, занят ли член Реввоенсовета. Взглянув на нас, тот махнул рукой в сторону двери.

Рабочий стол Кирова был несколько велик для небольшой, наскоро и скромно обставленной комнаты. У меня возникло такое ощущение, что Сергей Миронович, каждый раз натыкаясь глазами на грузный, с витиеватой резьбой стол, внутренне досадовал на его величественные размеры и роскошную отделку, но все забывал попросить секретаря, чтобы вынесли этот катафалк.

Быстро поднявшись нам навстречу, Киров с досадой обогнул мешавший ему стол, крепко взял нас за локти и, улыбаясь своим мыслям, подвел к окнам, выходящим на набережную.

Мы с Тимофеем Ивановичем невольно поглядели в ту сторону, куда, продолжая улыбаться, смотрел член Реввоенсовета, и через его плечо, обтянутое темной гимнастеркой, увидели обычное для Астрахани скопище реюшек, лайб и рыбниц-туркменок у причалов.

— Хочу вашу показать. Неделя, как пришла из Баку. Немного поспешил Коломийцев в Москву. Дождался бы своих, важные вести они привезли.

Ульянцев, как потом выяснилось, знал Коломийцева. Ему было известно и о его причастности к бакинским делам, и о том, что связь Баку с Центром держал через Астрахань Коломийцев. Я же в ту минуту, понимая ход кировской мысли и догадываясь об осведомленности Ульянцева, молчал и ждал, когда Киров заговорит о том, ради чего он вызвал нас, и станет ясно, зачем я понадобился в этой конспиративной морской экспедиции в белый тыл, где, как мне представлялось, не было крупных боевых сил, а значит, и не требовалось командиров.

Но Киров не спешил: он продолжал стоять у окна и с видимым удовольствием наслаждался бодрым и свежим волжским деньком.

— Хорошая пасха началась в этом году! — вдруг совершенно неожиданно для нас и с необычной интонацией сказал Сергей Миронович. — Всегда вспоминаю в пасху бабушку. С богом своим она нам, детишкам, не навязывалась, только за бузиной еще с лета пошлет и ягодой бузинной потом оклады на иконах чистит, а мы ей, если попросит, помогаем. Знала она секрет: хранила ягоду до весны. Зато уж к праздникам весь красный угол как огнем горит. Трешь с ней, бывало, а она приговаривает: «Ничего, не жалей пальчика! На полгода заступнице угодишь, ни пятнышка, гляди, не осталось...» Чистота у бабушки на пасху особенная, куличный дух — на весь дом...

Таким впервые я увидел Кирова в майский день 1919 года. Не мог я тогда предположить, что с членом Реввоенсовета доведется мне через два года сидеть в президиуме Учредительного съезда Горской республики. А немного позднее, уже из Баку, Сергей Миронович от-

правит меня с путевкой ЦК Азербайджана на учебу в Москву. Последний раз я видел Кирова в его смольненском кабинете за несколько недель до смерти. Он по старой привычке одну за другой склеивал козьи ножки и дымил махоркой-горлодером. Стали было вспоминать прошлое: Астрахань, Баку, погибшего в Ленкорани Ульянцева. Киров сидел напротив меня, поминутно снимая телефонные трубки и уже не имея сил скрыть озабоченность и перегруженность работой.

Тогда же в кабинете Сергей Миронович, с удовольствием постукивая каблуками сапог, отошел от окна и как бы на правах возникшей между нами товарищеской близости, со свойственной ему открытой улыбкой проговорил:

— Ты едешь как военный работник. О полномочиях и обязанностях скажу подробнее. Вот только Каспий, боюсь, из тебя душу вытянет.

Член Реввоенсовета умел задать разговору деловой и одновременно дружеский, заинтересованный тон. Мы знали, что идем в неизвестность и что на помощь Кирова рассчитывать не приходится. Но такой руководитель — уже большая доля успеха, и я ответил, помню, с легким сердцем:

— Ничего, моряки довезут. Их забота. А действовать мне придется на суше...

После обмена полушутливыми, но очень дорогими и нужными для внутреннего настроя фразами Киров решил, что пора приступать к деловой части разговора. Но и тут он остался верен своей дружеской добродушной манере: тряхнул за ручку жестяный чайник и предложил:

— Думаю, не откажетесь. Попьем чаю и поговорим о деле.

В исторических романах, посвященных обороне Астрахани, встречается описание этой беседы. Число участников варьируется. Иногда моя подпольная кличка — Козловский — не соединяется с подлинной фамилией. Но не в арифметическом подсчете суть. Вызывает возражение другое. Если верить авторам, Сергей Миронович растолковывал нам азы подпольной конспирации, толковал о фронтовых делах, о положении Астрахани и Каспия, агитировал и вдохновлял. Зачем? Мы все это

обязаны были знать. Кирову совершенно незачем было задавать Тимофею Ульянцеву такой неестественный вопрос: «Скажите, вы не из тройки руководителей кронштадтских большевиков — Рошаль — Сладков — Ульянцев?»

Имена вожаков большевистского Кронштадта знал каждый матрос и красноармеец, а тем более политический работник. Так что ни к чему было старому партийцу Кирову щеголять своей осведомленностью на потребу автору исторического романа, который таким образом получал возможность повосхищаться еще раз громкой биографией своего героя — моряка... И уж тем более не горячились кировские собеседники, не просились нетерпеливо после четвертого стакана чая «в Баку за бензином», не щурились с интересом, слушая суждения о Деникине и задачах революции, вполне доступные их собственному разумению. И не в их привычках было радостно поддакивать из соображений субординации и почтительно подключаться к разговору.

Действительный разговор в кабинете члена Реввоенсовета протекал иначе. Киров держался сугубо конкретной, практической стороны дела: Ульянцев, я и остальные два члена экспедиции посылались в распоряжение бакинского бюро. Задача поездки — доставить бакинскому подполью шифр, крайне необходимые ему деньги и не менее необходимую информацию Центра. Киров подтвердил, что и Ульянцев, и я будут использованы на военной работе, но по усмотрению местного руководства. Решить этот вопрос из Астрахани не представлялось возможным, да подобные вопросы и не входили в компетенцию Реввоенсовета.

Мугань учитывалась как будущий плацдарм в южном тылу Деникина, как место для высадки астраханского десанта. Но сведения о положении в Ленкорани были скудными, и ни о каких планах, связанных с восстанием на Мугани, речи в кировском кабинете не шло. Киров мог бы со знанием дела судить о Ленкоранской Советской республике, только цитируя донесение, которое было отправлено тем же Ульянцевым, тогда уже ставшим главой Муганского ревкома. Но донесение это, написанное рукой Ульянцева и доныне не опубликованное, было доставлено в Астрахань и передано мною из рук в руки Кирову два месяца спустя.

Уходя из Реввоенсовета, мы, руководители экспедиции, представляли свою задачу так: пробиться любыми средствами в Баку, избежать провала и гибели в деникинских застенках, предоставить себя и привезенные средства в распоряжение бакинского бюро.

До отъезда оставались считанные часы. Предстояло еще переговорить с секретарем губкома, сдать партийные билеты и получить подпольные документы — мандаты. Состав экспедиции был определен по выбору Ульянцева. В нее вошли еще два партийца: Ян Лукьяненко, работник Ставропольского военного комиссариата, и Иван Григорьевич Дудин, балтийский моряк, подпольщик, превосходно знавший Баку по службе в штрафной команде Каспийской флотилии, куда он был сослан после ареста в 1915 году. «Прощаюсь с вами, товарищи, и верю в удачу. Отправитесь ночью, непременно ночью!»

Это были последние слова члена Реввоенсовета, сказанные им уже у дверей кабинета.

Ночь была темная. Молча шли мы по астраханским улицам. Тимофей Иванович, всегда сдержанный и не щедрый на слова, сейчас вообще считал лишним вести разговор.

Недалеко от моста через Кутум стояли рыбацкие баркасы. На ходу заметили, как там мелькнул слабый свет. Задвигались фигуры штормовиков на палубе ближней лодки. Мы поняли, что это наша посудина. У борта появилась неясная тень в грузном рыбацком балахоне. С командой все было оговорено заранее. Нас ждали.

Только поднявшись на палубу, мы заметили стоящий почти вплотную к внешнему борту буксир. Было слышно, как потрескивает в топке — топили дровами. Изредка выпархивал снопик искр и улетал в темноту, сверкнув жидким отсветом.

Ульянцев ждал. Он не любил выдавать нетерпения.

Из темноты послышались приглушенные голоса. Говорили, сбившись в плотную массу, сразу несколько человек. Потом люди разделились, и, еще продолжая благодушно посмеиваться, Дудин и Лукьяненко вышли на пристань и двинулись к лодке.

Первым, распахнув подбитое мехом пальто и поблескивая лаком купеческого картуза, по-матросски споро шагал Иван Дудин. Он привык к конспирации еще с кронштадтских времен, но сейчас, напялив шубу купца Донова, никак не мог расстаться со своей бодрой матросской молодцеватостью. Длинные полы шубы били по голенищам и обвивались вокруг его задубевших пудовых сапог, а он шагал молодцевато и играючи, весь еще во власти развеселых проводов, нисколько не опасаясь ни за себя, ни за судьбу порученного дела. Чувствовал он себя весело и уверенно.

— Все в сборе, тебя ждем, — твердо сказал Тимофей Иванович.

— В самый раз отплываем, браток. — Дудин как ни в чем не бывало пожал всем руки. — Как раз матросскую вахту заступать. Буксир готов?

И тут, как будто от звука дудинского голоса, труба пахнула пламенем, хлюпнул пар, баркас резко тронулся к середине реки.

— Прощай, Астрахань! — проговорил за всех Дудин.

На руле сидел штурман-бакинец. Баркас быстро шел по течению. Мелькали и пропадали огоньки астраханских слободок. В этом месте широкое течение Волги разбивалось на несколько рукавов. Буксир взял правее и вошел в Бахтемирский канал. Берега не угадывались. Только по шороху камыша, подступающего вплотную к баркасу, и по свету в окнах рыбацких селений мы примечали, как непрерывно то сужается, то расходится вширь волжский рукав.

Потом заметно посветлело. На волнах заиграли блики. Цвет воды в устье другой, так как она вбирает в себя встречные течения и смешивается с морской водой. Кончался первый, безопасный отрезок пути. Ранним утром ветер швырнул нашу ходкую лодку-«душегубку» в простор Каспийского моря.

Прошли двенадцатифутовый рейд. Он был не помирному пуст: военные суда не показывались, а былое скопище грузовых судов и рыбниц-туркменок как смело. Буксир развернулся и ушел. Мы стояли на вздрагивающей палубе «душегубки» и смотрели ему вслед. Хотелось верить, что вот сейчас команда привычно направит снасти, косой, с серыми заплатами парус рванет свежий норд, и, трепыхнув своим полотняным крылом,

лодка маленькой упрямой точкой устремится на юго-запад, на Баку.

Ветер набирал силу. Море стало темным и злым. По низкому небу — верхушка мачты, казалось, вспарывала его — неслись лохмотья туч. Тусклый диск солнца мгновенно проскальзывал сквозь тяжелую хмарь и пропадал. «Душегубка», скрипя и кренясь, карабкалась на водяную гору. Мне давно уже пришлось отлеживаться в кубрике и взлетать вместе с постылой посудиной. Сердце непривычно и томительно билось, ноги уходили вверх, а голова стремительно валилась в пропасть.

Лукьяненко сидел рядом и заметно бодрился. Но и его бросало из стороны в сторону, выматывало и обессиливало.

В кубрик спустился Дудин и сказал, что решили разбиться на двойки и дежурить попеременно. Сейчас наверху Ульянцев и штурман Сарайкин. Был Иван Григорьевич по-прежнему бодр и уверен — надо полагать, еще раз закусил оставшейся ухой. Однако он заметно посуровел — путь на Баку он знал хорошо и эту часть его считал самой опасной. Отчаянная болтанка его не брала, и, тревожась, он искал разрядки в действии. На этот раз решил продернуть «сухопутную команду» — меня и Лукьяненко. Посмеиваясь, он пообещал сделать малый крюк и высадить такой ценный груз поближе к Дагестану, чтобы не растрясти дорогой.

— Ты у нас, Саша, единственный командующий на семерых. Тебя надо доставить живым. И чтобы вида командирского не потерял. А то спустится Гикало с гор, гляди, тебя не узнает и повернет обратно.

Мне не хватало сил не то чтобы ответить, но даже пошевелиться. Сквозь прикрытые веки я машинально следил, как ноги Дудина без видимого усилия сливаются с шаткой настилкой. В руке его лоснилась семифунтовая бомба, которую он машинально поглаживал, все забывая приспособить куда-нибудь поудобней. Вспомнилось, что шел разговор с Тимофеем насчет этих самых семифунтовок, что их роздали на случай встречи с патрульными судами. А Дудин предложил назваться хозяином лодки, затеять разговор с офицером и, если понадобится, метнуть бомбу.

Только эти мысли промелькнули в голове, как вверху лязгнул люк.

— Все на палубу! Быстрее!..

Я еще только пытался подняться рывком, а Дудин сразу вздернул голову, понимающе крякнул и, прижимая бомбу к боку, загремел сапогами по ступенькам. Следом за ним метнулся Лукьяненко. На палубе мне стало еще хуже, и, с трудом поворачивая занемевшую голову, я пытался понять, что произошло.

Рядом кто-то глухо проговорил, как бы проверяя себя:

— Никак огни...

Ответил Ульянцев. Ему еще раньше виднелись огни в море в стороне Гурьева. Дудин тоже заприметил подозрительное мелькание, но указывал в противоположную сторону. Он знал, что где-то в этих местах проходят из Петровска на Гурьев суда флотилии коммодора Норриса и белогвардейцев, и, казалось ему, видел красные сигналы на их мачтах.

Возбуждение росло.

Каждый знал, что сдаваться живыми нельзя: и сам умрешь под пытками, и белых на след наведешь. Незадолго до этого погибла команда лодки, идущей из Астрахани в Баку. Сразу же обнаружив второй рейс, деникинцы поймут, что бакинское подполье ищет связи с Центром и ждет помощи. Решение погибнуть, но не выдать цель поездки мы приняли добровольно и единогласно. Но нас угнетало сознание невыполненного долга. Подорваться на бомбе, которую стиснул в руке Дудин, немудрено. Отправить вместе с собой на тот свет полдюжины деникинцев или англичан тоже невелик резон, если вместе с обломками и телами погибших пойдет на каспийское дно груз для Баку.

До рези в глазах всматривались мы в темноту, пока не прозвучала добродушная шутка Сарайкина:

— Будет глаза-то таращить! В такой черноте и верблюда углядишь!..

И сразу отлегло от души. Посмеялись в охотку, переиначивая на разные лады сарайкинские слова, потоптались на палубе и разошлись по своим местам. Только Дудин еще долго оставался рядом с Ульянцевым, договариваясь, кому на случай стычки метать бомбу в неприятеля, а кому подрывать свою лодку.

Я спустился вниз. Разомлев от качки и духоты кубрика, уснул. Разбудил меня резкий толчок в плечо.

— Кадеты!

Стоим все семеро, сгрудившись на палубе. В предрассветной мгле скользит силуэт неизвестного судна. Серый, почти сливающийся с морем корабль идет с подветренной стороны наперерез лодке.

Общее напряжение передалось мгновенно. Торопливо обегаю взглядом товарищей. Сарайкин неподвижно стоит у руля, на его непроницаемом лице даже желваки не проступили. Тоскливо подумалось: «Уверен Сарайкин, что на беляков наскочили». Рядом со штурманом с бомбой у пояса стоит Ульянцев. Его обычно живые темные глаза застыли, взгляд стал тяжелым и неподвижным. Штормовики медленно двигаются у снастей. Дудин затолкал бомбу поглубже в шубу, распахнул полы, поправляя обеими руками картуз, — видно, приготовился исполнять взятую на себя роль купчишки-хозяина.

Теперь уже явственно доносится шум сильного мотора. Оставляя за собой глубокий волнистый след, судно идет к лодке со скоростью не менее десяти узлов. Менять курс бессмысленно. Нас давно заметили и взяли на мушку. Никуда не уйдешь...

Выглянул край солнца, и четко проступили на палубе судна оглобли армейских двуколок, дула зачехленных орудий, орудийные передки и фигуры в морских фуражках у поручней верхней рубки, быстро жестикулирующие, отдающие какие-то приказания. На палубе между двуколками и орудиями и ближе к борту толпились солдаты. Кое-где желтели — настолько уже сократилось расстояние — казачьи лампасы. На носу и у бортов обозначились силуэты пулеметов.

— Давай прямо на него!

Дудин решительно метнулся на нос баркаса и неожиданно истошным голосом закричал, льстиво кланяясь и размахивая картузом:

— Помогите хлебцем! Не откажите... Бе-дствие те-рпим!

Лодка подвалила прямо к борту корабля. Еще десяток саженей — и ее задранный нос врежется в корабельный бок. Сарайкин вцепился в руль и застыл: то ли понял маневр и хладнокровно прет на рожон, то ли сомлел от напряжения.

Офицер в рубке схватился за рупор и окатил Дудина замысловатой армейской матерщиной.

Ему вторили, перегнувшись через борт и беззлобно скалясь, два губастых казака и солдаты из орудийной прислуги. Запоздало взревел гудок, а Дудин, чуть ли не перекрывая его, теперь уже почем зря крыл своих, тыча кулаками под самый нос Сарайкину и успевая при этом отвесить не один поклон в сторону офицеров, горестно разводя руками: дескать, не обессудьте, ваши высокоблагородия, дошли в море до крайности.

Сарайкин всполошился, налег на руль и крутым поворотом вывел парус из-под ветра. Медленно, как бы нехотя отдаляясь от чужого борта, лодка обогнула корму корабля и закачалась на волнах с другой стороны его.

— Креста на вас нет, — снова входя в роль, затянул Дудин, — хоть малость самую уделите! Третий день без хлебушка.

— Спусти им вчерашний кондер, Иноков, — неожиданно окая, распорядился офицер, — пусть разживутся бедолаги.

Стоявший рядом с ним кавказец с погонами ротмистра на черкеске досадливо передернул плечами, но промолчал. Сарайкин снова взял подветренную сторону и, намеренно описав широкий полукруг, пошел курсом на Петровск. И только когда «беляк» стал мутнеть в отдалении и медленно исчез за горизонтом, штурман отер рукавом лоб, тряхнул головой и повернул в сторону Форта Александровского.

Вторые сутки на исходе.

Теперь уже отчетливо видно, как на далеком расстоянии то с правого, то с левого борта движутся постоянным курсом красные огни больших судов. Сомнений быть не может. Это не вчерашние галлюцинации. Идут суда деникинской флотилии и англичане. Наступила очередь Колчака снабжаться южным путем. Поэтому так держатся его левофланговые казачьи корпуса за Гурьев и настойчиво стремятся к Астрахани, расширяют свой участок каспийского берега, страхуют стратегические гурьевские причалы.

Рассвет заставляет нас изменить тактику. Не надеясь остаться незамеченной, лодка намеренно меняет

курс, опасно приближается к идущим своим путем гигантам белых, пытается доверчивыми маневрами заранее отвести подозрения и сделать погоню ненужной в глазах занятого своим делом врага. Ветер, часами гнавший лодку со спасительной скоростью, стих. Сверились по компасу: до Форта Александровского оставалось менее часа-двух хорошего хода. В мертвый штиль парусная лодка беспомощна, ее может взять любой катеришко, вооруженный легким пулеметом.

Наш штурман входит в бакинскую морскую экспедицию. Он первым прокладывал курс от Биби-Эйбатской бухты до астраханской рейдовой брандвахты. Сарайкин знает: в Форте Александровском стоят сторожевики белых, днем мимо форта не проскользнет незамеченным самое малое суденышко. Об этом сейчас думает вся команда и томительно ждет темноты. Один только Ульянцев мог бы уменьшить нашу тревогу. Но Тимофей Иванович молчал, потому что не был уверен до конца и не хотел зря обнадеживать товарищей. Ульянцев, поглядывая на грязные складки паруса, знал, как готовилась Астраханская флотилия к выходу в море, как спешно вооружались торговые пароходы, как основательно чинились балтийские эсминцы «Деятельный» и «Расторопный», пришедшие в Астрахань по Мариинской системе, как пошли в дело морские пароходишки, среди них оставшийся под своим прежним названием: «Макаров II». В конце концов подчистили последнюю мелочь полуморского типа, а нефтеналивные баржи пустили под плавучие батареи. Военморы похудели на тощем астраханском пайке, но балтийскую марку держали, наводили порядок на кораблях под матросский лозунг: «Даешь, Баку, нефть, керосин!»

В конце марта готовность флотилии проверял командующий морскими силами республики В. М. Альтфатер. Положение было сложным. Корабли базировались на Астрахань. К двенадцатифутовому рейду вело мелководье волжских протоков и Бахтимирский канал с низкой водой при нордовых выгонных ветрах. Связывало отсутствие маневренной базы, опирающейся на надежную часть суши, с удобной стоянкой для судов и достаточно близкой к коммуникациям белых.

Мнения разделились: одни стояли за остров Чечень, большинство называло Форт Александровский.

Действительно, нет бухты на восточном берегу Каспия более удобной, чем Тюб-Караганский залив у Форта Александровского. Стены его крепостицы прямо поднимаются из песков пустыни — надежнейший, самой природой защищенный тыл. Залив столь глубок, что на дне его в случае надобности лягут и подводные лодки. Владеющий фортом флот рассекает путь из Петровска в Гурьев, то есть наносит наиболее чувствительный удар по белым морским коммуникациям. Так планировалось начало летнего похода. Вслед за Фортом Александровским флотилия должна была взять Петровск.

За два дня до пасхи от астраханских зимних причалов один за другим снялись корабли и скрытно, без сирен и гудков, ушли вниз по Волге. Ульянцев стоял на мостике флагманского дредноута «Карл Либкнехт» и сквозь курящийся над рекой туман едва различал огни на бакенах.

Все это не один раз перебрал в памяти Тимофей Иванович, отсчитывая дни от начала операции: в набег на Форт Александровский отряд кораблей ушел неделю назад, 30 апреля.

Одного не знал Ульянцев и не мог знать, взят ли форт.

Уже затемно с астраханской стороны показались клубы дыма — шел крупный корабль, выделяясь на светлой западной стороне резким силуэтом и густыми полосами дыма. Дальнозоркий Дудин первым, как бы запинаясь, выдавил:

— Что это, флагман или так, в глаза бросается?

Вне сомнений, это был «Карл Либкнехт». Он шел прямым курсом на Форт Александровский, а за его кормой в море сверкала вереница огней. Судя по их количеству, подходила бóльшая часть Астраханской флотилии.

Сразу осенило: Форт Александровский взят, комфлот Сакс ведет из Астрахани оставшуюся часть кораблей. А Ульянцев продолжал молчать, только расправил грудь. Глаза его посветлели. Зато Дудин веселился и орал от всей души:

— Крой, Сарайкин, на полный аллюр! А то и до Петровска наших не догнать!

Про штиль мы вспомнили, когда увидели обвисший парус. Но почти в то же мгновение его тяжелые складки

слабо шевельнулись. Сарайкин схватился за руль, минуту поколдовал на корме, и лодка потихоньку двинулась.

В полночь наблюдатели заметили стоящее на якоре судно. Невдалеке темнел плоский берег.

От корабля отчалил катер и взял лодку на буксир. Ульянцев поднялся на борт и прошел в каюту Сакса. Кроме комфлота и его штаба на борту «Карла Либкнехта» были председатель Реввоенсовета Мехоношин и Киров. Еще на палубе флагмана Тимофей Иванович успел перекинуться несколькими словами с командиром минного отряда Поповым. Подробности набега на Форт Александровский укладывались в несколько фраз. В виду астраханской брандвахты флотилия встретила суда коммодора Норриса, завязала бой и заставила англичан уйти в море. Прокрейсировав ночь, под утро подошли к Форту Александровскому. Изготовились десантники. Комендоры развернули орудия. На палубу для ближнего боя и прикрытия десанта выкатили пулеметы. Но дело обошлось без потерь, несколькими выстрелами. Проскользнув в плотной пелене тумана к причалам, десантники, оставив без внимания морские баржи и небольшое посыльное суденышко, без боя взяли спящий гарнизон и радиста в его мазанке на пустыре. Радиостанция выдала себя еще на подходе к форту острием мачты и обилием проводов. Пленные радисты подтвердили, что станция форта загружена: два раза в сутки передает вслепую военные шифровки для генерала Толстова в Гурьев и для деникинского штаба в Петровск.

Ключ к шифру был найден. К аппарату рядом с пленным сели корабельные радисты. В эфир шли, как и до захвата форта, позывные Форта Александровского. Отозвался Гурьев, вслед за ним Петровск. Флотские шифровальщики старательно выписывали колонки длинной радиограммы.

Час спустя в море ушел миноносец и вскоре возвратился. За ним виднелся паровой баркас со следами огневого и рукопашного боя на палубе. На пути в Гурьев моряки перехватили генерала Гришина-Алмазова с офицерами штаба и всеми документами.

Комфлот Сакс с захваченными документами и пленными офицерами гришинского штаба ушел на флагмане

в Астрахань. Его возвращение застало лодку Ульянцева в море, на подходе к берегам Тюб-Караганского залива.

На страницах беллетристики порою изображается Киров, с маузером в руке штурмующий Форт Александровский. Ульянцеву приписывается захват парового баркаса «Лейла», на котором Гришин-Алмазов шел из Петровска. Причем сам генерал называется близким другом Деникина и командующим одной из армий. Историческая правдивость — не пустяк; и надо твердо сказать, что ни того, ни другого не было.

Подлинная же личность генерал-майора Алексея Николаевича Гришина-Алмазова, история его быстротечной карьеры в стане белых и содержание документов, которые он вез в ставку верховного правителя, представляют интерес немалый, а деникинские письма и многочисленные штабные сводки — исключительный.

Впервые имя Гришина-Алмазова, тогда еще молодого артиллерийского полковника, получило громкую известность в Сибири. Один из кандидатов в российские Наполеоны, он энергично сколачивает офицерское подполье в канун чешского мятежа и становится военным министром Временного сибирского правительства. Перед ним открываются возможности, которые сделали позднее Колчака единоличным диктатором, но, не поладив с союзниками, Гришин-Алмазов оказался устраненным от дел, перебрался на юг к Деникину и фигурировал в числе участников пресловутого Ясского совещания.

В Яссах у воротил белого дела, маститых адвокатов с «социалистическим» прошлым и барственных либералов-профессоров типа Милюкова-Дарданелльского, возникает вопрос: кто же он такой, этот тридцативосьмилетний генерал с покатым узким лбом, свободной речью и пристрастием к ученым словам? Милюков в определении Гришина-Алмазова как-то даже прибегнул к классике: «Живехонький Епиходов из «Вишневого сада». Помните «Вы читали Бокля?»?»

Вскоре проблема его родословной разрешилась. Некий артиллерийский офицер вспомнил, что в Михайловском училище знавал он юнкера Гришина, сделавшегося Алмазовым, вероятно, по случаю министерского поста в Сибири.

Месяц спустя Гришин решает, стоит ли ему бросать якорь в Одессе, оккупированной французами. Через несколько дней становится известно, что генерал Гришин-Алмазов назначен военным губернатором. Фигура Гришина оценивалась положительно, а сам он цинично объяснял причины своего неизменного успеха: «Я, господа, Скалозуб».

Только поспешное бегство союзников заставило его вновь перебраться к Деникину. В конце апреля на паровом посыльном баркасе «Лейла» в сопровождении штаба и специальной команды генерал Гришин-Алмазов выехал в Омск, направляясь через Петровск на Гурьев. Он вез большую корреспонденцию, в том числе всевозможные обзоры, и документ чрезвычайной важности и секретности — послание Деникина на имя только что признанного белым югом верховного правителя.

Из Петровска «Лейлу» сопровождал английский военный корабль. 5 мая в виду Форта Александровского англичане, сочтя свою миссию выполненной и не зная о захвате форта красной флотилией, оставили баркас и ушли на север.

В четырех верстах от берега «Лейла» была атакована нашим флагманом. Гришин-Алмазов, не видя иного выхода, заперся в каюте и выстрелом из револьвера смертельно ранил себя. Его примеру последовали четыре офицера штаба, один выбросился за борт. Остальные были взяты в плен и доставлены в Астрахань.

Документы, в том числе и письмо Деникина, полностью уцелели.

«Лейла» сослужила неплохую службу и нашей экспедиции. По приказу комфлота она взяла на буксир «душегубку» и вывела ее в открытое море. Скрылся из виду Форт Александровский. Снова мы одни под парусами в неспокойном море.

Седьмой день пути. Только что разминулись с рыбницей-туркменкой. Выменяли на пачку махорки осетра-полупудовика и трех сазанов на уху. Еще в Форте Александровском флотские обнадежили: море до Баку чистое, англичане ушли к северу. На рыбнице-туркменке услышали сходное: «Идем четвертые сутки, ни корабли, ни катера груз не проверяют и документов

на проезд не спрашивают». Понятно, белым и Норрису сейчас не до мелкой рыбешки, их внимание и силы сковали захваченный Форт Александровский и угроза Дагестану через Петровск.

...Десятые сутки. Резкий, порывистый ветер расчистил небо. Лодка покрывает милю за милей, не сбавляя хода. Если удастся проскочить незамеченными и не спадет скорость, ночью должен показаться маяк Мигалка, а там и конец пути.

Ночью прошли Два брата. Зыбкая туманность впереди медленно уплотнялась и постепенно принимала очертания острова. За ним — легкая дуга бухты и опоясывающий ее город. Сарайкин сбивает спорый ход лодки. В Баку нужно прийти не раньше вечерней темноты.

Подготовили груз, разделив пачки кредиток в банковской упаковке на четыре мешка — по числу основных участников поездки. До пристани остается не больше мили.

В темноте подошли к деревянному молу. Пустынно и безлюдно. Только какая-то женщина юркнула к причалам. Видно, притомилась, подстерегая лодку с уловом. Поняла, что спрашивать не о чем, и скрылась в темноте так же молча, как и появилась.

Уходить надо было не медля. Один человек из местных, как решили заранее, остался с лодкой. Сарайкин единственный из команды знал подпольную явку. Он, стараясь не убыстрять шага, двинулся в тень.

Ночь выдалась беспокойная. На явочной квартире в порту ждали обыска. Пришлось тут же разделиться по двое и уходить в Армянские Кишлы. На центральной улице — редкие тусклые фонари. Едва видны узкие тротуары и булыжник мостовой. Только тронулись, как от фасада впереди отделилась фигура и затренькали шпоры. Успели заскочить в узкий проход и, задевая стены увесистыми тюками, протиснулись во внутренний дворик. Не сразу осознали, что позвякивание шпор удаляется так же размеренно, как только что приближалось.

Утром в дверь новой явочной квартиры постучали. Стук был замысловатый и с перерывами — условный. Хозяин, седоватый рабочий, пошел открывать. Он сразу же вернулся и, пропуская пришедшего, пояснил:

— Товарищ Давлатов.

Приход члена Бакинского комитета Давлатова означал, что смертельный риск зафрахтового рейса оправдан: мешки с николаевскими кредитками, сотни тысяч царских рублей, дойдут до бакинского подполья, Астрахань получит лодки с бензином и смазочным маслом. Ведь еще задолго до экспедиции в письме к Давлатову Астрахань просила за любую сумму приобрести 300—500 пудов первосортного или даже второсортного бензина. Он был необходим для местной воздушной флотилии. До приезда же экспедиции Ульянцева партийная касса пустовала. С огромным трудом добыли средства на одну-единственную лодку. Ее привел в Астрахань Сарайкин. На ней мы шли в Баку. В таких условиях невозможно было наладить дело с закупкой бензина и перевозкой его в Астрахань. Теперь мешки с кредитками, можно считать, в бакинской партийной кассе. Пройдет час-другой, и все, что с таким трудом и риском пронесено через Каспий, попадет в надежные руки: и шифр, и николаевки, и тюки с подпольной литературой.

Ульянцев разом как бы освободился от тяжести, которая не оставляла его все одиннадцать дней в море, где от провала не могло спасти все его мужество.

Я видел, что Тимофей Иванович взволнован, но избегает необязательных расспросов. Мы только обменялись взглядами, и он коротко сказал:

— Ждем решения Бакинского комитета.

По совету Давлатова еще раз сменили подпольную квартиру. Теперь мы разместились в солидном буржуазном доме напротив цирка. В нижнем этаже расположился резерв городской полиции, а наверху, в обширной докторской квартире, вторую неделю «гостили» два преуспевающих коммерсанта в серых, дорогой английской шерсти костюмах, с непременными в любую жару жилетами и щегольскими канотье.

Я выдавал себя за управляющего промыслами, об этом знали уже некоторые соседи, заходившие по вечерам к хозяйке квартиры. Такого же мнения держался, как это выяснилось из случайного разговора, и чистильщик обуви, постоянно сидевший под своим навесом у парадного.

Всякий раз, спустившись по лестнице и выйдя на улицу, «управляющий» не спешил пройти мимо почтительно кланяющегося, расторопного человечка. Он благодушно кивал, покойно устраивался в кресле с плисовой плоской подушечкой, вытряхивал из портсигара на ладонь чистильщика пару дорогих папирос и, возвышаясь над его лысой головой, услужливо склоненной к сияющим, на кнопках, ботинкам, снисходительно и охотно выслушивал утренние бакинские новости.

Чистильщик, как это сразу же выяснилось, имел непосредственное отношение к полиции с нижнего этажа и не считал нужным скрывать это обстоятельство от солидного клиента.

Всегда по его заросшей, мятой физиономии я угадывал, когда ночью случалась очередная «работа». Садился в кресло и уже заранее знал, что после двух-трех фраз про погоду и англичан, которые сидят без дела в казарме и дудят, как сычи, в свои волынки, чистильщик не выдержит и с многозначительной ухмылкой начнет щеголять служебной осведомленностью. Точно так же протекал наш утренний разговор и на девятый или десятый день по приезде в Баку. Щетки летали по моим штиблетам, а чистильщик озабоченно намекал на опасную работу и на розыски каких-то астраханских комиссаров, которые гуляют среди бела дня по Николаевской, а в руки не даются.

Я было пропустил мимо ушей все эти байки про комиссаров, но вовремя спохватился:

— Что, дорогой, новости, говоришь, не из хороших?

— Как же, господин управляющий! Ночью весь околоток перетрясли, ни одной дыры не пропустили.

— А что же доктора обошли?

Чистильщик ухмыльнулся и с охотой подхватил шутку:

— Да уж без меня в этом разе не обошлось. Шабаш, говорю, не у докторовых же гостей краснопузых искать. Так что мы, господин, свое дело назубок знаем, промашки дать не позволим.

В тот же день выяснилось, что полиция действительно напала на наш след. Обнаружена сарайкинская лодка. Захвачен оставшийся на ней штормовик. Его держат в одиночке, пытают и вынуждают признаться.

Слухи не затихали. Клюнул на них и желтый журнальчик: карикатура изображала кучку лохматых оборванцев, которые, озираясь по сторонам, роют яму на берегу моря. Многозначительная и убийственная, по мнению автора-сатирика, подпись гласила: «Кому копаешь яму?»

Необходимо было торопить комитет с решением и выбираться из Баку.

Дни тянулись однообразно. С подпольным руководством сносился один Ульянцев. Тимофей Иванович не терпел предварительных гаданий и потому в редких случаях, когда мы вчетвером сходились в Молоканском саду, обрывал Дудина и Лукьяненко на полуслове:

— Даром проедать советские деньги не станем. Здесь мы не жильцы — это ясно.

Действительно, вскоре стало известно, что в Баку мы последние дни: меня переправляют к Гикало в Дагестан, а Ульянцев морем выезжает в Ленкорань. Перед отъездом, если это удастся, следует повидаться с Микояном. Ульянцеву было известно, что Микояна в Баиловской тюрьме нет, что он на свободе и остается в городе на подпольной квартире. В воспоминаниях А. И. Микояна эта встреча не описана, но в моем личном архиве сохранился документ, который подтверждает, что А. И. Микоян имел личный контакт с группой Ульянцева в мае 1919 года.

СПРАВКА

Дана тов. Топунову Александру Григорьевичу (псевдоним — Козловский) в том, что он в мае 1919 г. нелегально прибыл в Баку в распоряжение подпольной Закавказской организации большевиков и работал в то время, когда Советская власть была разгромлена и у власти были ставленники англичан—мусаватисты. Фактически же английские войска были хозяевами положения в Баку.

Наркомснаб Микоян.

30.3.31 г.

В последний день нашего пребывания в Баку неожиданно все переменилось: Лукьяненко и Дудин остаются

в городе, Ульянцев и я вместе едем в Ленкорань. Семья доктора ничего не подозревала. Утром наш связной, мальчик Георг, принес узел со старой, астраханской, одеждой. Его приход не остался незамеченным. Чистильщик не преминул предупредить «господина управляющего», что в парадном вертелся мальчишка, которого он припоминает, а это уже плохо: смотришь, и наводчиком обернется, не случилось бы какой шкоды.

К вечеру стали собираться. От доктора можно было уйти только в чистой одежде. Докторша даже и не осведомилась, почему это гости отправились прогуляться с саквояжами.

Место полицейского-чистильщика пустовало. Дневная его работа закончилась, а до ночной оставалось еще несколько часов.

Через несколько домов, во дворе на отшибе, заранее присмотрели круглое каменное строение. В сумерках в него вошли два почтенных господина с саквояжами. Георг проскользнул следом.

Час спустя мы с Ульянцевым, оставив саквояжи на попечение мальчика, подходили к причалу.

Нас ждали. Неподалеку от стоянки военных судов притерлась небольшая рыбацкая лодка. На палубе возились бородатый старик и неприметная рябая девушка.

В сумерках отчалили. Ночь пути — и открылись берега Ленкоранской Советской республики.

А. С. КОРОЛЕВ

ДЕРБЕНТСКИЙ ФРОНТ

Я был направлен в Дагестан, когда восстание против режима Деникина охватило весь этот край. Мы, группа красных военных специалистов и политических работников, оказались в тылу белых, в Баку 1919 года, и оттуда были посланы Кавказским краевым комитетом на помощь дагестанским большевикам. Попали мы в Закавказье самыми различными путями, что само по себе представляет большой интерес.

Если говорить о моей работе в Дагестане, то нужно вернуться к началу 1918 года, в Ростов кануна немецкой оккупации и к чрезвычайному комиссару Юга России Серго Орджоникидзе.

Я, в то время казачий сотник, только прибыл с фронта и находился в Ростове, в самой гуще завязавшейся на юго-востоке России гражданской войны. На фронте я воевал в 4-й Донской дивизии, в сотне есаула Чернецова. Того самого Чернецова, который известен не только историкам, изучающим революцию на Дону, но и широкому кругу читателей «Тихого Дона» М. А. Шолохова. В этой дивизии я дослужился до звания сотника. Был награжден орденами Анны IV степени, Станислава с мечами и бантами. После февраля избирался в полковой, а потом в дивизионный комитет. Как видите, мечи и банты не помешали мне, простому казаку, разобраться в событиях и встать на сторону революции.

Когда белые подошли к Ростову, Серго Орджоникидзе созвал расширенное совещание Донисполкома и Чрезвычайного штаба. По указанию Орджоникидзе были подобраны группы добровольцев по 2—3 человека для отправки на Терек, Черноморское побережье и в

Дагестан. Я дал согласие выехать в Баку, а оттуда в Дагестан. Кроме меня туда должен был ехать коммунист товарищ Соколовский. Я тогда еще не был членом партии, считался сочувствующим. Никаких явок, фамилий нам не дали, а сказали, что мы сами должны связаться с местными партийными организациями и работать по их указанию.

С Соколовским мы договорились пробираться в Закавказье по отдельности и встретиться в Баку, но вскоре я заболел и в Азербайджан попал только в конце декабря 1918 года. Там уже несколько месяцев власть была в руках мусаватистов. Поселился я в гостинице и, к своему великому удивлению, обнаружил, что никто моей персоной не интересуется.

Через две-три недели удалось установить связь с Тахо-Годи, Гавриленко, Казанфаровым и еще некоторыми дагестанскими товарищами. Дагестанцы приняли меня в свою группу, но попросили нигде без их указания не выступать и не обсуждать политики азербайджанского правительства даже в частных беседах. Такая тактика в то время была наиболее правильной, так как азербайджанские мусаватисты и грузинские меньшевики, опасаясь деникинского вторжения в пределы Азербайджана и Грузии, готовы были снабжать оружием, людьми и деньгами дагестанских повстанцев. Кавказский краевой и Дагестанский областной комитеты партии заняли очень правильную позицию, которая в дальнейшем принесла успех.

Через несколько месяцев мне было предложено выехать в Тифлис, связаться с Соколовским, который работал там, и усилить подготовку и переброску боевых отрядов для Дагестана через Баку. Эти отряды в основном формировались из красноармейцев нашей 11-й армии. Отступая в тяжелейших условиях с Терека, они попали на территорию Грузии и были интернированы.

Получив крупные денежные суммы под отчет, я выехал в Тифлис. Соколовского удалось довольно быстро найти в одной из гостиниц. В то время в Тифлисе и Батуми осело много бывших работников Северного Кавказа, Украины и Крыма. В этих условиях нам легко удалось сколотить инициативную группу для выполнения полученного задания. На разъезды по Грузии и на отправку бойцов в Баку средств было достаточно.

В течение четырех месяцев мы организовали и отправили в Баку несколько групп общей численностью двести с лишним человек: в основном русские, но были и грузины, армяне, абхазцы...

В сентябре в Тифлис приехал член Дагестанского подпольного обкома РКП(б) товарищ Габиев. От него наша группа узнала обстановку, сложившуюся в Дагестане.

Как известно, восстание в Дагестане против режима Деникина началось в середине 1919 года. И тогда же стали прибывать наши добровольцы из числа бывших красноармейцев-северокавказцев.

Самым важным считался дербентский фронт. Особенно ожесточенные бои шли под Дербентом в августе 1919 года. Повстанцы около трех недель удерживали верхнюю, мусульманскую, часть города.

По рассказам товарища Габиева, вскоре после прибытия первой партии красноармейцев была создана нелегальная ячейка РКП(б). Необходимость подпольной работы диктовалась тем, что турецкое командование повстанцев — Нури-паша и Кязым-бей — угрожало виселицей каждому, заподозренному в большевистской пропаганде.

Следует подчеркнуть, что до появления наших добровольцев в Дагестане все штабные должности были в руках турецких офицеров, прибывших через Азербайджан, а строевые командиры подбирались из грузин. Только в дальнейшем наши товарищи, первые краскомы Дагестана, стали постепенно брать власть в свои руки.

Узнав, что я бывший офицер, провоевавший три года на германском фронте, товарищ Габиев предложил мне срочно выехать в Баку. Соколовский должен был ехать вместе со мной. Работа в Грузии была поручена другим товарищам.

В Баку мы встретились с представителем Совета обороны Дагестана товарищем Тахо-Годи и другими большевиками-дагестанцами. Нас информировали о неудачах под Дербентом, о зверствах диктатора Дагестана Кязым-бея, который «для порядка» вешал ни в чем не повинных горцев. Наконец нам сообщили, что под Дербентом сменилось командование и теперь во главе фронта стоит турецкий офицер Руфат-бей.

Мне было предложено выехать в распоряжение партийного комитета дербентского фронта. Напутствуя в дорогу, Тахо-Годи говорил, что надо спешить с созданием боеспособного партизанского отряда. Заново организованные части должны быть готовы к борьбе с Деникиным и — в случае необходимости — к отпору реакционному турецкому командованию.

Получив документы на имя полковника Королева, подписанные Тахо-Годи и Виктором Нанейшвили, я выехал в селение Куллары, где находился штаб дербентского фронта. Товарищ Соколовский отправился в селение Леваши, центр революционной работы в Дагестане. Больше я его не встречал. Знаю только, что он погиб при выполнении задания Дагобкома.

Прибыв в Куллары в распоряжение корнета Турбина (А. З. Дьяков), я узнал от него в подробностях обстановку на дербентском и остальных фронтах Дагестана.

Главной особенностью положения являлось то, что идейным руководителем повстанческого движения был Дагестанский комитет РКП(б) в Левашах. На практике идеи комитета РКП(б) осуществлялись через национальный Совет обороны. Членом этого Совета был один из популярных в Дагестане религиозных вождей Али-Гаджи Акушинский. Вместе с ним там заседали несколько других крупных мулл.

Не имея своего вооружения, а также военных специалистов, Совет обороны обратился за помощью к Азербайджану. Азербайджанское правительство, опасаясь нашествия Деникина, который не признавал суверенитета Закавказских республик, направило для руководства повстанцами турецкого генерала Нури-пашу, а также необходимое вооружение.

Грузинские меньшевики, подобно азербайджанским мусаватистам, тоже были заинтересованы в успехе дагестанского восстания. По этой причине они не препятствовали посылке через Баку в Дагестан интернированных красноармейцев. Более того, в Тифлисе генерал Кереселидзе формировал отряды для Дагестана, в которые входили и русские, и грузины.

С первых же дней появления наших товарищей под Дербентом стал вопрос о борьбе за руководство фронтом. В Куллярах сформировали 1-й Дербентский полк, состоящий из русских и грузин. На первых порах он

состоял из двух рот пехоты, двух пулеметных команд и одного дивизиона артиллерии.

17 декабря собралась инициативная группа коммунистов. В нее входили Турбин (А. З. Дьяков), Пашаев (член Дагестанского областного комитета), Тымчук, Хвалис, Минин, Плотников, Лексин и, насколько я помню, Антонов.

Организуется бюро в составе Турбина (председатель), Сидорова, Селимхана Сулейманова, Тымчука, Станцо (начальник связи фронта), Хвалиса, Абдурахмана Абубакирова.

К январю 1920 года во всех полках были организованы ячейки РКП(б). Председатель бюро Турбин вошел в доверие к Руфат-бею, и тот назначил его сначала своим личным адъютантом, а затем начальником штаба.

По решению бюро Турбин добился повышения в чинах наших краскомов, а также поставил на офицерские должности наиболее способных красноармейцев. Таким путем произошла замена строевых офицеров грузин нашими проверенными товарищами.

26 января 1920 года было созвано собрание красных офицеров дербентского фронта. Собрание приняло резолюцию —все силы и знания, всю энергию направить на то, чтобы быть достойными членами коммунистической семьи Советской России.

В эти дни поступило распоряжение от члена Дагобкома Б. П. Шеболдаева действовать более решительно. Следовало перерезать железную дорогу Дербент—Баку и тем самым закрыть Деникину ворота в Закавказье. Пути в Закавказье на Тереке были перекрыты партизанами других районов. В направлении Темир-Хан-Шуры оперировал сильный отряд под командованием товарища Гавриленко.

В первых числах января почти сформированный 1-й Дербентский полк втянулся в бои. Сначала полк захватил селение Аглоби в пяти верстах от Куллар по направлению к Дербенту. По ночам дербентцы вели глубокую разведку. Днем неприятель под прикрытием бронепоезда выдвигался по направлению Рубасского моста, а ночью уходил в Дербент. 10 января Дербентский полк развернулся и принял бой с двумя батальонами деникинцев. Дрались с врагом почти четыре часа. В результате белые отступили, появились пленные

солдаты и офицеры. Вскоре деникинцы, узнав, что среди повстанцев очень много русских, стали переходить на нашу сторону.

После боя в Аглоби проездом из Баку в Леваши побывал в расположении полка товарищ Коркмасов. Он устроил смотр нашим и национальным частям, показал Знамя, врученное ВЦИК повстанцам Дагестана.

В целом же это наступление на Дербент оказалось еще недостаточно подготовленным. Вновь наступил период затишья и организации нового штурма.

Тем временем позиции большевиков в частях окрепли. В этой связи характерен инцидент с командиром полка подполковником Лордкипанидзе.

Когда подполковник Лордкипанидзе прислал своего вестового за приглянувшимся ему трофейным седлом, секретарь фронтового бюро Тымчук приказал это седло не выдавать. Лордкипанидзе взбесился и разразился бранью по адресу своего подчиненного. Присутствовавшие при этом начальник пулеметной команды Гринь (Штур) и матрос-черноморец Скрипников, оба члены РКП(б), собрали секретарей всех партийных ячеек. Собрание постановило предложить господину Лордкипанидзе извиниться перед секретарем фронтового бюро или подать в отставку.

Лордкипанидзе извиниться перед мужиком отказался, подал в отставку и на следующий же день уехал в Азербайджан...

Фронтовое бюро РКП(б) постановило назначить командиром полка меня. Мое представление оформил начальник штаба Турбин (А. З. Дьяков), а командующий фронтом Руфат-бей его утвердил. С этого момента я стал постепенно выкуривать из Дербентского полка всех офицеров, настроенных антисоветски, оставив только несколько человек, сочувствующих нам. На место уволенных назначались проверенные краскомы.

Ко времени этих событий 1-й Дербентский полк имел уже в своем составе шесть рот. Он полностью большевизировался, стал твердой опорой фронта и бюро РКП(б).

29 января состоялось заседание бюро, на котором Турбин доложил о своей поездке в Кавказский краевой

комитет РКП(б). По мнению комитета, препятствий к объявлению Советской власти в Дагестане, если не считать возможных осложнений с турками, не было. Но и по этому вопросу существовала договоренность Совета обороны с Нури-пашой. Работой большевиков на нашем фронте, как сообщил товарищ Турбин, комитет удовлетворен. Нам в помощь было прислано несколько товарищей; среди них, насколько я помню, были Федоров, Гнездилин и другие.

1 февраля 1-й Дербентский полк снова спустился с гор и занял позиции в садах на окраине Дербента. Мы готовили крупное наступление, но положение складывалось сложное. Нури-паша, боясь дальнейшего усиления нашего влияния, пытался разложить полк. Жалованье личному составу не выдавалось. Продовольствие не поступало. Красноармейцы приносили с промыслов сельдь, запекали ее в бумаге на жару и ели — только так спасались от голода. Обуви не было, ноги обматывали сетями. Правда, в достаточном количестве имелись кожаные куртки и брюки, которыми снабдили полк бакинские рабочие...

11 февраля на фронтовую конференцию приехал от Дагобкома товарищ Султанов.

Он сделал анализ повстанческого движения в Дагестане, напомнил, что, когда началось восстание, оно носило чисто национальный характер. Постепенно партия сумела стать у руководства восстанием. Вначале классового расслоения не было и приходилось работать вместе с националистами. Теперь другое дело. Мелкобуржуазные силы сконцентрировались вокруг Кязымбея. Открытые контрреволюционеры видят своего лидера в Нури-паше, который ведет переговоры с Деникиным и Нажмудином Гоцинским. Совет обороны предъявил Нури-паше ультиматум. Тот ответил, что не подчинится никому.

Давая оценку фронтов, товарищ Султанов подчеркнул, что Совет обороны возлагает большие надежды на темир-хан-шуринский фронт. Там сражается 1-й Советский полк и русская рота, сформированная из перебежчиков. Комсостав надежен, состоит из наших товарищей. Что касается дербентского фронта, то он был и остается главной опорой Дагобкома и Совета обороны.

Наши товарищи попросили докладчика разъяснить, подчиняется ли турецкое командование Совету обороны и кто входит в этот Совет.

Султанов рассказал, что Нури-паша подписал условия работы с нашей партией. Но мы знаем подлинную цену его обещаниям и постараемся при первой возможности от турецкого командования избавиться. В Совет обороны входили четверо беспартийных, остальные большевики.

12 марта на заседании бюро обсуждался вопрос о немедленном захвате власти на нашем фронте. Я на нем не был, оставался в полку. В это время из Левашей прискакал связной от товарища Шеболдаева. Борис Петрович сообщал, что конфликт с Нури-пашой ликвидирован. Кязым-бей бежал. Совет обороны планирует наступление на Темир-Хан-Шуру и Петровск. Гикало спустился с гор и борется за Грозный. Красная Армия подходит к Минеральным Водам.

Товарищ Шеболдаев советовал начать, если для этого есть возможность, наступление на Дербент. Этим дербентский фронт оказал бы огромную помощь Совету обороны, оттянув силы белых от Темир-Хан-Шуры и Петровска. С Нури-пашой рекомендовалось в конфликт не вступать, но распоряжений его не выполнять.

Получив такие радостные известия от Дагестанского областного комитета, мы решили немедленно взять командование в свои руки и начать наступление на Дербент. Я, получив приказ фронтового бюро, привел две роты Дербентского полка к штабу. Лезгинская охрана была нами распропагандирована заблаговременно, таким образом без выстрела удалось обезоружить и арестовать весь штаб во главе с командующим фронтом.

Фронтовой комитет назначил новое командование фронта: начальник штаба — Турбин, начальник оперотдела — Королев, начальник политической части — Тымчук, командующий левым флангом — Нацвилашвили, командующий правым флангом — Жуковский, начальник снабжения — Тара-Кули Юзбеков.

На другой день арестованные турецкие офицеры были отправлены в политический отдел. Самым жалким из них выглядел бывший командующий.

Политический комиссар фронта Сафар Дударов и начальник политической части Тымчук поступили с ними весьма гуманно. Они приказали отправить турок к азербайджанской границе.

В течение двух недель мы энергично готовились к наступлению. Нам удалось разыскать оружие, спрятанное турками в селении Касум-Кент и некоторых горных аулах. Все части были хорошо вооружены винтовками, револьверами, гранатами.

Провели некоторую реорганизацию: по предложению Сафара Дударова фронтовой комитет решил сформировать Дербентский повстанческий отряд в составе 1-го Дербентского полка, отдельной пулеметной роты и двух конных партизанских отрядов. Командующим этим соединением назначили меня. Заместителем был утвержден подполковник Нацвилашвили. Вновь назначенный главком дербентского фронта Алла-Верды Акимов осуществлял общее руководство и имел в непосредственном подчинении все остальные конные отряды. Командиром 1-го Дербентского полка был назначен коммунист Жуковский, недавно прибывший из Баку.

К 20 марта войска фронта были приведены в полную боевую готовность.

Начало наступления было намечено на 25 марта.

Согласно разработанному плану прорвать фронт белых в направлении городского вокзала должны были три роты и два пулеметных взвода на правом фланге. На левом фланге мы расположили одну роту и две пушки. В резерве оставили роту и взвод пулеметчиков. Конники, входившие в мой Дербентский отряд, сосредоточились у садов и прикрыли левый фланг. За ними на склонах гор стояли лезгинские конные отряды.

Фронтовой комитет поручил мне находиться на правом фланге и помимо командования всеми частями отряда самому лично руководить боем и обеспечить прорыв позиций белых.

Как я уже говорил, мы решили нанести главный удар на правом фланге, надеясь кратчайшим путем пробиться к дербентскому вокзалу. Маневр с левого фланга не давал выигрыша, так как в этом случае красноармейцы должны были атаковать на открытой местности, вдалеке от центра города. Я приказал командующему левым флангом Нацвилашвили крепко

держаться на исходных рубежах и наступать только после того, как мы ворвемся в окопы белых. Такая последовательность в ведении боя должна была вызвать растерянность у белых, распылить их силы, а значит, и ослабить сопротивление по всему фронту.

Батарее было приказано не вести артподготовку, а подавить пулеметы противника, расположенные в окопах и старой каменной крепости, во время атаки.

Мы щадили мирных жителей и город, и артиллеристам было приказано не стрелять ни при каких обстоятельствах по жилым кварталам.

24 марта ночью, обходя наши позиции и проверяя готовность частей к атаке, я не нашел на НП командира 1-го Дербентского полка Жуковского, и никто не мог сказать, где он находится. Только через час мне доложили, что он лежит в штабе с тяжелым сердечным приступом.

До наступления оставались считанные часы. Назначать другого командира было некогда. Тогда я решил взять на себя непосредственное командование 1-м Дербентским полком.

В три часа ночи на мой НП пришли политкомиссар фронта Дударов и доктор Урусов. Через несколько минут прибыли связные от каждого отряда и начальник связи фронта Станцо. Начштаба Турбин и некоторые члены комитета находились в штабе фронта при главкоме Алла-Верды Акимове. Туда же мы с Дударовым направили доктора Урусова. Это было необходимо, так как главком русского языка не знал, а наш партийный товарищ доктор Урусов превосходно владел лезгинским, азербайджанским и русским.

Непосредственно перед началом боя мы с политкомиссаром Дударовым еще раз обошли части.

25 марта перед рассветом по условному сигналу три наши роты при поддержке двух пулеметных взводов внезапно для врага преодолели его проволочные заграждения и ворвались в окопы деникинцев. Белые не выдержали и отступили в город. Правофланговая рота стремительной атакой захватила вокзал. Наши пушки открыли огонь по уцелевшим огневым точкам. Вперед двинулись левофланговые подразделения. Завязались жаркие уличные бои. Остатки белых частей бросились

к вокзалу, надеясь отбить его у нас, погрузиться в вагоны и уйти в Петровск.

Я направил резервную роту на помощь защитникам вокзала, и он остался в наших руках.

Бой переместился в центр Дербента. Белые упорно обороняли каждую улицу, каждый дом, но с северо-запада в город уже ворвались наши конники. Через два часа Дербент был полностью очищен от врага.

У нас не было возможности блокировать все пути отхода белых, и часть деникинцев прорвалась и поспешно отступила в сторону Петровска и Махачкалы. Наши конные отряды преследовали разбитого противника.

В начале апреля передовой конный отряд нашего фронта встретился под Петровском с авангардом Кавказского экспедиционного корпуса А. С. Смирнова. В середине апреля в Дербент прибыл поезд Реввоенсовета 11-й армии.

«Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя, Терской и Дагестанской областей стало свершившимся фактом, — писал 2 апреля 1920 года В. И. Ленину член Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе. — Осетины, ингуши, кабардинцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности Советской власти и безграничным доверием к ней» [1].

---

[1] Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 1. М., 1956, с. 111.

П. А. ДРУГАНОВ

РЕЙД ГРУППЫ БРОНЕПОЕЗДОВ

В одном из залов бакинского музея можно увидеть серебряную доску, украшенную драгоценными камнями. На ней имя, отчество, фамилия и памятная надпись: «За проявленную беспредельную храбрость во имя торжества социализма и взятия города Баку 27 апреля 1920 года». Ниже выгравированы подписи первых азербайджанских наркомов.

Эта награда, или, как было принято говорить тогда, ценный подарок, была вручена 13 июня 1920 года на первом торжественном заседании Бакинского Совета рабочих, красноармейских и матросских депутатов командиру группы бронепоездов Михаилу Григорьевичу Ефремову, впоследствии талантливому военачальнику Красной Армии, комиссару группы И. Г. Дудину и автору этих воспоминаний.

Вместе с Михаилом Григорьевичем Ефремовым мне пришлось воевать с середины лета 1919 года. Я был назначен помощником политического комиссара 13-го Астраханского полка, которым он командовал. В те дни Красная Армия вела тяжелые бои на деникинском фронте. Только что пал выдержавший не одну осаду Царицын. Армии Деникина устремились к столице республики. После утраты Царицына Астрахань осталась единственным форпостом, выдвинутым далеко вперед на юг страны. Белые окружили город. С юго-запада, со стороны Кизляра, угрожали терские белоказаки.

Удачный для Деникина ход летней кампании позволял белым нанести удар по Астрахани от Царицына и из калмыцких степей. Восточнее города, у Ганюшкина и Логани, укрепились астраханские казаки, а севернее

действовал генерал Толстов. Таким образом, два белых фронта смыкались. Со стороны Каспийского моря Астрахани угрожали из Баку и Персии англичане. Астрахань с Советской Россией связывала только железная дорога, идущая через Саратов. Перережь белые эту последнюю жизненную артерию, и красная Астрахань оказалась бы полностью окруженной.

М. Г. Ефремов был назначен начальником обороны железных дорог 11-й армии. Обстановка в районе действий его частей сложилась особая: протяженность железных дорог большая, непосредственного соприкосновения с рейдовыми отрядами противника нет, а внезапно наскочить и оседлать линию они могли в любой момент. Характер боевых действий требовал применения подвижных средств. Кавалерии и броневиков, приданных ефремовским частям, не хватало. Вот тогда-то и появились кустарные бронелетучки, а затем и первые бронепоезда 11-й армии под общим командованием М. Г. Ефремова.

В первой половине октября войска Южного фронта перешли в контрнаступление. Деникинские армии, рассеченные надвое, покатились к морю.

Успешно действовали и части 11-й армии. Ликвидировав контрреволюционные войска астраханского казачества в районе устья Волги, они теперь были нацелены во фланг белым и наступали в ставропольском направлении. К двум нашим бронепоездам прибавились трофейные. Что греха таить, в сравнении с нашими захваченные «беляки» выглядели могучими машинами. Изменился и характер действий группы бронепоездов. Они стали совершать дерзкие рейды в расположение врага. К середине апреля 1920 года, очистив Ставрополье и Терек, 11-я армия подошла к северным границам Азербайджана.

С начала апреля штаб группы бронепоездов М. Г. Ефремова находился в Дербенте, небольшом дагестанском городке на берегу Каспийского моря. Граница с Азербайджаном проходила рядом, по реке Самур.

Знать политическую обстановку в Азербайджане во всех подробностях мы не могли. В планы высшего командования мы, конечно, тоже посвящены не были. Однако каждый красноармеец и командир на бронепоездах не сомневался в том, что мусаватисты в Баку

долго не усидят. Бойцы рвались в бой и замучили командиров вопросом, когда будет приказ о наступлении. Особенно нелегко было комиссару группы Ивану Дудину. Он служил на Каспии еще до революции, был знаком с Шаумяном и Джапаридзе, в девятнадцатом году работал в бакинском подполье. Его одолевали вопросами о пути на Баку, о том, успеет ли армия спасти нефтяные промыслы, о боеспособности мусаватистских солдат. Одним словом, все ждали приказа и не могли сдержать нетерпения.

26 апреля 1920 года был получен приказ № 52 по 11-й армии Кавказского фронта за подписью М. К. Левандовского.

Командарм приказал: «Объединить командование бронепоездами. 27 апреля перейти в наступление, самым решительным и смелым налетом ворваться в Бакинский район, парализовать таким образом попытки азербайджанского правительства к сопротивлению, уничтожению нефтяных запасов и промыслов. По овладении станцией Баку выйти к портам для борьбы с морской артиллерией. В качестве десанта использовать две роты 299-го стрелкового полка 28 дивизии» [1].

И вот наша группа из четырех бронепоездов, усиленная десантным отрядом, двинулась к станции Белиджи. До пограничного Самурского моста оставалось шесть километров.

Наступление на Баку предстояло очень трудное. Местность вокруг сильно пересеченная, на многие десятки километров безводная. Столица Азербайджана снабжалась водопроводом Худат—Баку, идущим параллельно линии железной дороги. Его протяженность составляла около двухсот километров. Других источников пресной воды не было.

Для рейда были отобраны четыре лучших бронепоезда — «III Интернационал», «Красная Астрахань», «Тимофей Ульянцев» и «Красный дагестанец» под командованием М. Г. Ефремова, который назначался начальником головного боевого участка железных дорог 11-й армии. Военным комиссаром группы был утвержден И. Г. Дудин, заместителем комиссара — автор воспоминаний.

---

[1] ЦГАСА, ф. 195, оп. 4, д. 215, л. 14—15.

Командарм Левандовский утвердил состав группы. Он приказал Ефремову нанести удар 27 апреля в любое время по его усмотрению, но до начала общего наступления всей армии. Вся ночь на 26 апреля прошла в напряженной работе. Начальник группы и военкомы проверяли готовность бронепоездов и команд.

О приказе командующего армией знали только Ефремов, военком Дудин и я. Всем уже было ясно, что мы готовимся к наступлению, но никто, включая начальника штаба и командиров бронепоездов, не имел представления о реальных сроках. Большинство считало, что это вопрос одной-двух недель. О том, что до наступления оставались часы, никому не приходило в голову.

Наступило утро 26 апреля. Бронепоезда двинулись к границе Азербайджана.

У станции Белиджи (5—6 километров от границы) местность лесистая. Деревья подступают вплотную к линии, почти касаясь обшивки вагонов. Остановили бронепоезда за лесом. Выслали разведку. Надо сказать, что аскеры и жандармы, охранявшие границу по Самуру, службу несли плохо. Они азартно торговали водкой, коньяком, папиросами, а в наших красноармейцах видели не солдат чужой армии, а желанных покупателей, особенно если предлагались николаевские кредитки.

Вернувшись, разведчики доложили, что граница проходит по середине Самурского моста и обозначена толстой проволокой, протянутой с одной стороны перил на другую. У проволоки стоят часовые — по два красноармейца и аскера. Около моста, примерно в ста шагах от берега Самура, расположена застава. С нашей стороны при подходе к самому мосту сняты два звена рельсов.

Обстановка на первых порах складывалась благоприятная. Однако М. Г. Ефремов хотел все увидеть собственными глазами. Такое решение подсказывал ему опыт гражданской войны. Посоветовались с руководящими партийными работниками — от Дербента с нами находились А. И. Микоян, Г. М. Мусабеков, Г. Д. Джабиев. Анастас Иванович Микоян вызвался идти на ту сторону Самура. Он превосходно знал местную обстановку и тюркский язык.

В разведку решили отправиться всемером: Ефремов, Дудин, я, Микоян, Мусабеков, командир «III Интернационала» Курдюпов и адъютант начальника группы Ефимов. Бронепоезда остановились за поворотом в трех-четырех километрах от моста, откуда их пограничники-мусаватисты видеть не могли.

Вот как описывает сам Михаил Григорьевич командирскую разведку у Самурского моста: «Нам удалось получить разрешение старшего жандармского офицера пройти к ним на территорию и купить там кое-что. Наше обмундирование не отличалось от красноармейского, что облегчало нам доступ на территорию противника.

Продукты продавались около караульных помещений, бараков на царские деньги. Во время покупки разговорились. А. И. Микоян и другие, владея тюркским языком и зная мусульманский быт, легко выполнили свою роль. Во время беседы с жандармами мы увидели телефонные аппараты, которыми граница была связана с главными силами пограничников на станции Ялама, верстах в девяти от Самурского моста.

Спустя некоторое время со станции Ялама прибыл новый караул для занятия предмостного укрепления. Нам нужно было связаться и с этим караулом. При помощи покупок и расплаты за них новенькими царскими деньгами нам удалось приобрести доверие нового караула и его начальника. У прибывшего караула оказалась гармоника. Устроили совместные с заступающим и сменяющимся караулами пляски. Получив ряд богатейших сведений о Баку и жизни азербайджанской армии, мы, распростившись с жандармами, отправились на свою территорию.

Вскоре я отобрал семь самых боевых и лучших связистов своего отряда, приказал точно разведать все провода, идущие от границы на станцию Ялама, и ровно в 24 часа 26 апреля привести их во что бы то ни стало в негодность» [1].

Рассказывая об этой разведке, я припоминаю такую комическую деталь. Аскеры и жандармы приглашали танцевать всех, пришедших с советского берега. Но оказалось, что танцевать умел один Ефремов. Михаил

[1] Москвичи на фронтах гражданской войны. М., 1960, с. 234.

Григорьевич был, что называется, военная косточка: с завидной выправкой, могучего и статного сложения, необыкновенно сильный и ловкий. Эти его командирские качества импонировали бойцам и превосходно помогали в бою. В тогдашних условиях боевой командир бронепоезда не отсиживался в рубке, а вдохновлял бойцов личным примером и у орудия, и за пулеметом.

И вот во время танцев мы, нетанцующие, заинтересованно наблюдали, как Ефремов лихо влетел в круг и, соблюдая такт, пошел под незнакомую восточную мелодию. Его ноги в сапогах выше колен двигались, не нарушая общего ритма. Только сами движения как-то не вязались с пляской аскеров. Я пригляделся и понял, что скорый на выдумку Ефремов приспособил для своего интернационального танца польку.

Мы еще оставались на азербайджанском берегу, когда к мосту подошел мусаватистский бронепоезд.

Танцы тотчас были прекращены. Мы все вместе с аскерами и жандармами отошли от помещений заставы, поднялись на железнодорожную насыпь и стали ждать. Было известно, что в азербайджанской армии несколько бронепоездов. Это был бронепоезд № 1 — очевидно, наиболее оснащенный. Бронепоезд медленно приблизился и остановился в 150—200 шагах от моста. Открылись бронированные двери, и на насыпь спустился начальник железнодорожной охранки Ханбаба. За ним вышел командир бронепоезда штабс-капитан царской службы князь Лордкипанидзе. Его сопровождали два офицера.

Начальник штаба нашей группы имел сведения о кадрах мусаватистской армии. Такая заметная единица, как бронепоезд № 1, была в его поле зрения. Разглядывая свиту князя Лордкипанидзе, я по описанию старался узнать его подчиненных. Вот соскочил на насыпь третий офицер. Это, если верить описанию, Аскеров. Он осуществляет наблюдение за грузинской верхушкой бронепоезда. В непосредственной близости от князя шли тонкий, с наглым взглядом и юношеским лицом, подпоручик и миниатюрный, с движениями танцора прапорщик. Еще в Дагестане нам рассказывали, что такие фанатики и удерживают грузинских добровольцев в Азербайджане. Распаленные бредовыми

мечтами о великой Грузии, они видели свой долг в борьбе за ее самые дальние границы.

Все офицеры бронепоезда были в форме старой русской армии.

Начальник охранки Ханбаба, приняв рапорт пограничного офицера, не проявил никакого беспокойства по поводу нашего присутствия. Они отошли в сторону и принялись беседовать на неслужебные темы, если судить по выражению их лиц.

Капитан Лордкипанидзе завязал разговор с Ефремовым. Было известно, что в Москву выехала мусаватистская делегация, и командир бронепоезда, вероятно, считал, что следует создавать видимость добрососедских отношений. Капитан несколько раз повторил, что красноармейцы свободно ходят мимо заставы в деревню, там они покупают какие угодно продукты, и не было еще случая, чтобы их задержали или даже проверили. Ефремов улыбался, кивал, но чувствовалось, что такие порядки даже в чужой армии его коробили.

Между тем князь Лордкипанидзе решил расширить и углубить свою миссию. Он заявил, что по чтимому им обычаю преподносит красному офицеру бутылку коньяку в знак их знакомства. В Ефремове нетрудно было узнать командира. Об этом же свидетельствовало и его оружие. Михаил Григорьевич принял превосходный, дореволюционной выдержки коньяк и, не имея возможности отдариться, в шутку заверил князя, что на той стороне Самура его ожидает самая дружественная встреча. Последовала совершенно неожиданная реакция. Командир бронепоезда побагровел и принялся с жаром выкрикивать:

— Я князь, я капитан, я никогда не буду служить у большевиков!

Видимо, он решил, что его вербуют как военспеца.

Я вспоминаю все эти мелкие подробности, чтобы восстановить специфическую обстановку на границе с Азербайджаном. Без них будет непонятен характер действий мусаватистской армии. Успех рейда бронепоездов тоже во многом зависел от учета совокупности местных условий.

Вспоминаю, как остроумно, с дерзостью подпольщика А. И. Микоян превратил одного из офицеров бронепоезда в надежного связника с отрезанным от нас Баку.

В доверительной беседе он поделился с прапорщиком Аскеровым своими трудностями: должен выехать в Баку, но задерживается из-за оформления визы советскими властями.

К этому времени было известно, что на совещании Бакинского бюро Кавказского краевого комитета партии было решено 27 апреля в 12 часов дня предъявить мусаватистскому правительству ультиматум о сдаче власти и начать вооруженное восстание. 24 апреля вся партийная организация Бакинского района была объявлена на военном положении и приведена в полную боевую готовность. Руководство вооруженным восстанием было поручено боевому штабу. Все члены партии объявлялись мобилизованными и обязывались беспрекословно выполнять распоряжения боевого штаба. Создавались специальные организации по охране нефтяных промыслов. Был сформирован отряд для захвата военного порта. Нарушение партийной конспирации считалось дезертирством и предательством дела революции и каралось как военная измена.

Части мусаватистской армии выходили из подчинения, а некоторые готовы были перейти на сторону большевиков.

В телеграмме Ленину мусаватистское правительство заявило, что, если части Красной Армии перейдут границу Азербайджана, будет отдан приказ поджечь нефтяные промыслы Баку.

Крайне важно было в этой обстановке дополнительно известить бакинцев о начале движения бронепоездов. С этой целью Анастас Иванович Микоян попросил прапорщика Аскерова отправить телеграмму «родственникам», которых очень беспокоит его отсутствие. Офицер любезно согласился, уточнив, что бронепоезд отправится через несколько минут и поэтому он сможет отослать телеграмму со станции Ялама не позднее чем через час. В довершение всего он отказался взять деньги на расходы и обещал распорядиться, чтобы телеграмма была доставлена по адресу.

Если мне не изменяет память, наша встреча с офицерами бронепоезда закончилась часов в пять. Таким образом, телеграмма условного содержания была получена в Баку за несколько часов до полуночи в канун объявления ревкомом ультиматума.

В ночь на 27 апреля согласно приказу командарма 11 начиналась Бакинская операция.

По данным штаба, мусаватистская армия насчитывала 30 000 штыков и сабель. В направлении на Дербент, на границе Азербайджана с Дагестаном, находилось 3000 человек. Непосредственно на границе стоял жандармский дивизион. Основная часть мусаватистских сил, 20 000 человек, была сосредоточена против армянских дашнаков.

В районе Ялама, Худат, то есть прямо по движению наших бронепоездов, имелись укрепленные позиции с двумя рядами проволочных заграждений. Мусаватисты возвели также укрепления вдоль линии железной дороги на Баку. Некоторые участки пути и мосты были минированы. Вторая укрепленная позиция с тремя рядами проволочных заграждений проходила на подступах к самому городу.

Рейд бронепоездов, подобный бакинскому, осуществлялся впервые. В первую мировую войну, да и в гражданскую, бронепоезда предпочитали не отрываться от пехоты и конницы. Иногда они выполняли самостоятельные задачи по разведке, захвату станций, вели огневой бой. Но эти операции, как правило, проходили на небольшом удалении от своих войск.

Оказывая помощь Баку, наше командование планировало дальний рейд группы бронепоездов. Мы прорывались на двести километров в глубокий тыл противника, к основной его базе. Ремонтные поезда, железнодорожные дивизионы и головные ремонтные мастерские были подтянуты к району Белиджи и Самурскому мосту. Имелся достаточный запас рельсов, шпал и лесоматериалов для восстановления мостов и организации переправ.

...До начала боевых действий оставались считанные часы. С наступлением темноты мы с командиром «III Интернационала» во главе группы из двадцати красноармейцев скрытно подошли к мосту. Нужно было под носом вражеских пограничников восстановить путь. Еще раз помогла беспечность аскеров. На посту никого не было, хотя в помещении заставы горел свет и время от времени с той стороны доносился шум.

Красноармейцы, не теряя дорогих минут, принялись укладывать рельсы. Действовали гаечными ключами,

обернутыми в тряпки. Восстановленные звенья легли бесшумно — бойцы двигались, как тени. Курдюпов ползал по шпалам и ощупывал каждый стык, каждое соединение. Его бронепоезд шел головным, и командир хотел все проверить собственными руками.

Когда мы спускались с моста, нам навстречу прошли разведчики и связисты, выделенные начальником группы. Они должны были лишить заставу телефонной связи.

За полчаса до перехода границы «III Интернационал» скрытно подошел к Самуру и остановился на поляне, надежно закрытой раскидистыми деревьями.

Выстроились команды бронепоездов и десантная группа Немыкина. Начальник боевого участка зачитал приказ командарма. Его обращение к бойцам было коротким: боевая задача ясна из приказа, пробиться к восставшим — долг каждого красноармейца, больным и слабым после госпиталя и тифа следует остаться.

После Ефремова выступил А. И. Микоян. Его краткая речь носила политический характер. «Товарищи, наших лучших революционеров, рабочих мусаватисты пытают и расстреливают. Все тюрьмы и подвалы забиты лучшими представителями рабочего класса. Буржуазия Закавказья вместе с интервентами грабит рабочий класс — берет бесконтрольно нефть, которая сейчас так нужна рабочему классу, установившему Советскую власть в бывшей царской России. Наша задача — помочь пролетариату Закавказья, в первую очередь бакинскому, освободиться от диктатуры буржуазии и мусаватистов, взять власть и дать нефть советской промышленности. Вперед, за Советскую власть и диктатуру пролетариата!» [1]

В своем приказе М. Г. Ефремов поставил задачу каждому бронепоезду и пехотному десанту. Головным идет бронепоезд «III Интернационал». Командир — И. Н. Курдюпов. Временно исполняющий обязанности военкома — заместитель военного комиссара боевого участка железных дорог 11-й армии П. А. Друганов. На передней площадке головного бронепоезда находятся М. Г. Ефремов и А. И. Микоян. Остальные партийные работники перешли на другие бронепоезда.

---

[1] Москвичи на фронтах гражданской войны, с. 235.

Командиру «III Интернационала» приказывалось к двадцати четырем часам 26 апреля захватить Самурский мост и начать наступление на станцию Ялама, которой необходимо овладеть к часу ночи 27 апреля, а ворвавшись на станцию, сделать все, чтобы захватить телеграфные аппараты и не дать противнику сообщить о случившемся на станцию Худат. После взятия станции Ялама столь же стремительным ударом овладеть станцией Худат, где не допустить порчи водокачки, подающей воду в Баку и на Владикавказскую железную дорогу.

Далее, продолжая стремительное наступление, опрокинуть заслоны противника и на его плечах ворваться на Бакинские нефтяные промыслы, не дав врагу произвести их разрушение или поджог.

Командир группы приказал держать связь с бронепоездом «Красный дагестанец», получая от него все необходимое для боя.

Таким образом, «Красный дагестанец» под командованием Половинкина помогал выполнять главную задачу головному бронепоезду «III Интернационал». В случае надобности команда «Красного дагестанца» должна была восстанавливать путь.

Бронепоезд «Тимофей Ульянцев» (командир Терещенко) действовал во втором эшелоне. Он держал связь с авангардом и в бою помогал огнем впереди идущим. Кроме того, команде «Тимофея Ульянцева» было приказано собрать по пути трофейное оружие, доставить его на станцию Эйбат и вооружить рабочих нефтепромыслов.

Замыкающий группу бронепоезд «Красная Астрахань» (командир Богданов) на случай появления военных судов противника в прибрежной полосе был вооружен тремя дальнобойными орудиями.

Начальнику передвижного пехотного резерва Немыкину приказывалось с 200 красноармейцами следовать на бронепоезде «III Интернационал», а сто человек оставить на «Красном дагестанце». По мере надобности разрешалось использовать и этот резерв.

При занятии нефтяных промыслов и города Баку необходимо было призвать рабочих к вооруженному восстанию и организовать их в боевые дружины.

Тем же приказом заместителями М. Г. Ефремова назначались военком боевого участка Дудин, который должен был находиться на бронепоезде «Тимофей Ульянцев», и командир бронепоезда «III Интернационал» Курдюпов.

Все эти подробности необходимы, чтобы разобраться в событиях и дать правильную оценку действиям отдельных бронепоездов и всей группы в целом. Важно и действительное распределение обязанностей между командирами и заместителями М. Г. Ефремова. Со времени событий прошло много десятилетий. Первые воспоминания о бакинском рейде были написаны самим Михаилом Григорьевичем и опубликованы в 1922 году, то есть сразу же после окончания гражданской войны. Они отличаются большой достоверностью, красочностью описания, но в то же время лаконичны и лишены многих подробностей, особенно когда это касается деятельности отдельных командиров, в том числе и самого М. Г. Ефремова.

...Командиры бронепоездов только что сверили часы по ефремовским и разошлись по местам. Осталось несколько минут до полуночи. Ровно двенадцать. Стрелки показывают, что наступило 27 апреля. Одна минута, три, пять... Затем резкий свисток с головного бронепоезда — условный сигнал наступления. В лунном свете хорошо виден «III Интернационал», а за ним «Красный дагестанец». Толчок, отчетливый в ночной тишине перестук колес — и «III Интернационал», бронепоезд легкого типа, двинулся первым. Опасение, что мост заминирован, не подтвердилось. «III Интернационал» рванулся вперед, проскочил мост и оказался на другом берегу. Мы видели, как из караульного помещения выбегали аскеры и мусаватистские офицеры. Они метались в замешательстве и не сразу заняли окопы у моста.

— Что они, за пьяных нас принимают? — спросил Ефремов, с недоумением наблюдая за этой беготней.

Вслед за первой паникой начался беспорядочный огонь. Бронепоезда ответили артиллерийским и пулеметным огнем. Надежно прикрытый «III Интернационалом» и «Красным дагестанцем», высадился десант Немыкина. Сопротивление заставы было подавлено. Большая часть жандармов попала в плен. Помню озор-

ную выходку Ефремова: увидев, что путь свободен и гарнизон разбегается, он встал во весь рост на башню бронепоезда и закричал вдогонку удирающим аскерам и жандармам:

— Пришла Советская власть! Кто хочет с нами в Баку, лезь на платформы!

Бронепоезда, набирая скорость, двинулись вперед. Поручик Вальяни, захваченный в плен у Самурского моста, был доставлен на «III Интернационал». На допросе он не запирался и вразумительно рассказал, что отрезок железной дороги до станции Ялама не минирован, а только перекрыт завалом из рельсов и шпал. Желая заслужить снисхождение, поручик подробно описал систему обороны на пути к Баку, назвал примерную численность войск и указал расположение гарнизонов и наиболее важные коммуникации.

Начальник разведки к этому времени доложил, что провода перерезаны, но телефонисты могли успеть поднять тревогу на линии. Поручик Вальяни, еще раз допрошенный, подтвердил наши опасения. Он несколько раз настойчиво повторял, что станция Ялама сильно укреплена. Ее обороняют части Кубинского полка под командой офицера Бабаева. Имеется артиллерия. Там же стоят отряд жандармов и эскадрон кавалерии.

Первые перегоны оставались позади, бронепоезда двигались беспрепятственно. Километра за четыре до станции Ялама кончился густой лес и показались огни станционных построек. Иногда у насыпи возникали силуэты всадников и тут же исчезали в темноте. Вероятно, это были конные патрули, привлеченные движением бронепоездов.

Столкновение с гарнизоном Яламы началось за километр до станции. Дорога была одноколейной, что немного облегчало наблюдение. Темный предмет на путях был замечен вовремя. Это из Яламы пустили нам навстречу одиночный паровоз, и двигался он на предельной скорости. Опасность возникала большая. Надо было не только успеть остановить паровоз, но и не повредить при этом путь. Ефремов приказал командиру бронепоезда открыть огонь. Два метких попадания — и котел взорван. Горящий паровоз остановился, не дойдя до нашей контрольной площадки.

Теперь надо действовать быстро. Бронепоезд стоит, ярко освещенный горящим паровозом. Артиллерия Яламы ведет огонь по превосходно видимой мишени. Надо двигаться немедленно. Но мы можем это сделать, только буксируя перед собой паровоз. Цепляем его к контрольной площадке и спешим к запасным путям, одновременно открыв орудийный огонь. Маневр удался. Путь очищен. После двухчасового жаркого боя гарнизон станции, потеряв всю артиллерию, бежал из Яламы. Пятьсот аскеров сдались в плен. Последние очаги сопротивления подавила наша пехота. В этом бою погиб командир десанта Немыкин, ветеран 28-й дивизии. Впоследствии он был похоронен на одной из площадей Баку и посмертно награжден орденом Красного Знамени.

На пустынной станции воцаряется тишина. «III Интернационал» стоит у платформы. Растерянный начальник телеграфа просит принять от него деньги. В нас он видит новую власть. Деньги мы принимаем и взамен даем расписку на листке из полевой книжки. Заверяем самодельный документ печатью, и я расписываюсь.

Ефремов приказывает немедленно восстановить телеграфную и телефонную связь в направлении Дербента и отключить бакинское направление. По мере нашего продвижения Ялама будет подсоединять занятые станции.

В Яламе был оставлен маленький отряд, скорее, патруль в расчете на быстрый подход частей 11-й армии. Бронепоезда, не теряя времени, двинулись к разъезду Ляджет.

Во время боя за Яламу группа телефонистов обошла фланг мусаватистских войск и перерезала провода, идущие к следующему укрепленному пункту — станции Худат. Внезапность наступления на этом участке была обеспечена.

Однако случилось непредвиденное. На середине пути к Худату показался встречный состав. Он неожиданно выскочил из-за поворота и приближался на большой скорости. «III Интернационал» тревожно засигналил и дал задний ход. Ефремов приказал устроить поперек путей баррикаду из шпал. Однако все закончилось быстро и мирно. Оказалось, что навстречу шел пасса-

жирский поезд Баку—Ялама. Мусаватистские власти еще ничего не знали о продвижении бронепоездов.

По нашей команде пассажирский состав подал назад, и бронепоезда прошли мимо, к Худату.

Вскоре показался разъезд Ляджет. Здесь нас поджидал мусаватистский бронепоезд № 1. Не берусь объяснить, каким образом капитан Лордкипанидзе узнал о нашем приближении. Но он нас ждал и был готов к обороне.

Началась артиллерийская дуэль. Действия мусаватистского бронепоезда выдавали нерешительность его командира. Он боролся в одиночку, вероятней всего не получив определенных указаний. Мусаватистские армия и тыл расползались у него на глазах.

Так или иначе, но после короткой перестрелки и попытки разобрать путь бронепоезд князя начал отходить.

Преследуя бронепоезд Лордкипанидзе и подавляя его пушки, мы не использовали фугасные снаряды. Тяжелые фугасы могли перекрыть отступление мусаватистскому бронепоезду. Но попади пара залпов по железнодорожным путям — и конец или по крайней мере длительная задержка рейду. Поэтому мы били шрапнелью высокого разрыва, чтобы вызвать панику и в то же время не повредить пути и бронепоезд мусаватистов. Капитан Лордкипанидзе своей нерешительностью очень облегчил нашу задачу. Он не мог избавиться от преследования на короткой дистанции, тем самым гарантируя исправность пути. Мы же на плечах врага стремительно продвигались к Баку.

Следует отметить, что наш короткий бой у разъезда Ляджет с бронепоездом № 1 в некоторых воспоминаниях превращен в сражение с двумя тяжелыми мусаватистскими бронепоездами. Пером этих же мемуаристов внезапное появление пассажирского поезда описывается как выдвижение целой группы бронепоездов противника. Достаточно уточнить, что азербайджанская армия не располагала таким количеством бронепоездов.

На рассвете 27 апреля «III Интернационал» и «Красный дагестанец» подошли к очередному рубежу мусаватистской обороны. Гарнизон станции Худат, довольно сильный, поддержанный артиллерией и бронепоездами, стойкого сопротивления не оказал. Под пулеметным

и пушечным огнем наших головных бронепоездов орудийная прислуга пяти батарей бросила позиции. Аскеры в панике удирали на передках. Остались исправные орудийные замки и снаряды, вложенные в казенник. Конно-горный дивизион подполковника Ахметбекова как воинская часть перестал существовать.

«III Интернационал» и «Красный дагестанец» прошли станцию Худат, по возможности не замедляя скорости. Собирать трофеи не хватало времени, да и грузить их было некуда. Пришлось сбавить ход только однажды, чтобы захватить снаряды — их могло не хватить. Нам прежде всего требовались снарядные ящики. Наши запасы хранились в пирамидах. От сотрясения, производимого орудийной стрельбой, пирамида на левом борту рассыпалась. От взрыва могли уберечь только запасные снарядные ящики.

Разумеется, никаких митингов и совещаний на станции Худат не было. Наши снаряды, как иногда неправильно утверждают, над станцией и городом не рвались. Подобного обстрела мы не могли допустить по той простой причине, что на станции Худат находились Шолларские водопроводы. Они, как уже выше упоминалось, снабжают водой Баку и Владикавказскую железную дорогу. Стрелять без особой нужды и повредить систему водоснабжения было бы тягчайшим преступлением.

В действительности головной отряд бронепоездов смелым натиском взломал оборону Худата и на хвосте своего прежнего противника, мусаватистского бронепоезда № 1, упорно продвигался вперед.

Правда, вызывал тревогу западный фланг. Он был открыт, и мы считали, что только паника в мусаватистских рядах спасла группу от удара с этой стороны. Позднее стало известно, что 7-я кавалерийская дивизия, окружив мусаватистский полк и стремительно наступая на Кубу, Шемаху, Кюрдамир, обеспечила с запада рейд бронепоездов.

Итак, после боя за Худат характер преследования не изменился. Мы настигали князя Лордкипанидзе, не прекращая огня шрапнелью. Команда мусаватистского бронепоезда использовала складки местности и лихорадочно пыталась найти средство, чтобы остановить наше стремительное наступление. Но своим быстрым

отходом Лордкипанидзе вызывал панику в гарнизонах станций и разъездов. Они бросали позиции и разбегались, как только появлялся пятящийся бронепоезд, окутанный шрапнельными разрывами.

Перед самой станцией Хачмас преследование перешло в состязание на скорость хода. Бронепоезда сблизились настолько, что стал виден дым паровоза. Хочу напомнить, что паровоз находился в середине состава. Ход бронепоездов страховали товарные площадки, расположенные спереди и сзади. На эти площадки обычно сажали по два наблюдателя.

Перед Хачмасом бойцы-наблюдатели трижды останавливали головные бронепоезда. Первый раз была вовремя замечена на путях артиллерийская платформа. Рельсы оказались поврежденными. Вслед за этим задымился мост у самой станции. Медлить было нельзя. Ефремов приказал проскочить. Команда не колебалась. Но если мост заминирован, рейду бесславный конец. Помогли железнодорожники: они затушили горящий мост собственными средствами.

Уже при въезде в Хачмас с головного бронепоезда был замечен сигнал опасности: станционные рабочие везли на дрезине крестовину. Мусаватисты сняли ее с путей, пытаясь таким образом вызвать крушение.

Железнодорожники Хачмаса не только дважды помогли нам в бою. «Красный дагестанец» и «III Интернационал» были встречены красными флагами и хлебом-солью. Паровозы без всяких просьб с нашей стороны сразу же получили топливо и воду. Правда, и на этот раз устраивать торжественные митинги мы не могли. Но надо ли говорить, как поддержала красноармейцев классовая солидарность рабочих-железнодорожников.

Через станции Чархи, Сарван, Дивичи и Кизил-Бурун прошли, не встречая сопротивления. За Кизил-Буруном показалось море. Бронепоезда пошли берегом. Тихо и спокойно. Ни одного мусаватистского корабля. До Баку шестьдесят—семьдесят километров. Если идти без боя, остается два с лишним часа хорошего хода. На станциях бронепоезда встречают хлебом-солью. Мы видим людей, флаги, поднятые в приветствии руки и проносимся мимо.

Последняя стычка с бронепоездом Лордкипанидзе произошла у станции Хурдалан. Как выяснилось позд-

нее, в Хурдалан специально прибыли офицеры главного мусаватистского штаба. Среди них были адъютант генерал-квартирмейстера корнет Максутов и начальник связи корнет Чепадзе. Согласно приказу генерал-квартирмейстера капитан Лордкипанидзе должен был любыми средствами задержать продвижение наших бронепоездов у Хурдалана и обеспечить взрыв моста на перегоне Хурдалан—Баладжары. Штабные офицеры остались наблюдать за выполнением приказа.

Но к этому времени все мысли прислуги мусаватистского бронепоезда были заняты только спасением собственной шкуры. Бронепоезд для них оставался единственным средством, при помощи которого можно было достичь Баку и разбежаться.

С такой командой вести бой нельзя. Пытаясь выполнить приказ, капитан Лордкипанидзе постарался разобрать пути и поджечь мост, но, попав под огонь «III Интернационала» и «Красного дагестанца», оставил его тлеть без прикрытия, покинул поле боя и увел свой бронепоезд на Баку.

На узловую станцию Баладжары «III Интернационал» ворвался в одиннадцать часов вечера 27 апреля. До Баку оставалось четырнадцать километров. Значение станции Баладжары для мусаватистского правительства было очень велико. Путь на Тифлис пролегал только через эту станцию. Министры-мусаватисты с награбленными народными ценностями и засидевшиеся в Баку иностранные миссии оказались в мышеловке. Рейд бронепоездов с таким стремительным выходом к Баку оказался полной неожиданностью для мусаватистской верхушки, не ожидавшей столь позорного и полного краха. Теперь нельзя было пойти даже на самую преступную меру — поджог бакинских нефтяных промыслов и нефтескладов. Их уже охраняли рабочие отряды. Паника перешла все границы, когда поползли слухи, что город со всех сторон окружен частями Красной Армии. Назывались устрашающие цифры — двести тысяч красноармейцев. О том, что в Баладжарах всего четыре красных бронепоезда, никто из мусаватистского окружения не мог и предположить.

Князь Лордкипанидзе получил еще одно категорическое распоряжение — удержать Баладжары в течение пятнадцати минут и дать пройти через станцию прави-

тельственному поезду. Но командир мусаватистского бронепоезда не сделал ни малейшей попытки завязать бой, проскочил Баладжары и, минуя тифлисскую ветку, ушел в бакинском направлении.

«III Интернационал» и «Красный дагестанец» остановились на станционных путях в Баладжарах. Противника нет. Разворачиваем орудия в сторону моря и даем десять — пятнадцать выстрелов шрапнелью высокого разрыва, чтобы известить бакинский пролетариат о приходе Красной Армии.

Через несколько часов мы узнали, что израсходовали снаряды не зря. Залпы бронепоездов совпали с отправлением дипломатического поезда на Баладжары — Тифлис. Был дан третий звонок, когда бакинские коммунисты, воодушевленные нашим приближением, захватили вокзал и высадили дипломатов на перрон. При этом были конфискованы немалые народные ценности.

В Баладжарах к головной группе подтянулись бронепоезда «Тимофей Ульянцев» и «Красная Астрахань». М. Г. Ефремов согласился, чтобы военком Дудин перешел здесь на «Красный дагестанец».

Неожиданно прибыла делегация от Бакинского ревкома. Это была небольшая группа партийцев, которая информировала командиров и комиссаров наших бронепоездов о всеобщем восстании в городе и бегстве мусаватистского правительства. Я решительно опровергаю версии о том, что в Баладжарах проводились грандиозные митинги с участием всех команд бронепоездов и торжественными речами. Ничего подобного не было. Необходимо было, не теряя драгоценного времени, двигаться на Баку.

Но двигаться вперед головной бронепоезд от станции Баладжары не мог. На паровозе сгорели подшипники, и разбирающийся в этом деле помощник командира «III Интернационала» Иван Дыкань заявил, что его надо ставить на ремонт. В самих Баладжарах сменного паровоза не оказалось. Оставалось бакинское депо.

Ефремов приказал без промедления соединиться с Баку. Выслушав запрос со станции Баладжары, бакинский телефонист ответил, что свободных паровозов депо не имеет и последний только что подан к поезду министров, который должен вот-вот отойти от станции Баку.

Взяв трубку у дежурного по линии, Ефремов заявил ошеломленному станционному телефонисту, что с ним говорит начальник красных бронепоездов. Он приказал от имени Советской власти немедленно выслать паровоз правительственного состава, так как станция Баладжары занята красными бронепоездами и путь на Тифлис отрезан.

Последние четырнадцать километров до Баку головная группа шла без остановок. Рано утром 28 апреля «III Интернационал» и «Красный дагестанец» замедлили ход у бакинского вокзала. На запасных путях стоял мусаватистский бронепоезд. Не было заметно никаких следов боевой готовности. Ведя более суток бой с нами, бронепоезд не пострадал и выглядел грозно и внушительно. Около платформ, как в мирное время, ходили два часовых-аскера.

Было чему удивляться, но на удивление у нас не хватало времени. Помню, Ефремов приказал аскеру вызвать командира бронепоезда. Ведь не держать же под носом у себя исправную боевую машину, когда передовые части армии только на подходе. Очень быстро аскер вернулся с князем Лордкипанидзе. Михаил Григорьевич был возбужден успехом бакинской операции, враг разбит и никакой опасности уже не представлял. Было неясно, как вести себя с Лордкипанидзе — все-таки подданный другого государства. Прикинув все это в уме, Ефремов улыбнулся и решил для начала пошутить.

— Припомните, капитан, — вернулся он к недавней встрече у Самурского моста, — вы не хотели к нам в гости, так мы сами пришли.

Ефремов еще раз улыбнулся, не обращая внимания на князя, и приказал мне выстроить команду бронепоезда без оружия.

Через несколько минут аскеры были построены.

Начальник группы объявил, что их служба мусаватистскому правительству окончена, ибо в Азербайджане восстановлена Советская власть, и теперь они могут расходиться по домам.

Аскеры дружно прокричали: «Яшусун Шура!» (Да здравствуют Советы). После чего я подал команду: «По домам — марш!»

Бронепоезд № 1 опустел. Мы с Ефремовым прошлись по вагонам и заглянули в командирский отсек. За столом, привинченным к стене, сидел капитан Лордкипанидзе. Я заметил газеты и среди них свежий номер «Азербайджана». Привожу на память официальную хронику, которая в тот момент меня очень развеселила и поэтому надолго запомнилась: «Правительство заседало всю ночь, приняты решительные меры, и со стороны большевиков никакая опасность не угрожает».

Надо было решать, как поступать с князем. Он протянул свое личное оружие, маузер в деревянной кобуре, и спросил, обращаясь к Ефремову:

— А что будет со мной?

Михаил Григорьевич, вероятно, уже принял решение. Не задумываясь, он ответил:

— Вы нам не нужны, идите домой.

Капитан был поражен и в нерешительности остался стоять на платформе. Даже после того, как его бронепоезд был взят на буксир «Красным дагестанцем» и отведен в тупик, князь продолжал стоять в растерянности. Только после повторных объяснений князь Лордкипанидзе повернулся и, тяжело вздохнув, медленно пошел прочь от вокзала...

Загнанный в тупик, мусаватистский бронепоезд как бы символизировал полную нашу победу.

К шести часам утра на платформах вокзала скопилось несколько тысяч рабочих. Это были те, кто собрался в обычное время на нефтяные промыслы. К тому времени вся власть на станции Баку находилась в руках военного коменданта. Он распорядился временно прекратить пассажирское движение. Прием поездов из Грузии продолжался, и весь порожняк сразу же шел по дербентской ветке — армия максимально использовала железную дорогу для переброски сил в бакинском направлении.

Между тем число рабочих, пришедших к утренним поездам, угрожающе росло. Революционные события развивались так стремительно, еще несколько часов назад их подготовка была столь строго законспирирована, что немалая часть бакинских пролетариев встретила 28 апреля как начало очередного рабочего дня.

Нужно было объяснить сложившееся положение и как-то организовать рабочих. Первое было сделать не-

трудно. Вид бронепоездов и расположившихся на площадках красноармейцев говорил сам за себя. Правда, вступление Красной Армии в Баку многие представляли иначе. Да и мы, признаться, еще сутки назад не поверили бы, что в огромном городе стоят два красных бронепоезда и многие десятки километров отделяют их от основных сил.

Нас спрашивали, где же Красная Армия. Мы говорили, что передовые дивизии уже на подходе к Баку, что бронепоезда надежно охраняют дербентскую и тифлисскую ветки и что существованию Советской власти в Азербайджане отныне ничто не сможет помешать. Рабочие хотели услышать бакинских руководителей, членов ревкома, и мы рекомендовали им пойти в рабочий клуб, где в этот день выступал товарищ Микоян.

Во второй половине дня в штабной вагон пришел стройный, подтянутый, одетый в серую кавказскую одежду человек. Он сразу же объяснил цель своего прихода: нужна машина для важной служебной поездки. Я видел его впервые, и пришлось спросить, кем и где неизвестный мне товарищ работает в Баку.

— Там, где Советская власть, я не работаю, — ответил он и достал из кармана бережно завернутое удостоверение.

Оно было написано от руки и датировано сентябрем 1919 года. Содержание его привожу на память:

«Предъявитель сего товарищ Петров Семен Иванович лично мне известен, а потому прошу оказывать ему всякое доверие и содействие в порученной ему работе.

Председатель СТО В. Ульянов (Ленин)».

Так состоялось мое первое знакомство с Семеном Аршаковичем Тер-Петросяном (Камо). С бакинских времен бережно храню я его фотографию с дарственной надписью.

Вечером 28 апреля Азербайджанский ревком образовал Совет Народных Комиссаров Азербайджанской ССР во главе с Нариманом Наримановым. А через два дня, 30 апреля, в революционный Баку вступили части 2-го кавалерийского корпуса и 32-й стрелковой дивизии. Вместе с передовыми полками в город прибыли Г. К. Орджоникидзе, К. А. Мехоношин, М. К. Левандовский и С. М. Киров. Азербайджан освобождался от му-

саватистов. Во многих местах власть антинародного режима свергалась до прихода частей Красной Армии. Так было в Ленкорани, Шуше, Агдаме, Шамхоре, Гандже, Казахе. Да, теперь можно было с уверенностью повторить то, что было сказано рабочим на бакинском вокзале: Советская власть в Азербайджане победила навсегда.

Припоминаю один разговор в штабе армии. Мы с М. Г. Ефремовым были вызваны начальником штаба А. К. Ремезовым. Военком И. Г. Дудин к этому времени перешел на другую работу, и обязанности комиссара исполнял я. Александра Кондратьевича Ремезова в армии уважали за большие знания и светлую голову, побаивались его требовательности, за глаза ласково называли Стариком. Мы сидели в кабинете. Александр Кондратьевич отчитал нас за некоторые промахи, допущенные уже после взятия Баку, а потом вернулся к недавнему рейду бронепоездов и впервые за нашу совместную фронтовую службу безоговорочно похвалил. Авторитет Ремезова среди нас, молодых командиров, был очень велик, а его выводы представлялись окончательными. Помнится, Александр Кондратьевич в тот раз говорил, что рейд группы бронепоездов — редкий случай в истории войн. Затем он отметил, что наш успех самым прямым образом связан с успехом решительно и своевременно поднятого восстания в Баку.

Столь памятный для меня разговор в кабинете начальника штаба армии происходил в июне 1920 года. За месяц до этого состоялось чествование особо отличившихся участников рейда.

На станцию Баку-1 пришел «Красный дагестанец», специально затребованный по случаю торжественной церемонии. «III Интернационал» с командой, выстроенной вдоль перрона, стоял на первом пути. Награждение проводил член Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе. Вместе с ним прибыли командующий 11-й армией М. К. Левандовский, члены РВС К. А. Мехоношин и С. М. Киров, руководители бакинских большевиков А. И. Микоян, Г. Мусабеков, Л. Д. Гогоберидзе и легендарный Камо.

Орден Красного Знамени был тогда высокой и редкой наградой. Достаточно сказать, что гражданская война уже подходила к концу, а это было первое награж-

дение на бронепоездах 11-й армии. Краснознаменцами стали начальник боевого участка железных дорог 11-й армии М. Г. Ефремов, военный комиссар боевого участка И. Г. Дудин, заместитель военного комиссара боевого участка П. А. Друганов, командир бронепоезда «III Интернационал» И. М. Курдюпов, помощник командира бронепоезда «III Интернационал» И. Г. Дыкань, командир бронепоезда «Тимофей Ульянцев» П. И. Терещенко, красноармейцы команды бронепоезда «III Интернационал» И. М. Кравченко, С. К. Барабаш, А. Д. Визнер, А. И. Киянов, А. Ф. Фитисов, Д. З. Пешков.

И. Н. ШЕВЧЕНКО

РАЗГРОМ ДЕСАНТА УЛАГАЯ

Утром 14 августа 1920 года я с полковой разведкой находился в Анапе. Все последние недели мы предполагали по многим признакам, что побережье в опасности. Не достигнув особых успехов в Северной Таврии, Врангель пытался поднять на антисоветское выступление Дон и Кубань. И действительно, на следующий день стало известно о высадке передового десанта под командованием популярного в белоказачьих кругах генерала Улагая.

Подготовка десантной операции и сформирование самого десантного отряда, а также его приблизительный состав и примерное место высадки были известны командованию Кавказского фронта и 9-й Кубанской армии. По сведениям нашей разведки, накануне высадки Улагая, а именно 13 августа, было замечено оживленное движение судов в Керченском проливе.

В Керчь с мелитопольского фронта белых прибывали большими группами кубанцы, донцы, калмыки и чеченцы. Вместе с алексеевской дивизией и корниловским военным училищем они составили десантный отряд в 10 000 человек. На вооружении десанта было 50 орудий и 150 пулеметов. В Керченском порту стояли канонерки «Урал» и «Страж», миноносец «Жаркий», ледокол «Гайдамак», четыре транспорта и два крейсера.

Не было пока лишь окончательно выяснено место высадки десанта.

Однако особенности Черноморского побережья и данные разведки давали основания опасаться за Таманский полуостров или за участок Ейск, Ачуев.

Надо заметить, что к моменту высадки десантов наша 9-я Кубанская армия была значительно ослабле-

на. Ее лучшие, испытанные части ушли на польский и врангелевский фронты. Большое число опытных командиров из оставшихся дивизий было направлено туда же. Восстания и борьба с бандитами по всей Кубано-Черноморской области сковывали значительное количество войск, не давая возможности создать крупный резерв.

В то время как разведка нашего 98-го стрелкового полка находилась в Анапе, белые успешно высадились у станицы Приморско-Ахтарская. С моря их прикрывало до трех десятков судов, и передовой отряд зацепился за побережье. Караульный батальон в Приморско-Ахтарской не смог помешать высадке или хотя бы задержать такую массу войск. Он был легко выбит из станицы, и около пятисот белоказаков, отобрав у жителей лошадей, двинулись вдоль линии железной дороги. К вечеру основные силы белых угрожающе продвинулись и оказались в двенадцати верстах от станицы Ольгинская.

Командарм М. К. Левандовский приказал 1-й кавалерийской дивизии Мейера двинуться к Приморско-Ахтарской и обрушиться на высадившийся десант всеми силами. Начдиву Мейеру придавались два бронепоезда, две бронемашины и бронетракторная батарея. В район боев дополнительно высылалась авиационная эскадрилья.

В армейский резерв выдвигались Приуральская образцовая бригада, 14-я кавалерийская и Таманская кавалерийская бригады.

15 августа в четыре часа дня командарм М. К. Левандовский выехал с полевым штабом армии из Екатеринодара в направлении станицы Ольгинская — к месту боевых действий. Михаил Карлович Левандовский, талантливый, с большим опытом ведения боевых действий в условиях Северного Кавказа военачальник, разработал план наступательной операции. Предполагалось связать боями генерала Улагая, а затем добить его полками армейского резерва.

Однако осуществить этот план командарма не удалось. Белые под командованием опытных и лихих кавалерийских генералов стремительно выдвинулись к Ольгинской еще до подхода наших частей. Тем временем силы десанта возрастали и достигли к 16 августа

шести—восьми тысяч человек. Наш слабенький заслон откатывался к Ольгинской.

17 августа командарм М. К. Левандовский лично объехал части 1-й кавалерийской дивизии. Им был замечен крупный отряд белой кавалерии, заходивший в тыл наших войск. Оставив заслон в 700 сабель, командарм приказал бросить остальные силы на прорвавшегося противника.

Отдав необходимые распоряжения, командарм выехал на станцию Тимашевская, захват которой был главной задачей Улагая.

По дороге автомобиль Левандовского подвергся артиллерийскому обстрелу. Выяснилось, что путь на Тимашевскую уже перерезан отрядом белых в 1500 сабель. Машина командарма на полном ходу, открыв в упор огонь из пулемета и винтовок, благополучно прорвалась. Шедший по железнодорожной ветке вслед за автомобилем командарма бронепоезд № 16 был пробит снарядом, а артлетучка так изрешечена пулеметами, что из сотни красноармейцев невредимыми остались только семеро.

Развивая наступление на Тимашевскую вдоль линии железной дороги, Улагай обошел правый фланг 1-й кавалерийской дивизии и к вечеру 17 августа отрезал ее и части 14-й кавалерийской бригады от Тимашевской.

Наш 78-й стрелковый полк входил в 26-ю бригаду прославленной 9-й дивизии. Ею командовал Николай Владимирович Куйбышев, родной брат В. В. Куйбышева. Военным комиссаром был любимый всеми бойцами талантливый политработник Г. Т. Таран.

Полк стоял в станице Гостагаевская, что в двенадцати километрах от Анапы, куда я выезжал с разведкой. Наши разъезды выдвигались к Анапе, чтобы вести наблюдение за морем: от Анапы рукой подать до Керчи, а там велись главные приготовления к десанту.

Но теперь уже было не до наблюдений. Получив известия о высадке в Приморско-Ахтарской, мы не медля вернулись в расположение полка.

В Гостагаевской от комбрига А. П. Борисенко я узнал, что бригада срочно грузится и отправляется в станицу Крымская.

Ехали подводами. Вместе с нами почти поголовно уходили иногородние. Было множество добровольцев.

Казаки на призывы Врангеля не откликнулись. Большинство станичников отсиживались в камышах. Выманить это «воинство» из плавней белым агитаторам так и не удалось.

Нас весьма беспокоили возможные действия банд генералов Фостикова и Пржевальского, засевших в горах. Пока они активности не проявляли.

17 августа 78-й полк в составе 26-й бригады А. Н. Борисенко был двинут к Тимашевской. Мы оказались на направлении главного удара белых.

К моменту подхода нашей бригады положение 1-й кавалерийской дивизии и других частей, принявших неравный бой с мощным десантом, складывалось неблагоприятно. Тяжело раненный, начдив Мейер продолжал руководить частями. Его начальник штаба был убит. Начальник бронечастей армии Вершинин получил опасное ранение. Бронепоезд № 94 «Гром» сошел с рельсов. 1-я кавдивизия потеряла почти весь командный состав и значительное число рядовых конников. Будучи отрезанными, части 1-й кавдивизии и кавалерийской бригады 14-й дивизии вырвались из кольца и начали по приказу командарма стягиваться у станиц Брюховецкая и Тимашевская.

По мнению командарма Левандовского, наша кавалерия дралась стойко, но без поддержки пехоты, вымотанная трехдневными непрерывными боями, она не могла больше держаться.

Улагай превосходно использовал успехи первых трех дней, памятных для нас 15, 16 и 17 августа. Он без помехи закончил выброску десанта и захватил большой плацдарм, протянувшийся на несколько десятков километров в глубь бывшей области Войска Кубанского и обеспеченный с флангов Кирпильским и Бейсугским лиманами.

К вечеру 17 августа части Улагая, оттеснив 1-ю кавдивизию, пробили себе дорогу в восточном направлении — на станицу Брюховецкая. Успех первого этапа боев для белых был налицо. Они рвались к Тимашевской, пытаясь перерезать железную дорогу на Ростов, и достигли поставленной цели.

К 18 августа разведка 9-й Кубанской армии установила состав десанта. В отряд Улагая входила Кубанская конная дивизия генерала Бабиева, сводная Кубанская

пехотная дивизия генерала Казановича и 2-я Кубанская конная дивизия генерала Шифнер-Марковича. Общая численность улагаевского десанта достигала около 2 000 пехотинцев и 3 000 конников. На вооружении белых были 17 орудий, 143 пулемета, 3 броневика, бронепоезд «Екатеринодар» и авиаотряд.

Вечером 18 августа под сильным нажимом противника части 1-й кавалерийской дивизии оставили важнейшую для нас станицу Тимашевская.

Командарм принимал решительные меры. По его приказу была сформирована ударная группа в составе 1-й кавдивизии и кавалерийской бригады 14-й дивизии. Ее возглавил вновь назначенный начдив 1 Петерсон. Спешно подтягивались бригады нашей 9-й стрелковой дивизии. Им было приказано оттеснять противника во взаимодействии с кавалерией. И тем не менее Улагай достиг первых успехов и серьезно угрожал Екатеринодару, столице Кубани и объекту всех устремлений белых, начиная с «ледового похода» Корнилова.

Решающее слово оставалось за казачеством Кубани. Без массового восстания на Дону и Кубани, на которое рассчитывала ставка Врангеля, любые успехи белых десантов оставались лишь оперативными. Казачество колебалось, оттягивая тем самым на себя крупные армейские резервы и мешая этим быстрейшему уничтожению десантов, но на восстание не шло и от врангелевской мобилизации скрывалось в камышах.

Стремясь в сжатые сроки остановить движение Улагая на Екатеринодар, командарм ввел в бой свежие части. Кавбригаде 22-й стрелковой дивизии с приданными ей пехотными полками было приказано выдвинуться от станицы Варениковская к месту возможного прорыва.

Наша 26-я бригада, брошенная непосредственно к Тимашевской, вынуждена была высадиться в станице Медведовская. Тимашевская накануне была сдана, и, судя по оперативной обстановке, контрудар по ней и должен был решить судьбу операции.

78-й полк, в котором я занимал должность начальника штаба, расположился в станице Медведовская на правах бригадного резерва. Там находились бронепоезд имени Ленина и бронепоезд № 100. Бронепоезда № 16 и № 94 «Гром» курсировали между станцией Тихорецкая и Екатеринодаром.

На следующий день севернее станицы Тимашевская вступила в бой наша 25-я бригада, переброшенная вместе с полевым штабом 9-й дивизии из-под Ростова.

Последняя, 27-я бригада была еще в пути, следуя в эшелонах.

Находясь в станице Медведовская, я узнал, что созданы две основные группы войск по ликвидации десанта.

Начдив 9 Н. В. Куйбышев объединил под своим командованием северную группу войск. В нее вошли 25-я бригада 9-й дивизии, Приуральская образцовая бригада Семашко и 1-й Донской кавалерийский полк. В задачу группы входило нанести удар по Тимашевской с севера.

Наша 26-я бригада и кавалерийский полк 9-й дивизии под общим командованием комбрига А. Н. Борисенко составили южную группу войск. 21 августа этой группе были подчинены несколько кавалерийских частей из состава 9-й Кубанской армии.

В тот же день, 21 августа, успешное наступление белых было приостановлено нашим контрманевром. Волевой и опытный комгруппы Н. В. Куйбышев хладнокровно ударил по тылам генерала Бабиева, рвущегося на оперативный простор.

Надо признать, что улагаевские командиры — Бабиев, Казанович, Шифнер-Маркович — были матерые вояки и большие знатоки своего дела. Они вели за собой лучшую конницу мира, природных конников-казаков и офицерскую пехоту. Просчеты белых носили не тактический, а политический и связанный с ним оперативный характер. К тому же, как выяснилось позднее, в обстановке казачьего саботажа новоявленных «освободителей» с генеральскими погонами и первых неудач на фронте не поладили два генерала — Улагай и его начальник штаба Драценко. Такого рода передряга в верхах сразу же сказалась на руководстве операциями, утратившем первоначальную напористость.

Борьба вокруг Тимашевской стала для белых безнадежной. Выглядело это таким образом. Бабиев продолжал рваться вперед. Он свято верил в неотразимость кавалерийского рейдирования. Пустые станицы, казаки в плавнях и неуспех белой агитации остались за пределами внимания командира улагаевского авангарда.

Тимашевская взята. Уверенность бравого генерала крепла. Он подхлестывает уставшие полки, уже видит свою конницу на улицах Екатеринодара и... получает неожиданный и уверенно нанесенный удар по своим коммуникациям. Это комгруппы Куйбышев, оставив белого военачальника растрачивать силы на путях к Екатеринодару, берет у него в тылу станицу Брыньковская и вплотную подходит к Ольгинской. География театра военных действий на Кубани такова, что, имея базу на побережье, необходимо удерживать за собой железнодорожную ветку Ольгинская — Тимашевская. Оперативное искусство командарма и комгруппы Н. В. Куйбышева сказалось в том, что, хладнокровно перерезая ветку раз за разом, они заставляли войска Бабиева возвращаться назад, терять темп операции и в бешенстве штопать свой дырявый тыл.

Наше давление на Тимашевскую возрастает. Части 2-й Донской дивизии совместно с правофланговыми полками 26-й бригады после целого дня тяжелых и упорных боев врываются в станицу Тимашевская. Это произошло в полночь 22 августа. Уступив Тимашевскую, Улагай потерял кратчайший доступ к Екатеринодару.

Закрепляя решительный перелом в ходе операции, командарм приказал стянуть к станице Тимашевская все силы 26-й бригады и приданные ей части. 24 августа туда прибыли наш 78-й полк, две легкие батареи, штаб бригады, а также 2-й стрелковый полк особой бригады Рыбалко.

В оперативном отношении борьба за Тимашевскую была белыми проиграна. Стремительное наступление на Екатеринодар обернулось авантюрой. Операция приняла неожиданные для Улагая формы. Командующий белых просчитался. Он наступал тремя колоннами: конница Бабиева шла на станицы Брыньковская и Брюховецкая, Шифнер-Маркович — правее линии железной дороги на Гривенскую, сам Улагай устремился к Тимашевской и взял ее. В центре этого треугольника, на ветке Ольгинская — Тимашевская, действовала спешившая за кавалерией пехота генерала Казановича.

Мы, как уже указывалось, ударили по колонне Бабиева, в тыл его полкам. Возникла угроза Ольгинской и всему тылу десанта в Приморско-Ахтарской. На ветке железной дороги бились, теряя силы, одни юнкера.

Начальник штаба генерал Драценко повернул Бабиева на Брыньковскую и приказал смять и отбросить контратакующих красных. Бабиев снова взял Брыньковскую и, не оставив заслона, вторично устремился к Брюховецкой.

Комгруппы Н. В. Куйбышев не медля нанес новый удар. Юнкера, неся громадные потери, отошли к Ольгинской. Нависла угроза над железной дорогой, связывающей штаб и тыловую базу с ушедшими далеко вперед боевыми колоннами.

Наша Азовская флотилия, хорошо вооруженная поставленной на суда артиллерией, воспользовалась необъяснимым уходом от побережья флота белых, подошла к Приморско-Ахтарской и открыла губительный огонь.

Поднялась паника. Оперативный отдел десанта белых, составив громадный эшелон, бросился бежать в сторону Тимашевской, так как обратный путь в Крым был отрезан.

Паровоз тянул вместо положенных шести вагонов сорок. Перед самой Ольгинской всем военным чинам, включая генерала, начальника оперативного отдела, пришлось выйти на насыпь и залечь в цепь. Юнкера, оборонявшие ветку, истекали кровью. В конечном счете штабной эшелон еле-еле успел проскочить. Сразу же вслед за этим железная дорога была перерезана.

С этого момента судьба десанта оказывается решенной: начинается его ликвидация.

На рассвете 25 августа 27-я бригада 9-й дивизии, действуя совместно с 1-й кавалерийской дивизией, занимает Ольгинскую. А к вечеру наши части врываются в Приморско-Ахтарскую. Вся сосредоточенная здесь конница и пехота белых, понеся большие потери, отступает к станице Новонижестеблиевская и городу Ачуев, новой базе десанта.

Наша разведка обнаружила массовое отступление противника. Дороги были сплошь забиты конницей и пехотой. Отступающих насчитывалось до трех кавалерийских полков и нескольких тысяч пехотинцев. Обозы до трех-четырех тысяч подвод шли непрерывным потоком.

Командарм, насколько позволяла обстановка, все время находился на фронте.

Концентрическое наступление частей 9-й армии с линии Брыньковская, Тимашевская, Полтавская в общем направлении на Новонижестеблиевскую прижало к 27 августа десантный отряд Улагая к лиману Кирпильский и плавням между ним и лиманом Чубургольский. У белых оставался единственный путь отступления — на Ачуев и Ачуевскую косу.

С целью закрыть оставшееся свободным направление командарм приказал усилить давление на Новонижестеблиевскую с востока и высадить десант под командованием Е. И. Ковтюха ниже района скопления белых.

В двадцать два часа 28 августа 76-й и наш 78-й полки совместно с 1-й кавдивизией и 3-й бригадой 33-й дивизии, несмотря на сильнейший артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь улагаевцев, заняли восточную часть Новонижестеблиевской. Белые отошли за речку Ерик, протекавшую через станицу с севера на юг.

В двадцать три часа 76-й полк, возглавляемый членом Реввоенсовета 9-й армии Иосифом Викентьевичем Коссиором, пытался взять мост, но был встречен сильнейшим огнем с крыш и из прибрежных построек. И. В. Коссиор, позднее представленный за этот бой к ордену Красного Знамени, был ранен в обе ноги.

В этих боях я все время находился с командой конных разведчиков и мог непосредственно наблюдать массовый героизм, упорство и беззаветную преданность революции, которую показали командиры, военные комиссары и красноармейцы 9-й Кубанской армии.

Помощник командира 5-й роты нашего полка Илларион Одноралепко сменил раненого комроты и, ободряя красноармейцев, сам повел их в контратаку.

Командир пулеметного взвода Василий Федорович Сидоров во время конных атак белых выдвигал свой пулемет на 100—150 шагов перед нашими цепями и расстреливал атакующую лаву. Был момент, когда я не выдержал и крикнул Василию: «Стреляй, а то порубят!» Но комвзвода только молча оглянулся на меня, хладнокровно подпустил конницу еще метров на пятьдесят и только тогда открыл по ней убийственный огонь.

28 августа белым был нанесен последний неожиданный удар. Десантный отряд Е. И. Ковтюха в 550 штыков и 120 сабель при четырех орудиях спустился по реке

Протока южнее Новонижестеблиевской, беспрепятственно высадился и в двадцать один час 28 августа ворвался в станицу Новонижестеблиевскую.

Отряд Ковтюха взял в плен шестьсот человек, уничтожил и потопил в реке Протока до тысячи белогвардейцев. Были захвачены две легковые машины, бронеавтомобиль, грузовик, один мотоцикл, четыре пулемета, винтовки, патроны, телеграфно-телефонное имущество и обмундирование. Остатки дивизии генерала Казановича, оборонявшей станицу, рассеялись по плавням и камышам.

Началось повальное бегство частей Улагая. Но это был крах только идеи десанта и восстания на Кубани. Враг был еще силен и бешено пробивался к побережью. Там он видел спасение и возможность вернуться в Крым.

Малочисленному отряду Е. И. Ковтюха пришлось бы очень туго, если бы не поддержка нашей 26-й бригады. Тесня противника со стороны Новониколаевской, полки 26-й бригады после жестокого боя заняли труднодоступную восточную окраину Новонижестеблиевской. Только к часу ночи в результате одновременного удара 26-й бригады А. Н. Борисенко и отряда Е. И. Ковтюха станица была окончательно занята нами. Прикрываясь заслонами, Улагай поспешно отводил свои части к устью реки Протока.

29, 30 и 31 августа части 9-й Кубанской армии перегруппировались в соответствии с директивой командарма. Окончательная ликвидация десанта была возложена на группу Н. В. Куйбышева.

Нашей 26-й бригаде при поддержке Таманской кавбригады удалось оттеснить белых к лиману Долгий. С целью налета на Ачуевскую косу была выслана команда конных разведчиков.

1 сентября на участке 26-й бригады сбить противника не удалось. Это объяснялось чрезвычайными обстоятельствами: улагаевцы держались на фронте в двадцать пять сажен между недоступными болотами.

Командарм приказал 26-й бригаде и отряду Е. И. Ковтюха во что бы то ни стало сбить противника и занять район Ачуева.

Выбить пробку, закупорившую подступы к базе десанта белых, можно было только фронтальной атакой.

Наступление полков 26-й бригады 3 сентября приблизило наших стрелков на сто шагов к противнику.

В три часа ночи 3 сентября 78-й полк внезапной атакой без поддержки артиллерии овладел позицией белых. Роты выбивали противника из окопов гранатами и штыковыми ударами.

Следующие два дня прошли в не менее ожесточенных боях. Приходилось штурмовать каждый дом и каждый двор Ачуева. Алексеевский пехотный полк был почти полностью уничтожен. Наш 78-й полк также понес тяжелые потери. Комбриг А. Н. Борисенко выдвинул свой последний резерв — сводные части 77-го стрелкового полка.

Наступило 6 сентября. Мы вели огонь уже по остаткам десанта белых, который спешно грузился на пароходы. Однако ответный огонь военных кораблей, стоявших на рейде, и налеты гидропланов мешали закончить разгром врага. Только к вечеру 77-й полк овладел Ачуевом. Прогремели последние залпы по уходящим в открытое море кораблям белых, и на всем побережье наступила тишина.

В. Т. СУХОРУКОВ

В БОЯХ ЗА ДОНБАСС И СЕВЕРНУЮ ТАВРИЮ

На Украину, в родной Донбасс, я вернулся весной 1919 года. Знаменательная дата! Год назад мы, украинские большевики, окруженные восставшими белоказаками, отходили к Царицыну и на Кубань под давлением немецких дивизий. Теперь, после тяжелейших боев за Северный Кавказ, мы по мандату партии возвращались на освобожденную Украину и в Донбасс. Иван Федорович Федько, бывший командарм 11, ехал заместителем П. Е. Дыбенко в Крым. Перебрасывался на новую работу и председатель нашего армейского комитета, а затем комиссар дивизии И. И. Подвойский, брат Н. И. Подвойского, бывшего в то время наркомвоеном Украины. С группой товарищей ехал в Донбасс и я.

К этому времени армия генерала Деникина чрезвычайно усилилась. После года боев Деникин осуществил план покойного «вождя белого дела» Корнилова и стал хозяином Кубанской области и всего Северного Кавказа. Эта победа давала очень много: стратегическое развертывание, кубанский хлеб и огромное конское поголовье для армии, казачьи людские резервы Дона, Кубани и Терека, помощь союзников через Новороссийск.

Генерал Деникин, наращивая мощь своих ударов, вышел за пределы завоеванного Северного Кавказа и вторгся на территорию Донбасса и Украины. Его конечной целью была Москва и полное уничтожение, как он выражался, «русской смуты».

В апреле 1919 года на Южном фронте наступила оперативная пауза. Но это было затишье перед бурей. Лишь в Донбассе бои не прекращались и вызывали все большие опасения ЦК партии и В. И. Ленина, тем более что силы противника росли. С марта по сентябрь 1919 года

деникинские армии получили от одних только англичан 558 орудий, 12 танков, полтора миллиона снарядов. Один из главарей «белого дела» позднее свидетельствовал: «Черчилль мне показал карту юга России, где были указаны флажками войска деникинской армии... Когда я подошел с ним к этой карте, он показал мне деникинские флажки и неожиданно сказал: «Вот моя армия» [1].

В течение зимы велись ожесточенные бои за полное освобождение Донбасса. Наши части основательно потеснили белых и вступили в центральную часть Донбасса. Но катастрофа 11-й армии и потеря Северного Кавказа чрезвычайно усилили Деникина, одновременно развязав ему руки для действий на центральных направлениях. К апрелю 1919 года численность формирований белых в Донбассе увеличилась с двадцати одной тысячи до тридцати восьми.

Это позволило Деникину усилить нажим в направлении Луганск, Дебальцево. Советское Главное Командование перегруппировало силы и 27 марта отдало приказ в кратчайшие сроки освободить Донбасс. Однако Вешенское восстание и активные контрмеры белых сорвали осуществление этого приказа.

Наши войска, оперировавшие в Донбассе, нуждались в экстренной помощи. Ее должна была оказать Советская Украина. 12 апреля В. И. Ленин сообщает командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко, Н. И. Подвойскому и Х. Г. Раковскому: «Сокольников телеграфирует мне, что Деникин в Донбассейне великолепно использовал отсрочку, укрепился и собрал более свежие силы, чем наши. Опасность громадная. Украина обязана признать Донбассфронт безусловно важнейшим украинским фронтом и во что бы то ни стало немедленно выполнить задание главкома дать солидное подкрепление на участок Донбассейн — Мариуполь» [2].

25 апреля В. И. Ленин подписал телеграмму чрезвычайной важности. Она была отправлена на имя В. А. Антонова-Овсеенко. «Перебросить украинские войска, — указывал Председатель СТО, — для взятия Таганрога обязательно тотчас и во что бы то ни стало».

---

[1] Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924, с. 80.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 286—287.

Спустя десять дней В. И. Ленин, обеспокоенный отсутствием конкретных мер, еще раз телеграфирует В. А. Антонову-Овсеенко, Н. И. Подвойскому и Х. Г. Раковскому и в резком тоне констатирует: «От вас до сих пор ни одного точного, фактического ответа, какие части двинуты в Донбасс, сколько ружей, сабель, пушек, на какой станции передовые эшелоны.

Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостоятельности и в устремлении на Румынию. Поймите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбассу» [1].

В первых числах мая, то есть в разгар наступления Деникина, я прибыл на Харьковщину, в Изюм, где разместился штаб 13-й армии А. И. Геккера. Начальник политотдела Грибанов предложил мне назначение военкомом 2-й бригады 42-й стрелковой дивизии, но отъезд в дивизию просил задержать на неделю-две. Была большая нужда в политработниках, которые могли бы донести до бойца большевистское слово о новом отношении к середняку и о венгерской революции. И то, и другое чрезвычайно занимало умы красноармейцев и имело значение не меньшее, чем работа на фронте.

Только выполнив это задание политотдела, я выехал на станцию Никитовка, где в поезде находился штаб 42-й стрелковой дивизии. Получив указания от военкома дивизии, я сразу же отправился в бригаду [2]. Комбриг И. И. Смолин, бывший офицер старой армии, производил самое благоприятное впечатление. Внешняя подтянутость профессионального военного сочеталась в нем с глубоким знанием дела и, как я мог убедиться в самом скором времени, великолепным мужеством в бою. После окончания гражданской войны комбриг 2 И. И. Смолин командовал стрелковым корпусом, в течение двух лет — Кавказской Краснознаменной армией, а в 1935—1937 годах был начальником Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. В 1935 году ему было присвоено звание комкора.

Я по прежнему опыту политработы прежде всего стремился понять настроение в полках. Обнаружилось, что бригада в основном состоит из моих земляков — дон-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 290.
[2] ЦГАСА, ф. 1407, оп. 1, д. 73, л. 44.

бассовцев. Это обстоятельство радовало и вызывало чувство надежности. Шахтеры и кадровые рабочие — наилучшие цементирующие кадры Красной Армии периода гражданской войны. На них можно было не только положиться, но и опереться в борьбе за красноармейскую массу в целом.

Став военкомбригом, я прежде всего выехал на паровозе на станцию Ханженково. Здесь год назад я был председателем Совета рабочих депутатов, а затем одним из организаторов отряда Красной гвардии. С этим отрядом позднее пришлось отступать через Новочеркасск и Ростов к Царицыну на Волге.

Шахтеры в Ханженкове помнили меня, и их приток в полки 2-й бригады после нашего приезда и митинга стал значительным. На Кадиевских и Голубовских рудниках был сформирован целый батальон.

Весна — лучшая пора в Донбассе. Стояли майские солнечные дни. Линия фронта наших 13-й и 8-й армий шла, отступая 5—8 километров, по изгибу Мариуполь, Юзовка, Макеевка, Ханженково, Енакиево, Сватово, Луганск. Украинские армии продолжали тяготеть к западным границам.

17 мая конная группа Шкуро нанесла жестокий удар на стыке 9-й стрелковой дивизии и бригады Махно, прорвала фронт и двинулась в направлении Екатеринослава.

Махновцы, политически шаткие и слабые в открытом бою, откатились на сотню километров назад и оголили правый фланг 9-й дивизии. С каждым днем усиливалась угроза обхода всего правого фланга 13-й армии.

Озабоченные создавшейся критической обстановкой, мы с комбригом обсуждали план контрудара. Следовало наступать на Иловайский железнодорожный узел и, отвлекая на себя главные силы Шкуро, замедлить его движение на Екатеринослав, попытавшись отсечь его от штаба Деникина, расположенного в Таганроге.

В разговоре с комбригом я вспоминал подобные действия против Шкуро близ Кисловодска и Ессентуков. Тогда мы смело ударили по тылам шкуровцев и имели успех. Комбриг согласился со мной и набросал план операции, предусмотрев вопросы взаимодействия с нашей и 8-й армиями.

В конце мая к нам в Дебальцево из Никитовки прибыл в штабном вагоне начдив 42 А. В. Станкевич. Мне в то время было известно, что начдив — бывший генерал старой армии. Одним из первых среди военспецов он добровольно перешел на службу Советской власти и с большим знанием дела командовал дивизией. Будучи уже начальником 55-й стрелковой дивизии, А. В. Станкевич в октябре 1919 года в районе Орла попал в плен и был казнен...

Когда мы с И. И. Смолиным вошли в штабной вагон, начдив приветливо встретил нас и попросил уточнить обстановку на фронте. Начальник дивизии не скрывал от нас, что его чрезвычайно тревожит опасность со стороны конной группы Шкуро. Белые рвались к Екатеринославу на Днепре, угрожая коммуникациям армии и нанося сильные удары по бригадам Станкевича.

Комбриг И. И. Смолин высказал свои соображения относительно нашего контрудара на Иловайскую, подчеркнув ее близость к Енакиево. А. В. Станкевич внимательно выслушал нас и, к моей радости и удивлению, не только сразу же одобрил нашу инициативу, но и пошел дальше. Начдив, сообразуясь с тем, что мы наносим удар по коммуникациям Деникина, обещал помочь своим резервом. Дополнительно начдив Станкевич рекомендовал доложить план операции командарму 13 А. И. Геккеру и просить его одобрения. Наконец, по мнению начальника дивизии, мы должны были связаться со штабом соседней бригады 8-й армии, который находился на станции Сватово, и согласовать совместные действия.

Выполняя указания А. В. Станкевича, мы составили текст телеграммы командарму А. И. Геккеру в Изюм. Телеграмма ушла за нашими подписями.

Не теряя времени, мы с И. И. Смолиным отправились на станцию Сватово и без труда договорились с комбригом Турчаном о взаимодействии. Различное армейское подчинение не послужило помехой.

На следующий день, 28 мая, комбриг Смолин и я выехали с ординарцами в расположение полков. Всему командному составу, вплоть до командиров батальонов, подробно разъяснили план будущей операции.

На рассвете полки с исходных позиций в 4—5 километрах юго-восточнее Дебальцево перешли в наступле-

ние, смяли пехоту противника и к вечеру 29 мая продвинулись на десять километров вперед. Первые успехи вселили уверенность в победном исходе операции. Телефонная связь полков со штабом бригады не прерывалась.

Но к концу дня была получена телеграмма из штаба армии. Командарм А. И. Геккер не одобрил нашей инициативы. Мотивировалось это решение командующего тем, что армия наносила контрудар в другом месте — на своем правом фланге, в районе Синельниково. Обсудив создавшуюся обстановку, мы решили приостановить дальнейшее продвижение бригады и удерживать вновь занятые позиции в районе Енакиево, Дебальцево.

Вернувшись в Дебальцево, мы получили возможность ознакомиться с тем, что в действительности происходило на фронте. Штаб 42-й дивизии покинул Никитовку. Белые обходным движением создали угрозу флангу 9-й стрелковой дивизии, и она отходила. Контрудар, о котором телеграфировал А. И. Геккер, не состоялся из-за стремительного рейда конной группы Шкуро. 27 мая корпус Покровского атаковал Луганск и захватил его. Полки 8-й армии отходили, оставляя шахты и заводы.

42-я стрелковая дивизия, в том числе и наша бригада, вынуждена была начать отход на Дебальцево и далее вдоль линии железной дороги на Валуйки — Купянск. Туда же еще раньше перебазировались штабы дивизии и армии.

Мне запомнился бой 30 и 31 мая под Дебальцево. Мы с комбригом были на позициях 375-го стрелкового полка, которым командовал товарищ Ржевский. Белые наступали цепями. И. И. Смолин лег рядом с пулеметчиками и приказал подпустить беляков на 250—300 метров. Затем последовала команда открыть огонь; не выдержав, цепи противника в беспорядке бросились назад. Полк Ржевского преследовал их с криком «ура». Внезапно из балки выскочил кавдивизион бригады, нагнал бегущих и многих изрубил. В этом бою на нашу сторону перешли солдаты корниловского полка, одетые в новенькое английское обмундирование. Оказалось, что это бывшие красноармейцы 11-й армии, взятые в плен на Северном Кавказе.

В конце июля 1919 года в город Полтава, где находился Реввоенсовет войск Левобережной Украины, назначивший меня незадолго до этого на должность военно-политического комиссара 2-й Украинской стрелковой дивизии, прибыла из Москвы агитационная группа ВЦИК РСФСР. В ее состав входили редактор газеты «Известия» Ю. М. Стеклов и Е. Б. Бош, старейшая большевичка и член Советского правительства Украины. Оба эти товарища были опытными ораторами. Они выступали перед полтавчанами и красноармейцами с докладами о внутреннем и международном положении Советской республики, призывая граждан и воинов Красной Армии грудью встать на защиту Советской власти. На одном из таких митингов в центре города, на котором присутствовало несколько тысяч полтавчан, мне довелось слушать их пламенные речи.

Тем временем боевые действия приближались непосредственно к городу. 27 июля вражеские полки со стороны Кременчуга, Константинограда (Красноград) и Харькова начали наступление на Полтаву. В этот день с раннего утра по заданию Реввоенсовета войск Левобережной Украины я находился на передовых позициях. Стояла жаркая сухая погода. В поле — медовый аромат гречихи, в садах созревали яблоки и груши. А мы воевали. Вели яростный огонь по цепям противника. В тылу рвались артиллерийские снаряды белых. Наши батареи и бронепоезда им отвечали. Но к двум часам дня бронепоезда отошли к Южному (Харьковскому) вокзалу. Наша пехота лишилась мощной огневой поддержки, враг начал угрожать флангам частей, занимавших позиции по обе стороны от железной дороги. В этой обстановке я принял решение отправиться на вокзал и выяснить причины ухода двух бронепоездов с боевых позиций в тыл. Прибыв туда, я обнаружил на путях Южного вокзала оба бронепоезда, заправлявшихся топливом и водой. От имени Реввоенсовета я приказал командам бронепоездов немедленно вернуться на прежние боевые позиции и поддержать огнем пехоту. Через полчаса оба бронепоезда снова были в боевых порядках наших войск.

В это время в районе вокзала стали появляться разрозненные группы отступающих красноармейцев, которых я останавливал, создавал из них взводы, назначал

командиров и возвращал на позиции. День подходил к концу, когда я вернулся в штаб Реввоенсовета, но ни Реввоенсовета, ни штаба войск полтавской группы я уже в городе не нашел. Наступили сумерки. Я отправился на Киевский (Юго-Западный) вокзал в надежде найти там в поезде наше командование. Весь в пыли, изрядно уставший, едва я ступил на платформу вокзала, как ко мне быстро подошел член Реввоенсовета С. Г. Козюра и, не дав доложить об обстановке в районе Южного вокзала, объявил, что Реввоенсовет оставляет меня здесь своим уполномоченным с задачей обеспечить отправку всех эшелонов и в первую очередь поездов с ценным военным грузом, находившихся на путях Южного и Юго-Западного вокзалов. После выполнения этого задания мне приказывалось взорвать водокачку и стрелки на путях вокзала, для чего Козюра передал в мое распоряжение команду саперов-подрывников. Тут же на моих глазах поезд Реввоенсовета с товарищами Стекловым и Бош отправился на Решетиловку и далее на Миргород. Дежурному по станции мною было отдано распоряжение отправлять эшелоны через каждые десять — пятнадцать минут, для того чтобы в течение ночи в Полтаве ни одного из них на путях не осталось.

Наступила темная южная ночь. К полуночи белые, заняв Южный вокзал, ворвались в город. Оттуда доносилась беспорядочная ружейная стрельба. До тех пор пока не пройдут два наших бронепоезда, которые я днем отправлял на боевые позиции, я не мог оставить свой пост на Юго-Западном вокзале. Кроме того, мне предстояло отправить во что бы то ни стало эшелон с артиллерийскими орудиями и бронеавтомобилями, стоявший на путях вокзала без паровоза. Стрельба в городе становилась все сильней и приближалась к вокзалу. Дежурному по станции я приказал остановить первый же проходящий поезд и к нему прицепить эшелон с боевой техникой, состоявший из десяти—двенадцати платформ. Дежурный отдал бригаде сцепщиков распоряжение подогнать эти платформы к хвосту останавливаемого поезда и прицепить их к нему. Красный фонарь дежурного по станции сделал свое дело. К вокзалу подошел бронепоезд и остановился на первом пути. Я обрадовался этому счастливому случаю спасти эшелон с боевой техникой от врага. Пули со свистом про-

носились уже над крышей вокзала. Казалось, что все закончится хорошо. Но вдруг произошло совершенно неожиданное. Из вагонов бронепоезда с оружием в руках выскочили пятнадцать—двадцать матросов. Они бросились к дежурному по станции, стоявшему на платформе вокзала и только что подававшему сигналы остановиться машинисту бронепоезда. Направив оружие на дежурного, угрожая ему расправой на месте, они начали допытываться, почему он остановил бронепоезд, когда вокзал вот-вот захватят белые. Я стоял в десяти шагах от дежурного, видел и слышал все, что происходило. Надо было немедленно вмешаться и выручить железнодорожника, выполнявшего мои распоряжения. Я подошел к матросам, спокойно, но громко произнес:

— Это я, политический комиссар дивизии, приказал остановить бронепоезд...

Мне не дали закончить фразу. Мгновенно все матросы бросились ко мне. Перед глазами замелькали дула револьверов. Мой маузер был сорван с плеч. Раздались крики:

— Контру к стенке!

Среди матросов я увидел и командира бронепоезда, которому днем отдавал приказание на Южном вокзале. Команда потеряла контроль над своими действиями. Меня оттеснили к стенке вокзала. Еще один миг — и мог свершиться самосуд. Командиру и команде бронепоезда казалось невероятным, чтобы под носом у врага на вокзале мог остаться и действовать в интересах революции представитель высшего командования Красной Армии.

Вдруг раздался лязг буферов. Это железнодорожники сделали свое дело: они прицепили к бронепоезду эшелон с боевой техникой. Стоя у стенки под направленными на меня дулами револьверов, я успел только сказать:

— Смотрите, вот для чего был остановлен бронепоезд!

Спокойно произнесенная мною короткая фраза, лязг буферов, свистки сцепщиков заставили матросов повернуться к бронепоезду. Они совершенно неожиданно увидели эшелон с длинноствольными 42-линейными пушками, 6-дюймовыми гаубицами и бронеавтомобилями, прицепленный к бронепоезду. Тогда команда повела меня на пути, чтобы разобраться в происходящем. Когда

мы подошли к эшелону, командир бронепоезда, по-видимому, сразу понял свою ошибку. К нему вернулось самообладание. Прозвучала команда:

— Братишки, по местам! Орудия и бронемашины нам еще нужны, чтобы бить Деникина!

Дежурный по станции подал сигнал к отправлению бронепоезда. Матросы заняли свои места. Бронепоезд отправился на Решетиловку, спасая так нужную нам боевую технику.

Однако, как потом выяснилось, телеграфисты, наблюдавшие за происходившим на платформе, поспешили передать по телеграфу в Решетиловку сообщение для Реввоенсовета о том, что комиссар расстрелян. А я стоял рядом с дежурным по станции; он и я в течение этих нескольких минут пережили многое, но все закончилось благополучно. Крепко пожав дежурному руку, я выразил ему и всем железнодорожникам от имени Реввоенсовета войск Левобережной Украины благодарность за честную службу.

Было уже около двух часов ночи. Обстрел вокзала усилился. Я с нетерпением ждал появления второго бронепоезда, чтобы, обеспечив ему зеленую улицу, и самому на нем выбраться из города. Вскоре показался бронепоезд, с которого вокзал обстреляли из пулеметов и винтовок. Командир бронепоезда, очевидно, считал, что вокзал уже в руках белых, и шел на прорыв. Саперам-подрывникам я приказал, пропустив бронепоезд, немедленно взорвать водокачку и входные стрелки, после чего отходить в северном направлении, на Решетиловку. Сам же я решил, как только пройдут бронеплощадки бронепоезда, вскочить на ходу на заднюю платформу, обычно груженную шпалами и рельсами, необходимыми для восстановления железнодорожного пути. Но как не попасть под пули бронепоезда? Я решил укрыться за толстыми стенами вокзала, а как только последняя платформа поравняется со мной, броситься наперерез и взобраться на нее. Этот план удалось успешно выполнить. Уже лежа на платформе, через некоторое время я услышал позади себя сильные взрывы. Видимо, на воздух взлетели водокачка и стрелки.

Я почувствовал сильный толчок. Это наш бронепоезд на малом ходу наскочил на стоявший впереди поезд. Я соскочил с платформы, пешком вдоль желез-

нодорожного полотна пошел на Решетиловку. Через несколько часов я был уже в Решетиловке, откуда первым поездом отправился в Миргород, где находился поезд Реввоенсовета войск Левобережной Украины.

В Миргороде на станции меня встретил С. Г. Козюра. По выражению его лица я понял, что он не верит своим глазам. Придя в себя от удивления, член Реввоенсовета воскликнул:

— Как, вы живы?!. А нам из Полтавы сообщили, что вы расстреляны!

С. Г. Козюра повел меня в свой вагон, где я встретил товарищей Ю. М. Стеклова, Е. Б. Бош и Я. Я. Анвельта — помощника командующего 14-й армией. Я доложил о выполнении задания Реввоенсовета и о том инциденте, который случился на Юго-Западном вокзале. Все были удивлены и возмущены. Анвельт обещал наложить строжайшее взыскание на командира бронепоезда.

Через несколько дней я был назначен политическим комиссаром 57-й стрелковой дивизии 14-й армии, созданной из частей полтавской группы.

Однажды меня вызвали к Я. Я. Анвельту. Кроме него в штабном вагоне присутствовали Ю. М. Стеклов, Е. Б. Бош, С. Г. Козюра, начальник штаба 57-й стрелковой дивизии Беляев. Беляев сообщил мне, что из Москвы получена телеграмма с предложением направить одного из командиров дивизий в Академию Генерального штаба и что все присутствовавшие остановились на моей кандидатуре. Я поблагодарил за доверие и дал согласие. Беляев оформил командировочные документы, а Е. Б. Бош написала от себя письмо секретарю ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой.

Во второй половине июля 1920 года я окончил младший курс Академии Генерального штаба РККА и вместе с группой слушателей был направлен в 46-ю стрелковую дивизию, которой командовал Иван Федорович Федько. Я близко знал Ивана Федоровича по Северному Кавказу. В 21 год в критической обстановке ликвидации так называемой сорокинщины он стал командующим 11-й армией. С тех пор Федько прошел трудный и славный путь борьбы. Он командовал 58-й стрелковой дивизией в период похода Южной группы войск И. Э. Якира. Был награжден орденом Красного Знамени.

Когда я приехал в Орехов, Иван Федорович назначил меня во 2-ю бригаду. Я тотчас же отправился в Тифенбрун, что в 25 километрах от Орехова, и принял штаб бригады. Это был тот самый Тифенбрун, который стал известен после героических боев курсантов-петроградцев с белогвардейцами.

Перед 13-й армией, которой командовал И. П. Уборевич, стояла сложная задача. Ослабленная июньско-июльскими боями и только частично пополненная, она должна была отразить попытки Врангеля овладеть Донбассом, поднять против Советской власти Дон и Кубань и начать новый поход на центры революции.

В одну из августовских ночей, когда в штабе нашей бригады готовилось наступление на Большой Токмак, Мелитополь, раздался телефонный звонок. Меня вызывал к аппарату начдив И. Ф. Федько.

Иван Федорович сообщил, что на днях в оперативное подчинение командарма 13 И. П. Уборевича передана 2-я Конная армия. Командарм за неимением технических средств связи приказал мне через начдива выехать в расположение 2-й Конной армии, разыскать командующего О. И. Городовикова и передать ему устно приказ о начале наступления на рассвете 11 августа. 2-я Конная должна была мощным ударом сбить конницу Барбовича. Об исполнении приказа мне следовало немедленно донести в штаб 46-й стрелковой дивизии.

Задача предстояла не из легких. Я раньше никогда не встречался с О. И. Городовиковым. Место размещения штаба 2-й Конной было известно только предположительно. Я взял с собой двух конных ординарцев и, ограничившись этим слабым эскортом, отправился из Тифенбруна в Новый Мунталь. Там, по моим предположениям, располагалась одна из дивизий 2-й Конной армии.

Ночь стояла такая темная, что не видно было даже следов полевой дороги.

Я ехал впереди. За мной едва поспевали два моих бойца. Неожиданно донесся цокот копыт, и на дороге появился силуэт всадника. Наткнувшись на нас и услышав вопросительный оклик, конник повернул и поскакал назад. Я без труда догнал его и остановил. Выяснилось, что это вестовой из штаба 2-й Конной армии. До поселка Новый Мунталь, где расположился штаб О. И. Городовикова, оставалось не более двух верст.

Я приказал конармейцу проводить нас в Новый Мунталь. Отыскав дом, где размещался полевой штаб армии, я попросил тотчас же разбудить командующего. Ока Иванович Городовиков внимательно выслушал приказ командарма 13. Он приказал тотчас же поднять все четыре дивизии и выдвинуть их на рубежи, у которых было приостановлено днем наступление. Командующий 2-й Конной готовился выполнить приказ И. П. Уборевича сбить белую конницу.

Не прошло и двух часов, как 2, 16, 20 и 21-я кавалерийские дивизии были в пути. Рассветало. Всходило солнце. Перед нами лежали необъятные дали степной Таврии.

О. И. Городовиков предложил мне поехать с ним на командный пункт. Я согласился. Командующий сел в тачанку, а я с ординарцами верхом двигался рядом с ним.

Проехав четыре-пять километров, мы остановились у большого кургана. Ока Иванович приказал убрать тачанку и оседланных коней в овраг. Мы поднялись на самую вершину. С такой высоты в бинокли хорошо было видно передвижение нашей конницы.

Солнце поднялось высоко, стало жарко. Лошадей нужно было поить, а взять воды было неоткуда. Кони быстро уставали. Вовремя поданная бочка воды иногда решала успех действий эскадрона. В течение всего дня полки 2-й Конной вели встречный бой с превосходящими силами противника. Командарм 2 наблюдал за действиями обеих сторон, получал донесения от своих начдивов и отдавал им распоряжения.

Вдруг артиллерия белых открыла огонь по нашему кургану. Первые снаряды — недолет, второй залп — перелет.

— Теперь будет вилка, — сказал Ока Иванович, — надо перебраться за дальний скат.

Я спустился вниз, но командарм оставался на месте. Следующие гранаты, вопреки нашим предположениям, ударили на прежнем прицеле, и в двух-трех метрах от меня зашлепали осколки. Однако все обошлось благополучно.

Минут через двадцать командующий покинул свой наблюдательный пункт и по-товарищески просто предложил мне перекусить. Мы с аппетитом подкрепились,

за завтраком Ока Иванович предложил мне вернуться и через начдива 46 сообщить И. П. Уборевичу о положении 2-й Конной.

Возвращаясь в Тифенбрун, я встретил Петроградскую бригаду курсантов, стоящую за боевыми порядками 2-й Конной армии, в резерве 46-й стрелковой дивизии.

К вечеру 13 августа я был уже в штабе бригады и докладывал начдиву 46 о выполнении приказа Иеронима Петровича Уборевича.

Т. Н. СТАСЮК

ДНЕПРОВЦЫ

В январе 1919 года отряд черноморского моряка А. В. Полупанова сражался на подступах к Киеву. В ночь на 19 января пятнадцать матросов под его командой захватили петлюровский бронепоезд «Слава Украины». Этот бронепоезд немецкого производства имел мощное вооружение и опытную команду. На подступах к Киеву он действовал очень активно.

Революционные военморы взяли бронепоезд дерзкой ночной атакой. Ошеломленная матросским «полундра!» и рвущимися в боевых рубках гранатами, офицерская команда подняла руки. Захваченный бронепоезд поразил даже видавших виды полупановцев. Он имел двойную броню, обшивку из прессованной пробки, электросигнализацию и телефон, перископ в наблюдательной рубке, вращающиеся башни с четырьмя орудиями, зенитку на тендере паровоза, запасной бак с водой для охлаждения пулеметов с отводными трубками к каждому и даже уборные.

Через шесть дней бронепоезд был отремонтирован и готов к бою. Ярко-красными буквами по броне было написано новое название «Свобода или смерть! № 4». Надо сказать, что номер был дан произвольный. Дескать, бронепоезд этот не первый у Советской власти.

Вскоре Киев был взят совместными усилиями наступающих советских войск. Я, тогда моряк Черноморского флота, участвовал в освобождении украинской столицы в составе отряда Полупанова.

Слава бронепоезда «Свобода или смерть!» гремела на фронтах гражданской войны. При разработке боевых операций ему поручались самые трудные задачи. «Обратить внимание: бронепоезд Полупанова в Голутвино

после легкой починки и замены трех горных орудий стоит вполне боеспособен, — телеграфировал главковерх В. А. Антонов-Овсеенко. — Это лучший и смелый из бронепоездов. Полупанов — смелый, честный и сильный его командир» [1].

В начале 1919 года на Украине части Красной Армии очистили от врага большую часть территории и вышли на побережье Черного и Азовского морей. Но уже готовился новый поход против Советской республики объединенных сил белогвардейских армий и войск империалистических держав.

В. И. Ленин, разъясняя всю опасность положения молодой Советской республики, призывал удесятерить усилия в военном строительстве.

В феврале 1919 года нарком по военным делам Украины Н. И. Подвойский поставил перед Морским штабом в Москве вопрос о создании Днепровской флотилии. Но события опережали переписку штабов, и приказом командующего войсками Украины В. А. Антонова-Овсеенко от 12 марта 1919 года была создана Днепровская военная флотилия.

Ее первым командующим был назначен большевик-подпольщик военный моряк Андрей Васильевич Полупанов. Я знал Полупанова с 1918 года. Его внешность полностью соответствовала теперешнему представлению о моряке, герое гражданской войны: маузер через плечо, гранаты на поясе, пулеметная лента охватывает сильную грудь крест-накрест, бескозырка с надписью «Федониси», походка — матросская, носками внутрь, корпусом вперед. К этому времени Андрею Васильевичу было уже под тридцать — возраст для военачальников гражданской войны далеко не молодой. Он был на пять лет старше Тухачевского, на восемь — Уборевича и Якира, на девять — Виталия Примакова. С детства Полупанов работал на шахте. В 1912 году его взяли на военную службу во флот, служил он на линкорах «Георгий Победонос ец» и «Императрица Мария», на эскадренном миноносце «Федониси». В декабре 1917 года возглавил отряд моряков, который по приказу В. А. Антонова-Овсеенко был брошен к Киеву, где и захватил

[1] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Киев, 1963, с. 130.

бронепоезд белых. Полупановский «Свобода или смерть! № 4» отличился в боях под Одессой и Мелитополем, на румынском и Восточном фронтах...

Назначенный командующим Днепровской флотилией, А. В. Полупанов энергично комплектует экипажи кораблей. Первым начальником штаба днепровцев был назначен военный моряк Вадим Евгеньевич Дьяченко. Впоследствии киевский профессор математики, Вадим Евгеньевич и в то время отличался глубокими знаниями морского дела. Его спокойная распорядительность и безукоризненное ведение штабной работы сыграли немалую роль в успешных операциях 1919 года.

С организацией Днепровской флотилии следовало спешить по ряду причин. Главная заключалась в том, что к весне 1919 года Советская власть пустила прочные корни только в городах. Сельская Украина — в том числе прибрежные районы Триполья, Чернобылья и многие другие — истекала кровью под властью банд Струка, Зеленого, Ангела, Шуся и им подобных. Мощная водная система Днепра оказалась парализованной.

Формирование флотилии проходило в сложных условиях. Владельцы пароходства и отдельных пароходов занимались явным и скрытым саботажем. Суда приводились в негодность. Склады расхищались. Делались попытки сорвать организацию флотилии с помощью клеветы и провокаций.

В июле 1919 года А. В. Полупанов издал приказ следующего содержания: «Появление где-либо агитации и натравливания темных масс против матросов Днепровской военной флотилии или распространение в среде их настроений, враждебных рабоче-крестьянской власти или ее работникам, будет беспощадно пресекаться. Уличенные в этом будут немедленно арестовываться и расстреливаться на местах без суда и следствия» [1].

Исключительная энергия А. В. Полупанова, товарищеская помощь 1-й Украинской армии и киевских рабочих, особенно Подола, — вот что решило успех дела. По спискам на 21 марта флотилия уже имела в своем составе двадцать два судна, разделенные по армейскому образцу на три бригады. Бригадами командовали воен-

---

[1] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 6.

ные моряки В. П. Крупчинский, К. Т. Грибан и В. И. Колодницкий (последнего сменил военмор Клещенок). Политическими комиссарами бригад были назначены Г. А. Носов, В. С. Волков и Ф. С. Пилипушко. Первым комиссаром флотилии стал военный моряк К. Д. Дюков.

Должен сказать, что главную трудность представляло комплектование команд. Нам нужны были не просто бойцы, преданные революции, но специалисты — моряки, морские артиллеристы и опытные пулеметчики. А. В. Полупанов скомплектовал костяк флотилии из военморов, бывших под его командой на бронепоездах, в том числе на героическом «Свобода или смерть!». Был издан приказ Реввоенсовета Республики, по которому матросы из сухопутных частей откомандировывались в распоряжение флотилии, и это позволило, хотя и не очень быстро, сформировать команды судов почти полностью. Хорошо нам помог и приход добровольцев-моряков с потопленных кораблей Черноморского флота. Среди них было двадцать семь электриков и машинистов. Эти моряки-специалисты дали жизнь Днепровской флотилии. Кстати, отряд морской пехоты составил ядро десантников, впоследствии наводивших ужас на врага. Прислали группу специалистов балтийцы, среди них было десять минеров. Моряки флотилии провозгласили лозунг: «Пусть это будет речной флот, но и здесь мы покажем доблесть красных моряков».

В наши ряды добровольно вступили многие днепровские водники и киевские рабочие. На речных пароходах, вошедших в боевой состав флотилии, в ряде случаев оставались прежние команды во главе с капитаном. В условиях плавания по сложной водной системе Днепра речники-старожилы представляли особую ценность.

Спустя два месяца с начала формирования Днепровской флотилии численность ее личного состава увеличилась почти втрое и к 14 августа 1919 года составила 1536 человек. Каждый десятый днепровец был коммунистом. Огромную политико-воспитательную работу вели комиссары. 25 мая был открыт наш флотский клуб, названный именем лейтенанта Шмидта. Большевики Киева придавали этому событию большое агитационное значение; от имени ЦИК и Совнаркома Украины нас,

моряков-днепровцев, приветствовали Г. И. Петровский и Х. Г. Раковский.

Первые серьезные бои, в которых участвовала Днепровская военная флотилия, начались в апреле 1919 года. К этому времени Киев оказался с трех сторон окруженным кулацко-петлюровскими бандами. Сосредоточившись в районе Вышгорода близ Киева, отряды атамана Струка предприняли массированное наступление на город. Пользуясь временным отсутствием в городе частей 1-й Украинской армии, бандиты ворвались в предместье Киева Куреневку, организовали погромные выступления на Подоле и подошли к Лукьяновке. В те дни флотилия имела лишь три вооруженных буксира и около 250 военных моряков, прибывших для комплектования других судов. Военморы Полупанова вступили в бой за Подол. Объединенные силы Киевского гарнизона под командованием К. Е. Ворошилова выбили банды из города. Таким образом, боевое крещение флотилия получила не на реке, а в боях на улицах Киева.

Но перед войсками Красной Армии стояла неотложная задача ликвидировать отступившую банду Струка. Всякое промедление приводило к усилению кулацко-петлюровских сил. Резиденция Струка — Вышгород — находилась почти на берегу Днепра. Это обстоятельство делало участие флотилии в боях особенно желательным.

Во взаимодействии с частями 58-й стрелковой дивизии моряки Полупанова действовали смело и решительно. В тылу банды был высажен десант. При штурме Вышгорода атакующие были поддержаны артиллерийским огнем с судов. Атаман Струк потерпел еще одно тяжелое поражение и перестал угрожать украинской столице.

Однако банды Струка были только рассеяны. Потеряв Вышгород, Струк начал активно действовать на Чернобыльщине, в районах Иванова, Горностайполя и Чернобыля.

Атаман согнал в банду всех способных носить оружие мужчин. Банда разбухла до десяти тысяч штыков и сабель. На вооружении у нее имелось сорок пулеметов, орудия и бомбометы. Из семи пароходов, захваченных зимой, Струк создал флотилию. Бандитским террором струковцы держали в страхе всю Чернобыльщину.

Подготовка к операции по ликвидации банд Струка началась в последней декаде апреля. К 29 апреля в районе Дымер, Иваньково, Злодиевка, Горностайполь, занятом Струком, закончилось сосредоточение наших сил. На ликвидацию струковщины были переброшены Черниговский и Киевский отряды, а также Киевский Коммунистический полк. 29 апреля эти объединенные силы, насчитывавшие тысячу с лишним штыков, повели наступление на Чернобыль.

Вместе с отрядами Красной Армии к городу двинулись корабли 3-й бригады флотилии. Общее наступление на Чернобыль началось 2 мая 1919 года. Со стороны Припяти бой вели два вооруженных парохода под командованием начальника штаба флотилии В. Е. Дьяченко. На рейде было обнаружено сначала два, а затем семь судов, составляющих речные силы атамана Струка. Около пяти часов вечера наши корабли неожиданно прорвались к самому городу и открыли орудийный и пулеметный огонь по позициям противника. Дружно ударили наши части. Струковский гарнизон был разгромлен, а остатки его в панике разбежались. Флотилия была захвачена.

«2 мая в 19 ч. 20 мин. наши суда вошли в Чернобыль, — докладывал начальник штаба флотилии, — и, высадившись, заняли его. Банды бегут. Население встретило восторженно, устраивали митинги с оркестром Днепровской флотилии.

4 мая пехота начала наступление на Горностайполь; наши суда продвигаются вверх, приближаясь к Мозырю» [1].

Бои за Вышгород и Чернобыль оказались только началом длительной и кровавой борьбы с атаманами на Украине. В Триполье засел Зеленый, а на южном участке фронта тлел мятеж Григорьева.

Атаман Зеленый (Д. Терпило) служил в войсках Директории. После поражения войск Петлюры он, как и Григорьев, переметнулся в ряды красных украинских войск. Но когда главком В. А. Антонов-Овсеенко заявил, что формирования Зеленого не останутся самостоятельной единицей, а войдут в состав регулярных войск, петлюровский атаман поднял мятеж в районе Триполья

[1] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 278.

на Киевщине. Численность банд Зеленого достигала 2500 человек, а к началу мая за счет насильственной мобилизации выросла до двенадцати тысяч человек. Набеги Зеленого охватывали Переяславский и Золотоношский уезды. Сквозное движение по Днепру прекратилось.

Советское правительство Украины объявило Зеленого вне закона. К Триполью были двинуты войсковые части и суда Днепровской военной флотилии.

Полупанов с тремя вооруженными пароходами подошел к Триполью и под прикрытием артиллерийского огня высадил десант и занял местечко Триполье. Население встретило моряков с огромной радостью.

Вскоре банды Зеленого частично разбежались, частично были уничтожены войсками Красной Армии. Вверх по Днепру операции флотилии закончились успешно, и в прибрежных городах вплоть до самого Мозыря была восстановлена Советская власть. Вниз по Днепру суда флотилии спустились до Черкасс.

В первой половине мая поднял мятеж атаман Григорьев. Он передал на имя главкома В. А. Антонова-Овсеенко свой «Универсал». В тексте «Универсала» провозглашались «свобода торговли», «свободные (без коммунистов) Советы», «незалежность (независимость) Украины» и... борьба с Советской властью.

У Григорьева было до двадцати тысяч штыков и сабель. Пользуясь отсутствием крупных сил Красной Армии на пути своего движения, Григорьев 11 мая захватил Екатеринослав и Кременчуг, менее чем через неделю вошел в Херсон и Николаев.

Боевые действия против мятежников развернулись под руководством К. Е. Ворошилова, принявшего командование Харьковским военным округом. На Екатеринославщине борьбой с бандитами руководил П. Е. Дыбенко.

С отрядами Григорьева Днепровская военная флотилия столкнулась в районе Черкассы, Канев, Екатеринослав. Суда флотилии широко использовались для переброски десантов в тыл мятежников. Большую помощь сухопутным войскам оказывала корабельная артиллерия. Моряки вели энергичную пропагандистскую работу среди местного населения, лишая бандитов опоры в народных массах.

Измена Махно и неудачи войск Красной Армии в Донбассе открыли Деникину дорогу на Харьков и Екатеринослав. Особенно жестокие бои за Екатеринослав развернулись 26 и 27 июня. Командующий прибыл на этот участок фронта 27 июня. Корабли маневрировали у железнодорожного моста через Днепр и прикрывали огнем наши части, с трудом удерживающие позиции. Вскоре деникинцы ворвались в Нижнеднепровск и в деревню Амур и повели наступление на Верхнеднепровск. Два наших пехотных полка, опасаясь быть отрезанными, начали переправляться на правый берег Днепра. От деревни Амур до железнодорожного моста теперь белых отделяло всего три километра.

Я в то время был комиссаром полка Екатеринославского укрепрайона. Помню, что суда флотилии целые сутки непрерывным артиллерийско-пулеметным огнем сдерживали белых, не давая им переправиться к городу. Командующий оставил пароходы № 12 и № 13 у железнодорожного моста и приказал им держаться до последнего снаряда.

Одновременно с наступлением Деникина на Екатеринослав вновь активизировалась банда Зеленого в Триполье.

А. В. Полупанову стало известно, что положение в Триполье тревожное. Его весьма беспокоила судьба десанта, высаженного несколько дней назад в этом районе. Вскоре выяснилось, что десантная группа разбита. Зеленый занял свой старый район — Чернихов, Германовку, Триполье, Золотаевку, Стайки. Банда захватила пароход «Гоголь», находившийся на мели против Триполья, и установила на нем пулеметы и один бомбомет.

Через несколько недель численность банды Зеленого достигла нескольких тысяч человек; она вновь стала угрожать Киеву. Однако совместными усилиями рабочих отрядов, комсомольских дружин, сухопутных частей и судов флотилии Зеленый был разбит вторично. «Бронепароходом «Верный» в бою с бандой Зеленого в районе д. Стайки, — докладывал А. В. Полупанов, — отбиты захваченные ранее зеленовцами пароходы «Шарлотта» и «Зевс». На первом из них помещался штаб Зеленого. Атаману все-таки удалось бежать в одном белье, оставив нам четыре пулемета, продукты и

прочую добычу. В числе захваченного у бандитов Зеленого обнаружено четыре пуда серебра мелкой монетой, которое по ликвидации восстания доставлено в Киев.

После занятия Красной Армией Триполья остатки банды Зеленого разбежались в разные районы, в частности в район Кагарлыка и Ржищева, и заняли их.

3.VII. 1919. Бронепароходы «Адмирал» и «Курьер» подошли к Ржищеву и освободили его от остатков банды Зеленого...» [1]

Борьба с бандой Зеленого вошла в историю гражданской войны под названием «трипольской трагедии». Этой борьбе было отдано много сил и жизней наших людей, но главная опасность надвигалась с юга — это стотысячная армия генерала Деникина. Заняв в конце июня Екатеринослав и другие города низовья Днепра, белые двинулись вверх по реке. Была создана деникинская речная флотилия.

14 июля части 14-й армии при поддержке кораблей Днепровской флотилии выбили деникинцев из Екатеринослава. Суда Днепровской флотилии держали под огнем мост через Днепр и мешали белым переправить в город подкрепление на выручку своим отрезанным войскам. Однако силы были тогда далеко не равны. Войска Южного фронта вынуждены были отходить. На Украине Красная Армия вела борьбу одновременно на два фронта: на западе — против петлюровцев и белополяков, на юго-востоке — против деникинцев. 30 августа 1919 года в Киев ворвались петлюровцы, на следующий день в город вступили деникинцы. Суда флотилии поднялись вверх по Днепру, ведя непрерывный огневой бой с наседавшим противником.

Наступление Деникина на юге и активизация петлюровцев и белополяков поставили перед флотилией иные задачи. Наши боевые суда огнем сдерживали движение польских войск, прикрывая наш слабый армейский заслон.

3 августа я был направлен на политическую работу в отряд судов, действующий на Припяти. Через две-три недели после моего прибытия обстановка на нашем

[1] Моряки в борьбе за власть Советов на Украине, с. 13—14.

участке фронта резко изменилась. Поляки подтянули свежие силы, перебросили на Припять речную флотилию и укомплектовали ее бронекатерами.

Помню свои первые впечатления о Припятском отряде. Познакомившись с личным составом наших судов, я был прежде всего поражен тем, что ни на бронепароходе «Трахтомиров», ни на катерах не было ни одного коммуниста. Даже командиры были беспартийными. В политотделе флотилии меня об этом не предупредили. И тем не менее на кораблях соблюдался образцовый порядок. Боевые приказы и задания выполнялись беспрекословно, точно и в срок.

Весьма примечателен такой факт. Бронекатера за отсутствием бензина заправляли моторы спиртом-ректификатом. Прибыв на бронекатер № 1, я обнаружил на его борту бочку спирта емкостью в 350 литров. Признаться, я заподозрил возможность пьянства и разложения в команде. Однако все мои опасения оказались несостоятельными. Поведение военморов было выше всяких похвал. Помню, мы возвращались после жаркого боя с передовой. И только пройдя Мозырь, перед склянками на обед, командир обратился ко мне с просьбой выдать людям по чарке. Я с удовольствием дал такое разрешение.

Высокая сознательность и боеспособность команды бронекатера была подтверждена чрезвычайными обстоятельствами, сложившимися в тот же день. Прибыв на рейд Чернобыля, мы обнаружили на пристани в городе панику. Местные власти собрались на одном из пароходов, держа машины под парами и готовясь отплыть в любой момент.

Приказав командиру бронекатера стать на якорь и держать наготове орудия и пулеметы, я в шлюпке отправился на пароход к местным властям. Созвали совещание, на котором выяснилось, что паника безосновательна. Деникин и Петлюра еще далеко. Струк боится занимать Чернобыль имеющимися силами. И тем не менее город на двое суток брошен на произвол судьбы. На совещании я предложил местным властям перебраться с парохода в город и заняться выполнением своих прямых обязанностей.

К ночи многие учреждения заработали. Началась подготовка к плановой эвакуации продовольствия и ма-

териальных ценностей. Водного транспорта для этих целей имелось достаточно. За три дня, проведенные в Чернобыле, моряки-днепровцы обеспечили эвакуацию в спокойной обстановке, без всякой паники.

Должен с гордостью отметить, что вскоре в отряде была создана комячейка РКП(б). К концу плавания в ее рядах было десять военморов-большевиков.

В начале сентября Днепровскую военную флотилию проверяла комиссия Реввоенсовета Западного фронта. Изучив положение дел, комиссия поставила вопрос о создании самостоятельной Припятской военной флотилии.

В ее состав предлагалось включить все суда местных гарнизонов, корабли Днепровской флотилии, присланные на Припять, и все речные средства, предназначенные для оперативных перевозок и снабжения фронтовых частей. Приказом от 13 августа 1919 года, подписанным командующим Западным фронтом В. М. Гиттисом, членом РВС И. В. Сталиным и начальником штаба фронта Н. Н. Петиным, предложения комиссии были утверждены. Начальником флотилии назначили военного моряка П. И. Пашкина. Припятская флотилия поступала в оперативное подчинение начдиву 8 и штабу 16-й армии.

Однако создание особой флотилии на Припяти не отвечало интересам фронта. Не прошло и полутора месяцев, как А. В. Полупанов с согласия начмора республики расформировал Припятскую флотилию и влил ее в состав Днепровской. Оборона Мозырьского района стала опять делом днепровцев. Забегая вперед, скажу, что бои мы вели всю осень. А с наступлением зимы на рейдах Мозыря, Юровичей и Чернобыля зазимовало 13 кораблей Днепровской военной флотилии.

Но вернемся к событиям осени 1919 года. 30 августа, после потери Киева, Днепровская флотилия перебазировалась в Гомель. 7 сентября туда прибыл штаб флотилии со всеми вспомогательными службами. Наши боевые суда, действуя на сужающемся водном пространстве, вели борьбу на два фронта: на западе — с сухопутными и речными силами поляков, на побережье Днепра и Припяти — с деникинцами и петлюровцами.

К тому же велась подготовка к возможным боевым действиям в верховьях Днепра и Березины на случай появления там белополяков.

После отступления из Киева флотилия насчитывала восемнадцать боевых кораблей, вооруженных орудиями и пулеметами. Личного состава было более 2500 человек.

Судам флотилии, отошедшим вверх по Днепру, ставилась задача постоянного патрулирования в районе Глебовка, Вышгород, регулярного обстрела белых позиций и проникновения в тылы Деникина вплоть до Киева.

2 октября 1919 года дежурные суда Днепровской военной флотилии «Грозный», «Гневный» и «Геройский» под командованием военмора Ю. Е. Дьяченко встретились у местечка Печки с семью кораблями белых. Деникинская флотилия под командой капитана 1 ранга Лукомского имела задачу разгромить отряд днепровцев и высадить десант у местечка Печки на правобережье Днепра, в тылу нашей 58-й стрелковой дивизии.

События развивались так. Во второй половине дня 2 октября с наших судов был замечен дым, а вскоре над нами стала рваться шрапнель. Стреляли белые, идущие по Днепру. Красные канонерки снялись с якоря и пошли на сближение с врагом. Артиллерийский бой длился около часа. В результате был потоплен белый бронекатер и захвачен вооруженный пароход «Доброволец». Еще один катер и плавучая баржа «Владимир Святой», вооруженная орудием, получили значительные повреждения.

К концу боя мы вместе с комиссаром флотилии Г. А. Татариновым и начальником политотдела П. И. Рыльским прибыли в расположение нашего отряда и, поднявшись на борт «Добровольца», беседовали с пленными моряками-деникинцами. Надо сказать, что все восемь человек вместе с офицером изъявили желание служить в Красной Армии. Бронепароход «Доброволец» через пять дней был отремонтирован и передан во 2-й дивизион под названием «Пролетарий».

В начале октября войска 12-й армии, чтобы облегчить положение наших частей в районе Чернигова, нанесли контрудар на киевском направлении.

Судам флотилии было приказано спуститься вниз по Днепру и вступить в огневой бой с врагом. 5 октября днепровцы подошли к самому городу, обстреляли деникинские пароходы в гавани, вокзал и вступили в бой с береговой артиллерией. 15 октября части 12-й армии выбили деникинцев из Киева и удерживали город несколько дней.

21 октября командарм 12 С. А. Меженинов отдал приказ «закрепиться на линии р. Припять, удерживая Фастов, и привести части в порядок для нового удара на Киев по особому приказу тчк 47 дивизии продолжать наступление и взять Чернигов тчк Днепровской военной флотилии не допускать распространения противника вверх по Днепру, держа связь с левобережными частями 58 дивизии и ведя налеты на Киев тчк» [1].

Когда с Деникиным было покончено, моряки Днепровской военной флотилии приняли участие в боях против белополяков зимой 1919/20 года.

По приказу командарма 12 мы отправили на сухопутный фронт два отряда. Первый из них ушел 13 декабря 1919 года. Командовал этим отрядом военмор Алексей Петров. Я был назначен комиссаром отряда. Некоторые судовые команды просили направить их на фронт в полном составе. Приходилось убеждать моряков в том, что кому-то необходимо заниматься зимним ремонтом и заменой вооружения судов.

Назначение на должность комиссара отряда было для меня неожиданным. Я только что вернулся из отпуска и готовился приступить к исполнению своих обязанностей в политотделе. Вот тут и вызвал меня комиссар флотилии и приказал немедленно принять отряд. В двадцать четыре часа 13 декабря я должен был отправиться вместе с моряками в распоряжение командира мозырьского боевого участка.

В отряд вошло 275 военных моряков. Их вооружили, обмундировали и отправили на фронт. Линия фронта нашего участка протянулась почти на тридцать километров. Отряд часто перебрасывали с места на место и использовали как самый надежный резерв в местах прорыва.

[1] ЦГА ВМФ, ф. 139, оп. 1, д. 3, л. 40, 52.

Очень запомнился один из боев нашего отряда. 20 декабря на рассвете мы выступили из Скригаловской слободы и к двенадцати часам подошли к сильно укрепленной деревне Конковичи. Противник создал два ряда сплошных окопов с брусчатыми блиндажами, бетонными дзотами и густыми проволочными заграждениями в два кола. Конковичский укрепленный узел удерживали два батальона пехоты, эскадрон кавалерии и шестиорудийная батарея. Наш отряд имел на вооружении 250 штыков, два «максима» и трехлинейки.

Белополяки не ожидали нападения. Служба охранения велась беспечно. Жолнеры сидели по избам и обедали.

Мы атаковали деревню редкими цепями, но с четырех сторон. У противника создалась иллюзия окружения. Белополяки были ошеломлены. Они только тогда добрались до окопов, когда наши моряки уже ворвались в деревню с противоположной стороны. Приказ о занятии Конковичей был выполнен.

Однако вскоре мы получили письменный приказ оставить занятый рубеж и вернуться в исходное положение. Уходили с невыразимой обидой.

Надо прямо сказать, что, несмотря на малочисленность отряда моряков, его атаки производили ошеломляющее впечатление на пилсудчиков, боевого соприкосновения с ним они не выдерживали. Местные жители рассказывали, что весть о прибывшей на мозырьский участок морской пехоте разнеслась по всему фронту. У страха глаза велики, и численность отряда по этой причине невероятно раздувалась.

В середине января 1920 года наш отряд был отозван с фронта в Киев. Моряки сердечно простились с командиром отряда товарищем Петровым и со мной. Газета флотилии «Красный моряк» подробно рассказала о замечательных боевых делах отряда под Мозырем.

С. Е. МАРКЕЛОВ

НАЧАЛО АЗОВСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ

В феврале 1920 года штаб Балтийского флота получил телеграмму от уполномоченного наркомвоенмора Николая Федоровича Измайлова, согласно которой я был откомандирован в его распоряжение.

Уезжая из Петрограда, я узнал, что Измайлов с отрядом военных моряков направляется в Харьков. Матросский эшелон я догнал в Орле. Это было вечером 25 февраля. Измайлов встретил меня очень приветливо, по-товарищески обнял и, как говорится, с места в карьер предложил мне должность начальника гидрографии Черного и Азовского морей. Я категорически отказался, сославшись на недостаток знаний.

— Да и какой из меня специалист по Черноморью,— сказал я Николаю Федоровичу.

Измайлов рассердился:

— Я тоже, как тебе известно, балтиец, а вот назначен на юг и еду. К тому же ты — прапорщик, военному делу учился и в гидрографии работал шесть лет. Так что отказов не принимаю — время не такое.

26 февраля ранним утром мы прибыли в Харьков. Спустив с платформы легковую открытую машину, мы с Н. Ф. Измайловым в сопровождении двух конных матросов поехали в штаб фронта. Редкие прохожие останавливались, удивленно рассматривая столь странный кортеж. Явились в штаб фронта к командующему А. И. Егорову. Побеседовав с нами, командующий предложил Измайлову срочно представить проект организации обороны побережья Черного и Азовского морей.

Возвращаемся в штабной вагон, и Николай Федорович предлагает мне засесть за составление проекта.

Признаться, я растерялся. Мои возражения Измайлов отмел с логикой революционного моряка:

— Ты, товарищ Маркелов, имеешь хоть какое-то военное образование, а я — матрос-водолаз. — Заметив мое огорчение, он хладнокровно добавил: — Давай вместе выполнять решение Реввоенсовета, насколько хватит у нас знаний и способностей.

Мне пришлось согласиться, в душе очень надеясь на коррективы начальника штаба фронта Н. Н. Петина, большого специалиста штабной работы. Между тем к составлению проекта подключилась большая группа балтийцев. В купе раскладываем карты Черного и Азовского морей, приступаем к делу. Размечаем посты службы связи от Очакова до румынской границы, строим схему минных заграждений на подходах к Одессе и Очакову, а также выделяем участки для установки артиллерийских батарей и прожекторов на случай высадки белых десантов. Краткий план создания оборонительного флота и отрядов тральщиков завершал схему обороны. По северному побережью Азовского моря мы намечаем ряд мер для артиллерийской обороны Бердянска и Мариуполя, главной базы будущего красного флота этого моря.

Выбор базы флота в Мариуполе нами обосновывался соображениями преимущества закрытого, оборудованного порта при наличии железной дороги и близости Донбасса — топливной базы будущей Азовской флотилии.

Намеченный план обороны не давал белым возможности нанести удар по приморским флангам наших армий. Этому препятствовал красный флот на Азовском море, который прикрывал фланги двух фронтов — Юго-Западного и Кавказского.

На совещании Реввоенсовета Юго-Западного фронта 1 марта Измайлов был назначен начальником морских сил Юго-Западного фронта (коморси Югзап), а я — морским начальником Азовского моря (начмораз) с поручением организовать флотилию и оборону побережья. Выйдя из штаба, я по-настоящему сцепился с Измайловым.

— Поймите, — говорил я ему, — если я завалю дело, фронту будет нанесен страшный вред, а вам придется отвечать!

— Не завалишь. Ты молодой и энергичный, знания кое-какие есть, а я дам тебе хорошего комиссара — Ваню Грачева. Ответственность большая, конечно, а потому она и дух поднимает. Беляков надо добить. Завтра получай с Грачевым в казначействе пять миллионов рублей, выделяю тебе десятка три хороших матросов и немного оружия. Второго или самое позднее третьего марта выезжай в Мариуполь. Мандат получишь крепкий. Давай разворачивайся!

2 марта с ордером на пять миллионов рублей мы пришли с И. П. Грачевым в казначейство. Кассир поинтересовался:

— А куда вы деньги положите?

Мы растерялись. Куда положить такую уйму мелких кредиток? Пришлось купить на базаре плетенку с двумя ручками. Довольно увесистую корзину несли из казначейства на вокзал вдвоем, я держал в свободной руке наган. Корзину с деньгами поставили в купе и для порядка «опечатали», приложив к сургучу медный пятак.

Наш эшелон пришел в Мариуполь 12 марта. Для начала нужно было помыться. Баня около вокзала закрыта. Нашли заведующего, спрашиваем:

— Можно ли устроить баню?

— Можно, ребятки, да у вас денег не хватит. Помойтесь лучше в тазах.

— Нас тридцать человек, на всех тазов не хватит. Говори, сколько стоит.

— Пятьдесят тысяч дадите, затоплю.

— Ты что, в своем уме?

— В уме не в уме, а дрова нужно завезти, людей собрать, баню прогреть. Не топили целый год.

Торговаться было бесполезно. Дали аванс двадцать пять тысяч, остальные договорились выплатить после того, как баня будет готова. Часам к одиннадцати вечера мы уже вышли чистые, довольные, а в темноте стояла очередь жаждущих помыться. Им это удалось сделать после нас, пара хватило.

Утром следующего дня мы с комиссаром отправились в Мариупольский ревком. Выяснив, с какой целью прибыл матросский отряд, ревкомовцы зачислили нас на довольно скудный городской паек и предложили занять пустующее управление порта, куда военморы

тотчас и перебрались из вагонов. Получив в коммунхозе мебель и посуду, начали устраивать жилье.

Первое, с чем я столкнулся в Мариуполе, — отсутствие налаженной службы связи. Наблюдение за неприятельскими судами в море вели конные патрули. Организовать посты связи было приказано сразу же по выезде из Харькова. Для этой цели еще с пути следования экспедиции я командировал в порты Ростова, Таганрога и Бердянска по два-три военмора с мандатами на право учета брошенного белыми военно-морского имущества.

Создание береговых постов связи обеспечивало только наблюдение за морем. Необходимо было восстановить телеграфную связь с Николаевом (штаб Наморси), Александровском (штаб 13-й армии) и Ростовом (штаб Кавказского фронта). С матросской оперативностью раздобыли два телеграфных аппарата, и уже к 20 марта связь с Александровском, Николаевом и Ростовом была налажена. Начальник штаба Кавказского фронта с нашей помощью даже связался с Н. Ф. Измайловым.

Но главная трудность состояла в другом. Нужно было создать штаб Азовской флотилии. А как, из кого? Специалистов нет, знаний и опыта у нас с Грачевым тоже нет. Мы не знали даже, как наладить делопроизводство. После немалых хлопот разыскали в городе делопроизводителя. Деньги из корзины переложили в железный ящик, кассиром назначили грамотного матроса. Нашли и снабженца, которому поручили заняться организацией питания. Он же доставал в Донбассе уголь для судов и мастерских.

В конце марта начали создавать штаб и его отделы. Специалистов-штабников не было ни в нашем балтийском отряде, ни в военном комиссариате Мариуполя. И тем не менее штаб заработал, не слишком грамотно, но заработал. Начальниками отрядов стали прибывшие со мной военморы, те, что пограмотней и посмекалистей, и несколько товарищей-мариупольцев. Моряки, как и я в Харькове при собственном назначении, ругались, проклинали и меня, и свою разнесчастную долю, но брались за работу. Действовал железный закон революции: необходимо для Советской власти — умри, а сделай!

Постепенно штабная машина заработала. Надо было сделать самое необходимое — наладить оперативную работу, вооружить суда, подготовить их команды.

Призыв на службу бывших матросов военного флота был объявлен приказом штаба Юго-Западного фронта от 7 марта 1920 года. Первые партии мобилизованных стали прибывать в Мариуполь почти одновременно с нашим приездом. Это были люди, повидавшие всё и вся, прошедшие огонь, воду и медные трубы гражданской войны. Некоторые воевали у Махно, побывали у белых, дезертировали и вот теперь прибыли к нам. Внешне выглядели они фантастически: небритые, немытые, одеты во что попало — в рубахи, полушубки, поддевки.

И вот этих без малого пятьсот человек нужно было отмыть, обмундировать и в кратчайший срок превратить в надежных бойцов за Советскую власть. Всю работу на первых порах взвалил на себя комиссар. Он создал из коммунистов партгруппы, взял на вооружение все формы пропаганды словом — от личной беседы до митинга. Когда в Мариуполе развернулся политотдел, мобилизованными специально занялись заместитель начальника политотдела Т. И. Рыльский и начальник политсекретариата Л. Л. Полтавский, сумевшие кроме всего наладить флотскую художественную самодеятельность.

Первоначальную проверку мобилизованных матросов проводила специальная комиссия. Комиссар и я выкраивали время, чтобы участвовать в ее работе. Припоминаю один из множества эпизодов, связанных с работой комиссии. Перед председателем стоит моряк с рыжими, отпущенными по-украински усами, в дряхлом полушубке и когда-то белых штанах, с татуировкой на груди: «Боже, храни моряка».

— Ваша фамилия?

— Ваня Яблочко.

— А в документах военкомата вы значитесь Иваном Захарченко.

— Так то ж военкомат написал, а меня весь флот знает как Яблочко.

— Где вы плавали?

— На «Машке» (линкор «Императрица Мария»).

— Назовите фамилию старшего офицера.

Яблочко, обратившись к стоящим сзади морякам, по-украински говорит:

— Братишечки, вин мене пытае про старшего охвицера?

— Ну тогда скажи, браток, кто был на «Машке» старшим комендором.

Ваня Яблочко молчит.

— Вот не знаешь старшего комендора «Машки», а это как-никак был я, — с укоризной говорит председатель. — Где вы были в последнее время?

— У Махно був, да воны — душегубы, бандиты. У беляков был, так воны царя хочут и помещиков сажают, а я вот пришел к своей рабочей власти!

Я шепчу на ухо председателю:

— Оформляй...

Ваня Яблочко, он же Захарченко, был зачислен комендором. Он оказался не только хорошим артиллеристом, но и весельчаком, певцом и танцором. Шутками, прибаутками Ваня высмеивал беляков и всю, как он любил выражаться, мировую буржуазию. Надо сказать, агитпроп Вани Яблочко работал с завидным коэффициентом полезного действия. Этот Василий Теркин гражданской войны превосходно агитировал за Советскую власть. Впоследствии товарищ Захарченко стал большевиком. В 30-х годах он плавал старшим механиком на судах Черноморского торгового флота.

20 марта на ледоколе «Донские гирла» мы с комиссаром флотилии Грачевым вышли для инспектирования портов и восстановления постов на побережье Азовского моря.

Подходя к Ейску, увидели на берегу множество народу. Повсюду алели флаги. Причина неожиданного скопления людей разъяснилась, когда на борт поднялся председатель Ейского ревкома, бывший матрос Демьяненко. Радостно и торжественно настроенный, он предложил открыть митинг. Я заметил, что рановато митинговать по поводу появления единственного корабля красной Азовской флотилии, да и, как я полагал в то время, вроде бы лишне каждому жителю Ейска знать о факте создания флотилии.

— Ничего, — бурно возразил Демьяненко, — пусть знают. Пусть хоть сами беляки слухают, что им каюк приходит.

Митинг на ейском причале все-таки состоялся, и товарищ Демьяненко оказался отличным оратором. Мешая русские и украинские слова, он с истинным пафосом говорил о тяжелом положении республики, которую обступили голод, враги и разруха, о красных моряках, не щадящих здоровье и жизнь ради пользы трудящихся, о долге каждого трудового человека перед красными героями, как он назвал красноармейцев и моряков. Громовые возгласы одобрения были ответом на речь председателя ревкома.

В кабинете Демьяненко мы с Грачевым подробно рассказали ему о нуждах флотилии и попросили помочь продовольствием, так как паек у моряков был очень скудным. Демьяненко вызвал секретаря и дал распоряжение отпустить флотилии скота тридцать голов, муки два вагона, гречки один вагон, масла коровьего две бочки, табаку-махры пять пудов.

Мы с трудом скрывали радость — на первое время экипажи будут сыты и, что тоже немаловажно, обеспечены махоркой. Товарищ Демьяненко одним щедрым подарком от трудящихся Ейска не ограничился. Всю весну и до середины лета, в самые голодные месяцы, он безотказно снабжал флотилию продовольствием. Моряки-азовцы многим обязаны трудящимся города и председателю Ейского ревкома.

Возвратившись на борт ледокола, я приказал явиться для доклада начальнику Ейского порта. К моему удивлению и радости, им оказался бывший капитан 2 ранга Василий Федотович Дудкин, прекрасно знакомый мне по Балтике. Не без дальнего прицела Василий Федотович прихватил одного из своих помощников — капитана Василия Федоровича Медведева. Его он представил как отличного штурмана, знатока Азовского моря. Мы с комиссаром, не успев обменяться ни одной фразой, одновременно пришли к выводу, что силы нам подвалили солидные, растрачивать их на маленький Ейск непозволительно, а нужно безотлагательно забрать специалистов в штаб флотилии — там им цены нет. Решения в те годы принимались молниеносно. В. Ф. Дудкину была предложена должность начальника

штаба флотилии, В. Ф. Медведеву — начальника оперативного отдела.

Вечером вахтенный доложил, что какая-то женщина просит меня принять ее. В каюту почти вбежала высокая дама с двумя детьми и бросилась на колени, умоляя спасти ее мужа.

Я поднял ее и спросил, что означает ее просьба и кто ее муж.

— Я — бывшая княжна Ухтомская, мой муж — полковник, корабельный инженер. Мы спрятались, не ушли с белыми, которые разложились, пьянствуют, развратничают, продают Россию. Мы поняли, что это не армия России, а банда. Спасите нас, мой муж — превосходный специалист, он будет полезен России.

Я постарался успокоить бывшую княжну и обещал непременно принять и выслушать ее мужа. Часа через два вахтенный доложил:

— Товарищ командующий, вас какой-то мужик спрашивает.

Вошел коренастый человек в поддевке, подпоясанной кушаком. Открытое лицо, смелые, несколько встревоженные глаза.

— Корабельный инженер полковник Барков Виталий Александрович явился в ваше распоряжение, — доложил он.

Мы с комиссаром долго беседовали с ним. Он подробно и искренне рассказал о себе, о своих настроениях и переживаниях. Решено было зачислить В. А. Баркова на должность корабельного инженера.

В эти же дни к нам явился скрывавшийся от белых молодой артиллерист Подольский. Он был тоже без лишних проволочек принят во флотилию.

В Ейском порту были реквизированы для нужд флотилии буксиры «Данай» и «Лисовский» (переименован в «Пролетарий»), паровая шхуна «София» и паровые шаланды «Орна» (переименована в «Свободу») и «Ольвия». Команды численностью около ста двадцати человек мобилизовывались в военный флот. Два брошенных белыми 47-миллиметровых орудия без снарядов были погружены на ледокол для доставки в Мариуполь. Так, по частям, нередко благодаря счастливому случаю, сколачивался плавсостав флотилии и налаживалась организация службы.

21 марта утром вышли в Таганрог, а через день уже были в Ростове. В кабинете командующего Кавказским фронтом М. Н. Тухачевского мы застали члена Реввоенсовета Г. К. Орджоникидзе и начальника Доно-Азовской флотилии Н. Потемкина. Необходимо было решать вопрос о двоевластии на Азовье. Я предъявил свои полномочия и изложил позицию Югзапфронта и коморси Югзап — создание единой флотилии на Азовском море, комплектование полуэкипажа и службы связи, оборудование базы непременно в Мариуполе, ибо только Мариупольский порт по своему географическому положению и степени готовности отвечает всем необходимым требованиям. К высказанным соображениям я добавил, что только единый флот и единый штаб смогут оперативно и эффективно выполнять задания смежных фронтов, какими являются Кавказский и Юго-Западный.

М. Н. Тухачевский не возражал против организации общей центральной базы, но категорически был против ликвидации флотилии фронтового подчинения. Без обиняков Михаил Николаевич заявил, что будет лучше, если охрану Азовского побережья разделить на фронтовые зоны. Снабжение же углем и спецматериалами можно наладить в Мариуполе, куда флотилия Кавказского фронта будет заходить по мере надобности. Тухачевский не скрывал своих опасений, что объединенная, но подчиняющаяся одному из фронтов флотилия будет с меньшей оперативностью обслуживать нужды «чужого» фронта.

Я возражал, ссылаясь на отсутствие в истории всех времен и народов подобных случаев. Как, спрашивал я, можно представить, что на военном театре маленького, внутреннего моря действуют два флота одной страны? Пришлось сослаться на опыт минувшей войны, напомнить, что царский Черноморский флот должен был обслуживать несколько фронтов и справлялся с этой задачей. Но главный мой довод был далек от исторических экскурсов, насущные фронтовые нужды обступали нас со всех сторон. Как же перед лицом грозной опасности пойти на систему двух флотилий, распылить и без того слабые силы? Да в конечном счете такая чересполосица приведет не к эффективной борьбе с противником, а к нелепой и унизительной «войне» между

штабами по причине элементарного отсутствия радиосвязи между судами.

Командующий Доно-Азовской флотилией молчал, ждал случая, чтобы подкрепить доводы Тухачевского по-матросски увесисто и без лишней дипломатии. Вдруг несколько неожиданно для меня заговорил член Реввоенсовета:

— Полагаю, что товарищ Маркелов прав. Нам не следует распылять силы. Флот нужно объединить.

Мнение Орджоникидзе изменило ход спора, но, как выяснилось в дальнейшем, не сняло противоречий. Поэтому было принято половинчатое решение: Потемкин в ближайшие дни передает Ростовскую флотилию в мое административное подчинение, оперативные задачи перед ней ставит штаб Кавказского фронта, для чего в Мариуполь направляется специальный представитель. Это подрывало основы единого командования, кроме того, это было невыполнимо в боевой обстановке.

Мои опасения подтвердились сразу же после совещания в аппаратной штаба. Из Ейска срочно просили помощи: командарм 8, не согласуя действий с Ростовом, задержал реквизированные мною суда для обороны флангов Кавказского фронта. Пришлось вернуться в кабинет М. Н. Тухачевского и просить его дополнительного распоряжения. Я мотивировал свое решение тем, что только в Мариуполе, отремонтировав и вооружив разношерстные посудины, можно превратить их в боевую силу.

— Срочно и без проволочек надо перегонять их в Мариуполь! — настаивал я перед командующим.

Распоряжение было дано по телеграфу. И тем не менее в Ейске дело не двигалось. Пришлось давать письменное заверение военкомдиву М. П. Янышеву, и только после этого я смог отдать приказ о перегонке судов. Ночная телеграмма Потемкина отменить приказ — видно, в Ростове еще раз изменили решение — опоздала. Вечером 26 марта суда пришли в Мариуполь.

Все эти досадные неурядицы тормозили работу. В то время на имя М. Н. Тухачевского была получена совершенно недвусмысленная телеграмма коморси республики А. В. Немитца. «На военмора Маркелова возложена оборона Азовского моря тчк Всем вопросам прошу сноситься Маркеловым тчк Сделано распоря-

жение посылке 500 мин рыбка адрес Маркелова в Мариуполь тчк Артиллерия обороны берегов Азморя будет выслана из центра тчк Главком дал директиву Донской флотилии иметь только охрану реки Дон тчк Морскую флотилию отнюдь не организуйте тчк Прошу Ваш отзыв».

Тяжба между двумя фронтами тянулась до выхода Врангеля из Крыма. Дело дошло до угона в Ростов по приказу комфлота гемкина ледокола «Донские гирла», посланного за провизией в Ейск. В телеграмме на имя Реввоенсовета Юго-Западного фронта я указал, что безответственная партизанщина подобного рода срывает организацию обороны Азовского побережья и делает опасным заход наших судов в порты южного берега, находящиеся в зоне Кавказского фронта.

Донская флотилия Потемкина продолжала бесцельно стоять в Ростове и только после многих повторных протестов, поддержанных Реввоенсоветом Юго-Западного фронта, была 15 июня с непростительным запозданием направлена в Мариуполь. За неделю с лишним до этого Врангель вырвался из Крыма на просторы Северной Таврии.

Перед Азовской флотилией, которая, несмотря на досадные проволочки, собирала силы, ставились серьезные задачи. В ее обязанности входили высадка десантов, блокада и обстрел берегов, занятых противником, постановка минных заграждений, охрана флангов Кавказского и Юго-Западного фронтов.

Между тем подготовка морских средств борьбы с Врангелем шла недопустимо медленно. Реорганизованная белая армия, чрезвычайно сильная своим кадровым офицерским составом, недооценивалась в наших штабах. На совещании в Реввоенсовете командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров заявил, что взятие Крыма — дело ближайших двух дней, поэтому о развитии морских сил особенно беспокоиться не следует. Зная мнение командующего по этому вопросу, понимаешь, почему мизерная партия в пятьдесят снарядов для шестидюймовых орудий была доставлена из Николаева с большим запозданием и прибыла только 3 мая. Причем в препроводительном наряде красовалась фантастическая приписка: «Для морального воздействия».

Вспоминаю наши первые усилия по организации

флотилии, службы связи и береговой обороны. По сравнению с современными масштабами они могут показаться незначительными, плохо организованными и, что греха таить, чуть ли не анекдотичными. Но читателю следует напомнить: военные моряки двадцатого года начинали на развалинах, оставленных белыми; их была горстка, с малыми знаниями и отсутствием опыта. Там, где они трудились с верой в победу, другие давно бы опустили руки. Поэтому достойны вечной памяти их малые по масштабам, но великие по революционному духу дела, о которых рассказывает наша скромная хроника.

2—4 апреля были поставлены орудия на сторожевых судах «Республиканец» (два 47-миллиметровых орудия) и «Данай» (одно 75-миллиметровое орудие). Другие корабли продолжали ждать прибытия орудий.

Флотилии, как таковой, еще не существовало, когда 11 апреля сторожевик «Данай» (командир Н. П. Коваленко) выходил на разведку к Геническу, а 15 апреля — к острову Бирючий, где обстрелял канонерскую лодку белых «Страж».

3—4 апреля были установлены посты связи в селении Кирилловка (связь конная), в городе Ногайск (связь с Бердянском телефонная), на маяке Белосарайский (связь с Мариуполем конная, так как не было провода).

12 апреля военмор Кодацкий был назначен начальником связи Азовского моря.

14 апреля прибыли из Николаева два шестидюймовых орудия без снарядов. Я приказал доставить их на площадку хутора Каллери, для чего подыскать тележки и необходимое количество быков, так как высота подъема была двадцать пять, а длина пути до тысячи саженей. Само же орудие весило около шестисот пудов. С нашими средствами задача эта оказалась нелегкой. Организовать транспортировку взялись известный на флотилии механик Ф. Лавренко и его постоянный товарищ по монтировке Саенко. Я имел все основания доверять их смекалке и деловитости. В городе нашлись две специальные тележки для перевозки особых тяжестей, а тягловая сила на юге известная — быки. Трудности подъема орудия вызывались не только его весом, но и никуда не годной колеей проселочной дороги. Орудие поставили на тележку с помощью крана, закрепили, впрягли быков; за дополнительные тросы

взялось без малого четыреста моряков и добровольцев из поселка. Только после всех этих приготовлений наш чудо-караван тронулся.

Перевалив железнодорожные переезды, под «Дубинушку» въехали в поселок. Орудие то и дело застревало на поворотах, оно постоянно заваливалось и готово было потянуть за собой и тележки, и ближних быков. И тогда на помощь нашей рати бросились местные жители. После каждого благополучного выхода из поворота разносилось «ура». Погода стояла жаркая, люди окончательно измотались, пока протащили тележки через весь поселок. Сзади остались глубокие колеи от тяжелейшего груза. А впереди еще предстояло самое трудное — втащить груз на площадку по длинному косогору. И среди добровольцев было поднялся ропот. Нужно было переломить настроение, и за это взялся комиссар Грачев. Прямо с пушки, окруженный моряками в мокрых от пота тельняшках и сам обливаясь потом, он обыденными, но по-матросски неотразимыми словами умело повернул настроение людей. Ожила матросская удаль, и после команды комиссара «Приготовиться, пошли!» орудие каким-то чудом поползло по косогору и менее чем через час было наверху.

Так было поставлено первое орудие очень важной для нас батареи № 1 у мыса Каллери. Командиром ее стал Михаил Федорович Долгов, участник многих боев гражданской войны. Он сумел в кратчайший срок установить недостающие пушки, подобрать опытные расчеты и превосходно организовать систему огня.

18 апреля по моему приказу была произведена вторичная глубокая разведка в районе Геническа. Ее выполнил на «Данае» военмор Кодацкий, только что назначенный начальником связи Азовского моря. Наш сторожевик смело прошел в Генический пролив и обстрелял укрепленную Арабатскую косу. Кораблей белых обнаружено не было.

В середине апреля штаб Юго-Западного фронта, очевидно, понял, что лихим наскоком белых из Крыма не выбьешь. В Харькове стали опасаться наступления белых, для которых расширение базы стало вопросом существования. Им был необходим выход за пределы полуострова. Учитывая изменившуюся обстановку,

штаб Юго-Западного фронта передал в мое оперативное подчинение запасную кавалерийскую бригаду, 1-й кавалерийский полк, а также все части и гарнизоны от Синявки до озера Молочное. Взаимодействие военно-морских и армейских сил должно было, по мнению штаба фронта, обеспечить охрану Северного побережья, куда уже нацелились десанты Врангеля.

Первый из них высадился 15 апреля в Кирилловке. Сведения о появлении белых передал матрос поста связи В. Н. Филиппенко. От Кирилловки до ближайшей аппаратной связной он скакал на неоседланной лошади. Из первого сообщения стало ясно, что отряд довольно крупный и по преимуществу офицерский.

— Дрозды, дрозды, тебе говорят, сам по околышам углядел, — в волнении повторял на другом конце провода Филиппенко.

Понять его каждому воевавшему против офицерского корпуса белых было нетрудно. Связной имел в виду алые околыши дроздовской дивизии. Я приказал командиру кавалерийского полка, стоявшего в Ногайске, соединиться с отрядом броневиков и подоспевшей пехотой, чтобы совместным ударом уничтожить офицерский десант. Отбиваясь от упорных атак наших частей, белые стали отходить вдоль берега на Геническ. Уже после окончания гражданской войны мне довелось прочитать воспоминания командира этого десанта полковника Туркула. Старейший дроздовец, прошедший путь от командира офицерской роты до начальника дроздовской дивизии, он с содроганием вспоминает Кирилловку и путь на Геническ. Белые сами уже считали себя обреченными и с тупостью безразличия отбивались от конницы и броневиков, появлявшихся из степи в тучах пыли. Спасала кадровая выучка. Падая от усталости, офицерский полк строился в каре, встречал залпами атаку, развертывался в колонну и шел... Уцелевших дроздовцев вышел встречать сам верховный главнокомандующий. В присутствии всех он произвел Туркула в генералы.

2 мая врангелевские военные корабли обстреляли Мариуполь и Ейск. Из-за отсутствия снарядов мариупольская артиллерия молчала. Воспользовавшись такой редкой возможностью, канонерская лодка белых «Страж» пошла на дерзкий маневр. Ложно обстреливая

идущий впереди нее под красным флагом буксир типа нашего «Даная» (наш «Данай» как раз вышел в море на разведку), белая канлодка якобы дала ему возможность прорваться в порт и пришвартоваться к стоявшему на ремонте «Республиканцу». Сомнений, что в порт вошел наш «Данай», ни у кого не возникло. Внезапно «Страж» перенес огонь на порт и припортовые постройки. Поднялась паника. Ловко пользуясь обстановкой, команда белого сторожевика «Н. Пашич», принятого за наш «Данай», обрубила концы «Республиканца» и увела его на буксире. Пулеметный огонь остановить белых не мог. Узнав об этом позорном происшествии уже будучи в служебной командировке в Петрограде, я доложил наморси Черного и Азовского морей А. В. Домбровскому и комиссару А. В. Баранову о случившемся. Обстоятельства были настолько чреваты неприятными последствиями, что пришлось неотложно заняться вооружением и снаряжением Азовской флотилии.

К 1 июля было вооружено двенадцать судов флотилии. Что стоит за этими скромными цифрами, видно, когда вспоминаешь огромный самоотверженный труд, вложенный в оборудование каждой из этих посудин.

Ледокол № 4 стоял на мели в устье реки Кальмиус. С разбитым снарядами корпусом, без палубы, без действующих машин, он был отбуксирован 28 мая в ремонтный бассейн порта. Этому судну, пораженному ржавчиной, предназначалась роль флагмана флотилии.

Немедленно команда ледокола № 4 была пополнена специалистами-военморами. За котельные работы взялись опытные моряки из полуэкипажа и рабочие портовых мастерских. Сложные узлы машины и механизмов судовые механики Лавренко и Саенко закрепили за командой, и вели они этот самый тяжелый участок с большим знанием дела. Чтобы хоть в пределах возможного разгрузить выбивающихся из сил матросов, на плотницкие работы мобилизовали артельщиков из Ейска и Бердянска. Общее наблюдение за восстановлением судна вел военный инженер В. И. Барков.

Работали сверхурочно. Теперь уже трудно установить, соблюдался ли как-то график времени. Вольнонаемные бригады работали сдельно — это быстро подвинуло установку орудий и ускорило работу на плот-

ницких участках. В начале июля вмонтировали одно 130-миллиметровое орудие и сразу же за ним второе. А несколько раньше была опробована машина, и мертвый остов ледокола превратился в действующий корабль.

Ремонт и вооружение ледокола № 4, который достался нам разбитой железной коробкой, был закончен за месяц и четыре дня. Могу с уверенностью сказать, что это было бы не по плечу азовцам, если бы не огромные знания и честный труд В. И. Баркова.

Бывший ледокол № 4 был переделан в канонерскую лодку «Знамя социализма» и стал флагманом Азовской военной флотилии.

15 июня, после трехмесячной задержки, пришли из Ростова пять судов Донской флотилии — «Буденный», «Красная звезда», «Сталин», «Беднота» и «Калинин». Все они были вооружены 75-миллиметровыми полевыми пушками на деревянных фундаментах. Пришлось эту сухопутную артиллерию снимать, ставить металлические крепления, а полевые орудия заменять морскими, дальнобойными.

Последние дни июня вооружение Азовской флотилии шло уже под наблюдением нового командующего Е. С. Гернета. Приказом командующего Югзапфлотом А. В. Домбровского я был назначен начальником обороны побережья Азовского моря. Мне были подчинены все морские укрепленные районы, береговые батареи, прожекторные команды. Суда, стоявшие в пределах Мариуполя, также подчинялись начобороны. Комиссар Азовской флотилии И. П. Грачев был назначен начальником дивизиона плавбатарей.

Я с большим удовлетворением передал дела в опытные руки нового командующего. Капитан 2 ранга старого флота Евгений Сергеевич Гернет воевал в русско-японскую и первую мировую войны. Будучи командиром эсминца «Калиакрия», он после революции решительно перешел на сторону Советской власти. В числе немногих офицеров-патриотов Гернет боролся за эвакуацию флота из Севастополя в Новороссийск. Он был выбран моряками командиром отряда кораблей. Когда по приказу Совнаркома Черноморский флот был затоплен в Новороссийске, разоруженная и тонущая «Калиакрия» подняла на рее сигнал: «Погибаю, но не

сдаюсь». В том же году Е. С. Гернет был назначен командующим Волжской военной флотилией. В 1919 году он стал командиром дивизиона сторожевых судов в Шлиссельбурге, а затем командующим Западно-Двинской флотилией.

9 июля флотилия белых, протралив ночью наши минные заграждения, приступила к высадке десанта на Кривой Косе. Положение осложнялось восстанием, подготовленным в этой части побережья врангелевской агентурой.

Десант полковника Назарова состоял из 1000 пехотинцев, двух полевых батарей и броневиков. В отряд врангелевских судов под командой капитана 1 ранга Машукова входило шесть кораблей, вооруженных 12 шестидюймовыми орудиями. Скорость их хода превышала скорость хода наших кораблей вдвое. Флот белых был укомплектован опытным офицерским составом.

Красная Азовская флотилия, как известно читателю, находилась еще в процессе организации. В ее состав входила канонерская лодка «Знамя социализма», вооруженная двумя 130-мм орудиями. Но проверенных прицелов еще не было, отсутствовали компасы, машинный телеграф, мачты и мостик (его заменяла площадка из люковых решеток). Остальные три судна — «Свобода», «Буденный» и «Красная звезда» — представляли собой землеотвозные шаланды, имевшие по одному шестидюймовому орудию. Компасы имелись только частично. Скорость хода не превышала пяти узлов. Освещение состояло из десяти ламп «летучая мышь» на каждом корабле.

Командующий флотилией Е. С. Гернет был болен. Утром 9 июля А. В. Домбровский созвал совещание и приказал мне как начальнику обороны побережья выйти в первый морской бой.

В пятнадцать часов этого же дня Азовская флотилия приступила к выполнению приказа наморси Черного и Азовского морей. В ее составе были канонерские лодки «Знамя социализма», «Свобода», «Буденный» и «Красная звезда», сторожевик «Данай» и канлодка «Сталин» на правах головной — она имела единственный исправный компас. Катера «Кавказец» и «Карл Маркс» шли в качестве вспомогательных судов.

Через полтора часа хода с помощью единственного на флотилии театрального бинокля обнаружили шесть кораблей противника, выходящих строем навстречу нам из Таганрогского залива. Нужно было открыть огонь. Не имея мачты и приспособлений для передачи сигналов по семафору, я написал записку командирам судов: «Открыть огонь по первому залпу с флагмана». Записку привязал к деревяшке и бросил на катер «Карл Маркс», который развозил приказы по судам. Наконец даем первый залп. Столбы воды от взрыва наших снарядов поднимаются за судами противника. Перелет. Берем второй прицел — опять перелет, но меньше. Грохнули орудия остальных кораблей. Бой начался.

В бинокль вижу в туманной дымке ответные пушечные вспышки — двенадцать против наших пяти. Вода у бортов взметнулась вверх. Слышен свист осколков. Тем не менее, делая залп за залпом, идем на сближение с противником. Видимо, одного преимущества в технике и скорости хода было недостаточно. Беляки нервничали и сильно мазали. Слышу радостное «ура»: окутанный паром и дымом мателот «Грозный» вышел из строя (позже выяснилось, что он получил пробоину).

Во время боя на нашей канонерской лодке «Знамя социализма» отказал накатник на носовом орудии. Мы вынуждены были повернуть на обратный курс и вести огонь только кормовым орудием.

Распоряжения в машинное отделение передавали три моряка, стоявшие на палубе. Грохот залпов заглушал их голоса, в результате чего часто возникали недоразумения, и ходовые маневры производились неправильно.

Снаряды передавались вручную.

Помню, комендор носового орудия латыш Буш в промежутках между выстрелами, поворачивая голову, кричал: «Она падает». Оказалось, что от сотрясения ослабли болты крепления артиллерийской установки. Пришлось вызвать слесарей и крепить орудие, не прекращая огня.

В разгар боя начальник 2-го дивизиона Г. А. Бутаков донес, что на канлодках «Буденный» и «Красная звезда» осели фундаменты орудий. Я приказал этим судам идти в Мариуполь. «Знамя социализма» и «Свобода» продолжали бой. Внезапно отряд белых, отстреливаясь, увели-

чил ход и пошел курсом на Керчь, оставив десант без поддержки. Разбираться в причинах необъяснимого маневра долго не пришлось. Через несколько минут показались большие клубы дыма. Миноносец «Зоркий» стремительно шел в атаку под прикрытием дымовой завесы.

Передаю своим кораблям: «Весь огонь сосредоточить на миноносце». Залпы. Разрывы снарядов окружают «Зоркий». Стремясь подойти на выстрел торпеды, он неудачно организовал другие виды огня. Последовала вторая атака, тоже безрезультатная, затем еще и еще. Целый час «Зоркий» крутился около нас. В конце концов комфлот белых повернул вслед за своим уходящим отрядом. Канлодки «Знамя социализма», «Свобода», «Сталин», обстреливая противника, преследовали его до наступления темноты.

Особенно ярко запечатлелся момент окончания боя. Удаляющиеся суда противника, нервно светя прожекторами, скрылись в наступающей темноте. Палуба флагмана завалена пустыми пеналами и ящиками из-под снарядов. Залпы по уходящему врагу уже не достигают цели. Крики «ура» разгоряченных боем, раздетых до пояса моряков и звуки баяна, играющего «Интернационал», завершили первый боевой день флотилии. В двадцать один час приказываю вернуться в Мариуполь, с тем чтобы с рассветом снова выйти в море добивать десант.

А. А. МОСКАЛЕВА-ОКУНЕВА

РЕВКОМОВЦЫ

Партийную работу я начала осенью 1917 года в Саратове. Саратовская губерния занимает особое и важное место в истории Октября. До революции на ее черноземных полях было множество богатейших поместий. Около них кормились крепкие мужички, а те, кто победнее, попадали к помещикам в арендную кабалу.

Саратовские большевики вели сложную и во многом самостоятельную работу. Связываться с Питером по острым вопросам революционной тактики удавалось с большим опозданием. Требовались руководители, способные осмыслить обстановку и принять самостоятельное правильное решение. Одним из таких руководителей партии в Саратове был Владимир Павлович Антонов-Саратовский, человек редкостного ума и великолепный аналитик. Ему, пожалуй, в этом не уступал М. И. Васильев. Саратовские большевики тесно сплотились вокруг своих лидеров. Городской комитет партии после февральских событий занял помещения крытого рынка. Я работала в общем отделе, работы хватало до позднего вечера. Хорошо помню, как в последних числах сентября впервые пришел в комитет Григорий Сергеевич Окунев, ставший вскоре моим мужем и товарищем по работе в Новоузенском ревкоме. Он был очень молод, по-юношески худ; длинные пышные волосы усиливали впечатление какой-то жизнерадостной одержимости. В те времена в партию записывались, и Григорий пришел «записываться к большевикам». Этот семнадцатилетний юноша, сын рабочего, принял не только твердое, но и глубоко осмысленное решение. Его не увлекли речи эсеров и «ученые» доводы меньшевиков. Он пошел за большевиками.

Наше первое знакомство было кратким, но оно хорошо запомнилось. Я несколько раз потом справлялась у товарищей, где Окунев, и узнала, что Григорий лежит в тифу. В ноябре он опять появился в комитете, выполняя на первых порах рядовую работу, и сразу же показал себя одаренным агитатором, а затем и отличным партийным руководителем. Революция — эпоха молодых, талантливых, сильных духом. Прочность убеждений проверяется в боях, и большевик Окунев храбро сражался с белыми под Новохоперском и Поворино, Борисоглебском и Балашовом, а вернувшись в Саратов, получил ответственное партийное поручение — губком направил Григория Сергеевича в Заволжье. Мы поехали вместе в уездный Новоузенск. Надо представить себе эти привольные места. Степи уходят за горизонт; кажется, что они слегка наклонились и безмерным пространством стекают по направлению к Каспию и Волге. К западу от Пугачева и южнее Новоузенска равнина становится все безводнее и суше. И только возникают время от времени в поле зрения возвышенности с пологими скатами — сырты. Кончаются заволжские степи, начинаются бесконечные астраханские пески...

Новоузенск, куда нас направили работать, был в девятнадцатом году одноэтажным, саманным городком. В бывшем купеческом доме на площади помещался уездный исполком. Для ревкома и укома партии каменного дома не нашлось. Они разместились в ветхом деревянном строеньице на другой стороне площади.

Мы с Григорием Сергеевичем поселились в глинобитной мазанке через несколько домов от укома. На единственной городской площади находился клуб, открытый новоузенскими комсомольцами. Почти каждый вечер там устраивались диспуты на самые горячие темы. Молодые ребята и девушки жили с прекрасной верой в республику труда. Комсомольцы, не расставаясь с винтовками, решали проблемы мировой революции, но молодость брала свое — наряду с диспутами и докладами пели и танцевали под гармошку.

Окунев ходил в клуб только по серьезным делам: прочитать доклад или дать, как тогда говорили, установку. Большего он себе позволить не мог — времени не было. Если выдавался свободный вечер, Григорий Сергеевич садился у окна и читал — спешил воз-

местить отсутствие образования. Он родился в белорусской деревне, с малолетства ушел на заработки, систематически никогда не учился. Одногодок новоузенских комсомольцев, он нес на своих плечах обязанности председателя ревкома. Годы эти были тяжелейшими: уезд по территории огромный, кругом банды. Председатель Новоузенского ревкома большую часть своего рабочего времени проводил на коне с винтовкой. Обстановка была постоянно напряженная, но это не делало для нас, молодых, жизнь менее интересной. Вспоминается незначительный, но дорогой для меня эпизод. Окунев, как и все коммунисты Новоузенска, входил в отряд особого назначения. Надо сказать, что в непрекращающейся борьбе с разными бандами главной силой были не регулярные войска, а эти отряды. Такое положение несколько изменилось только в 1921 году с приходом в Саратов 27-й Омской дивизии Витовта Казимировича Путны.

Будучи председателем ревкома, Окунев непосредственно участвовал в боях и обзавелся строевым конем. Это была породистая молодая лошадь буланой масти с высокими, стройными ногами. Она привязалась к хозяину и ходила за Григорием Сергеевичем как собака. Когда он читал у открытого окна, Орлик подходил вплотную и просовывал голову в комнату. Он считал себя членом нашей семьи и требовал внимания.

Как-то Окуневу привезли мешок яблок. Он поставил его у окна, поближе к своему рабочему столу, забыв о привычке Орлика обследовать с улицы содержимое комнаты. Когда мы вернулись домой, в мешке оставалось с десяток яблок. Остальные Орлик съел.

Весной 1920 года Г. С. Окунев вернулся с IX съезда партии, а несколько месяцев спустя началось восстание Сапожкова.

Начдив Сапожков, в прошлом эсер, формировал в Бузулукском уезде кавалерийские части для отправки на врангелевский фронт. Начсостав тщательно подбирался из уральских казаков и уроженцев Новоузенского уезда, лично преданных Сапожкову. Арестовав нового начдива, присланного штабом округа, Сапожков отказался сдать дивизию и поднял восстание. Свой отряд назвал «Армией правды».

Характерны лозунги сапожковщины: «Долой бывших офицеров, занявших в Красной Армии командные должности!», «Долой комиссаров!», «Долой продотряды, да здравствует свободная торговля!». В июле Сапожков с боем овладел Бузулуком, присоединил к банде восставший караульный полк и перерезал линию Ташкентской железной дороги. В район восстания прибыли из Оренбурга и Самары регулярные части. Потерпев поражение, Сапожков ушел в глубину Пугачевского уезда, но, окруженный под Таловой, едва избежал плена. Разделив банду на две части, он обманул погоню и ушел в новоузенские степи. Мы знали, что конница Сапожкова движется на уездный центр. Откуда появится банда, судить было трудно. Ревкомовцы — латыш Менде, Колмогоров, Окунев — ушли с отрядами наперехват банде. Город с волнением ждал сообщений из степи. Наконец ревкомовцы вернулись и рассказали, что банда Сапожкова отбита и бродит по округе, не имея сил напасть на Новоузенск.

Поздно ночью по центру Новоузенска ударила артиллерия. Это могла быть только банда Сапожкова.

Григорий Сергеевич бросился к исполкому. Я побежала за ним. Снаряды рвались где придется; чувствовалось, что стреляли бесприцельно. Я заметила это не сразу, потому что в город ворвалась сапожковская конница.

— Батальон, пли! — громко скомандовал Григорий, и ударил жиденький залп.

Я мало что видела и понимала в этот момент, но успела подумать: «Какой батальон? Нас десятка три на площади, не больше».

Окунев повторил команду. Трещали выстрелы, подходили с разных концов группы чоновцев, и всадники Сапожкова ускакали.

Надолго ли? Вслух этот вопрос не задал никто. А между тем светало. Городок словно вымер, и только в коммунистический отряд на площади все вливались новые люди. Уверенности у нас прибавилось. Товарищи повеселели.

— Я узнаю такой несерьезный характер, — сказал Менде, своеобразно подбирая русские слова. — Гриша правильно их намеревался пугать, хотя никто слышать не мог... Большой был шум, тихий ты давал залп.

— На хапок брал, бандюга. Правильно товарищ Окунев их пуганул. Давай мне, Менде, трех ребят, проверю. Голову кладу, город пустой.

Я вгляделась в говорящего. Это Минаев. Уроженец Новоузенска, он воевал на уральском фронте, потерял левую руку, но из армии уходить не хотел. Все его называли Минаичем, и служил он при штабе. Минаич досконально изучил повадки таких конных банд. Он знал дело, и с его мнением следовало считаться.

— А ты, председательша, патронов пока бы поднесла, — почувствовав мой взгляд, сказал Минаев и, поманив за собой двух парнеьков, скрылся в ближнем переулке.

Минаевская разведка прошла быстро и без потерь. Банда оставила Новоузенск, разбросав листки прокламаций. Одну из них вертел в руках Менде.

— Не листовка, а манифест прямо, — проговорил Менде.

— Сапожков у нас идейный бандюга, — процедил Минаев. — Дай, комиссар, я сохраню и ребят просвещать стану, как он, милашка родная, в одном Бугуруслане у рабочих и крестьян семьсот пудов только сахару упер.

...Банда Сапожкова откатилась далеко в степь и вскоре ушла из пределов Новоузенского уезда. Остатки ее преследовали слушатели Борисоглебских кавалерийских курсов. У Ханской Ставки Сапожков был настигнут и зарублен в бою. В марте 1921 года Окунев уехал на X съезд партии и вернулся после кронштадтских событий, награжденный орденом Красного Знамени. Краснознаменцев тогда было очень мало, они вызывали всеобщее внимание и огромное уважение. Орден носили на красном банте. Григорий стеснялся носить столь привлекавшую внимание награду и в скором времени, как я его ни убеждала, орден снял. Вновь он появился на его кителе, когда Григорий Сергеевич стал членом РВС Черноморского флота, и то по приказу наркома Ворошилова...

Надо сказать, что сапожковщина прошла по новоузенским степям сильной, но довольно кратковременной волной. Начало же 1921 года — сплошная полоса появления банд, которые колесили по Заволжью месяцами, а то и годами. Нэп выбил из-под ног атаманов

почву, но ликвидация бандитизма затянулась и вызвала много жертв.

Мощная банда, достигавшая 2000 сабель, пришла на Саратовщину с Дона. Привел ее донской казак Кирилл Вакулин. Перед тем как поднять восстание, Вакулин собирал митинги и распространял прокламации, в которых призывал к изгнанию коммунистов и уничтожению продразверстки. Осмелев, он стал требовать свержения Советской власти и организации правительства из представителей разных партий.

Выбитый из Донской области, Вакулин двинулся по Поволжью, захватывая уезды и города. В феврале он разграбил Камышин и хотел перебраться в Уральскую область, чтобы там поднять восстание среди казаков и объявить войну Советской власти. Атаман Вакулин был настигнут красными курсантами под хутором Водянка и убит в бою. Командование принял его земляк Федор Попов. Новый атаман повернул в Новоузенский уезд. Кулачье ликовало. Банда заняла села Куриловка, Орлов-Гай, Новорепное. В богатой Рахмановке ее встретили иконами и колокольным звоном. У дворов кулаков стояли накрытые столы. Только в конце апреля Попов был окружен, банда его разбита, а сам он скрылся в лесах Донской области. Еще не закончилась ликвидация банды Попова, как появился сильный и опасный атаман Серов. Он был известен еще со времен Сапожкова, у которого он командовал отрядом. Сохранив награбленное, этот авантюрист объединил несколько отрядов, назвав их «группой восставших войск воли народа». Во главе разросшейся банды был поставлен Реввоенсовет, включавший командиров всех отрядов.

Серов взял Пугачев и объявил там всеобщую мобилизацию. Он подходил под Новоузенск и пытался вести переговоры с ревкомом. Только в апреле 1922 года банда была окружена и захвачена врасплох. Но и в этом бою атаман Серов успел вырваться и ускакать в степь.

С перебазированием в Нижнее Поволжье 27-й Краснознаменной стрелковой дивизии наступил последний этап борьбы с бандитизмом. Было создано общее командование войск Нижней Волги. Штаб его, получивший права армейского, разместился в Саратове. 27-я дивизия и ее начдив В. К. Путна имели на своем боевом

счету немало боев, вошедших в историю Красной Армии. Краснознаменные полки дивизии были переброшены на борьбу с бандитизмом из-под Кронштадта. Оздоровительное влияние новой экономической политики и решительные операции частей Путны привели к окончательному искоренению атаманщины. Саратовское крестьянство само поднялось на защиту Советской власти. Были взяты под охрану ссыпные пункты. В селах действовали дружины самообороны. Активность деревни ярко проявилась в резолюциях местных сходов.

Пора ревкомов подходила к концу. Вскоре мы с Г. С. Окуневым вернулись в Саратов.

Д. Б. ГИССЕН

НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ ФРОНТЕ

Описывая кабинет Ленина в Кремле, Лидия Александровна Фотиева вспоминает: «В 1918 году после какого-то небольшого заседания, происходившего в кабинете Владимира Ильича, он поручил мне достать ему «простой человеческий стол на четырех ногах, за которым можно было бы сидеть и писать» (то есть не письменный, не с тумбами)»[1].

Именно за этим «простым человеческим столом» я увидел Владимира Ильича, когда мне довелось присутствовать на совещании у него в кабинете 16 июля 1918 года.

Вот при каких обстоятельствах это произошло. Иностранная интервенция и гражданская война лишали республику одного хлебного района за другим. Были отрезаны Сибирь, Дон, Кубань, Украина. Советская власть только что приступила к созданию в деревне твердой классовой опоры, использованию рабочих продовольственных отрядов и организации централизованного продовольственного аппарата.

В обращении к населению о борьбе с голодом от 29 мая 1918 года Совнарком констатирует:

«С каждым днем продовольственное положение Республики ухудшается. Хлеба доставляется в потребляющие районы все меньше и меньше.

Голод уже пришел...

Почти все излишки хлеба — у деревенских кулаков...

Разбогатевшие во время войны, скопившие огромные суммы денег, они не нуждаются в сбыте хлеба и

[1] Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, с. 130.

держат его, выжидая повышения цен или продавая его по спекулятивным ценам. Хлеб надо взять силой у кулаков.

Надо идти крестовым походом против деревенской буржуазии»[1].

Принудительное изъятие хлебных излишков производилось в 1918 году на основе закона о хлебной монополии. Метод разверстки еще не применялся.

Однако наряду с принудительными мерами по изъятию хлеба у деревенских кулаков Советская власть применяла также метод товарообмена. Крестьянство нуждалось во всех товарах, но мануфактура и соль ценились особо. Они представляли собой твердый эквивалент, за который можно было получить хлеб и любое другое продовольствие.

2 апреля 1918 года Совет Народных Комиссаров утвердил Декрет об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок, согласно которому Наркомпроду был выделен фонд товаров. Товары должны были отпускаться только в порядке обмена на хлеб не индивидуальным сдатчикам, а всему селу, причем распределение производилось волостным или уездным объединенным комитетом бедноты. Такая организация дела заинтересовывала трудовую часть деревни в том, чтобы принудить кулаков сдать хлебные излишки.

Первоначальный фонд для обмена на хлеб был явно недостаточен. Он возник за счет таможенных и крупных оптовых складов. Следовало наладить поступление товаров из производства. Однако здесь мы сталкивались с чрезвычайными трудностями. Значительная часть промышленности находилась тогда еще в руках прежних владельцев, но на предприятиях был уже введен рабочий контроль. Национализировались лишь отдельные фабрики и заводы, владельцы которых бежали за границу или открыто саботировали распоряжения Советской власти. 2 мая была национализирована сахарная промышленность, 20 июня — нефтяная, и лишь 28 июня Совнарком издал декрет о массовой национализации целых отраслей промышленности. Однако и теперь полной национализации всех предприятий не предусматривалось. Например, среди пред-

[1] «Известия ВЦИК», 1918, 4 июня.

приятий важного для товарообмена хлопчатобумажного производства национализировались лишь те, которые имели основной капитал не менее одного миллиона рублей.

Декрет от 28 июня не предусматривал немедленного изъятия предприятий из рук их владельцев. Так, одна из статей устанавливала, что впредь до особого распоряжения предприятия, объявленные достоянием государства, признаются находящимися в безвозмездном пользовании прежних владельцев, правления и бывшие собственники финансируют их и получают доходы на прежних основаниях.

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах распоряжение товарами не находилось в руках государства. Исключение составляли лишь сельскохозяйственные машины и орудия, которые декретом от 25 ноября (8 декабря) 1917 года были объявлены монополией государства. В условиях тогдашней разрухи и обесценивания денег, полученных Советской властью в наследство от капиталистического режима, товары на предприятиях стремились задержать и владельцы, и даже рабочие этих предприятий, которые добивались выплаты им заработной платы натурой, а не деньгами, покупательная способность которых изо дня в день снижалась.

Для получения мануфактуры для товарообменного фонда Наркомпрод обратился в июне 1918 года с ходатайством в Совет Народных Комиссаров об ассигновании одного миллиарда рублей на эти цели. 29 июня постановление было утверждено Совнаркомом в окончательной редакции. Для проведения операции по закупке тканей организовывалось межведомственное закупочное бюро.

К 12 июля бюро закончило всю предварительную часть дела, разработало инструкцию по проведению закупок, предусмотренную декретом, и представило ее на утверждение наркома продовольствия и Председателя ВСНХ.

Однако председатель Центротекстиля Я. Э. Рудзутак решительно воспротивился. По его распоряжению Центротекстиль, не дожидаясь начала закупок, опечатал мануфактурные склады московских фабрик. Это приостановило выполнение декрета.

Для разрешения возникшего спора 16 июля 1918 года было созвано совещание у Председателя ВСНХ. На нем от Наркомпрода присутствовали член коллегии М. И. Фрумкин и я (мне было тогда неполных восемнадцать лет, я работал в управлении по товарообмену Наркомпрода и состоял секретарем закупочного бюро).

ВСНХ поддержал точку зрения Я. Э. Рудзутака и отказался утверждать инструкцию. Возникло положение, когда декрет Совнаркома о закупке тканей фактически отменялся действиями ВСНХ.

Тут же из комнаты заседаний по верхнему кремлевскому коммутатору М. И. Фрумкин позвонил Владимиру Ильичу, который предложил всем присутствовавшим на совещании в ВСНХ немедленно приехать к нему. Было около двух часов дня.

Проезжаем на машине через Спасские ворота. Часовые-латыши проверяют постоянные пропуска М. И. Фрумкина и Я. Э. Рудзутака. Что касается меня, у которого никакого пропуска не было, то слова «он с нами» оказали магическое действие. Вчетвером мы вошли в кабинет Владимира Ильича.

Ленина я никогда прежде не видел. Портретов его тогда еще не было. Фотографии не печатались. Поэтому никакого представления о внешнем облике Владимира Ильича я не имел. Поездка к Председателю Совнаркома случилась так неожиданно, что даже за несколько часов до этого я не мог предполагать, что увижу Ленина.

И вот Ленин приветливо нас встречает, с каждым здоровается за руку и приглашает сесть.

За несколько месяцев работы в Наркомпроде я успел повидать не один кабинет государственных деятелей. Длинный кабинет наркома по продовольствию А. Д. Цюрупы в нынешнем здании ГУМа был очень и очень скромным. Кабинет Председателя ВСНХ, из которого мы только что приехали к Ленину, представлял собой большую комнату, неплохо обставленную. Непременной частью обстановки были длинные столы для заседаний, покрытые либо сукном, либо суровой тканью.

У Ленина я не нашел ничего похожего. Это была рабочая комната государственного деятеля. В ней стоял только один письменный стол Владимира Ильича.

Другого, поставленного перпендикулярно к нему, еще не появилось. Около окна стоял простой канцелярский стол, на четырех ножках, без тумб, ничем не покрытый. Вокруг этого стола — венские стулья.

Это и был тот самый «простой человеческий стол», о котором вспоминает Лидия Александровна Фотиева. Он был обычным для того времени канцелярским столом технических служащих. Был он не новый, а, безусловно, повидавший виды. Клеенка, покрывавшая стол, в нескольких местах потерлась от времени.

Докладчик ВСНХ, Фрумкин и Рудзутак сели на стулья, а я обошел Владимира Ильича и оказался у окна.

Когда все устроились, Владимир Ильич тоже сел, но не на председательское место во главе стола, а ближе к окну, почти рядом со мной, и предложил рассказать, о чем идет спор.

Докладчик изложил точку зрения ВСНХ, М. И. Фрумкин — позицию Наркомпрода. Владимир Ильич ни разу никого из них не перебил и слушал очень внимательно. Некоторое время спустя он встал, поставил ногу на нижний обруч стула и, наклонившись вперед, слушал стоя. Потом задал несколько вопросов.

В то время большинство государственных деятелей были очень просто одеты. Носили косоворотки, гимнастерки. Белые рубашки, галстуки почти исчезли. Это объяснялось рядом причин. Многие считали такого рода туалеты признаком буржуазности, кроме того, туговато приходилось с мылом, а белые рубашки требовали частой стирки. Многие ответственные партийцы, работавшие по 15—16 часов в сутки, часто жили в одиночестве, без семей и были не в состоянии следить за своей одеждой. Наконец, сказывались скромные привычки партийцев, прошедших тюрьмы и ссылки.

Владимир Ильич был одет в белую рубашку, носил галстук. Несмотря на июльскую жару, он был в пиджаке. Это было для меня удивительно.

Но еще более удивило меня то, что́ сказал Ленин в заключение. Я ожидал, что Владимир Ильич потребует точного выполнения декрета о закупке тканей, принятого всего лишь две недели назад. Но Председатель Совнаркома сказал, что надо сделать новый шаг вперед по пути управления предприятиями промыш-

ленности, надо ускорить получение в распоряжение пролетарского государства всей массы товаров, чтобы прекратить безудержную спекуляцию товарами, подрывающую государственное снабжение и заготовку хлеба. Владимир Ильич сказал, что декрет от 29 июня о закупке тканей умер, настало время вводить государственную монополию на ткани. Он пригласил нас вечером на заседание Совнаркома, где будет решаться этот вопрос.

Это был конкретный урок того, что в Советской стране не может быть застывших форм работы, что декреты издаются на благо трудового народа, для защиты интересов революции.

Мы возвращались от Владимира Ильича в приподнятом настроении, а в шесть часов вечера с удостоверениями Наркомпрода вновь были в Кремле, на этот раз у комнаты заседаний Совнаркома. М. И. Фрумкин как член коллегии сразу прошел в зал заседаний, а мы, остальные докладчики, ожидали, когда наступит обсуждение нашего вопроса.

Через некоторое время дверь открылась и появился Г. И. Ломов. Обращаясь к нам, он сообщил, что слушается вопрос о закупке тканей. Владимир Ильич просил пропустить только по одному докладчику от ВСНХ и от Наркомпрода. Поднялись П. И. Любинский — от ВСНХ и В. И. Даринский — от Наркомпрода. В приемной остался только я. Расстроенный, я обратился к Г. И. Ломову с просьбой впустить и меня.

Тогда Г. И. Ломов, открыв дверь в зал заседаний, пропустил в зал двух докладчиков и, загородив собой дверь, чтобы я не мог проскользнуть, обратился к Владимиру Ильичу:

— Вот один от ВСНХ и один от Наркомпрода, а этот товарищ обещал молчать. Как с ним быть?

Все (а зал был полон) засмеялись. Владимир Ильич тоже рассмеялся:

— Значит, обещал молчать? Ну тогда пусть пройдет.

Таким образом, я оказался на заседании Совнаркома под председательством Ленина. В этот незабываемый для меня день я дважды видел Владимира Ильича.

Вопрос рассмотрели чрезвычайно быстро. Докладчиком был сам Владимир Ильич. Он коротко изложил

суть дела, предложил Совнаркому принять решение о введении монополии на ткани и отменить декрет о закупке тканей. Предложение Ленина было принято единогласно.

Так родился декрет от 23 июля 1918 года о введении монополии на ткани.

Что касается установления монополии на остальные товары, то она была объявлена постановлением ВСНХ и Наркомпрода от 26 ноября 1918 года.

9 ноября 1918 года кайзер Вильгельм II был свергнут. Через несколько дней ВЦИК единогласно принял постановление об аннулировании Брест-Литовского договора.

По указанию В. И. Ленина Дмитрий Захарович Мануильский был назначен политическим комиссаром освобожденных от оккупации областей Западного края. Он побывал в Двинске и Мозыре, где вел переговоры с Советами солдатских депутатов. В ту пору немецкие войска уже теряли воинскую дисциплину, солдаты отказывались повиноваться приказам офицеров и добивались скорейшего возвращения в Германию. В середине декабря Мануильский сообщил В. И. Ленину, что в районе прифронтовой полосы, немного севернее Гомеля (тогда еще занятого немецкими войсками), можно закупить и доставить, минуя линию фронта, различные продовольственные продукты.

Постановлением Совета Народных Комиссаров от 14 сентября 1918 года была учреждена Центральная комиссия по упорядочению и правильной постановке дела снабжения армии продовольствием и продуктами первой необходимости. Ее председателем бессменно был Л. Б. Красин. Такие же комиссии создавались и в действующих армиях. Однако в прифронтовой полосе эти органы еще не развернули тогда своей заготовительной работы.

Через члена Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, заместителя народного комиссара продовольствия Н. П. Брюханова Владимир Ильич дал задание Наркомпроду организовать закупки в прифронтовой полосе и направить для этой цели в распоряжение Д. З. Мануильского группу работников.

Важность этого задания была очевидна и тогда. Но еще яснее она стала впоследствии, когда я ознакомился непосредственно с ленинским документом.

«Выписка из протокола № 9 заседания Совета Рабоче-Крестьянской Обороны о продовольственных заготовках в прифронтовой полосе 29 декабря 1918 года.

Председательствовал Ленин.

Слушали:

21. О продовольственных продуктах в прифронтовой полосе (Сталин).

Постановили:

21. Поручить Компроду и ВСНХ послать на Украину и во все остальные освобожденные от оккупации местности особо назначенных лиц в дополнение к уже посланным, чтобы по соглашению с комиссией т. Красина извлечь оттуда сырье и все готовые продукты.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин).
Секретарь Фотиева».[1]

Член коллегии Наркомпрода, председатель коллегии Главпродукта М. И. Фрумкин быстро организовал выполнение ленинского задания. Уполномоченными Наркомпрода для закупки продовольствия в районе Гомеля были назначены Александр Ильич Усиевич (отец члена Московского Военно-революционного комитета Г. А. Усиевича) и автор воспоминаний.

Наркомпрод снабдил нас примерными закупочными ценами, выделил в наше распоряжение артельщика (так тогда называли кассиров) и два мешка денежных знаков (керенок). Для охраны нам дали двух красноармейцев.

Мы выехали из Москвы с Рижского вокзала 28 декабря. Затем предстояло пересесть на петроградский поезд. Пересесть означало прорваться с боем в вагон. А ведь нам нужно было не думать о собственных удобствах, а втащить мешки с деньгами и сохранить их. Это оказалось очень трудной задачей даже при наличии

[1] Из истории гражданской войны в СССР. Сб. статей. М., 1960, т. 1, с. 334.

мандатов с подписью члена Совета Обороны Н. П. Брюханова. Мы получили разрешение на посадку в так называемый штабной вагон, но и он брался приступом, как и остальные вагоны.

После двух суток трудного пути наша группа добралась до станции Жлобин. Дальше поезд не шел. Только мы выгрузились, как к перрону с южной стороны подошел паровоз с одним служебным вагоном. Оказалось, что Д. З. Мануильский ехал на несколько часов в Могилев, чтобы переговорить по прямому проводу с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным. На обратном пути он захватил нас со всем имуществом и доставил на пограничную станцию Уза, где можно было начинать работу.

Эта засыпанная снегом станция выглядела совершенно пустынной. Имелись только маленькое станционное здание и небольшой сарайчик. Все население — начальник станции и телеграфист. На путях стоял поезд Мануильского, состоящий из трех вагонов. Паровоза на станции не было. В случае нужды его вызывали из Жлобина.

Слух о том, что на станции Уза закупают продовольствие, быстро распространился по ту сторону фронта и проник даже в Гомель. Сплошной фронтовой линии в ту пору уже не было. Немецкие посты стояли на большом расстоянии друг от друга. Местные жители совершенно свободно проезжали между ними. Подвоз начался. Привозили в мешках сахар, муку, в бочонках мед, выясняли, что мы еще будем покупать. Очень скоро небольшой сарайчик на станции заполнился продуктами. Пришлось затребовать из Жлобина вагон, чтобы отгрузить в Москву все закупленное и освободить склад для приема новых партий продовольствия.

Масштабы нашей работы могут показаться незначительными. Но голодной зимой 1918/19 года это выглядело совершенно иначе. Счет велся не на миллионы пудов, а на четвертушки фунтов. И продовольственные вагоны со станции Уза значили многое.

Свободное от работы время мы проводили в вагоне Мануильского. За обедом кроме Д. З. Мануильского и его секретаря В. Торговца собирались приехавшие к Мануильскому Х. Г. Раковский, В. Р. Менжинский, В. С. Шатов (тот самый Билль Шатов, о котором упо-

минает в своей книжке Джон Рид) и другие. Д. З. Мануильский был замечательным рассказчиком. Обедать в его присутствии было трудно. Мы все покатывались со смеху.

Через несколько дней начались важные события. Д. З. Мануильский вместе с В. Р. Менжинским через линию фронта тайно выехали в занятый немцами Гомель. Там 5 января 1919 года Мануильский выступал перед немцами, депутатами солдатского Совета. Договорились, что железнодорожники дадут возможность гарнизону эвакуироваться и 7 января в Гомеле будет восстановлена Советская власть.

Д. З. Мануильский жил в эмиграции в Париже, учился в Сорбоннском университете и свободно говорил по-французски. Но немецким он владел очень плохо. По возвращении из Гомеля Менжинский очень живо рассказывал, как Дмитрий Захарович больше жестами, чем словами, убеждал немецких депутатов в том, что они должны оставить не только нашу территорию, потому что это наша территория, но также все пушки и прочее вооружение, потому что это наши пушки и вооружение.

Д. З. Мануильский передал нам отпечатанные на гектографе пропуска немецких властей на въезд в Гомель. На пропуске наряду с подписью и печатью представителя военного немецкого командования имелись печать и подпись Совета солдатских депутатов 41-го резервного корпуса. Эти пропуска документально подтверждают, что в те дни в бывшей кайзеровской армии действовали Советы солдатских депутатов. Со своей стороны Д. З. Мануильский выдал мне следующее удостоверение:

«Российская Социалистическая
Федеративная Советская Республика
Совет Народных Комиссаров
Политический комиссар
освобожденных от оккупации
областей Западного края
6 февраля 1919 г.
№ 204

Уполномоченному Народного комиссариата по продовольствию Д. Б. Гиссену поручается участие от имени

Советской Республики в работах смешанной приемочной комиссии и общегосударственная заготовка продуктов и товаров.

Политический комиссар Д. Мануильский.
Секретарь В. Торговец» [1].

Удостоверение того же содержания было выдано и Александру Ильичу Усиевичу.

Когда подготовительная работа по восстановлению Советской власти в этом районе была закончена, В. С. Шатов, которого Д. З. Мануильский назначил председателем Гомельского ревкома, А. И. Усиевич и я выехали в Гомель. Ревком разместился в гостинице «Савой», там же были отведены комнаты и нам.

Немецкое командование назначило своими представителями в смешанной комиссии двух старших офицеров, настоящих прусских юнкеров. Наши длительные встречи с ними весьма походили на дипломатические переговоры. Мы всячески затягивали определение интендантских списков, требовали предварительного учета остатков, сами обходили и скрупулезно осматривали немецкие склады, удивляли кайзеровских интендантов неслыханной пунктуальностью — словом, всеми средствами оттягивали и срывали сам акт приемки.

А пока мы изощрялись в дипломатических проволочках, железнодорожники формировали солдатские эшелоны и строго следили, чтобы ничего из военного имущества не грузилось.

Переговоры и споры с немцами тянулись день за днем. Между тем погрузка в эшелоны немецких войск закончилась. Оставалось очистить Гомель только самим хозяевам интендантского имущества. Надо было подписать приемо-сдаточный акт, по которому огромные гомельские склады переходили в распоряжение советских властей.

Этот хитроумный маневр заранее подсказал нам Дмитрий Захарович Мануильский. А ведь шел только первый год его деятельности на дипломатическом поприще.

---

[1] Из личного архива Д. Б. Гиссена.

Красная Армия продвигалась по Украине, очищая губернию за губернией. 5 февраля 1919 года был освобожден Киев, 12 февраля — Чернигов. Одновременно росли возможности заготовок продовольствия. В середине февраля Наркомпрод решил организовать Чрезвычайную контрольно-закупочную комиссию в районах Гомеля и освобожденных областей Правобережной Украины. Председателем комиссии был назначен А. И. Усиевич.

В эти же дни по представлению Наркомпрода Владимир Ильич послал телеграмму всем начальникам станций по линии Гомель — Бахмач, Бахмач — Нежин, Бахмач — Конотоп, Гомель — Унеча, в которой предлагалось беспрепятственно и безотлагательно подавать по требованию Чреззакупкома вагоны для погрузки заготовленных продуктов в Москву. Усиевичу и мне были выданы Наркомпродом мандаты за подписью заместителя наркома, члена Совета Рабочей и Крестьянской Обороны Н. П. Брюханова.

Чреззакупком развернул свою деятельность в отведенных ему новых границах. Ряд уполномоченных и агентов (Кренцель, Арутюнов и другие) проводили закупку продуктов в Черниговской и Киевской губерниях. Все заготовленное отгружалось по нарядам Наркомпрода.

Постепенно организовывались местные органы Наркомпрода. Работа усложнялась. Возникала проблема согласованных цен. Во второй раз возвращаясь в Гомель в марте 1919 года, я попал в совершенно обычное для того времени положение: от Нежина поезда никуда не шли. На линии орудовали зеленые и другие банды. В Бахмаче, куда мы проскочили под пулеметным обстрелом, стало известно, что в Гомеле — восстание и что власть захватил взбунтовавшийся полк Стрекопытова. Пришлось добираться через Брянск. Там я узнал, что восстание подавлено, в городе имеются большие жертвы.

В Гомеле я застал ужасную картину. Восставшие захватили гостиницу «Савой» и зверски убили более двадцати руководящих советских и партийных работников. Чреззакупком тогда уже выехал из «Савоя» и разместился в одном из домов на Вокзальной улице. Благодаря этой случайности он остался нетронутым.

Бандиты посчитали его коммерческой конторой, а не органом Советской власти. Они не смогли даже ограбить кассу, так как А. И. Усиевич, невозмутимо спокойный и в смертельно опасной ситуации, успел спрятать все деньги и открыл по требованию стрекопытовцев пустой сейф.

...С момента нашего отъезда из Москвы прошло пять месяцев. В мае 1919 года Наркомпрод РСФСР признал целесообразным проводить дальнейшие заготовки через аппарат продорганов Белоруссии и Украины. Операции Чреззакупкома были ликвидированы, и все работники отозваны в Центр.

В конце июля 1919 года Красная Армия, перевалив Урал, вышла на сибирскую равнину. Был освобожден Челябинск, ближайший к Уралу сибирский губернский центр.

Для организации и развертывания партийно-хозяйственной работы в Сибири был назначен Военно-революционный комитет. В его первый состав вошли И. Н. Смирнов (председатель), В. М. Косарев и М. И. Фрумкин.

Иван Никитич Смирнов, возглавивший Сибревком, не был освобожден от военной работы, он продолжал оставаться членом Реввоенсовета 5-й армии и находился на фронте, наступая вместе с дивизиями на восток.

Подбор кадров для аппарата Сибревкома производился в Москве. По указанию В. И. Ленина все наркоматы выделили на руководящую работу в Сибирь членов своих коллегий. В результате этих энергичных мер заведующим Сибирским земельным отделом стал В. Н. Соколов, заведующим отделом просвещения — С. И. Канатчиков, председателем Сибирского продовольственного комитета — М. И. Фрумкин, председателем Сибирского промышленного бюро — А. В. Шотман, председателем Сибирского ЧК — С. Г. Уралов.

Работа Сибпродкома делится на два периода — челябинский и омский.

Действия Сибпродкома в Челябинске распространялись только на две губернии — Тюменскую и Челябинскую. Остальные не были еще освобождены. В качестве исполнителей выступал отряд Совета снабжения

Латвии, прибывший с поездом Сибревкома. Одна его часть во главе с Р. И. Эйхе была направлена для продовольственной работы в Троицкий уезд, где Эйхе стал упродкомиссаром. Другая часть отряда, возглавленная А. Р. Миллером, наладила продовольственное дело в Кустанайском уезде.

Несколько позднее Роберт Иванович Эйхе, в дальнейшем выдающийся партийный работник, был назначен челябинским губернским продовольственным комиссаром.

Омский период деятельности Сибревкома начинается с последних чисел ноября 1919 года. Специальный поезд Сибирского бюро ЦК и Сибревкома шел от Челябинска до Омска десять суток — целое путешествие.

Работа Сибревкома начала развертываться немедленно, причем на огромных территориях Сибири. Следовало охватить Челябинскую, Тюменскую, Акмолинскую, Омскую, Томскую, Семипалатинскую губернии. Не за горами было изгнание белых из Восточной Сибири.

В Омске был организован Сибирский продовольственный комитет (Сибпродком). Он руководил всей продовольственной работой в освобожденных губерниях. Причем надо иметь в виду, что, продвигаясь на восток, 5-я армия снабжалась своими военно-продовольственными органами — Опродкомармом 5 и его Опродкомдивами. При таком территориальном разделении между гражданскими и военными продорганами руководство всей продовольственной работой в Сибири было единым. М. И. Фрумкин являлся не только председателем Сибпродкома, но и начальником Опродкома Восточного фронта, и ему был полностью подчинен Опродкомарм 5. Аппарат Сибпродкома состоял из московских работников и был пополнен при расформировании Опродкома 3-й армии. В частности, из Опродкомарма 3 был переведен в Омск и работал по заготовкам мяса племянник композитора П. И. Чайковского — Юрий Львович Давыдов, который в последующем был директором Дома-музея Чайковского в Клину.

Сибпродком установил размеры продовольственной разверстки на каждую губернию и по всем видам сельскохозяйственной продукции. На основе этой директивы губпродкомы проводили продразверстку и заготовки.

К заготовкам была привлечена Сибирская потребительская кооперация (Сибсоюз) и Сибирская производственная кооперация (Сибирский союз маслодельных артелей). М. И. Фрумкин требовал в подходе к кооператорам отсутствия шаблона. Председатель Сибпродкома выехал в освобожденный Новониколаевск (Новосибирск), разыскал деятелей сибирской кооперации, отобрал из них наиболее просоветски настроенных и сколотил работоспособное организационное бюро.

Продовольственные трофеи, захваченные нашими войсками в большом количестве, кормили личный состав 5-й армии. Но немалая часть сибирских эшелонов, идущих на помощь голодающему Центру, была составлена из фонда 5-й армии. Особую ценность в условиях гражданской войны представляли два маршрутных поезда с байховым чаем.

М. И. Фрумкину приходилось много бороться с местническими и иными тенденциями, чтобы выполнять постоянные требования В. И. Ленина усилить отправку трофейного продовольствия из Сибири. Так, Троцкий дважды вызывал М. И. Фрумкина к прямому проводу и категорически предлагал передать Уралу без нарядов Центра несколько поездов с сибирским хлебом. Его приказания не были выполнены. В другом случае начальник Опродкома Я. О. Заводник самовольно отправил эшелон с продовольствием в адрес Зиновьева в Петроград. Наркомат продовольствия, поставленный в известность Сибпродкомом, зачел этот поезд при определении плановых поставок. Опродкомарм 5 приказал для своих нужд повернуть несколько эшелонов, идущих по нарядам Центра. Поезда продолжили свой маршрут, а начальник Опродкомарма 5 был вызван в Омск и предан суду военного трибунала. Только такие решительные, жесткие меры могли обеспечить должную продовольственную дисциплину и создать условия для выправления тяжелого положения республики.

К освобожденной Западной Сибири в начале 1920 года примкнули с востока Енисейская и Иркутская губернии. Объем работы Сиббюро ЦК и Сибревкома увеличился. Расширился состав его органов. Из Москвы были присланы Емельян Ярославский (назначенный военным комиссаром Сибири) и В. Н. Яковлева. Ход гражданской войны ставил новые задачи и перед работниками про-

довольственного фронта. Разгром Деникина и освобождение хлебородного Северного Кавказа потребовали продовольственников в районы южных житниц. Председатель Сибпродкома был вызван в Москву и переброшен на работу в Ростов-на-Дону. Вместе с ним уезжал из Омска и автор этих строк.

16 февраля 1921 года узел связи Кавказского фронта принял на имя уполномоченного Наркомпрода по Юго-Востоку М. И. Фрумкина и начальника округа путей сообщения С. О. Маркова телеграмму, подписанную В. И. Лениным: «Ввиду обостренного до крайности продовольственного положения Республики, особенно в связи с временным перерывом поступления хлеба из Сибири, должны быть приняты героические меры для усиления и доведения до максимума погрузки и отправки хлеба центру с Северного Кавказа. Совершенно исключительное значение, которое приобрел сейчас Кавказ, налагает на Вас и всех работников по продовольствию и транспорту на Кавказе исключительную ответственность» [1].

Продовольствие, топливо, транспорт — эти неотложные, жизненной важности проблемы влияли даже на решение таких важных вопросов, как поддержка революционного восстания в Грузии. На просьбу подпольного ревкома Грузии помочь восстанию силами Красной Армии была получена следующая директива Центра: «ЦК склонен разрешить 11-й армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11-й после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех. Мы предупреждаем, что все сидим без хлеба из-за транспорта, и поэтому ни единого поезда и ни единого вагона не дадим. Мы вынуждены ввозить с Кавказа только хлеб и нефть. Требуем немедленного ответа за подписью всех членов РВС 11-й, а равно Смилги, Гиттиса, Трифонова и Фрумкина. До нашего ответа на телеграмму всех этих лиц ничего решительно не предпринимать. По поручению ЦК — Крестинский, Склянский» [2].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 306.
[2] Трифонов Ю. Отблеск костра. М., 1966, с. 186.

Владимир Ильич требовал от уполномоченного Наркомпрода усилить подвоз хлеба к базовым станциям и обеспечить шесть миллионов пудов ежемесячно для пролетарских центров. Каждый час суток и каждый вагон были поставлены на учет. Ежедневно Батайск и Царицын должны были отгружать двести вагонов. Председатель Совета Труда и Обороны потребовал, чтобы регулярно ему и Наркомпроду помимо сводок о фактической погрузке сообщались данные о количестве хлеба, подвезенного к станциям и приписным пунктам.

Общий порядок отгрузки был таков: со всего Дона, Кубани и Ставрополья зерно шло на распределительную базу, на станцию Батайск (10 км южнее Ростова), где из прибывших вагонов составлялись маршрутные поезда, которые получали адрес назначения по указанию Наркомпрода.

Теперь, через пятьдесят с лишним лет, трудно представить, какая телефонная связь была между Ростовом и Батайском в 1921 году. Дозвониться в Батайск и передать срочное, полученное из Москвы назначение было почти невозможно. Если в редких случаях это и удавалось, то слышимость была такая, что начальник распредбазы не мог понять то, что ему говорили из соседнего Ростова. Приходилось мне откладывать в сторону дела и в любую погоду ехать в Батайск.

Связаться с продорганами Кубани и Ставрополья было еще труднее. Телефонной связи на такое расстояние, конечно, не было. Телеграф Наркомпочтеля по причине обилия и многословия служебных депеш, особенно распространенных в первые годы Советской власти, с работой не справлялся. Случалось, что на передачу запроса и получение телеграфного ответа уходило пять-шесть дней. Последствия этого были самые тяжелые — выполнение графика, утвержденного В. И. Лениным, срывалось.

Оставался единственный верный путь — вызов продовольственного комиссара к прямому проводу. Обычно в конце дня я получал ряд таких заданий от М. И. Фрумкина и шел в телеграфную штаба Кавказского фронта. Передав указание продкомиссару, я тут же получал ответ. Так продолжалось несколько месяцев. Всем политкомам на телеграфе было известно, что М. И. Фрумкин является не только уполномоченным

Наркомпрода и Главснабпродарма, но также членом Ревсовета Трудовой Армии Юго-Востока и членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Подписанные им записки и вызовы к проводу передавались наравне с оперативными.

Тем не менее в конце февраля — перед выездом М. И. Фрумкина в Москву на X съезд партии — произошел совершенно непредвиденный случай.

М. И. Фрумкин вызвал для переговоров по ряду важных и неотложных вопросов заместителя наркома Н. П. Брюханова. Приехав к определенному часу на телеграф Реввоенсовета Республики, Н. П. Брюханов получил на провод Ростов, но после первых же реплик лента перестала поступать, и Москва и Ростов оказались разъединены. О том, что произошло на узле связи Кавказского фронта, Н. П. Брюханов и М. И. Фрумкин уже после закрытия съезда рассказали В. И. Ленину. Из этого рассказа Владимир Ильич узнал, что переговоры сорвал начальник связи Кавказского фронта И. А. Халепский. Войдя в аппаратную, он увидел штатского человека, ему неизвестного, и, не разобравшись, в чем дело, приказал телеграфистке прекратить передачу текста. Случилось так, что никого из членов Реввоенсовета фронта в Ростове не оказалось. А когда из Москвы приказали немедленно продолжить переговоры, М. И. Фрумкина уже не было в штабе фронта.

Несмотря на исключительную занятость, Владимир Ильич вынес этот вопрос на ближайшее заседание Совета Труда и Обороны. 23 марта 1921 года, через неделю после закрытия X съезда, было принято соответствующее постановление: «Предоставить право, в изъятие существующего декрета, продорганам Кавказа — Уполнаркомпрода т. Фрумкину, Управдел Уполнаркомпрода т. Гиссену, Донпродкомиссару т. Миллеру, Кубаньпродкомиссару т. Пригожину и Ставгубпродкомиссару т. Соколову пользоваться прямыми проводами Наркомпочтеля и Военведа в особо важных случаях, требующих срочных выяснений и дачи срочных приказов.

Председатель Совета Труда и Обороны В. Ульянов (Ленин).

Секретарь Совета Труда и Обороны Л. Фотиева» [1].

[1] ЦГАОК, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 382, л. 51.

Постановление Совета Труда и Обороны — только одно из многочисленных свидетельств огромного внимания В. И. Ленина к работе продовольственных органов. Этот документ в высшей степени характерен для стиля работы Владимира Ильича, который отрицал деление дел на большие и малые и знал лишь дела, требующие быстрого решения для блага революции.

А. В. БЛАГОДАТОВ

ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИСТА

В апреле 1920 года я был направлен инспектировать артиллерию латышской и 52-й стрелковой дивизий. Владимир Давыдович Грендаль, в то время мой непосредственный начальник, пояснил, что инспектировать придется перекопский участок и что командованием Юго-Западного фронта планируется прорыв в Крым.

Владимир Давыдович Грендаль был известным артиллеристом Красной Армии. Полковник старой армии, окончивший артиллерийскую академию с отличием, он был, пожалуй, для времен гражданской войны наиболее выдающимся специалистом по своим знаниям и боевому опыту. Еще в первую мировую войну он снискал широкую известность знаменитым огневым налетом на станцию Еловка. Владимир Давыдович доказал на практике возможность подавления крупного армейского узла снабжения, находящегося далеко за линией фронта. На Еловку был обрушен с расстояния в семнадцать километров мощный огонь дивизиона 305-миллиметровых орудий. Немцы понесли столь внушительные потери, что вынуждены были перебазироваться в более отдаленный тыл.

Владимир Давыдович снабдил меня аршинным мандатом, в котором среди многих моих полномочий отмечалось и право на оперативное вмешательство в действия артиллерийских начальников. Добираясь от Харькова до Крымского перешейка на попутных средствах, я и не предполагал, во что выльется эта обычная инспекторская поездка и сколь активным будет мое участие в действиях артиллерии перекопской группы.

К слову должен заметить, что на одной из узловых станций, если память не изменяет, в Синельниково, я

впервые встретился с Александром Ильичом Егоровым. Командующий фронтом стоял на платформе, у поезда с вагонами международного класса. Его статная могучая фигура, властное выражение лица и какая-то внутренняя сосредоточенность сразу приковывали внимание. На командующем была черная косоворотка, стянутая кавказским поясом. Я подошел и представился. Александр Ильич сдержанно ответил на мои вопросы. Впоследствии я встречался и работал с этим выдающимся военачальником в самых разных местах, от Китая, где был военным советником, до Карелии.

Прибыв в расположение перекопской группы, я занялся своими непосредственными служебными делами. В группу входили три дивизии: 52-я стрелковая, латышская и 3-я стрелковая. Все эти дивизии, и в первую очередь латышская, имели славные традиции и большой боевой опыт. Артиллерийские начальники, с которыми я, собственно, и работал, производили впечатление опытных командиров, а иногда и солидных знатоков своего дела. Прежде всего эта оценка относится к начальнику артиллерии 13-й армии Арсению Арсеньевичу Дановичу. Кадровый офицер старой армии, он имел внушительный боевой опыт первой мировой войны. Отличный артиллерист, досконально знавший службу, Арсений Арсеньевич умел превосходно организовать дело.

Случилось так, что на довольствие я стал в 3-м дивизионе латышей. С ними же, естественно, и поселился. Дивизион расположился на хуторе Преображенка, в восьми с лишним верстах от Перекопа. Через Преображенку шла дорога от Перекопа к Чаплинке и далее на Каховку. Это обстоятельство и положение только что названных населенных пунктов, кроме Каховки мало известных, будет иметь существенное значение в боях за Таврию, о которых пойдет речь дальше.

Итак, я поселился у латышей. Командиры дивизионов — Росман, Борисовский, Слепков, Ральцевич — производили благоприятное впечатление и были опытными артиллеристами. Особенно выделялся краснознаменец П. М. Слепков, отличившийся в сражении под Кромами. Помощником начальника артиллерии дивизии был Н. П. Павлов, хорошо подготовленный и храбрый бывший офицер старой армии. Несколько уступал по специальной подготовке своему заместителю и командирам

дивизионов начарт дивизии Игал. Но это обстоятельство компенсировалось его популярностью среди латышей, а также скромностью и тактичностью товарища Игала, который никогда не стеснял в бою инициативу своих подчиненных.

Какова же была общая расстановка сил на Крымском фронте? Попытаюсь обрисовать ее, положив в основу непосредственные впечатления и все то, что на эти впечатления наслоилось и оформило их.

Русская армия Врангеля, с которой мы столкнулись в степях Таврии летом 1920 года, — это недобитые остатки некогда мощных формирований Деникина. К моменту окончательного крушения деникинщины, то есть к марту 1920 года, крымскому участку не было придано должного значения. Энергичный генерал Слащев парировал наше третье слабое наступление на Перекопском перешейке. Его сборные малочисленные отряды, которые он сам водил в контратаки, не смогли бы отстоять полуостров. Но благоприятный момент был упущен, и после панической эвакуации Новороссийска, которую сами белые считали величайшим позором и катастрофой белого дела, в Крым были эвакуированы так называемые цветные (по цветным шевронам на рукавах) дивизии, то есть офицерский корпус Кутепова и кое-какие остатки донских и кубанских формирований. Всего на берега полуострова высадилось 30—35 тысяч морально подавленных, но люто ненавидящих революцию вояк-профессионалов. Слащев получил отличную помощь. Теперь белогвардейцы в Крыму могли не только обороняться, но и угрожать Советской республике созданием нового фронта. Следовало только твердой рукой реорганизовать остатки армии, укрывшейся в Крыму. И такой шаг был сделан. В ставку к генералу Деникину явился командир офицерского корпуса генерал Кутепов и от имени ветеранов белого движения заявил, что после Новороссийска главнокомандующий потерял доверие армии. Деникин тут же сложил с себя полномочия, и на военном совете в Севастополе главнокомандующим был избран генерал-лейтенант Врангель. К слову будет сказано, что новый глава белой армии в это время из-за несогласий с Деникиным находился в Константинополе и принимать бразды правления прибыл по приглашению английского эмиссара и на английском крейсере.

Следует отметить, что Врангель на первых порах полностью оправдал возлагаемые на него надежды. Армия была выведена из шокового состояния, переформирована, вооружена и сведена в мощные соединения. Союзники признали новое правительство и принялись оказывать ему всяческое содействие. За рубеж выехали дипломатические миссии белого Крыма. Севастополь стал магнитом для врагов революции и политических эмигрантов всех мастей.

План предстоящей кампании был составлен Врангелем с учетом польского наступления и реальной помощи союзников. Белый главком рассчитывал массированным ударом овладеть Северной Таврией с ее богатейшими людскими и материальными ресурсами, затем левым крылом форсировать Днепр и соединиться с белополяками. Правый фланг Русской армии был нацелен на Донбасс и земли Войска Донского, куда так рвалось побросавшее в Новороссийске коней белоказачье воинство. Большие надежды возлагались на кубанские десанты. Врангель, как в свое время Корнилов и Деникин, еще раз нацелился на кубанский плацдарм и надеялся поднять кубанское казачество против Советской власти.

Перед началом операции белая армия была разделена на три группы. Корпус генерала Слащева высадился восточнее Перекопа, у деревни Кирилловка. Через Чонгарские переправы, ближе к перекопской группе, двигался корпус генерала Писарева. Непосредственно на перекопском направлении атаковал ударный кулак Врангеля — кутеповский корпус и приданная ему 2-я кавалерийская дивизия генерала Морозова.

Боевой состав войск белых определялся в двадцать пять тысяч штыков и восемь тысяч сабель и поддерживался большим количеством по нормам гражданской войны танков, бронеавтомобилей, аэропланов и бронепоездов. Забегая вперед, скажу, что наши стрелки, впервые увидев танк в бою, не сразу находили средства борьбы с ревущим и лязгающим «рено». Массированные налеты аэропланов с бомбометанием и пулеметным обстрелом вызывали панику в рядах кавалеристов.

Противостоящая Врангелю 13-я армия оказалась вдвое меньше по численности. При этом она имела крайне неблагоприятную группировку, вызванную неосу-

ществленным наступлением. Части еще не были возвращены на оборонительные позиции и изматывались у первой линии проволочных заграждений. Весенний тиф так выкосил полки, что от некогда мощной Латышской дивизии осталось лишь несколько тысяч бойцов, разбавленных спешными подкреплениями. Но в июне 1920 года, когда все силы были брошены на Западный фронт, рассчитывать на немедленный подход резервов не приходилось.

...Рассвет 7 июня порадовал безоблачным небом. Горизонт был еще чуть подернут предрассветной дымкой, не успевшей разойтись под лучами солнца, когда нас разбудила сильная ружейно-пулеметная стрельба. Я ночевал вместе с командирами дивизионов латышей в каменном доме на хуторе Преображенка. Дом этот стоял на опушке парка на возвышенности. У противоположного ее ската были отрыты окопы латышских стрелков.

Надо заметить, что парк был в зоне дальнего артиллерийского огня со стороны Турецкого вала. Тем не менее политотдел дивизии приспособил сцену, сооруженную на одной из парковых полян бывшими владельцами Преображенки, для своих целей. Помнится, и мне пришлось присутствовать на одном спектакле драмколлектива. Ставилась пьеса, где страсти, как говорится, рвались наружу. Латышские стрелки и артиллеристы расположились прямо на траве, под открытым небом. Зритель в те времена был благодарный, можно сказать, замечательный. Все были беззаветно увлечены происходящим на сцене, когда послышался все усиливающийся визг тяжелого снаряда. Артисты не выдержали и бросились с открытой площадки. Зрители — красноармейцы и командиры — остались на местах и встретили конфуз артистов оглушительным хохотом.

Парк пересекала широкая грунтовая дорога, проложенная от Перекопа через Чаплинку и Старые Маячки к Каховке. Это был кратчайший и самый выгодный путь к днепровским переправам. Наш дом выходил своими окнами на каховскую дорогу, а в одной из пристроек стояло замаскированное орудие с сектором обстрела вдоль большака.

Итак, на рассвете 7 июня нас, обитателей каменного дома, разбудила сильная ружейно-пулеметная стрель-

ба. На первых порах мы этому не придали значения. Было известно, что накануне Слащев высадился на побережье значительно левее перекопских позиций. Цель десанта не была разгадана армейским командованием, что отчетливо сказалось в ближайшие дни. Бой на нашем направлении мы поначалу приняли за столь же незначительную вылазку, какой казался десант корпуса Слащева. Однако примерно через час после короткой пристрелки на Преображенку обрушился огонь не менее 30—50 орудий.

Стрельба в районе окопов латышских стрелков усиливалась. Стало ясно, что идет не бой местного значения, а начинается крупное наступление врага. Командиры дивизионов бросились на наблюдательные пункты и открыли ответный огонь.

Некоторое время спустя через огневые позиции артиллерии группами в два-три человека стала проходить латышская пехота. Я пытался их остановить, надо сказать, довольно безуспешно. Один высоченный латыш с винтовкой через плечо, дулом вниз (манера носить оружие, с которой инспектор артиллерии 13-й армии А. А. Данович боролся всеми дозволенными и недозволенными средствами), пресек мои старания крепчайшим нецензурным солдатским оборотом, а его товарищ безнадежно махнул рукой, как бы извиняясь за грубость измотанного боем человека.

Мужество латышских стрелков в этом бою засвидетельствовано врагом. Это лучшая аттестация, и я обращусь к ней. «Танки и броневики, — пишет Врангель, — двигались впереди наших частей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито, однако наша пехота с помощью их овладела всей укрепленной позицией. Марковская и корниловская дивизии выдвинулись на линии: Первоконстантиновка — Спендиарово (марковцы) и Преображенка — Адамань (корниловцы). 2-я кавалерийская дивизия генерала Морозова брошена была для преследования красных» [1].

[1] Белое дело. Т. VI. Берлин, 1928, с. 94.

Танки, которые штурмовали позиции латышей, вышли в это июньское утро к Преображенке. До мельчайших подробностей помню, как за скатом холма послышалось характерное лязганье гусениц. Я инстинктивно дернулся в сторону орудия, которое держало под прицелом перекопскую дорогу. Но трехдюймовка в сарае вела огонь в другом направлении, не замечая медленно ползущей машины. Танки, поставленные белыми союзниками, обладали тактико-техническими данными времен прошедшей войны. Двигались они со скоростью, близкой к скорости пешехода.

Я было бросился к сараю, чтобы предупредить артиллеристов, но в это время орудие взяли на передок, и оно укатило по лесной дороге.

Положение было прямо-таки парадоксальным. Справа от хутора, в имении Преображенка, идет бой. Далеко слева, в Первоконстантиновке, отчаянно дерется 3-я стрелковая дивизия. Я хорошо знаю начальника этой дивизии Козицкого и уверен в его отваге, упорстве и высоком воинском умении. Понимаю, что позиции латышской пехоты прямо перед хутором смяты, танк, идущий на меня, перевалил через них, и вслед за ним должна появиться белая пехота. А я, инспектор фронта, один на один с «рено» в промежуточной зоне.

Дивизионы гремят рядом, но я и танк — вне поля их видимости. Прихватив катушку проводов (знаю, какая это ценность для артиллеристов), бросаюсь по большаку в надежде на собственные ноги. Благо, дорога идет вниз. Через несколько мгновений — оглушительный выстрел, и 37-миллиметровый снаряд проходит, как кажется, прямо над головой. Бросаю на бегу катушку с проводами, шинель, фаянсовую кружку и дареную нагайку. На мое счастье, когда я, уже изнемогая, перешел на тяжелый шаг, из боковой аллеи выскочила двуколка. Вскочил на нее, но танк — все тот же передовой «рено» — получил более крупную мишенную обстановку. Снаряды рвались в траве то впереди, то сзади, то справа, то слева. Внезапно огонь прекратился. Оглядываемся назад и видим на том месте, где должен быть преследующий нас танк, горящую боевую машину. Только впоследствии я узнал, кто нас спас. Гаубичная батарея латышей застряла на огневой позиции — замешкались ездовые с передками. Видя, что белогвардейский

танк расстреливал орудия соседнего дивизиона, а потом погнался за нами, латыши открыли по нему огонь и при прицеле 12, то есть на дистанции 240 сажень, подожгли «рено» прямым попаданием.

Отошедшую артиллерию я догнал верстах в полутора от Преображенки. Дивизионы сгрудились перед проходом за вторую линию проволочных заграждений. Командир 3-го дивизиона Слепков лежал в тени у куста и угрюмо размалывал зубами сухарь. Батарейцы были голодны, пехота ушла. Положение складывалось тяжелое — артиллерия осталась одна против танков, пехоты и кавалерии врангелевцев.

Но раздумывать было некогда, так как я заметил конницу, которая спускалась от Преображенки в нашем направлении, — это конная батарея белых выходила на открытую позицию. Неподвижность Слепкова как рукой сняло. Он мгновенно вскочил в седло и ускакал к своим орудиям. Надо было организовывать общую оборону. Иначе десять — пятнадцать минут — и белые вырубят артиллерию двух дивизий. Я приказал Ланговому, командиру батареи 52-й стрелковой дивизии, снять с передков орудия и остановить конницу шрапнелью. Расчет строился на том, что отход Лангового прикроют батареи, которым он даст возможность втянуться за проволоку.

У самого прохода стояли высокие скирды. Одну из них я выбрал под наблюдательный пункт и взял на себя руководство боем. Ланговой с поставленной задачей справлялся отлично. Он быстро пристрелялся к конной батарее и разогнал ее орудийный расчет. Конница противника действовала вяло и не сделала попытки прорваться сквозь шрапнельную завесу. Заключительная часть боя прошла удачно. Под прикрытием огня латышей батарея Лангового без потерь втянулась за проволочные заграждения.

Надо сказать, что кавалерия белых промедлила и упустила возможность лихой атакой захватить у линии проволочных заграждений всю артиллерию латышей и 52-й стрелковой дивизии. Так или иначе, но конница обтекла наши позиции и ушла в степь, к Чаплинке. Позднее я узнал, что это была 2-я дивизия генерала Морозова, единственное в то время конное соединение Врангеля, которое он бросил громить наши тылы.

Здесь, на третьей линии обороны, я узнал от начарта латышской дивизии Игала обстоятельства начала боя на участке перекопской группы. Стало очевидным, что численное превосходство и лучшая тактическая выучка белых принесли им успех, который они стремятся всеми средствами развить. Фронт наш прорван. Латышская дивизия отошла к Чаплинке. Артиллерия, вопреки всем правилам боя, оказалась в ее арьергарде. Белые правильно оценили перекопскую группу как главные силы 13-й армии. Против нее были двинуты офицерские дивизии кутепского корпуса. Корниловцы прорвали фронт латышей и 52-й стрелковой дивизии и развивали успех на каховском направлении. Главный акцент боя сместился к деревне Первоконстантиновка, где группа начальника 3-й стрелковой дивизии, измотав силы марковцев, сама перешла в контрнаступление и оттеснила белых.

На поддержку отходившим марковцам Врангель двинул из резерва дроздовскую дивизию. Одновременно конница Морозова была повернута от Чаплинки и брошена во фланг группы начдива 3 Козицкого. Особое задание получила авиация белых.

Авиационная группа генерала Ткачева состояла из двадцати аэропланов, довольно несовременных и самого разнообразного типа. Но уже к середине мая эскадрильи белых были хорошо подготовлены к ведению маневренной войны. За недостатком конницы — кавалерию спешила катастрофа в Новороссийске — Врангель возлагал большие надежды на усиление техники. В авиации он видел своего рода временную замену коннице.

Определив опасность, идущую со стороны группы Козицкого, белые, опасаясь быть отрезанными от перешейков, лихорадочно перегруппировались и обрушили на Первоконстантиновку все имеющиеся силы. За боем наблюдал сам генерал Кутепов. На глазах высшего начальства в штыковую атаку через гать пошел 1-й офицерский полк дроздовцев. Генерал Ткачев был вызван к командиру корпуса и получил приказание разбить первоконстантиновскую группу массированным ударом.

В течение пяти часов эскадрильи высылались одна за другой. В первую очередь бомбометание велось по артиллерии, которая своими удачными действиями не

давала продвинуться офицерской пехоте. Затем аэропланы обрушились на упорно обороняющуюся пехоту. Напрягая все свои силы, белые пытались развить успех. Когда с севера подошла конница Морозова, авиация связала ее с главными силами и дала ей возможность действовать «с открытыми глазами».

Однако вернемся к действиям перекопской группы. Итак, на первом этапе боя латышская артиллерия и дивизион 52-й стрелковой дивизии действовали самостоятельно и без прикрытия пехоты. И тем не менее в такой, казалось, безвыходной и парадоксальной с точки зрения уставных положений обстановке артиллерия держала оборону на широком участке, отражая атаки кавалерии, танков и бронемашин. Замечу, что такая ситуация сложилась только в нашей группе. Наши соседи отступали, так или иначе сохраняя взаимодействие родов войск.

От рубежа проволочных заграждений артиллерия отходила поэшелонно, отражая атаки кавалерии. Когда я подъехал к Чаплинке, то оказалось, что богатое село как магнитом притянуло к себе отступающих. На западной окраине Чаплинки батареи стояли в шесть-семь рядов, одна в затылок другой. Положение недопустимое. Но тяга к жилью велика. Люди не ели весь день, а где как не в селянской хате добудешь кружку молока и корм для лошадей? Однако на войне как на войне. Пришлось растащить батареи по широкому фронту.

Ночь прошла спокойно. Белые перегруппировывались в сторону Первоконстантиновки. Их действия на нашем участке временно прекратились. К вечеру следующего дня мы были в трех-четырех километрах от Чаплинки. Сыпал мелкий теплый дождь. Я устроился со Слепковым у лафета, накрывшись шинелью. Разбудил нас начарт Игал. Ему стало известно, что пехота, которую накануне подвел начальник дивизии Калнин, ушла с позиций и артиллерия снова осталась без прикрытия. Игал обращался ко мне как к старшему начальнику и ждал моего решения. Я понимал, что бросать фронт и уходить вслед за пехотой нельзя. Тем более что, по моим расчетам, артиллерия имела достаточно сил и средств, чтобы, энергично маневрируя, сдержать противника и дать отступающим частям перегруппироваться и вернуть боеспособность.

Я приказал Игалу развернуть возможно шире фронт дивизионов и эшелонировать его. Одна-две батареи во втором эшелоне давали возможность маневрировать и организовать сложный огонь с прикрытием. Далее мне было известно, что латыши имели до четырех пулеметов на тачанках при каждой батарее. На эти «внештатные» пулеметы я возлагал особые надежды. Расположенные в интервалах между огневыми позициями батарей и особенно на флангах, они связывали наш не предусмотренный уставом беспехотный фронт, придавая ему устойчивость и дополнительную прочность в случае внезапных налетов конницы и локальных прорывов. Кроме того, я приказал объединить конных разведчиков в группы подивизионно. В результате образовались отряды до пятидесяти всадников в каждом.

Таким образом, на пути наступающей к Каховке дивизии корниловцев возник сильный очаг сопротивления протяженностью по фронту в три-четыре километра.

Белые продвигались вперед, неся невосполнимые для армии Врангеля потери. Старейшая в добровольческом корпусе корниловская дивизия потеряла двадцать три процента личного состава. 1-й дроздовский офицерский полк остался без ротных и батальонных командиров. Потери личного состава в кадровых частях лихорадочно восполнялись пленными и мобилизованными. Врангелевские газеты трубили о победах и международном признании, но тщательно скрывали катастрофические цифры потерь. В оппозиционно настроенных кругах Крыма вновь ходила старая французская эпиграмма на великого князя Николая Николаевича, который в свое время, отвечая на вопрос о потерях, заявил, что в русской армии «после каждого боя рождается еще один маленький казак».

Не зная тактической расстановки сил белых, мы ощущали приливы и отливы в их активности и твердо готовились держать оборону. Надо иметь в виду, что в это время основным снарядом была шрапнель. При стрельбе на картечь четырехорудийная батарея могла при одном прицеле дать завесу из десяти тысяч пуль в минуту. Такой огонь по теоретическим расчетам при боевых стрельбах для пехоты, а тем более для кавалерии был непреодолим.

На следующий день часов в одиннадцать противник перешел в наступление, обходя левый фланг, как мы и предполагали. Нажима с фронта почти не было. Фланговый удар врангелевцев отбивал дивизион Пешеванова, который накануне боя был поставлен уступом в двух-трех километрах за нашим левым крылом и тщательно замаскирован. Действия конницы Морозова, вновь переброшенной на каховское направление, не принесли успеха белым. Мы прочно держали оборону, пока во второй половине дня не получили приказ об отходе к Каховке.

На этот раз для прикрытия артиллерии подошел кавалерийский полк Яниса Кришьяна. Наладить взаимодействие с таким отважным кавалерийским начальником и надежнейшим боевым товарищем не составляло труда. Полк развернулся в лаву, а дивизионы начали отходить поэшелонно с таким расчетом, чтобы фронт кавалеристов неизменно был прикрыт на огневых позициях двумя-тремя батареями. Я взял на себя командование маневром и поддерживал постоянную зрительную связь с Кришьяном. Отход проходил организованно.

Белая конница наседала активно, то и дело в облаке пыли возникала лава всадников и, сбитая сосредоточенным огнем, уходила в степь. Попытки противника рассечь наши боевые порядки ни к чему не привели.

К вечеру, отходя по дороге через Большие Маячки, мы подошли к Каховке. Латышская пехота и 52-я стрелковая дивизия успели оправиться и занять оборону.

Со времени июньских боев прошло несколько недель. Начальнику артиллерии фронта В. Д. Грендалю было приказано выехать в район Нижнего Днепра. Я как старожил этих мест отправился с ним. Таким образом, мы с Владимиром Давыдовичем оказались в Бериславе, который расположен против каховского плацдарма на правом берегу Днепра.

Готовясь организовать артиллерийское обеспечение, мы скрупулезно «прощупали» с командных бериславских высот плоские окрестности Малой и Большой Каховки. Этим незначительным географическим пунктам суждено было вскоре стать легендарными. Отсюда на-

чалось крушение Врангеля и его планов нового похода на Москву. У проволочных заграждений Каховки маневренные дивизии белых потерпели первое поражение и остановились, не сумев ликвидировать угрозы, нависшей над их тылом.

Теперь это история гражданской войны. Нам же в августе 1920 года широкие исторические перспективы были неизвестны. Мы видели перед собой наступающего противника и работали над организацией контрудара. Читатель знает, что после удачных для него перекопских боев Врангель вырвался из «крымской бутылки» и решительно устремился на север и северо-восток. Наши первые попытки организовать контрудар кончились разгромом конного корпуса Д. П. Жлобы. Допущенные командованием корпуса ошибки привели к потере инициативы, позволили белым обложить корпус с трех сторон и рассеять его концентрическими ударами офицерской пехоты, усиленной бронечастями и авиацией. Развивая успех, Врангель наступал одновременно по двум операционным направлениям — к Донбассу и Александровску (Запорожье). Он нанес серию превосходно рассчитанных ударов, маневрируя мощным конным кулаком и смело перемещая ударные офицерские части.

Пожалуй, самый существенный успех Врангеля состоял не в том, что он оттеснил малочисленные дивизии 13-й армии на север. В этот период ему удалось большее — расколоть наши откатывающиеся соединения на две группы. Правая из них в составе латышской и 52-й стрелковой дивизий отошла по бериславским переправам на западный берег Днепра. Левая, более сильная, прикрывала Донецкий бассейн. Между группами образовался разрыв.

Но, успешно наступая, Врангель должен был бороться за пространство и надежные базы комплектования, в противном случае его дивизии могли растаять в непрерывных боях. Сложившийся театр военных действий диктовал два операционных направления. на правобережье Днепра, что означало ставку на белополяков, на Донбасс, то есть на соединение с донскими казаками. Ориентируясь на потенциал донской и кубанской контрреволюции, Врангель выбирает второе из них. Это решение дополнительно подкрепляется неуда-

чами поляков, отрицательным отношением Петлюры к попыткам белых заручиться его сотрудничеством и влиянием союзников, заинтересованных в захвате Донбасса.

Сама стратегическая обстановка заставила пересмотреть значение правобережной группы и увидеть чрезвычайные выгоды ее положения. Начать с того, что она находилась на кратчайших путях к Перекопу. Для меня это было особенно очевидно: еще не остыла пыль на дорогах, по которым отступала наша артиллерия от Перекопа до Каховки и Берислава. Теперь же, нависая над флангом белых, уходящих все дальше на северо-восток от крымских перешейков, мы получили возможность ударить им в тыл, лишить их уверенности и заставить резко осадить назад. Но достаточных для проведения этой операции сил у нас пока не было.

Между тем Врангель начал следующий этап наступления. Не имея сил, чтобы одновременно действовать в Северной Таврии, на Кубани и Дону, он решает вначале разбить нашу александровскую группировку, продвинуться в Донбасс, а затем, оставив заслоном корпус Кутепова, перенести операции на донские и кубанские земли.

К началу задуманной нами операции с правого берега Днепра Врангель, нанеся последние удары в Таврии и считая красные группировки на александровском и донбасском направлениях разбитыми, сосредоточил усилия на кубанских десантах. Полевой штаб белого главкома перебрался из Мелитополя в Крым.

Наступило временное затишье. Врангель стремился удержать занятые рубежи малыми силами. Красная Армия наращивала потенциал для контрудара. Правобережная группа пополнилась свежей 15-й стрелковой дивизией. На станции Апостолово выгружалась и была на подходе 51-я дивизия Блюхера, насчитывающая одиннадцать тысяч штыков и имеющая прекрасную артиллерию. Реорганизованное командование группы возглавил Роберт Петрович Эйдеман. Прибытие крупных подкреплений, решительные меры нового командования и все более ощутимый дух близкого наступления резко подняли настроение красноармейцев и командиров.

С целью ввести противника в заблуждение подготовка к переправе велась в трех местах: против Кахов-

ки, у Корсунского монастыря и в районе херсонской группы. Высшее командование соблюдало чрезвычайную скрытность приготовлений. Был отдан ряд ложных приказов, которые отвлекали внимание противника на мнимый участок наступления. Тем не менее осведомленность Врангеля была велика, и он принимал ответные меры.

Штаб Врангеля не ошибся в основном своем предположении. Главный удар наносился нами из района Берислава силами 52-й стрелковой и латышской дивизий. 51-я к первому этапу сражения подойти не успела. Тяжелая и легкая артиллерия двух первых дивизий подчинялась начарту 52 Яновичу. Среднего роста, сухощавый, бывший офицер старой армии, Янович во многом походил на Грендаля. Как и Грендаль, он быстро и четко ориентировался в обстановке. Говорил, подобно Владимиру Давыдовичу, короткими отрывочными фразами — словом, владел командным языком. Янович имел большой боевой опыт первой мировой и гражданской войн и слыл храбрым и требовательным артиллерийским командиром.

Владимир Давыдович Грендаль взял на себя общее командование артиллерийским обеспечением. Мне было приказано вступить в должность заместителя начальника артиллерии правобережной группы. Необходимо заметить, что артиллерийских штабов группа не имела. Молодые командиры дивизионов, в лучшем случае офицеры военного времени, специального образования не получили, поэтому с организацией боя крупными группами артиллерии знакомы не были. Следовало провести подготовительную работу, связать все дивизионы группы, за что я и взялся незамедлительно.

По данным разведки, левобережье Днепра и Каховский район оборонял корпус Слащева. Белые, значительно уступая нам по численности пехоты, рассчитывали на подход больших масс кавалерии. Правда, для оборонительного боя достаточно было и тех дивизий, которыми располагал генерал Слащев. Добавлю, что правобережная группа имела лучшую позицию и намерена была этим преимуществом воспользоваться. Наш правый берег огибал полукольцом район Каховки. Песчаная равнина левобережья лежала перед Бериславом как на ладони. Ширина Днепра в этом месте не достигала и по-

лукилометра. Плавней и притоков, делающих Днепр непроходимым в других частях течения, почти не было. Природа создавала оптимальные условия для эффективного артиллерийского обеспечения переправы и поддержки наступления на противоположной стороне реки.

Наша артиллерия по численности превосходила врангелевскую. И тем не менее ее было недостаточно для прорыва фронта, который только у Каховки тянулся на семь—девять километров. Наш основной калибр составляли трехдюймовки. Два дивизиона тяжелой артиллерии особого назначения на тракторной тяге задерживались. А на них мы возлагали большие надежды. Эти шестидюймовые и восьмидюймовые орудия времен русско-турецкой войны 1877—1878 годов стреляли черным порохом, но были мощными и меткими.

Тем временем требовалось незамедлительно отработать систему ведения огня в расчете на все этапы операции. Исходя из этой задачи, я приступил к составлению огневого планшета. С карты была снята точная схема местности каховского плацдарма. На эту схему наносились важнейшие цели в обороне противника, а также общеартиллерийские и общевойсковые ориентиры. Затем на схему накладывались огневые позиции артиллерии, наблюдательные пункты сектора обстрела дивизионов и поля невидимости, то есть районы в расположении противника, которые с наблюдательных пунктов не просматриваются. Для своего командно-наблюдательного пункта В. Д. Грендаль выбрал двухэтажный дом на крутом берегу Днепра. Стоял он на окраине Берислава, вблизи от переправы. С этого места открывался широкий обзор на десять—пятнадцать километров к югу от Каховки. В нижнем этаже размещался узел связи. Коммутатора не было. Чтобы соединиться со старшими войсковыми начальниками, саперно-понтонной службой и штабом командующего, мы пользовались отдельными телефонными аппаратами. В целях маскировки окна нижнего этажа были не только закрыты ставнями, но и задрапированы материей. Освещался узел связи керосиновыми лампами-молниями. Здесь, у огневого планшета, я должен был вслепую, пользуясь только телефонной связью с дивизионами, управлять артиллерией группы.

Накануне наступления, 6 августа, начальник латышской дивизии Стуцка разработал с комбригами детальный план переправы. Главный удар на Малую и Большую Каховку наносился 52-й (начдив Германович) и латышской дивизиями. Согласно приказу форсирование начиналось в три часа ночи 7 августа и делилось на несколько этапов.

Поздним вечером 6 августа все средства переправы — понтоны и собранные в окрестностях лодки — были сосредоточены в местах посадки. Первыми за три-четыре часа до начала общего форсирования на ту сторону Днепра ушли команды разведчиков. Поиск разведчиков был предпринят средствами нескольких полков латышей. По этой причине у многих стрелков осталось впечатление, что они были первыми. Между тем зацепиться за левый берег удалось сразу нескольким штурмовым группам.

Километрах в двух ниже Берислава переправлялся 3-й латышский стрелковый полк. Командиру полка Я. Адамсону было известно, что на его участке — обширный лиман. На карте указано — непроходимые плавни. Командирская рекогносцировка дала обнадеживающие результаты: противник высадки не ждет. Команда разведчиков, легко сбив заставу белых, обеспечила переправу главных сил полка. Пленные, захваченные в самом начале боя, оказались понтонерами. Это был контрдесант Врангеля, которому пришлось повернуть назад.

Непосредственно против Каховки, в месте наведения понтонного моста, переправлялись 5-й и 6-й латышский полки. По приказу Бривкална, командира 6-го полка, была создана ударная группа. В нее вошли все команды пеших разведчиков и 1-я рота в полном составе. Ударная группа, зацепившись за левый берег, должна была удержать плацдарм до наведения понтонного моста. Переправа началась в час ночи. Первыми отошли лодки разведчиков. Тихо, почти бесшумно — весла обмотаны тряпьем. За лодками разведчиков двигались понтоны со стрелками и станковыми пулеметами. Расчет строился на внезапность. Лодки и понтоны окунулись в ночь, густую и непроглядную, и растворились в ней. Мы на нашем командно-наблюдательном пункте не можем видеть этих деталей, но подробности операции известны,

время рассчитано по минутам, и ощущение такое, что все это видишь. Ждем. Тишина. Томительно долгая тишина перед началом боя. Неужели лодки еще не дошли? Ведь до левого берега всего 400—450 метров. Наконец затрещали выстрелы. Грянуло «ура». В ответ ударили пулеметы белых. Дело за артиллерией, и я приказываю открыть заградительный огонь.

Я находился в рабочей комнате, поблизости от телефонных аппаратов. Управлять огнем группы приходилось без помощников. Грендаль и Янович оставались в комнатах верхнего этажа, наблюдая оттуда за полем боя. Мы предполагали, что прибрежная полоса глубиной до двух километров неудобна для организации прочной обороны. Окопы белых должны быть дальше, на противоположном от нас, поросшем кустарником берегу реки Конка. Здесь же виднелись хаты Малой Каховки, первого опорного пункта врангелевцев. В четырех километрах от Малой Каховки, на берегу Днепра, лежала Большая Каховка. Обе Каховки и окрестные селения Любимовка, Малый Коскол, Терны составили территорию будущего легендарного плацдарма.

Было известно, что на окраине Большой Каховки, в садах и кустарниках, расположена артиллерия 2-го корпуса белых. Наша задача сводилась к тому, чтобы подавить в момент переправы батареи и пулеметы противника, поддержать наступление первого эшелона до рубежа реки Конка и в глубь плацдарма, парировать контрудары врангелевцев и обеспечить развертывание основных сил правобережной группы.

Высадка первых десантных групп прошла успешно. Артиллерия белых была подавлена массированным огнем всех дивизионов. При подходе к рубежу реки Конка В. Д. Грендаль и Янович запланировали мощную артиллерийскую подготовку. При неглубокой траншейной обороне, характерной для периода гражданской войны, намечалась высокая норма расходования боеприпасов. Но тогдашняя пушечная артиллерия, да еще при удаленности артиллерийских позиций от горизонтальной цели на три-четыре километра, давала значительное рассеивание. В. Д. Грендаль, заботясь о нашей пехоте, производил скрупулезные расчеты, чтобы исключить всякие неожиданности.

В ходе артиллерийской подготовки у меня создалось впечатление, что белые оставляют позиции. Начарт латышей Игал по моему приказу проверил эти предположения и подтвердил их правильность. Тотчас же огонь был перенесен вглубь, и пехота пошла в атаку. Плацдарм на левом берегу расширился до линии хутор Терны, Любимовка. К полудню подошла наконец группа тяжелой артиллерии особого назначения — дивизионы «Слово» и «Есть». Они были вооружены, как я уже упоминал, орудиями старой системы, но мощными и удивительно меткими. Вес пушек составлял в зависимости от калибра 120—130 пудов, дальность стрельбы — 9 километров. Эти дивизионы подчинялись непосредственно начарту Яновичу. К исходу 7 августа группа особого назначения была введена в бой с приказом поразить дальние цели в районе хутора Терны. Два орудия сохранены до нашего времени, они украшают подъезд ЦДСА.

Бериславская артиллерийская группа насчитывала около шестидесяти орудий. При такой небольшой численности разделение на подгруппы общего назначения и непосредственной поддержки не проводилось. Если возникала необходимость подавить цели, выходящие из поля зрения дивизий, я брал выполнение этой задачи на себя. На рассвете 7 августа начальник переправы № 1 обратился ко мне с просьбой о помощи, сообщив, что из дома с красной крышей станковый пулемет мешает наводить понтоны. Справляюсь по огневому планшету. На нем дом с красной крышей занумерован как цель два. Это сектор обстрела 3-го дивизиона латышской дивизии и 2-го дивизиона 52-й стрелковой дивизии. Чтобы подавить пулемет быстро и наверняка, приказываю вступить в действие обоим дивизионам. Несколько минут сосредоточенного огня — и начальник переправы докладывает:

— Пулемет молчит. Навожу понтоны. Спасибо.

Мостовая переправа через Днепр установилась через несколько часов после начала форсирования. Ею руководил дивизионный инженер Недзевецкий. Ранним утром 7 августа по мосту двинулись главные силы 52-й и латышской дивизий. Сначала — пехота, а за ней — конница и артиллерия. Наступая от плавней к рубежу Конки и открытым берегом против Берислава,

передовые части подготовили общую атаку. К одиннадцати часам утра была взята Малая Каховка. Около полудня 5-й полк латышей после мощной артиллерийской подготовки сбил белых с возвышенностей. Затем совместно с 6-м полком овладел Большой Каховкой, отбросив разбитые части Слащева. С наступлением темноты прекратилась пушечная канонада, затихла ружейно-пулеметная стрельба. Задача правобережной группой была выполнена. Дивизии Р. П. Эйдемана твердо обосновались на левом берегу Днепра.

До 10 августа наши части успешно наступали, пока не были остановлены мощным контрударом белых. Не подозревая того, что за спиной частей Красной Армии быстро укрепляется каховский плацдарм, Врангель отдал приказ разбить красных, не дав им отойти на каховскую и корсунскую переправы.

Оперативные сводки белых в эти дни сообщают о паническом бегстве войск Красной Армии к переправам. Но наши части не бегут. Они, ведя тяжелейшие бои с сильной и превосходно вооруженной конницей врага, организованно отходят. Это вскоре понимает и сам Врангель. Генерал Слащев безжалостно смещен на том основании, что он, разбросав части своего корпуса, решительного успеха не достиг и позволил противнику закрепиться.

Буквально за несколько дней в тылу отходящих красных частей была создана мощная укрепленная полоса. Она закрыла с востока излучину Днепра, ту самую, которую мы тщательно изучали перед форсированием с командных Бериславских высот. 13 августа передовые части белых уже начали бои за предмостные укрепления. Командование противника не верило в прочность плацдарма и бросило на проволоку конницу Барбовича. Она накатывалась лава за лавой и в бессилии уходила в степь, оставляя трупы всадников и лошадей. Каховка устояла. Защитники ее видели, как впервые надломились ударные силы Врангеля.

Отныне Врангель потерял оперативную свободу. Он уже не мог безнаказанно бросать свои главные силы на север и северо-восток. Пользуясь стратегическим каховским плацдармом, Красная Армия не отсиживалась за проволокой в три ряда, а энергично перехватывала инициативу у опытного врага.

К. В. АЛЕКСЕЕВ

КАХОВКА—ПЕРЕКОП

В боях под Каховкой и Перекопом я командовал пулеметным взводом. Наш 455-й стрелковый полк входил в состав прославленной 51-й дивизии В. К. Блюхера. В моем взводе было шестнадцать пулеметчиков — все опытные красноармейцы, ветераны гражданской войны.

С далекого 1920 года храню дорогую для меня фотографию. На ней — командиры отделений Федор Горбунов и Петр Покидов, а рядом — автор этих воспоминаний, командир пулеметного взвода. Вместе мы дрались под Каховкой, вместе штурмовали Перекоп...

Ко времени боев на каховском плацдарме 455-й стрелковый полк прошел славный боевой путь. Он был сформирован на базе железнодорожных отрядов еще весной 1918 года. С тех пор прошло более двух лет. Для полка молодой Красной Армии — это большой срок. Помню, как мы, москвичи 7-го железнодорожного отряда, были направлены на восток накануне восстания белочехов. Проехали Омск, Екатеринбург (Свердловск), где в те дни стоял поезд царя, а сам Николай Романов жил с семьей под охраной в особняке. В первые тяжелые месяцы гражданской войны мы воевали на вятско-пермском направлении. После приезда комиссии ЦК под Пермь был сформирован 9-й железнодорожный полк. Вскоре он вошел в особый экспедиционный отряд и в его составе сражался за освобождение Западной Сибири. Летом 1919 года полк первым вошел в Тюмень. В этих местах и была создана 51-я стрелковая дивизия. Начдивом ее стал Василий Константинович Блюхер.

Наш полк, теперь уже получивший номер 455, дошел до Тобольска. Когда с Колчаком было покончено,

красноармейцы и командиры, стремясь попасть на польский фронт, подавали рапорты в одиночку и целыми частями. Но из Сибири мы выбрались только к лету 1920 года и прибыли на Юго-Западный фронт непосредственно к началу борьбы за каховский плацдарм.

По понтонному мосту полк переправился через Днепр у Берислава. Нам зачитали приказ по дивизии: Каховка должна стать неприступной. Целый день мы рыли окопы и устанавливали различные заграждения. Настроение у бойцов приподнятое. 51-я стрелковая дивизия была на четверть пролетарской. В ее рядах сражалось до четырех тысяч коммунистов и кандидатов в члены РКП(б). Могучее большевистское ядро!

15 августа дивизия перешла в наступление от Каховки на Мелитополь. Продвигались медленно. Неубранные поля кукурузы и подсолнуха мешали наблюдению. Неожиданно оттуда выскакивали пулеметные тачанки белых, врангелевская кавалерия заходила с флангов. Блюхеровцы строились в каре и, стоя в рост, отбивали атаки сосредоточенным ружейным огнем.

С упорными боями 51-я дивизия 28 августа выбила белых из Серагоз и Ивановки.

Полки приближались к Мелитополю, заходя в тыл главным силам Врангеля. Пытаясь спасти положение, противник бросил против дивизии свежие силы — конницу, много броневиков, артиллерию.

Разгорелись ожесточенные бои.

Наш 455-й полк дрался на правом фланге дивизии, у деревни Ивановка. Конница белых ударила нам во фланг, стремясь смять боевые порядки полка и зайти в тыл. Мой взвод, не снимая пулеметов с повозок, в упор вел огонь по белым конникам. Красноармейские цепи залпами отбивали наседавшую конницу. Дрались мы с большим упорством.

Белым не удалось расстроить наши ряды, не удалось прорваться на Каховку.

В тот вечер 30 августа, когда стало уже темнеть и стих бой, к нам на позицию подъехала группа командиров. Они сошли с коней. Среди них мы узнали командира дивизии В. К. Блюхера.

Василий Константинович, как всегда подтянутый и на вид суровый, подошел к красноармейцам пулемет-

ного взвода. Я доложил, что взвод занимается оборудованием огневых позиций.

Блюхер тепло поздоровался со всеми, спросил у меня, исправны ли пулеметы, достаточно ли патронов, набиты ли пулеметные ленты.

Я ответил, что все в порядке.

Уходя, Василий Константинович предупредил:

— Утром белые опять нажмут. Будьте готовы к отпору. Не подкачайте!

— Ничего, товарищ Блюхер, — ответили бойцы, — мы встретим их по-сибирски.

Начдив улыбнулся и сказал:

— Вот они, наши прославленные герои, настоящие сибиряки!

Предположение Блюхера подтвердилось. С утра следующего дня пришлось снова отбивать ожесточенные атаки белой конницы генерала Барбовича. Дрались бойцы самоотверженно, действительно по-сибирски.

Помню, что в Дмитриевке мы сошлись с беляками врукопашную и штыками выбили их из деревни. Все атаки противника были отбиты с большими для него потерями. У Каховки успели в это время отрыть окопы, натянуть проволочные заграждения. Оборона получилась крепкая.

Но Врангель и позже не оставлял надежды ликвидировать каховский плацдарм.

В середине октября белые бросили в атаку на позиции 51-й дивизии танки, броневики, конницу и отборные офицерские части. Они пытались прорваться на переправу, ликвидировать каховский плацдарм, а его защитников сбросить в Днепр.

На рассвете 14 октября мы сначала услышали, а затем увидели приближающиеся танки. За ними шли конница и пехота белых.

Двенадцать танков выпустил Врангель в этот день на позиции 51-й дивизии. Вначале некоторые бойцы растерялись, отхлынули на вторую линию окопов.

Но тут раздались голоса командиров:

— Не бойтесь танков, товарищи! Отрезайте от них пехоту и кавалерию! Без пехоты танки ничего не могут сделать!

Красноармейцы успокоились и открыли огонь по врагу. В это время я увидел, как до роты беляков про-

рвалось в глубь нашей обороны. Командую пулеметчикам:

— Огонь по белякам справа! Длинными очередями!

Врангелевцы, понеся большие потери, откатились назад. Ни один из них не прорвался за танками.

Тем временем вражеские танки упрямо ползли к Каховке. Но тут блестяще сработали наши артиллеристы. Не дожидаясь, пока боевая машина подойдет к их огневой позиции, артиллеристы брали орудия на передки и чуть ли не галопом неслись навстречу танку. В двухстах — четырехстах шагах от него расчеты резко разворачивались, изготавливались к стрельбе и прямой наводкой без промаха били по танку.

Один большой танк забрался на землянку, смял ее и провалился сам. Боевая машина начала было выбираться из котлована, но подоспевшее орудие одним или двумя снарядами оставило его в котловане навсегда. После боя артиллеристы рассказывали, что команда этого танка долго отстреливалась. Дали еще снаряд по боевой машине, и тогда только экипаж сдался. Правда, врангелевский полковник, оказавшийся в танке, еще долго буянил, бросался с ножом на красноармейцев, пока его не угомонили.

Врангелевские танки прошли по указанному им маршруту в Каховку и Берислав, но не как победители, а как наши боевые трофеи. А через месяц мы из этих же танков громили белых на Перекопе и в Крыму.

Отбив танковую атаку белых, дивизия еще прочнее закрепилась на каховском плацдарме. Вскоре одно событие взволновало пулеметчиков до глубины души. В гости к блюхеровцам приехала делегация Московского Совета. В ознаменование победоносных боев на каховском плацдарме Московский Совет принял шефство над дивизией, а депутаты Моссовета привезли нам Красное знамя Москвы.

Вручение происходило в торжественной обстановке. 20 октября 1920 года в Каховке выстроились все части 51-й дивизии. Здесь же присутствовал командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе.

Перед строем дивизии выступали депутаты Московского Совета, они говорили о том, что товарищ Ленин

и вся страна следят за ходом боев с Врангелем и высоко оценивают боевые успехи бойцов 51-й дивизии на каховском плацдарме.

Делегация вручила от имени московского пролетариата знамя, на котором были написаны слова: «Уничтожь Врангеля!» Мы приняли эти слова как наказ всей страны.

Я стоял в строю 455-го полка и с волнением смотрел, как депутаты Моссовета вручали дивизии Красное знамя, как товарищ Блюхер принял это драгоценное полотнище и, дав клятву оправдать наказ московских рабочих, заверил, что начертанный на знамени призыв будет вести полки к окончательной победе.

Весь строй дивизии громким «ура» подтвердил клятву своего любимого начдива. Мы были готовы тут же ринуться на врага и разгромить его. Все красноармейцы получили подарки от своих новых шефов — московских рабочих и работниц: табак, папиросы, кисеты, носовые платки, белье, мыло, бритвы, кружки, конфеты, печенье.

После этого знаменательного дня мы усиленно готовились к решающим боям. Приводили в порядок винтовки, пулеметы, пополняли запасы патронов, ручных гранат. Многим бойцам заменили шинели, сапоги. Привели себя в порядок, сходили в баню, постриглись.

Все с нетерпением ждали приказа о наступлении...

27 октября 1920 года по ротам объявили долгожданный приказ товарища Блюхера о наступлении. Все понимали, что начинаются решающие бои по разгрому Врангеля.

Рано утром 28 октября части 51-й дивизии перешли в наступление. Наш полк выступил из деревни Любимовка, что недалеко от Каховки.

Наступая на Перекоп, до которого было еще около семидесяти километров, полк вел упорные бои с белыми в Натальино, Чаплинке и Преображенке. Не раз приходилось моему взводу поддерживать огнем пулеметов атаки наших подразделений или отбивать контратаки конницы белых.

Особенно запомнился ночной бой под деревней Преображенка, что в четырех километрах от Перекопа.

К Преображенке подошли вечером 29 октября уже сильно уставшие. Днем мы вели упорные бои за деревню Чаплинка, где разбили сильную группировку белых и захватили много трофеев и пленных. Под Преображенкой натолкнулись на плотный ружейно-пулеметный огонь противника, а со стороны Перекопа белые ослепляли светом прожекторов.

Но наказ Советской республики уничтожить Врангеля звал нас вперед. Ночью весь полк густой цепью, плечом к плечу, начал стремительное наступление на деревню Преображенка. Бойцы во весь рост, не останавливаясь, шли вперед. Пулеметчики вели огонь прямо с повозок. Во главе наступавших шел комиссар полка Белобородов. Воодушевляя красноармейцев, он запел «Интернационал». Все подхватили. В ночной степи под бешеным огнем врага торжественно звучали слова пролетарского гимна. Этих минут я не забуду никогда.

Бойцы, подойдя к деревне, в едином боевом порыве с криками «Ура! Даешь Врангеля!» ринулись в атаку и в рукопашной схватке выбили белых из Преображенки. Многие из них сдались в плен, побросав оружие и технику.

К утру 30 октября мы вышли к развалинам города Перекоп. До старинного Турецкого вала оставалось два-три километра.

51-я дивизия должна была выполнить труднейшую задачу — атаковать перекопские укрепления в лоб.

Что такое Перекоп? Это семикилометровый старинный Турецкий вал высотой до восьми метров, превращенный врангелевцами в грозную крепость. По вершине вала тянулась линия окопов, блиндажей, убежищ. Склоны его были опутаны четырьмя рядами колючей проволоки. На перешейке установлено свыше 70 орудий и 150 пулеметов. А перед валом вырыт ров глубиной до десяти и шириной сорок метров. Обойти вал нельзя — справа плескались волны залива, слева темнели воды неглубокого, но топкого Сиваша.

Значит, перекопские укрепления можно было брать только штурмом.

Технических средств для преодоления проволочных заграждений имелось мало. Не хватало ножниц для резки проволоки, не хватало и ручных гранат, чтобы

рвать заграждения. Были у нас соломенные маты да собственные шинели, которые можно набрасывать на проволоку.

И вот 30 октября 1920 года прямо перед Перекопом развернулась 51-я дивизия. Наш 455-й полк, входивший в 152-ю бригаду, наступал на самом правом фланге дивизии, вблизи Перекопского залива.

В штурмующих полках 51-й дивизии были созданы три наступающих волны. Первая пробивает проходы в проволочных заграждениях, так как у нее ножницы для резки проволоки и ручные гранаты. Вторая является основной ударной силой. Она должна прорваться через проходы в заграждениях и штурмовать укрепления белых. Третья — «чистильщики» — уничтожает оставшиеся группы противника.

Мой пулеметный взвод был в составе 2-го батальона и наступал в штурмующих группах.

До 7 ноября было проведено три штурма. Утром 30 октября, сразу после боев у деревни Преображенка, мы пытались с ходу, на плечах отступавшего противника, ворваться в Перекоп. Но это не удалось. Белые встретили нас сильным огнем пулеметов и артиллерии. Они уже занимали весь перекопский вал.

Две другие попытки были тоже неудачны.

На решающий штурм пошли 8 ноября. Наша артиллерия утром открыла сильный огонь. Стреляло одновременно большое количество батарей — и легких, и тяжелых. Канонада длилась до середины дня.

Под прикрытием артиллерийского огня штурмующие цепи 455-го полка вместе с другими частями подошли к проволочным заграждениям и стали преодолевать их.

Белые снова открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Нашей артиллерии не удалось полностью подавить вражеские огневые точки.

Мой пулеметный взвод, продвинувшись к проволочным заграждениям, подавлял огневые точки противника и прикрывал своих бойцов, продвигавшихся вперед. Пулеметчики все время шли в цепях штурмующих.

Трудно было преодолеть проволочные заграждения. Весь склон Перекопского вала был опутан колючей проволокой.

Бойцы яростно резали проволоку, рубили ее лопатками, рвали руками, набрасывали на заграждения соломенные маты, шинели и перелезали через проволоку.

Помню, в проволочных заграждениях застрял пулемет нашего взвода. Командир отделения Федя Соколов изранил все руки, изорвал шинель, но вытащил его. Все это происходило под непрерывным огнем белых.

Полк нес большие потери. Первая волна наступающих почти полностью погибла на заграждениях. Вторая и третья волны также теряли людей. Было очень холодно, с моря дул пронизывающий до костей ветер. Кухни отстали, не было воды. Но красноармейцы духом не падали, настроение у всех было боевое.

Вечером 8 ноября, как только стемнело, из резерва пришло пополнение в штурмовые группы, и при поддержке артиллерии мы снова поднялись в атаку.

В это время по цепи передали, что 153-я бригада нашей дивизии перешла Сиваш вброд, ворвалась в Крым и громит белых в тылу Перекопа.

Это еще больше воодушевило бойцов.

Комиссар полка товарищ Белобородов, который был все время с нами, скомандовал:

— Коммунисты, вперед! Бойцы, вперед! За мной! Даешь Перекоп!

Мы преодолели несколько рядов проволочных заграждений и приблизились к самому валу.

Белые ожесточенно сопротивлялись, вели непрерывный огонь, освещали местность прожекторами, ракетами, бросали сверху гранаты. Но боевой дух наших бойцов и командиров был очень высок. Все дрались отважно. Когда набирали добровольцев резать ночью проволочные заграждения, вызвались многие бойцы батальона. Когда комплектовали группу для выполнения особого задания — обойти ночью Перекоп по заливу и ударить с фланга, тоже было много добровольцев. Раненые красноармейцы отказывались покидать поле боя. Помню, я заметил, как покачнулся и схватился за шею пулеметчик моего взвода Вася Неяскин. Он был ранен.

— Отправляйся в тыл, там перевяжут, — приказал я ему.

— Ничего, товарищ командир, перевяжу сам, а от пулемета не уйду.

Он сам забинтовал рану и остался у пулемета, приговаривая: «Не уйду, пока не захватим Перекоп!» Таких примеров было много.

Перед рассветом 9 ноября мы снова штурмуем Перекоп. У меня во взводе сразу выбыли из строя наводчик пулемета Коротков и его помощник Егоров. Оба были тяжело ранены. Пулемет умолк. Я бросился к пулемету и открыл огонь по белякам.

Началась последняя атака. На рассвете взвод за взводом, рота за ротой седлали вершину вала. Вскоре весь полк и соседние части были на валу. В яростной схватке сопротивление врага было подавлено.

Перекоп взят! Радость и ликование охватили всех. Пропала всякая усталость.

Сразу же двинулись дальше, на Ишуньские позиции белых.

Бои на ишуньских рубежах были упорными и кровопролитными. Сюда Врангель бросил все свои лучшие дивизии и конницу генерала Барбовича. Сколько раз врангелевская конница с шашками наголо, с дикими криками атаковала боевые порядки нашего полка, получая каждый раз жестокий отпор!

Вскоре на помощь 51-й дивизии подошла латышская дивизия. Но еще до ее подхода части 51-й дивизии заняли две линии ишуньских рубежей. 11 ноября врангелевские войска были сбиты с Ишуньских позиций и, бросая артиллерию, обозы, начали откатываться в Крым, на побережье, к портам Черного моря.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА

ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ Александр Федорович (1894—1941 гг.). Член партии с 1912 года. Партийный журналист, политический эмигрант. Лично встречался с В. И. Лениным. В 1914—1917 гг. находился в армии. Член военной организации большевиков в период подготовки Октября и один из комиссаров Петроградского ВРК в дни Октябрьского восстания. Начальник штаба отряда балтийских моряков, посланного по указанию В. И. Ленина на помощь Москве. После гражданской войны — на партийной и дипломатической работе.

БОБИНСКИЙ Станислав Янович (1882—1938 гг.). Известный участник международного пролетарского движения. Близкий соратник Р. Люксембург, Яна Тышки, Ф. Дзержинского, Юлиана Мархлевского. Член РСДРП с 1905 г. Многократно подвергался репрессиям царского правительства. Делегат VI съезда партии. Член Московского Совета в 1917 г. и кандидат в Учредительное собрание по большевистскому списку. В дни Октября — начальник запасного штаба Московского ВРК и член боевой тройки Городского района. После гражданской войны — на партийной работе. Автор ряда трудов по истории польского и международного рабочего движения.

ПЕТРИКОВСКИЙ (ПЕТРЕНКО) Сергей Иванович (1894—1964 гг.). Член РСДРП с 1911 г. Работал при большевистской фракции IV Государственной Думы. Был командирован к В. И. Ленину в Краков с партийным поручением. По обвинению в принадлежности к РСДРП арестован и сослан в Восточную Сибирь. В 1916 г. призван в армию. Февральскую революцию встретил солдатом Первого пулеметного запасного полка. Работал в военной организации большевиков. Приветствовал от имени Петроградского гарнизона вернувшегося в Россию В. И. Ленина. Делегат Апрельской конференции. В сентябре 1917 г. направлен ЦК партии для военной работы в Харьков. Председатель Харьковского комитета военной организации. Начальник гарнизона города после победы Октября. Участник работ II съезда Советов и боев под Гатчиной. В годы гражданской войны — начальник штаба дивизии, комбриг, комиссар 25-й Чапаевской дивизии, начдив, командующий группой войск. После окончания гражданской войны — на военной и хозяйственной работе. С началом Великой Отечественной войны воз-

вращается в ряды вооруженных сил. Автор ряда воспоминаний о встречах с В. И. Лениным. Генерал-майор в отставке.

ЧЕРЕПАНОВ Александр Иванович (род. в 1895 г.). Член партии с 1926 г. Штабс-капитан военного времени. Выборный командир 2-го Красноармейского полка, сражавшегося 23 февраля 1918 г. под Псковом. В годы гражданской войны — командир полка, бригады. В 1923 г. окончил Военную академию РККА и был направлен в Китай в числе первых пяти военных советников. Во время конфликта на КВЖД командовал стрелковой дивизией. В конце тридцатых годов — Главный военный советник в Китае. В период Великой Отечественной войны командовал армией, занимал пост заместителя председателя Союзной Контрольной комиссии в Болгарии. Генерал-лейтенант в отставке.

СОРОКИН Василий Васильевич (1895—1963 гг.). Солдат старой армии и партийный журналист. Член партии с 1918 г. Участник Октябрьских событий в Петрограде. В годы гражданской войны — комиссар группы войск, редактор армейской газеты, председатель Ревтрибунала армии и фронта. В последующем выполнял в течение многих лет ответственную работу в судебных органах СССР.

МАСЛЕННИКОВ Федор Александрович (1891—1973 гг.). Член партии с 1919 г. В период первой мировой войны — артиллерийский приемщик Главного Артиллерийского управления русской армии в США. В рядах Красной Армии с 1917 г. Председатель Ялуторовского военно-оперативного штаба, командир инженерного батальона, дивизионный инженер. Отозван на партийную работу. В последующие годы — начальник импорта Наркомвнешторга, член Комитета по стандартизации, директор ряда заводов.

МОРОЗОВ Михаил Васильевич (род. в 1895 г.). Член партии с 1917 г. Участник подпольного революционного движения. Арестован в 1916 г. и освобожден в дни Февральской революции. С началом гражданской войны на Урале участвовал в разгроме дутовщины, был уполномоченным Особотдела и членом полевого штаба фронта. После демобилизации по ранению работал в органах ВЧК—ОГПУ, в аппарате ЦКК РКИ, на партийно-комсомольской, советской и хозяйственной работе. Персональный пенсионер. Почетный гражданин города Златоуста.

МУХИН Михаил Александрович (род. в 1896 г.). Член партии с 1929 г. Солдат старой службы. Участник подавления контрреволюционных мятежей в Ижевске и Воткинске, боевых операций на Восточном и Южном фронтах и против банд Махно. После окончания гражданской войны окончил Высшую школу летчиков-наблюдателей и Высшую школу стрельбы и бомбометания. Занимал ряд командных должностей в рядах ВВС. Преподавал в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Участник Великой Отечественной войны. Полковник в отставке.

РУБЛЕВ Михаил Романович (1895—1977 гг.). Член партии с 1918 г. Участник первой мировой войны. С первых месяцев гражданской войны вел работу агитатора-организатора политотдела Восточного фронта. По окончании гражданской войны — на партийной и хозяйственной работе.

АНИСИМОВ Митрофан Григорьевич (род. в 1898 г.). Сын крестьянина-батрака. В сентябре 1918 г. добровольно вступил в красногвардейский отряд красных почтовиков. Под командованием Чрезвычайного комиссара связи И. С. Кожевникова прошел весь путь этого отряда — от партизанской группы до регулярной армии на фронтах гражданской войны. В годы мирного строительства — на хозяйственной работе. Автор ряда работ о «кожевниковцах». Персональный пенсионер.

СЛУЧЕВСКИЙ Петр Кириллович (1899—1973 гг.). Участник революционного движения с 1917 г. Член партии с 1919 г. Красногвардеец, командир роты, военком бригады, начальник политотдела дивизии. В 1933 г. окончил Военно-инженерную академию им. Куйбышева. В период Великой Отечественной войны занимал должности заместителя командующего инженерными войсками армии, начальника штаба инженерных войск фронта, начальника штаба инженерных войск Войска Польского. Генерал-майор.

АБСАЛЯМОВ Минзакир Абсалямович (род. в 1896 г.). Член партии с 1919 г. Унтер-офицер старой армии. После Февральской революции — выборный командир роты и товарищ Председателя Тюменского совдепа. Член солдатского комитета воинов-мусульман и комитета 11-й армии. Участвовал в формировании Татарского красногвардейского батальона. В 1918—1919 гг. выполнял задания крымского подполья и возглавил выступление Татарского повстанческого отряда. В 1919—1922 гг. учился в Военной академии РККА. В период мирного строительства был на военной и военно-дипломатической работе. В годы Великой Отечественной войны — командир бригады, дивизии, корпуса. Доктор военных наук. Генерал-майор в отставке.

ТОПУНОВ Александр Григорьевич (род. в 1891 г.). Член партии с 1918 г. Прапорщик старой армии. Кавалер Георгиевского креста четырех степеней. Один из первых организаторов Красной гвардии на Ставрополье. Губернский военный комиссар, командир 2-го Ставропольского пехотного корпуса, участник подпольной экспедиции Т. И. Ульянцева, член комиссии по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. После гражданской войны на партийной и хозяйственной работе. Персональный пенсионер. Почетный гражданин города Георгиевска.

КОРОЛЕВ Александр Степанович (1891—1976 гг.). В революционном движении с 1917 г. Член партии с 1920 г. Казачий сотник. После Февральской революции член полкового и дивизионного комитетов. В годы гражданской войны — сотрудник исполкома Донской республики, на подпольной работе в буржуазных республиках Закавказья, командующий Дербентским фронтом. Приказом РВСР № 41 от 5.II 1921 г. награжден орденом Красного Знамени за освобождение города Дербента. В дальнейшем на военно-дипломатической и хозяйственной работе.

ДРУГАНОВ Петр Антонович (1892—1971 гг.). Член партии с 1918 г. Солдат старой армии. Член полкового комитета. В 1918 г. военком Городского района города Старицы, в дальнейшем — военком полка, заместитель военного комиссара

группы бронепоездов. Награжден орденом Красного Знамени за освобождение Баку и орденом Красного Знамени Азербайджанской ССР за ликвидацию Ганджинского восстания. С 1922 г. на советской и хозяйственной работе.

ШЕВЧЕНКО Иван Наумович (род. в 1898 г.). Член партии с 1919 г. Солдат старой армии. В Октябрьские дни — член Волчанского ВРК. Красногвардеец, участник гражданской войны, начальник штаба полка. В 1935 г. окончил Военную академию механизации и моторизации РККА. В период Великой Отечественной войны — заместитель командира танковой дивизии, танкового и механизированного корпусов, заместитель начальника Управления военно-учебных заведений бронетанковых войск Советской Армии. Генерал-майор в отставке. Почетный гражданин города Грайворона.

СУХОРУКОВ Василий Тимофеевич (род. в 1898 г.). Член партии с июня 1917 г. Председатель Ханженковского совдепа и организатор отряда Красной гвардии. В апреле 1918 г. вместе с отрядом с боями отступал через Новочеркасск—Ростов на Царицын. Командирован в качестве политработника на Терек и в Ставрополье. Военный комиссар Георгиевского и Невинномысского боевых участков, комиссар 4-й стрелковой дивизии 11-й армии, член РВС Особой Соединенной армии Степного фронта за Манычем. В мае—августе 1919 г. военком бригады, дивизии. Зачислен слушателем в Военную академию РККА. За время учебы дважды направлялся на фронты: начальником штаба бригады и начальником отдела штаба армии. В 1924 г. окончил Военную академию РККА и направлен советником в Китай, оттуда вернулся в 1928 г. Начальник отдела внешних сношений Наркомвоенмора СССР, военный атташе СССР в Латвии и Болгарии. Полковник в отставке.

СТАСЮК Тимофей Николаевич (род. в 1895 г.). Член партии с 1917 г. Участник гражданской войны на Украине. Военно-политический работник Днепровской военной флотилии. По окончании гражданской войны — сотрудник органов ОГПУ—НКВД, затем на хозяйственной работе. Полковник в отставке.

МАРКЕЛОВ Степан Ефимович (1891—1968 гг.). Прапорщик старого флота. Член партии с 1930 г. В дни Октября стал на сторону большевиков, командовал тральщиками Балтийского флота. Активный участник гражданской войны. В феврале 1920 г. командирован на Юго-Западный фронт. Морской начальник Азовского моря, начальник дивизиона канонерских лодок, начальник дивизиона сторожевых кораблей. После демобилизации — на руководящих постах в морском и речном флотах.

МОСКАЛЕВА-ОКУНЕВА Алевтина Алексеевна. Член партии с сентября 1917 г. Родилась в семье типографского рабочего, связанного с революционным движением. В 1917 г. работник общего отдела Саратовского комитета РСДРП(б), а затем губернского комитета РКП(б). В 1919—1921 гг. заведующая женотделом Новоузенского укома и заведующая Центропечати. После окончания гражданской войны — работник женотделов Черноморского, Балтийского и Тихоокеанского флотов. В настоящее время персональный пенсионер.

ГИССЕН Давид Борисович (род. в 1901 г.). Член партии с 1942 г. В период гражданской войны работал в центральных и фронтовых продовольственных органах. Член смешанной советско-германской комиссии по приему принадлежащего немецкой армии имущества, член Сибпродкома и Особой продовольственной комиссии по снабжению Восточного фронта, управляющий делами Уполномоченного Наркомпрода и Главснабпродарма по юго-востоку России. После демобилизации работал в Наркомвнешторге, Наркомпищеторге, Наркомторге. Участник Великой Отечественной войны. Начальник продовольственного снабжения ряда армий 2-го Украинского и Забайкальского фронтов. Персональный пенсионер.

БЛАГОДАТОВ Алексей Васильевич (род. в 1893 г.). Офицер-артиллерист старой службы. Активный участник гражданской войны. Принимал участие в операциях на Восточном и Южном фронтах, на Каховском плацдарме, у Перекопа и при ликвидации банд Махно. В 1925 г. окончил Военную академию РККА и с группой военных советников был направлен в Китай. По возвращении служил на командных должностях в частях и соединениях Красной Армии, преподавал в Академии Генерального штаба. Участник Великой Отечественной войны. Командир ряда корпусов на 2-м и 3-м Украинских фронтах, заместитель командующего армией, комендант г. Вена. Генерал-лейтенант в отставке. Автор книги воспоминаний о китайской революции 1925—1927 гг., выдержавшей два издания.

АЛЕКСЕЕВ Кузьма Васильевич (род. в 1897 г.). Солдат старой армии. Член партии с 1925 г. Добровольно вступил в Красную Армию в апреле 1918 г. Участвовал в боях на Восточном фронте до весны 1920 г. В составе 51-й дивизии В. К. Блюхера прибыл на каховский плацдарм. Участвовал в штурме Перекопа и ликвидации бандитизма на Украине. В годы мирного строительства занимал ряд командных должностей, преподавал в военных школах РККА. Участник Великой Отечественной войны. Военный комиссар ряда Управлений НКО СССР, военком продовольственного снабжения армии, начальник политотдела бригады. Полковник в отставке.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Ф. Ильин-Женевский. На помощь восставшей Москве . 3
С. Я. Бобинский. На баррикадах Московского Октября . . 20
С. И. Петриковский (Петренко). Октябрь в Харькове . . 25
А. И. Черепанов. Строители Красной Армии 36
В. В. Сорокин. Из полевой книжки политработника . . . 52
Ф. А. Масленников. На подступах к красной Тюмени . . 67
М. В. Морозов. В борьбе за Урал 92
М. А. Мухин. Отряд комиссара Журавлева 131
М. Р. Рублев. Братья по армейскому интернационалу . . 149
М. Г. Анисимов. Красные почтовики 168
П. К. Случевский. Первый бой с корниловцами 178
М. А. Абсалямов. Повстанческий отряд в Крыму 184
А. Г. Топунов. Зафронтовая полоса 190
А. С. Королев. Дербентский фронт 210
П. А. Друганов. Рейд группы бронепоездов 221
И. Н. Шевченко. Разгром десанта Улагая 245
В. Т. Сухоруков. В боях за Донбасс и Северную Таврию . 256
Т. Н. Стасюк. Днепровцы 270
С. Е. Маркелов. Начало Азовской военной флотилии . . 284
А. А. Москалева-Окунева. Ревкомовцы 303
Д. Б. Гиссен. На продовольственном фронте 310
А. В. Благодатов. Записки артиллериста 329
К. В. Алексеев. Каховка—Перекоп 349

От Зимнего до Перекопа. Сб. воспоминаний. М., 0-80 Воениздат, 1978. — 363 с., 4 л. ил.

В пер.: 1 р. 50 коп.

В сборник вошли воспоминания деятелей международного революционного движения, видных военных и политических работников Красной Армии, ветеранов гражданской войны. Многие из них лично встречались с В. И. Лениным.

В книге рассказывается о решающих битвах Октября, о боях на основных фронтах Республики.

Широкий охват событий — от первых дней революции до штурма Перекопа — в сочетании с обилием новых фактов делает сборник интересным для широкого круга читателей.

О $\frac{11202\text{-}041}{068(02)\text{-}78}$ 60-78

9(С)22

ОТ ЗИМНЕГО ДО ПЕРЕКОПА
Сборник воспоминаний
Литературная запись *К. М. Белоцкого*
Редактор *А. С. Крюков*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *Т. Е. Антонова*

ИБ № 987
Сдано в набор 5.08.77 г.
Подписано в печать 15.06.78 г. Г-10276.
Формат 84×108/32. Бумага № 2.
Литературная гарнитура. Высокая печать.
Печ. л. 11½. Усл. печ. л. 19,32+1 вкл. — ¼ печ. л. — 0,42 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 18,988. Тираж 65 000 экз. Изд. № 3/535. Зак. 754.
Цена 1 р. 50 к.
Москва, К-160.
Воениздат 103160,
Набрано в ордена Трудового Красного Знамени Московской типографии № 2 Союзполиграфпрома
Отпечатано с матриц в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим посылать по адресу: 103160, Москва, К-160. Воениздат.

В 1977 году в Военном издательстве в серии «Военные мемуары» вышли книги:

Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна «Так начиналась война».

Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна «Так шли мы к победе».

Генерал-полковника Г. В. Бакланова «Ветер военных лет».

Генерал-майора Н. Н. Великолепова «Огонь ради победы».

Генерал-майора М. А. Волошина «Разведчики всегда впереди».

Генерал-полковника И. М. Галушко «Танки оживали вновь».

Старшего лейтенанта Г. Б. Гвоздева «Дни испытаний и мужества».

Генерал-полковника П. А. Горчакова «Время тревог и побед».

Генерал-лейтенанта С. И. Кабанова «Поле боя — берег».

Генерал-полковника К. В. Крайнюкова «Оружие особого рода».

Полковника А. И. Крылова «По приказу Ставки».

Генерал-лейтенанта И. А. Ласкина «На пути к перелому».

Генерал-лейтенанта М. М. Лобанова «Мы — военные инженеры».

Генерал-майора В. С. Молокова «Родное небо».

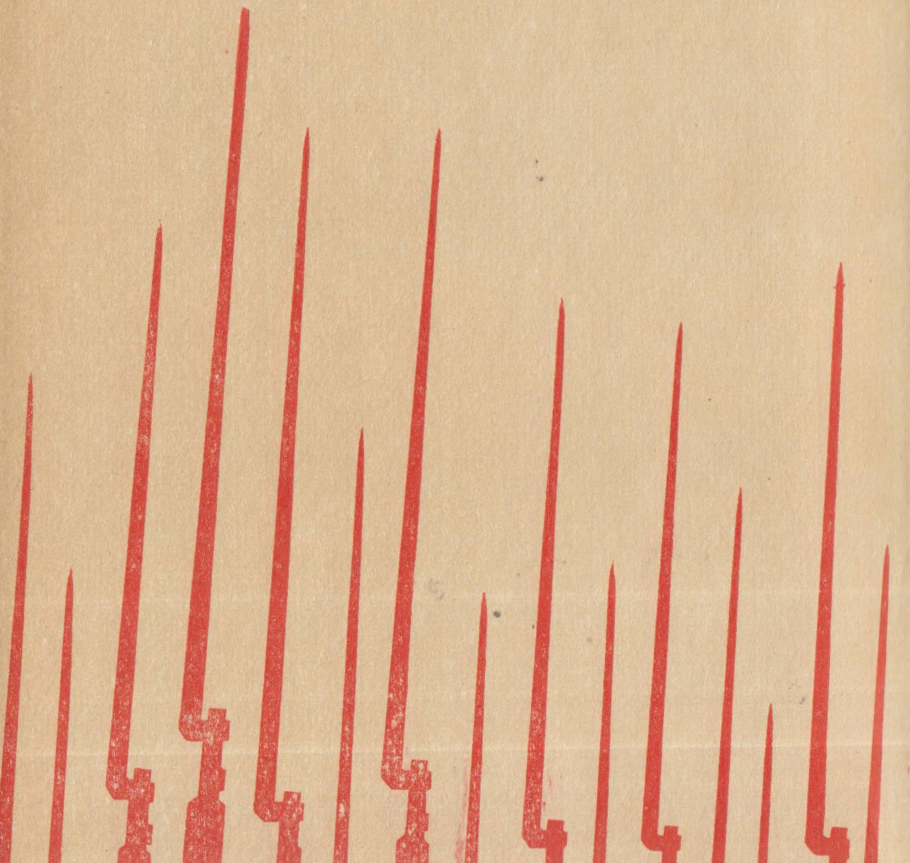
Генерал-майора И. Г. Попова «Батальоны идут на запад».

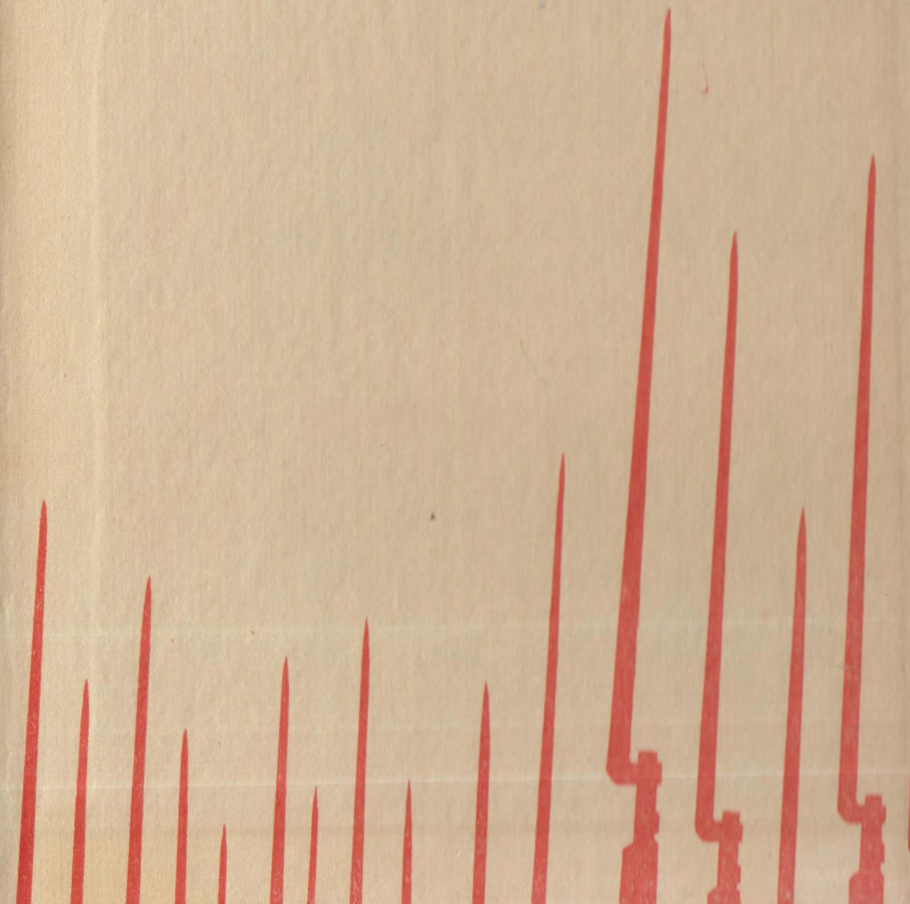
Генерала армии И. М. Третьяка «Храбрые сердца однополчан».

Генерала армии Г. И. Хетагурова «Исполнение долга».

В 1978 году Военное издательство выпускает мемуары:

Генерал-майора А. Н. Бабийчука «Человек, небо, космос».
Генерала армии А. П. Белобородова «Всегда в бою».
Полковника И. А. Вязанкина «За строкой боевого донесения».
Полковника Н. Н. Денисова «Срочно в номер».
Генерала армии А. С. Жданова «Четыре года войны».
Генерал-майора Г. С. Здановича «Идем в наступление».
Генерал-полковника М. Х. Калашника «Испытание огнем».
Контр-адмирала А. Т. Караваева «По срочному предписанию».
Полковника И. И. Киньдюшева «К победным рассветам».
Маршала Советского Союза П. К. Кошевого «Годы военные».
Полковника Е. В. Кояндера «Я — «Рубин». Приказываю!».
Генерал-лейтенанта Ф. Я. Лисицына «В те грозные годы».
Подполковника А. М. Межуева «На снимке — подвиг».
Генерал-майора И. Н. Мошляка «Ходили мы походами».
Полковника Ф. С. Федотова «Полк продолжает бой».
Вице-адмирала В. С. Черокова «Для тебя, Ленинград».
Генерал-лейтенанта П. М. Шафаренко «На разных фронтах».
Майора С. С. Школьникова «В объективе — война».





Цена 1 р. 50 к.